ВОЕННЫЕ ТАЙНЫ XX ВЕКА

А. ОРЛОВ

ТАЙНАЯ БИТВА СВЕРХДЕРЖАВ

«ВЕЧЕ»
МОСКВА
2000

ББК
63.3(2)
О 66
Вниманию оптовых покупателей!
Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348 Москва, ул. Красной сосны, 24,
издательство «Вече».
Телефоны: 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.
E-mail: veche@mail.sitek.net
ISBN 5-7838-0695-1

ОТ АВТОРА

"Холодная война" — так с легкой руки американского журналиста Уолтера Липпмана стал называться исторический период развития цивилизации, охватывающий почти полвека. Победители фашизма во Второй мировой войне раскололись на два противостоящих лагеря: социалистические государства во главе с Советским Союзом и капиталистические страны, возглавляемые Соединенными Штатами Америки. Безусловно, идеологическое противоборство двух социально-политических систем возникло еще раньше, сразу же после Октябрьской революции в России. Однако за время совместных сражений против фашистско-милитаристского блока союзники по антигитлеровской коалиции, казалось, нашли общий язык и дружески решали проблемы, возникавшие в ходе борьбы против общего врага. Но нет, как только стих гром орудий, СССР и западные демократии оказались "по разные стороны баррикад".

Однако эпоха "холодной войны" разительно отличалась от довоенной конфронтации сил различной идеологической ориентации, а также от противоречий политического, экономического, геостратегического характера между отдельными государствами или коалициями предшествующих эпох.

Ее отличал глобальный размах соперничавших военно-политических блоков и появление таких видов вооружений, применение которых стало бы гибельным для всего мирового сообщества. Характерными признаками "холодной войны" стали:

появление сверхдержав — США и СССР, обладающих невиданной военной мощью;

биполярность мира, разделенного на враждующие блоки, возглавляемые сверхдержавами;

наличие ядерного оружия и средств его доставки у обеих сторон, что позволяло в считанные часы нанести громадный ущерб противнику;

содержание в высокой степени боевой готовности крупных группировок войск (сил) обеими сторонами и непрерывное их совершенствование.

Это позволяло в течение десятилетий держать мир на "грани ядерной войны". При этом воздушно-атомное, а затем ракетно-ядерное оружие, рассматриваемое в первые десятилетия "холодной войны" (40—60-е годы) как решающее средство победы во всеобщей ядерной войне, в последующем стало оружием сдерживания вследствие осознания неминуемости взаимоуничтожения.

Кроме того, характерной чертой "холодной войны" явилось стремление противостоящих сторон заполнить стратегический и геополитический вакуум в странах "третьего мира", образовавшегося после распада колониальной системы.

Как никогда раньше, военная сила все больше вторгалась в политику, а ядерное оружие, по существу, стало особым инструментом политики. В связи с этим гонка вооружений в целях устрашения политического противника приобретала форму как открытого декларативного запугивания демонстрацией превосходящей ядерной мощи, так и скрытой, насколько это оказывалось возможным, подготовки новых средств вооруженной борьбы. Стороны стремились внезапно, в нужный момент продемонстрировать еще более устрашающее оружие, чем то, которое имел политический противник.

Поэтому состязание сверхдержав в гонке ядерных и ракетных вооружений сопровождалось многими тайными операциями, инцидентами, имевшими крайне опасные последствия, игрой мускулами и блефом в ситуациях, когда международная обстановка резко обострялась, стремлением сохранять в тайне количество и возможности своих арсеналов и проникать в тайны создания новых видов вооружений противостоящего военно-политического блока.

Вся эта скрытая от общественности напряженная, полная драматизма борьба умов, военно-промышленных комплексов, разведывательных сетей стала доступной широкой публике только в последние годы, с крушением биполярного мира.

Так как же все это было? Почему появление в СССР атомной бомбы оказалось совершенно неожиданным для правящих кругов США? Как создавалось атомное оружие в СССР? Что играло главную роль в этом процессе: наука или разведка? Почему Соединенные Штаты, имевшие атомные бомбы и стратегические бомбардировщики, не рискнули нанести удар по СССР, который их еще не имел, хотя были разработаны планы "воздушно-атомного блицкрига"? Как советские летчики и зенитчики попали на войну в Корее, в которой Советский Союз не участвовал? Разгадала ли разведка США ракетные секреты

Хрущева? Что породило карибский кризис, поставивший мир на грань ядерной катастрофы? Что способствовало достижению военно-стратегического паритета между США и СССР?

Ответы на эти и другие вопросы, содержащие тайны ракетно-ядерной гонки сверхдержав, являются предметом предлагаемой читателю книги. Но эта книга не только о том, как это было, а главным образом о том, почему это было именно так, а не как-либо иначе. Остается добавить, что автор — участник многих событий, о которых в ней говорится.

7

ГЛАВА I

АЛАМОГОРДО - МОЛДАРЫ: ВЕХИ ЯДЕРНОЙ ЭРЫ

Аламогордо и Молдары — это маленькие поселки, один в США, а другой в СССР (ныне — территория Казахстана). Их разделяет почти полпланеты: около 15 тысяч километров. Вряд ли кто-либо когда-либо узнал бы о них, если бы история XX века не высветила их названия огненными буквами первых атомных взрывов противостоящих друг другу сверхдержав — США и СССР. Первые испытания атомных бомб в Америке и России отделяют всего четыре года: 1945-й и 1949-й, но полная тайны и драматизма история создания самых разрушительных средств истребления людей, окутанная секретами, отчаянная борьба сверхдержав за обладание и совершенствование этого "абсолютного" оружия велась в течение десятилетий. Поэтому два этих затерянных в пустынях Америки и Азии поселка навсегда вошли в историю на заре ее ядерной эры.

8

1. Задание № 13

Полковник Поль Тиббетс был внешне спокоен. Он вообще был хладнокровным человеком. Но внутренне он испытывал величайшее волнение. Еще бы! На борту стратегического бомбардировщика В-29, экипаж которого он возглавлял, находилась бомба невиданной мощности. Самолет летел над просторами Тихого океана. Начинался роковой в истории день — 6 августа 1945 года. Экипажу Тиббетса предстояло сбросить атомную бомбу, названную ласково "Малыш", которая должна была испепелить Хиросиму — город с многотысячным населением. Но волновало его не это: он уже неоднократно сбрасывал бомбы на города Японии. Его самолет на сей раз нес урановую бомбу, которая никогда не только не применялась, но даже не испытывалась, потому что 16 июля на испытаниях в США взорвали плутониевую бомбу "Толстяк" (названную, как говорят, "в честь" У. Черчилля), вторая такая бомба могла быть подготовлена только через несколько дней, а Президент США Трумэн требовал сбросить атомную бомбу на Японию не позднее 10 августа. Почему такая спешка? Да потому, что в середине августа в войну с Японией должен был вступить Советский Союз и в этой обстановке Вашингтон рассчитывал, что атомный удар, а

лучше — два, заставит японцев капитулировать до того, как советские армии хлынут в оккупированные Японией Китай, Корею, а может быть, и на Японские острова.

Была и другая причина для волнения: "Малыш", в его боевом снаряжении, собирался прямо сейчас, в полете, специалистом по этому делу капитаном I ранга Диком Парсонсом. Он был 12-м в самолете Тиббетса (экипаж 11 человек), так как он был лучшим в США специалистом по сборке бомбы. Это понятно. Но почему ее нельзя было собрать на земле, на авиабазе острова Тиниан (Гуамские острова), откуда взлетел B-29 Тиббетса "Энола Гей" (названный так, кстати, в честь матери командира бомбардировщика)? А потому, что боялись погрузить атомную бомбу в боевом снаряжении в самолет до его вылета. А вдруг на

самой уязвимой для авиации минуте — взлете — что-нибудь произойдет и бомба грохнет над своей авиабазой...

Все эти мысли и волновали Тиббетса. Его экипаж ничего этого не знал. Не знали летчики и того, что в кармане их командира лежали 12 капсул с цианистым калием, которые экипаж должен был принять в случае "непредвиденных обстоятельств". Только в 3 часа ночи, когда до сброса бомбы оставалось около 5 часов, Тиббетс передал по селекторной связи экипажу: "У нас на борту первая в мире атомная бомба". Многие из летчиков вообще впервые услышали слово "атомная". Они знали только, что выполняют "специальное боевое задание №13".

Полет продолжался. Нужно сказать, что в этом полете B-29 Тиббетса был не одинок. По установившемуся еще с 1943 года правилу его сопровождали 4 истребителя.

Кроме того, впереди летел самолет — разведчик погоды. Около 4.30 командир разведывательного самолета майор Клод Изерли сообщил на борт "Энолы Гей", что метеоусловия над Хиросимой хорошие, а у японской ПВО не замечено никаких признаков подготовки к отражению возможного авианалета.

Было уже светло, когда "Энола Гей" подлетала к Хиросиме. Город был легко узнаваем в лучах яркого утреннего солнца. Бомбардир Том Ферреби передал командиру, что видит цель издалека, во всех подробностях, и второго захода не понадобится. По команде Тиббетса он открыл створки люка — и пятитонный "Малыш" плавно пошел вниз, принимая в полете вертикальное положение и нацеливаясь точно в центр города.

Было 8 часов 15 минут. Взрыв ее произошел на высоте около 700 метров.

Когда облегченный на 5 тонн B-29 прыгнул вверх, Тиббетс заложил его в крутой, на 150 градусов, правый вираж. Все надели темные очки. Взрыватель бомбы был рассчитан на запаздывание в 43 секунды. Досчитав до 35, полковник не выдержал:

— Ну как там, Боб, видно что-нибудь? — поинтересовался он по селектору у пулеметчика Кэрона.

— Никак нет, сэр.

Но в этот миг ослепительное сияние ворвалось в кабину, и

Кэрон увидел чудовищную шарообразную массу воздуха, взметнувшуюся вверх, к самолету.

"Как будто кольцо оторвалось от какой-то планеты и ринулось на нас", — вспомнит он позднее.

Бомбардировщик подбросило. Потом отраженная волна ударила второй раз.

Пока Хиросима исчезала в пелене дыма и гари, Кэрон диктовал на магнитную ленту:

— Столб дыма... Поднимается быстро! У него огненно-красная оболочка! Повсюду пожары, распространяются пожары... очень много пожаров — не сосчитать. Вот она, форма, в виде гриба, о которой предупреждал капитан Парсонс!.."

Полковник Тиббетс четко проговорил в шлемофон: "Цель визуально накрыта бомбовым ударом с хорошими результатами". Это сообщение было послано генералу Т. Фаррелу, заместителю начальника "Манхэттенского проекта" (так назывался проект разработки американской атомной бомбы). Второй пилот "Энолы Гей", Льюис, быстро нацарапал в личном дневнике, лежащем у него на коленях: "Бог мой, что мы наделали?"

Через 20 минут после взрыва бомбы Парсонс послал генералу Фаррелу на Тиниан еще одно послание:

«Результаты во всех отношениях абсолютно очевидные и успешные. Рекомендуются немедленные действия для осуществления других планов. Визуальный эффект больший, чем в Аламогордо. Цель — Хиросима. Идем курсом на Тиниан, на борту самолета все нормально»[1].

Так рядом со словом *Хиросима* прозвучало и *Аламогордо.* И не случайно: именно там, в пустынном штате Нью-Мексико, 16 июля 1945 года впервые была испытана атомная бомба. Но путь к созданию самого смертоносного и разрушительного оружия пролегал через многие страны и длился долгие годы.

Еще задолго до 2-й мировой войны к ядерным процессам было приковано внимание мировой науки. Но до конца

30-х годов это были открытые научные дискуссии. Ученые разных стран делились своим опытом и достижениями в общедоступных научных журналах. Исследования показывали, что ядерная энергия намного превосходит химическую, что ее энергетические возможности колоссальны. Сведения постепенно накапливаются. "Золотым годом" ядерной физики стал 1932 год. Он оказался поистине "урожайным". Чедвик открыл нейтрон, Юри получил тяжелый водород — дейтерий, Кокрофт и Уолтон в Кембридже впервые расщепили ядро лития, Андерсон обнаружил позитрон. Чуть позже, в 1934 году, супруги М. и Ф. Жолио-Кюри открыли искусственную радиоактивность, а в Риме начал свои опыты с медленными нейтронами, изучая искусственную радиоактивность, Энрико Ферми. В 1934 году немецкий химик Ида Ноддак сделала предположение, что под действием нейтрона на уран возникают не соседние элементы, как считалось, а распадается на несколько кусков ядро. Но физики тогда не обратили внимания на то, что стояло за предположением Ноддак, а именно: при распаде ядра должно

выделяться огромное количество энергии. А может быть, и к лучшему(что *тогда* прошли мимо этой идеи. Ведь если бы ею занялись немецкие физики при фашистах, возможно, атомная бомба появилась бы в третьем рейхе.

В СССР передовым центром ядерных исследований стал Ленинградский физико-технический институт (ЛФТИ), возглавляемый А. Ф. Иоффе. Именно в этом институте с 1925 года работал молодой талантливый ученый И. В. Курчатов.

16 декабря 1932 года по ЛФТИ вышел приказ: А. Ф. Иоффе: создать "особую группу по ядру". С этого момента ЛФТИ превращается в центр советской ядерной физики и остается им вплоть до начала Великой Отечественной войны. Уже в 1935 году группа Курчатова обнаружила явление ядерной изометрии. Это открытие мирового класса сделали братья И. В. и Б. В. Курчатовы с Л. В. Мысовским и Л. И. Русиновым. Они доказали, что переход ядер из возбужденного состояния в основное происходит с большой временной задержкой.

12

Однако все эти важные сами по себе исследования и открытия в разных странах были недостаточно конкретны, во многом аморфны, формулировались абстрактно.

Положение резко изменилось в 1939 году, когда немецкие ученые О. Ган и Ф. Штрассман обнаружили деление ядра урана, а во Франции Ф. Жолио и Ф. Перрен пришли к выводу, что деление ядра урана нейтроном сопровождается вылетом нескольких нейтронов. Возникли реальные предпосылки использования ядерной энергии через цепную реакцию деления, входе которой выделяется огромная энергия. Это и обрадовало и испугало физиков. Они понимали, что атомная энергия может быть обращена как на благо, так и на гибель человечества, если будет использована в войне. Отто Ган, узнав о возможности создания атомной бомбы, воскликнул: "Бог этого не допустит!" — что в годы войны не помешало ему активно участвовать в нацистском "Урановом проекте", который, к частью, не был осуществлен.

С началом 2-й мировой войны, и особенно после поражения Франции, все публикации в открытой печати о возможности создания "супербомбы" были прекращены. Воюющие стороны серьезно задумались над этой проблемой. И особенно в Англии, оставшейся, по существу, один на один с Германией, научный потенциал которой был весьма высок.

Однако правительство Британии в решении военных проблем в целом оставалось настроенным спокойно-скептически. "Скептицизм был глубоким и почти всеобщим", — так впоследствии отмечали историки.

Что касается США, то сознание колоссальных материальных возможностей страны, а также и то, что она стала пристанищем для многих эмигрировавших из Европы антифашистски настроенных ученых-физиков, одержимых идеей успеть раньше Гитлера овладеть секретом сверхмощного оружия, быстро привели в действие значительные научные силы. Тут, по-видимому, сказался все еще живший в научных лабораториях,

изучавших проблемы атомного ядра, дух интернационального сотрудниче-
13
ства ученых-физиков, сопротивлявшихся любой попытке навязать им иной образ мышления, разделить их на противостоящие кланы, отгороженные друг от друга стеной секретности, национального эгоизма. Знаменитую школу Кавендишской лаборатории Резерфорда прошли ученые разных стран, в том числе и советские: П. Л. Капица, Ю. Б. Харитон, К. Н. Синельников, А. И. Лейпунский. Очень характерно высказывание против идеи тотального засекречивания науки П. Л. Капицы — уже во время войны, когда и в США с помощью англичан, и в СССР полным ходом шли работы над созданием атомной бомбы, он писал в сентябре 1944 года: «...узкий эгоизм, воображающий, что можно брать, не давая, может быть политикой только тупого человека. Недаром в Священном писании сказано: "Рука дающего не оскудеет". Жизненный опыт показывает, что узкий эгоизм как в жизни отдельного человека, так и в жизни государства никогда не оправдывается»[2].
Положение в Англии стало меняться только с весны 1940 года. В марте на столе председателя Комитета по противовоздушной обороне Г. Тизарда появился краткий документ, который сразу же изменил отношение руководителей английской ядерной программы к использованию науки в целях обороны страны. Три странички машинописного текста, подготовленные учеными-физиками Отто Фришем и Рудольфом Пайерлсом из Бирмингемского университета, эмигрировавшими из Германии (и по соображениям безопасности не допущенными к секретным работам по оснащению английских вооруженных сил новейшим снаряжением), заставили тех, кто занимался научно-техническими разработками по оборонной тематике, по-новому взглянуть на атомную физику. Документ этот, известный как Меморандум Фриша — Пайерлса, обладал такой огромной взрывной силой, что буквально в один миг взбудоражил британских правительственных чиновников. Он назывался скромно: «О создании "супербомбы", основанной на ядерной цепной реакции в уране». Его авторы убедительно показали, что создание атомной бомбы практически возможно, несмотря на сложность
14
промышленного способа получения чистого или почти чистого урана-235 и сложность технологии изготовления самой бомбы. Фриш и Пайерлс предсказали и убийственный эффект сохраняющейся длительное время после взрыва радиации, найти защиту от которой они не видят возможности. Это предвидение сопровождалось заявлением ученых об аморальности применения атомной бомбы, так как это оружие массового уничтожения несет смерть прежде всего гражданскому населению, незащищенность которого становится абсолютной. "Мы не располагаем информацией, — писали Фриш и Пайерлс, — пришла ли в головы эта же идея другим ученым, но поскольку все теоретические данные, относящиеся к этой проблеме,

опубликованы, то вполне возможно, что Германия уже разрабатывает это оружие"[3].

Итак, упредить Гитлера в создании арсенала устрашения в виде запаса атомных бомб становилось важнейшей задачей стран, воевавших с Германией.

Кроме того, к этому времени Лондону уже становилось все более ясно, что "странную войну" не удастся закончить компромиссом с Гитлером и что переход ее в активную фазу потребует напряжения всех сил и интеллектуальных ресурсов нации. Поражение и капитуляция Франции в мае — июне 1940 года, выход вермахта к берегам Ла-Манша поставили Англию на грань катастрофы. Фактически Англия осталась один на один с гитлеровской Германией, завоевавшей почти всю Европу и планировавшей бросок через Ла-Манш. При отсутствии союзников, в условиях полной неясности перспективы сохранения в безопасности морских коммуникаций, связывающих их с США и Канадой, англичанам ничего не оставалось, кроме поисков любых средств и способов обеспечить выживание своей нации как суверенного государства.

В этих условиях все, что могло усилить оборону страны, вывести ее вперед в военно-техническом отношении, было поставлено, несмотря на тяжесть материальных затрат, на первый план. Решено было незамедлительно приступить и к разработке целого комплекса мер для начала

15

движения к одной цели — производству атомной бомбы. Эти меры включали организационное, материальное, разведывательное и дипломатическое обеспечение всего подготовительного цикла работ и предусматривали, в частности, налаживание контактов с правительством США, а через него — с американскими учеными в области ядерной физики. Первые шаги делались в величайшей тайне, все было строго засекречено.

В целях конспирации созданный во главе с профессором Томсоном особый подкомитет при Комитете по научным вопросам противовоздушной обороны должен был разработать концепцию проекта атомной бомбы. Этот проект получил кодовое название "Тьюб Эллойз", что можно перевести как "сплавы для изготовления труб"[4]. Значение нового оружия в Лондоне было осознано полностью, и к тому времени оно рассматривалось политиками в качестве важнейшей предпосылки не только укрепления обороноспособности страны, но и обеспечения ее будущего как великой державы. Именно по этой причине подкомитет Томсона в своих первых докладах исходил из выгодности для Англии самостоятельного осуществления этого проекта. Черчилль, особенно озабоченный теперь сохранением могущества Британской империи, был готов испробовать этот опасный путь. После того как английские спецслужбы помогли перебраться в Англию немецким ученым Г. Фон Хальбану и Л. Коварски и переправить из Парижа результаты их исследований вместе с запасом тяжелой воды, уверенность премьер-министра в реальности достижения цели

возросла. Руководителем проекта стал член кабинета министров Дж. Андерсон. "Подкомитет Томсона" прекратил свое существование: исчез, укрывшись за невинной вывеской то ли технологической компании, то ли лаборатории на трубопрокатном заводе...
В США к тому времени была пройдена очень важная фаза приобщения государственной власти к организации исследований по ядерной физике. Главная инициатива в этом принадлежала венгерскому физику-эмигранту Лео Сцилларду. Летом 1939 года он, увы, безуспешно пытался

заинтересовать военные ведомства США в финансировании экспериментальных работ. Натолкнувшись на пассивность военных чиновников, Сциллард избрал иной путь, оказавшийся неожиданно самым эффективным. Он организовал встречу с Альбертом Эйнштейном. Сциллард рассчитывал уговорить знаменитого ученого обратиться за поддержкой в правительство, Эйнштейн согласился с доводами Сцилларда, но выразил сомнение в том, что им удастся одолеть правительственную бюрократию. Тогда Сциллард предложил Эйнштейну написать послание президенту Ф. Рузвельту, а организацию доставки этого письма адресату он взял на себя. Он был знаком с Александром Саксом, вице-президентом одной из ведущих промышленных корпораций, экономистом, в первые годы Нового курса участвовавшим в работе многих правительственных учреждений. Президент Рузвельт знал и ценил этого энергичного человека, выходца из России. Сакс взялся устроить Вqе для "прорыва" в Белый дом.

Саксу были понятны и близки опасения Сцилларда, он и сам являлся горячим сторонником решительных мер по предотвращению расползания фашистской опасности. Получив в начале марта 1939 года приглашение выступить перед слушателями и преподавателями Военно-морской академии в Аннаполисе на тему о возрастающей угрозе войны, Сакс подготовил тезисы, которые назвал "Заметки по поводу приближающейся войны и общекультурного кризиса в межвоенный период".

После того как этот доклад с большим вниманием был выслушан аудиторией, Сакс отослал основные его тезисы президенту Рузвельту. Потом этот документ станет "базой для обоснования проекта создания атомной бомбы".
Констатируя нависшую над Европой угрозу и неизбежность войны западных демократий с Германией (это было в марте 1939 года, после захвата Гитлером всей территории Чехословакии и Мемеля), Сакс писал: "У западной цивилизации, и особенно у исключительно выгодно и счастливо расположенных Соединенных Штатов, есть еще время для того, чтобы провести подготовку к отражению возрос-

шей опасности агрессии со стороны нацистской Германии"[5]. И Сакс, выходец из России, и Сциллард, венгр, хорошо знали о способности немцев серьезно браться за дело и доводить его до

конца и понимали, чем может обернуться для Америки промедление в военной подготовке. Сциллард холодел при мысли, что где-то в берлинских лабораториях института кайзера Вильгельма сотрудники профессора Вернера Гейзенберга продвинулись быстрее и дальше, чем англичане или американцы...

Вскоре состоялась встреча трех известных физиков США — Эйштейна, Лео Сцилларда и Эдварда Теллера, тоже эмигрировавшего из Венгрии. Было составлено письмо президенту США, подписанное Эйнштейном, а Сакс взялся доставить его Рузвельту, которому оно и было вручено 15 августа 1939 года. Это послание президенту было составлено в весьма осторожных выражениях, но основная мысль была выражена предельно точно: наука сделала возможным создание страшного вида оружия — огромной разрушительной силы атомной бомбы; угроза овладения ее секретом нацистской Германией требует без промедления развертывания работ над этим новым оружием и в Соединенных Штатах.

Саксу не сразу удалось добиться встречи с президентом. Политический кризис, нараставший с каждым днем летом 1939 года, окончился нападением Германии на Польшу. Мир взорвался. Потерпели провал англо-франко-советские переговоры в Москве; 23 августа был заключен советско-германский пакт о ненападении; 1 сентября германские танки пересекли польскую границу; 3 сентября в войну на стороне Польши вступили Англия и Франция. Через пять дней Рузвельт объявил чрезвычайное положение в стране и сконцентрировал все усилия на отмене эмбарго на продажу оружия воюющим странам с целью оказать помощь демократиям Запада.

Наконец 11 октября Сакс появился в Белом доме. Но, увы, почти часовая беседа не сильно продвинула дело вперед. Президент не был убежден доводами Эйнштейна, Сцилларда и Сакса, что правительство США должно не-

медленно начать финансирование дорогостоящего проекта. Однако расставаясь, Рузвельт предложил Саксу встретиться на следующий день. На этой встрече Сакс привел много доводов в пользу предлагаемого проекта. Он напомнил поучительную историю спасения Англии во время наполеоновских войн в дни континентальной блокады только по причине недальновидности Наполеона, отклонившего предложения американского изобретателя Фултона построить флот на паровых двигателях, способный пересекать Ла-Манш при любой погоде и появляться в самых неожиданных для противника местах. Сакс передал и мнение английских физиков о страшной разрушительной силе этого оружия. Тогда президент спросил: "Алекс, вы озабочены тем, чтобы нацисты не взорвали нас?" — "Именно так", — ответил Сакс. После этого президент вызвал в кабинет своего военного помощника генерала Эдвина Уотсона. Передавая ему бумаги, которые принес с собой Сакс, он сказал: "Это требует действий".

Так аргументы Эйнштейна — Сцилларда — Сакса приобрели необходимую убедительную действенность.

Был сформирован Урановый комитет, который возглавлял руководитель Бюро стандартов Лайман Бриггс. Недовольный свалившейся на него обузой, Бриггс с недоверием относился к ученым, развивавшим непонятные ему идеи. Да и военачальники, получившие президентское поручение, не скрывали своего скептицизма, хотя и не отказывали в средствах.

В отчаянии физики решили снова обратиться за поддержкой к Рузвельту. 7 марта и 25 апреля 1940 года все тот же Сакс передал президенту один за другим два новых письма Эйнштейна. В первом содержалось предостережение: "...интерес к урановой проблеме в Германии возрос", а во втором развивалась мысль о специальном правительственном органе, который мог бы самостоятельно решать все практические проблемы, связанные с работой над атомной бомбой.

Развертывавшаяся в Европе война побуждала правительство США к более активным действиям в решении судь-

бы атомного проекта. Захват немцами Швеции и Дании, неожиданный для всего мира быстрый — всего за 44 дня — разгром Франции, эвакуация английских войск, оставивших под Дюнкерком всю тяжелую боевую технику, в Великобританию — все эти события сделали Гитлера полным хозяином в Западной Европе. В Вашингтоне все более осознавали возраставшую опасность фашистской агрессии и для Соединенных Штатов. Началась перестройка промышленности для военных нужд, усиливались вооруженные силы. Большое внимание уделялось проблемам достижения военно-технического превосходства над Германией. Знали, что "германский сумрачный гений" мог подготовить самые жестокие сюрпризы в области военной техники.

27 июня 1940 года Рузвельт назначает д-ра В. Буша, президента Института Карнеги, руководителем всей правительственной программы научно-исследовательских работ в целях обороны. Атомная проблема переходила в компетенцию Национального комитета по научным исследованиям в целях обороны (НКНС) во главе с В. Бушем. Теперь уже комитету надлежало вести диалог с учеными, которые первыми забили тревогу: Сциллардом, Ферми, Вигнером и Геллером.

На первых порах без осложнений налаживались связи с Англией. В Лондоне после поражения Франции весьма пессимистично смотрели на шансы английской науки в самостоятельном решении задачи, сформулированной в Меморандуме Фриша — Пайерлса. Отвлечение сил и средств на решение повседневных обширных задач обороны делало невозможной организацию крупномасштабных работ по созданию атомной бомбы. 8 июля 1940 года британский посол в США лорд Лотиан в письме Рузвельту уведомил его о готовности своего правительства поделиться с американцами военными секретами. Англичане рассчитывали, что Соединенные Штаты возьмут на себя все расходы по развертыванию лабораторной и промышленной базы проекта.

В Вашингтоне откликнулись без промедления. Состоялся обмен

группами ученых. В сентябре 1940 года Генри
20
Тизард во главе английской делегации появляется в США, а в феврале 1941 года в Англию отправляется д-р Джеймс Конант, ректор Гарвардского университета, незадолго до этого ставший заместителем В. Буша. Англичане знакомят Буша и Конанта с содержанием Меморандума Фриша — Пайерлса, и американцы узнают, что для создания атомной бомбы потребуются не тонны, а всего лишь от 5 до 10 килограммов обогащенного урана и что при условии исправного финансирования и снабжения сырьем сроки ее создания могут сократиться до двух лет.

Участие англичан и уверенность Буша в том, что создание атомной бомбы по плечу науке и промышленности США, находят понимание в администрации президента. В Вашингтоне и Лондоне учреждают специальные представительства обеих сторон в целях обмена научно-технической информацией, имеющей оборонное значение. А в июне 1941 года американцы получают копию секретного "Доклада подкомиссии Томсона об использовании урана для производства атомной бомбы". Знакомство с этим докладом сокращает американцам поисковую стадию работ по атомной бомбе, дав довольно четкое представление об общем их объеме, перспективе и о многих важных условиях научно-технического обеспечения. Буш и его единомышленники в НКНС получают еще один довод в пользу форсирования работ. Гитлеровская агрессия против СССР резко ускоряет их ход. Решено действовать, не упуская ни одного дня. Темп и ритм подготовительных мероприятий возрастают многократно.

В июне 1941 года было образовано Управление по руководству научно-исследовательской деятельностью с большими правами и полномочиями. Его возглавил В. Буш. НКНС входит во вновь сформированное управление. Было решено, что руководство работами по созданию атомного оружия возьмет на себя особо засекреченный отдел управления — Секция I. Никто не знал о ее существовании, за исключением вице-президента Г. Уоллеса, В. Буша, Д. Конанта, военного министра Г. Стимсона и начальника штаба армии генерала Д. Маршалла. Они составили так
21
называемый Политический комитет, занятый вопросами общей стратегии правительства в сфере использования атомной энергии в военных целях. Генри Уоллес был его председателем номинально — генеральную линию его деятельности определяли президент Рузвельт и его специальный помощник Гарри Гопкинс. Все основные решения "атомного дела" были приняты на чрезвычайно важной встрече Рузвельта, Уоллеса и Буша 9 октября 1941 года.

Международные аспекты атомной проблемы с самого начала приковали к себе внимание Рузвельта. Об этом свидетельствует тот факт, что президент уже 11 октября 1941 года направляет Черчиллю письмо, в котором предлагает премьер-министру действовать на правах партнера в той сфере, которая входит в компетенцию подкомитета Томсона в Англии и управления Буша

в США. Рузвельт пишет о важности координации работ или даже "совместного их производства". Ровно через месяц у президента появляется еще одна причина смотреть на проблему как на увеличение совместных с союзниками в войне с фашизмом усилий.

7 декабря 1941 года ударом японской авиации по военно-морской базе США в Перл-Харборе началась война на Тихом океане. Америка вступила во Вторую мировую войну.

В тот же день в старой радиационной лаборатории Лоуренса в Беркли (Калифорния) был получен уран-235, необходимый для производства атомной бомбы.

Ранней весной 1942 года Сцилларда, Ферми, Вигнера и других ученых, обосновавшихся в Чикаго под крышей секретной лаборатории ("Металлургическая лаборатория") не покидало ощущение, что правительство США недопустимо медлит и что в скором времени нацисты, опередив США, получат атомную бомбу. Многие думали, что война почти проиграна, разве что чудо не спасет союзников. Чтобы достичь этого "чуда", были сформированы группы из выдающихся ученых и талантливой молодежи, способные оперативно обосновать научную концепцию атомного оружия.

Конечно, необходимой солидной базой для продолжения работ стали результаты исследований в Англии и США, но их обобщение в законченной теоретической

модели еще предстояло сделать. И вот на этой стадии руководителем становится Роберт Оппенгеймер, ученый и практик, коллега Лоуренса по Калифорнийскому университету. Чикаго и Беркли превращаются в опорные пункты научной мобилизации по атомной проблеме. Артур Комптон, лауреат Нобелевской премии, руководитель "Металлургической лаборатории" в Чикаго, и Роберт Оппенгеймер, профессор университета в Беркли, становятся генераторами и координаторами деятельности всех научных коллективов, которым предстояло "сотворить чудо".

В марте 1942 года В. Буш уже смог проинформировать президента о том, что все данные и эксперименты показали — бомбу они создадут в 1944 году, а ее мощь превзойдет все произведенные расчеты. Получив это известие, Рузвельт счел необходимым поторопить ученых. Выиграть время — в этом, писал он Бушу в специальном меморандуме, "суть вопроса".

Период раскачки закончился. Началась, по выражению Буша, "гонка в целях реализации". Руководствуясь исключительно интересами дела, он предложил возложить практическое завершение проекта на армию и военное министерство с их мощным корпусом инженерных войск. Осенью 1942 года такое решение было принято президентом.

Так родилась организация, неизвестная до той поры в истории США: и по размаху своей деятельности, и по финансовым возможностям, и по удельному весу в структуре военной экономики, по тому, как напрямую, жестко, при строжайшей секретности, она подчинялась только президенту. Конгресс даже

не был поставлен в известность о ее существовании. В сентябре 1942 года обязанности непосредственного руководителя этой грандиозной программы, поглощавшей огромную часть национальных интеллектуальных, технических, финансовых и прочих ресурсов, были возложены на энергичного строителя Пентагона полковника инженерных войск Лесли Гровса. Было дано кодовое название новому гигантскому предприятию, разместившему свои предприятия и научные центры в 19 штатах и Канаде, — "Манхэттенский инженерный проект".

23

Лесли Гровс, получивший в связи с новым назначением звание бригадного генерала, вскоре был включен в Политический комитет, куда входили Буш, Конант, Уоллес, Стимсон и Маршалл. Весной 1943 года административная структура управления окончательно сложилась в том виде, в каком она и просуществовала до конца войны. В преддверии решения чисто военных проблем использования атомной бомбы Рузвельт назначает военного министра Стимсона главой этого политического штаба, делая его, по сути, ответственным за все, что относилось к всестороннему жизнеобеспечению проекта, за вычетом чисто научных вопросов. Стимсону помогают два его помощника, посвященные в тайное тайных "Манхэттенского проекта": бостонский юрист Харви Банди и опытный администратор Джордж Гаррисон.

Молча признано и быстро растет влияние Роберта Оппенгеймера — и вот на него падает выбор при решении вопроса о научном руководителе проекта. Итак, Стимсон, Буш, Гровс и Оппенгеймер,

Угроза со стороны конкурента в развернувшейся гонке за обладание новым оружием, "способным выиграть войну"; требование президента в кратчайший срок наверстать упущенное; создание стройной организационной структуры проекта, обеспечивающей тесное взаимодействие науки и производства; щедрое финансирование и, наконец, выдвижение на первые роли талантливых, энергичных и честолюбивых руководителей — все это дало незамедлительный эффект. Стремительно развивается лабораторная база, растут заводы по обогащению урана-235 и для строительства промышленных реакторов в Ок-Ридже (штат Теннесси) и Ханфорде (штат Вашингтон). По настоянию Оппенгеймера в Лос-Аламосе (штат Нью-Мексико) создается секретный научный центр, где сосредоточивают выдающихся ученых и экспериментаторов разных специальностей — смелых и одаренных людей, способных принимать неординарные решения. К работе над проектом подключаются гигантские промышленные концерны, университетские центры и инженерно-технические службы армии, флота, авиации.

24

Сокрушительный разгром армии Паулюса под Сталинградом, поражение Роммеля у Эль-Аламейна, высадка американо-английских войск в Северной Африке — это привело к перелому в войне в пользу союзников. Особенно благоприятным для США и

Англии стало то, что Красная Армия перешла в решительное наступление на огромном 6000-километровом фронте. Опасения союзников относительно "удержания России в войне" отпали, и стало возможным выделять больше средств на оборудование, наращивание промышленных мощностей, привлечение новых специалистов по атомным проблемам. Так, перемалывая вермахт и отвлекая все ресурсы Германии на советско-германском фронте, Красная Армия вносила свой вклад в " Манхэттенский проект".

"Манхэттенский проект" был задуман с размахом. В распоряжение Гровса было передано 2 миллиарда долларов. Химическая корпорация "Юнион карбайд", которая издавна поставляла военному ведомству взрывчатые вещества, занялась строительством завода по обогащению урана-235. В долине реки Теннесси возник город Ок-Ридж с 80 тысячами жителей, работавших на этом предприятии. Экспериментальной базой для завода в Ок-Ридже служила физическая лаборатория Калифорнийского университета в Беркли. Другой засекреченный город — Хэнфорд — с 60 тысячами жителей вырос в бесплодной пустыне на южном берегу реки Колумбия. Знаменитый физик Энрико Ферми руководил там конструированием и постройкой промышленных реакторов для накопления плутония.

Теоретические исследования и эксперименты, связанные с "Манхэттенским проектом", велись в металлургической лаборатории в Чикаго, а также в университетах Гарварда, Принстона и Беркли.

Все работы производились в обстановке строжайшей секретности. Как вспоминал впоследствии генерал Гровс, сохранение тайны сводилось "к трем основным задачам: предотвратить попадание к немцам любых сведений о нашей программе; сделать все возможное для того, чтобы применение бомбы в войне было полной неожиданностью для про-

25

тивника; и, насколько возможно, сохранить в тайне от русских наши открытия и детали наших проектов и заводов"[6].

Весной 1945 года атомная бомба, вернее, ее образец, который следовало испытать, была практически готова. 10 мая 1945 года в Пентагоне собрался комитет по выбору целей для атомной бомбардировки. Члены комитета сошлись на том, что для этой цели лучше всего подходят крупные населенные пункты, не пострадавшие от налетов. По их рекомендации командующему 20-й воздушной армией генералу К. Лимэю было приказано исключить из графика обычных массированных бомбардировок четыре японских города. В этом списке, вызывавшем недоумение американских летчиков, значились Хиросима, Кокура, Ниигата и Нагасаки. Их "берегли" для атомного удара.

31 мая 1945 года в Пентагоне собрался Временный комитет по проблемам атомного оружия. В нем преобладали военные и политики. Ученые были приглашены лишь с правом совещательного голоса в составе так называемой консультативной группы. Повестка дня была сформулирована так, как будто вопрос о применении атомного оружия против

Японии вообще не вызывал сомнения. Представители Пентагона настаивали на необходимости пустить атомные бомбы в ход, ссылаясь на большие потери, которые американские войска вот уже второй месяц несли в кровопролитных боях на Окинаве. (Всего там погибло около 13 тысяч американцев.)

Выслушали мнение ученых. Оппенгеймер выразил точку зрения всей консультативной группы: перед боевым применением нового оружия желательно произвести его предварительную демонстрацию в присутствии представителей мировой общественности. После бурной дискуссии Временный комитет приходит к следующему выводу: атомное оружие следует применить против Японии без предварительного предупреждения, как можно скорее и против таких целей, которые наиболее наглядно покажут его разрушительную силу.

Через три недели правительство США принимает решение сбросить на Японию атомные бомбы.

16 июля 1945 года на испытательном полигоне в штате Нью-Мексико успешно взорвана американская атомная бомба. Полигон называется Аламогордо. Так этот поселок входит в историю.

2. Лаборатория № 2

У Советского Союза к началу Второй мировой войны тоже были впечатляющие достижения в области ядерной физики.

В середине 1939 года советские физики Ю. Б. Харитон и Я. Б. Зельдович производят расчет цепной реакции деления урана и приходят к заключению, что в чистом изотопе урана-235 можно получить взрывную реакцию. В 1940 году в лаборатории И. В. Курчатова его ученики Г. Н. Флеров и К. А. Петржак открывают явление самопроизвольного деления урана. К этому открытию Курчатов имел самое прямое отношение, но он вычеркнул свою фамилию из научного сообщения, "чтобы не затенять своих учеников".

К чести нашей Академии наук надо отметить, что проблему "Атомное ядро, его свойства, строение и использование ядерных реакций" она еще в конце 1938 года поставила среди всех работ по физике на первое место, назвав ее "самой ударной проблемой современной физики".

Курчатов прозорливо понимал, что колоссальная энергия деления урана, если научиться ею управлять, пойдет на благо человечества. Именно на это нацеливал он свой коллектив и всех, кого мог увлечь и убедить, в этом видел он смысл всей своей жизни.

В 1940 году было уже ясное понимание того, что общество стоит на пороге научно-технической революции.

30 июля 1940 года Президиум АН СССР принимает постановление о создании комиссии по проблеме урана. Председателем урановой комиссии назначен крупнейший радиохимик нашей страны В. Г. Хлопин, его заместителями — В.

И. Вернадский и А. Ф. Иоффе. В комиссию входят И. В. Курчатов, П. Л. Капица и Ю. Б. Харитон.
27

В ноябре 1940 года в Москве состоялось очередное ежегодное Всесоюзное совещание по физике атомного ядра. Оно было последним накануне войны и последним, где деление урана обсуждалось открыто. Выступая с докладом и говоря о принципиальной возможности осуществления цепной реакции, И. В. Курчатов произносит пророческие слова: "Цепь возможна и жизненна".

Здесь уместно рассказать, хотя бы кратко, об основных вехах жизненного пути этого выдающегося ученого-физика, академика АН СССР, трижды Героя Социалистического Труда (1949, 1951, 1954).

Игорь Васильевич Курчатов родился 12 января 1903 года в городе Сим Челябинской области. В 1923 году закончил физико-математический факультет Крымского университета. В 1924 году начал научно-исследовательскую работу в области физики диэлектриков в Бакинском политехническом институте.

Зимой 1924 года Курчатов по поручению профессора Оболенского проводит свое первое самостоятельное исследование, измеряет альфа-радиоактивность снега. Это первое его прикосновение к проблеме, которая станет главной для него в начале 30-х годов.

Летом 1925 года Курчатов едет в Ленинград, в Физико-технический институт, куда его пригласил академик Иоффе. Он принят на внештатную должность инженера-физика 1-го разряда. В 1930-м Курчатов уже сам руководит большим физическим отделом, в который входят "ударные бригады". В 1934-м он утвержден в звании действительного члена института. Очень скоро Курчатов делает первые свои научные открытия. Вместе с братом, Б. В. Курчатовым, и другом, П. П. Кобейко, Игорь Васильевич в 1929 году открывает целый класс новых веществ, который называет сегнетоэлектриками. В сентябре 1934-го за работы по сегнетоэлектрикам, диэлектрикам и полупроводникам Курчатову присуждена степень доктора физико-математических наук без защиты диссертации. Спустя два месяца научный совет физико-технического института представляет его кандидатом к избранию в члены-корреспонденты
28
АН СССР по разряду физических наук. В письме от 13 ноября 1934 года академик Иоффе писал в адрес секретаря академии:

«И. В. Курчатов один из талантливейших молодых физиков Советского Союза. За 10 лет своей научной деятельности он напечатал 40 научных исследований, громадное большинство которых получили большое значение. Особенно замечательна группа работ по сегнетовой соли. Эти работы уже создали большую литературу в Германии, Швейцарии, Франции и Америке.

Другая область, где за 1 год Курчатов с сотрудниками дал более 10 работ, установил большое количество новых

принципиальных факторов и закономерностей, — это область ядерных реакций.

Третья область, изучаемая Курчатовым, — это электрические свойства диэлектриков и полупроводников. Здесь особенно замечательны его дендритная теория выпрямления и пробоя электрически проводящих диэлектриков, исследование туннельного эффекта в карборунде, закона Фарадея и явлений поляризации.

Во всех этих направлениях работы Курчатова занимают выдающееся место в научной литературе, а работы по сегнетоэлектричеству являются классическими»[7].

Тогда в члены-корреспонденты Академии наук СССР И. В. Курчатова не избрали.

К концу 30-х годов советская ядерная физика пришла с выдающимися результатами. Выросло первое поколение физиков-ядерщиков. "Первым среди равных", по выражению Иоффе, был Курчатов.

Закономерно, что летом 1938 года научный совет ЛФТИ во второй раз выдвигает Курчатова для избрания, но уже в действительные члены Академии. В поддержку института выступает Педагогический институт имени М. Н. Покровского. В его характеристике отмечается:

«...Курчатов является крупным советским ученым, научно-исследовательские работы которого не только получили широкое применение в технике, но и свидетельствуют о новых исканиях его в наиболее трудных облас-

29

тях современной физики, о путях, прокладываемых им в исследовательской работе молодой советской научной мысли».

Выборы проводились в 1939 году. Курчатова не избрали. Но все было еще впереди: и звания, и награды, и мировая слава.

А тогда, в последний предвоенный год, широко развернулась работа по сооружению циклотрона для исследования цепной реакции. Его строительство велось под руководством И. В. Курчатова и А. И. Алиханова. Академик А. П. Александров, впоследствии президент АН СССР, вспоминал о тех годах, когда советские физики вышли на передовые рубежи отечественной науки:

«Уже в 1940 г. на семинаре в Физтехе мы слушали доклад Я. Б. Зельдовича и Ю. Б. Харитона, которые впервые в мире сделали корректную оценку возможности организации цепной реакции деления урана. В 1939—1940 гг. советские работы по ядерной физике составляли около трети мировых публикаций. Для нас было ясно, что необходимо развить методы обогащения природного урана изотопом 235, научиться получать замедлители нейтронов со слабым поглощением. У советских физиков уже сложилось мнение, что регулировать цепную реакцию можно путем поглощения "запаздывающих " нейтронов»[8].

Именно тогда в лаборатории Курчатова его сотрудник Г. Н. Флеров и К. А. Петржак из радиевого института открыли спонтанное деление урана.

За несколько дней до начала Великой Отечественной войны для циклотрона на ленинградском заводе "Электросила" был изготовлен магнит. Рядом со зданием института выросло новое, похожее на планетарий. Сообщение о монтаже циклотрона опубликовала газета "Правда" 22 июня 1941 года.

В этот день началась война.

И. В. Курчатов и А. П. Александров с сотрудниками своих лабораторий вели работу на флотах по размагничиванию кораблей, чтобы снизить наши потери от фашистских магнитных мин. Многие будущие участники атомной

эпопеи теперь с оружием в руках отстаивали честь и независимость Родины.

Осенью 1942 года Курчатову пришлось оставить работы на флоте, а вместе с ними и руководство броневой лабораторией ЛФТИ. На то были веские причины.

Еще в 1940 году комиссия Академии наук по изучению проблемы атомной энергии под председателем академика Хлопина рекомендовала правительственным и научным учреждениям отслеживать научные публикации западных специалистов по этой проблеме. Начальник научно-технической разведки НКВД Л. П. Квасников передал ориентировку резидентурам в Скандинавии, Германии, Англии и США. В их задачу входил сбор всей информации по разработке "сверхоружия" — урановой бомбы. В Вашингтон был направлен В. Зарубин (псевдоним Купер). Он имел документы на имя секретаря полпредства Зубилина. Вместе с ним выехала его жена Елизавета, ветеран советской разведки.

12 октября 1941 года, когда немцы наступали на Москву, Зарубина принял Сталин. Ему было предписано создать масштабную и эффективную систему агентурной разведки не только для выяснения событий, но и воздействия на них. Однако начавшие поступать в центр из других стран материалы по разработке атомного оружия сделали это направление работы для Зарубина, и не только для него, приоритетным. Над этой проблемой работала и "кембриджская пятерка": Маклин, Филби, Берджес, Кернкросс и Блантом. Уже с сентября 1941 года в Москве знали об английском атомном проекте "Тьюб Эллойз".

С апреля 1942 года в Государственный комитет обороны СССР стали поступать сведения, наводившие на мысль, что фашисты тоже ведут работы по созданию нового, очень мощного — атомного — оружия. К тому времени было уже известно, что и в США ведут подобную, с такой же целью, работу и что она окружена чрезвычайной секретностью. В августе 1942 года Флеров в письме на имя Сталина высказал беспокойство о возможном ведении работ по созданию атомного оружия за рубежом и настаивал на возобновлении работ по делению урана.

Это письмо — весьма примечательный эпизод в развитии советской работы по атомному оружию. Выше уже говорилось, что Георгий Флеров и его коллега Константин Петржак под руководством Курчатова провели важное исследование с

сенсационным результатом в предвоенные годы. Они открыли новый вид радиоактивности — самопроизвольное деление ядер урана. Но началась война — Флерова призвали в армию. И вот он, техник-лейтенант авиачасти, волею военной судьбы в апреле 1942 года попадает в Воронеж. Городской университет эвакуирован в тыл, а университетская библиотека задержалась, осталась на месте. Техник-лейтенант отправляется в библиотеку, разыскивает иностранные журналы по физике, внимательно читает их в промерзшем за зиму читальном зале и убеждается еще раз, что публикаций по атомному ядру в них уже нет. А раз так, значит эти исследования в Германии, Англии, Америке теперь ЗАСЕКРЕЧЕНЫ. Тогда он садится и пишет письмо: *«Дорогой Иосиф Виссарионович!*

Вот уже 10 месяцев прошло с начала войны, и все это время я чувствую себя в положении человека, пытающегося головой прошибить каменную стену. В чем я ошибаюсь ?

Переоцениваю ли значение "проблемы урана "? Нет, это неверно. Единственное, что делает урановые проекты фантастическими, — это слишком большая перспективность в случае удачного решения задачи. Мне приходится с самого начала оговориться. Может быть, я не прав — в научной работе всегда есть элемент риска, а в случае урана он больше, чем в каком-либо другом... Однако представим на минуту, что с ураном "вышло ". Правда, революцию в технике это не произведет — уверенность в этом дают работы последних довоенных месяцев, зато в военной технике произойдет самая настоящая революция. Произойдет она без нашего участия, и все это только потому, что в научном мире сейчас, как и раньше, процветает косность.

Мне кажется... мы совершаем большую ошибку... Самые большие глупости делаются с самыми благими намерениями.

Мы все хотим сделать все возможное для уничтожения фашистов, но не нужно пороть горячку —- заниматься только теми вопросами, которые подходят под определение насущных военных задач.

Так вот, считаю необходимым для решения вопроса созвать совещание в составе академиков Иоффе, Ферсмана, Вавилова, Хлопина, Капицы, Лейпунского, профессоров Ландау, Алихаиова, Арцимовича, Френкеля, Курчатова, Харитона, Зельдовича; докторов Мигдала, Гуревича. Желателен также вызов К. А. Петржака,

Прошу для доклада 1 ч. 30 мин. Очень желательно, Иосиф Виссарионович, Ваше присутствие — явное или неявное... »[9]

Письмо не могло остаться незамеченным. К тому же оно было отправлено вовремя: на имя Сталина той же весной 1942 года поступило еще и письмо от уполномоченного Государственного Комитета Обороны (ГКО) по науке С. В. Кафтанова с такой же информацией, но относящейся сугубо к Германии. Поводом для него стала тетрадь убитого немецкого офицера с расчетами, явно касавшимися создания ядерного оружия. Промедление же, по-видимому, объясняется тем, что тщательно проверялись положения и предложения, высказанные Флеровым. Имевшиеся

к этому времени в Кремле разведывательные данные уже показывали, какое значение придается и союзниками и противником ядерным исследованиям.

Во всяком случае, осенью 1942 года в Москву, в ГКО, были вызваны из эвакуации академики А. Ф. Иоффе, В. И. Вернадский, В. Г. Хлопин и П. Л. Капица. Им предстояло ответить на вопрос, следует ли незамедлительно возобновить работы по делению урана. Непросто, нелегко было ответить на такой вопрос в самый разгар войны, когда немцы были еще сильны и для нас очевидного перелома к лучшему еще не наступило. Ученые, однако, высказались за начало работ.

В середине сентября 1942 года народный комиссар химической промышленности М. Г. Первухин после разговора с академиком А. Ф. Иоффе по его совету вызвал из

Казани Курчатова. Курчатов выехал в Москву 15 сентября, немедленно после возвращения Иоффе из Москвы в Казань. По-видимому, в этот приезд и состоялось знакомство Курчатова с С. В. Кафтановым — председателем Всесоюзного комитета по высшей школе, бывшим в то время уполномоченным ГКО по делам науки — и представление его М. Г. Первухину, который кроме поста наркома занимал еще и должность заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров.

В октябре — ноябре по предложению правительства Курчатов готовит записку о возобновлении работ по ядерной физике. После ее рассмотрения в ГКО И. В. Курчатову и другим ученым, в числе которых Ю. Б. Харитон, Я. Б. Зельдович, И. К. Кикоин и А. И. Алиханов, Г. Н. Флеров, вместе с М. Г. Первухиным поручают представить план мероприятий по началу этих работ.

28 октября Игорь Васильевич пишет жене в Казань: "Работы очень много... Дней на 10 задержусь в Москве". 11 ноября: "...думаю задержаться в Москве до 5 декабря". Вернулся он в Казань 2 декабря 1942 года, в тот самый день, когда в 15 часов 25 минут по чикагскому времени Энрико Ферми впервые в мире осуществил цепную реакцию деления урана в реакторе, построенном им в США, открыв тем самым путь к созданию атомной бомбы.

Вспоминая то время, академик А. П. Александров позднее писал:

«В сентябре 1942 года, прилетев в Казань из Сталинграда, Курчатова я не застал. Когда он вернулся из Москвы, сказал мне: "Будем продолжать работы по ядерной физике. Есть сведения, что американцы и немцы делают атомное оружие ". — "Как же это во время войны такую штуку разворачивать?"— "А сказано, чтобы не стесняться, делать любые заказы и немедленно начинать действовать".

Позже он перебрался в Москву. И вскоре с фронта и из разных городов стали вызывать к нему физиков. Дошла очередь и до меня»[10].

Когда советские войска перешли в наступление под Сталинградом, ГКО принял окончательное решение о на-

чале работ по "урановому проекту". "Руководители нашего государства, — вспоминал М. Г. Первухин, — сразу приняли предложения ученых. Буквально через несколько дней нам поручили начать дело. И в дальнейшем, когда в процессе работы мы докладывали руководителям партии и правительства, нас очень внимательно слушали и вникали в каждый вопрос. Даже было беспокойство со стороны Сталина. Он придавал большое значение решению атомной проблемы"[11]. В конце 1942 года по указанию Сталина состоялось специальное заседание ГКО. На заседание были приглашены А. Ф. Иоффе, Н. Н. Семенов, В. Г. Хлопин, П. Л. Капица и молодой И. В. Курчатов. Выступивший тогда академик Иоффе высказал предположение, что для реализации такой задачи необходимо самое малое 10 лет.

— Нет, товарищи ученые! — с раздражением произнес Сталин. — Такой срок нас не устраивает. Мы со своей стороны готовы пойти на все, чтобы работа у вас шла более высокими темпами... А сейчас мы должны определить, кто будет руководить атомным проектом. Думаю, товарищ Иоффе справился бы с такой задачей...

Но неожиданно для всех академик осмелился снять свою кандидатуру и предложил И. В. Курчатова.

Сталин испытующе долго смотрел на Иоффе и вдруг изрек:

— А я такого академика не знаю!

— Он, товарищ Сталин, не академик. Он пока лишь профессор, подающий большие надежды.

Снял свою кандидатуру в пользу Курчатова и академик Капица, которому, разумеется, не разрешили привлечь к работе физиков-ядерщиков из лаборатории Резерфорда.

— Хорошо, товарищ Иоффе. Но вы сначала дайте ему звание академика...

В феврале 1943 года было подписано распоряжение по Академии наук СССР о создании в академии Лаборатории № 2 под руководством И. В. Курчатова. Тогда же Игорь Васильевич вызвал в Москву Ю. Харитона, И. Кикоина, Я. Зельдовича и Г. Флерова[12].

35

12 апреля 1943 года был образован атомный научный центр Советского Союза — Институт атомной энергии. 29 сентября И. В. Курчатова избрали в академики.

Естественно, что работам по атомной энергии придавалось военно-стратегическое значение, и основной задачей было создание атомного оружия. Курчатов с небольшой группой физиков составили план решения задачи. В самые короткие сроки было признано наиболее целесообразным создание уран-графитового реактора для производства на нем плутония — материала для заряда атомной бомбы. Это оказалось самым верным путем, заслугой отечественных ученых, установивших наиболее надежный метод достижения максимального результата в кратчайшее время.

Если бы сегодня заложить в компьютер условия, при которых разворачивались работы над советской атомной бомбой, в сравнении с условиями этих работ в Лос-Аламосе, а еще в

немецких институтах, занимавшихся "урановым проектом", то компьютер дал бы ответ: "Нет, при таких условиях этих результатов добиться было нельзя".

А ведь добились! И при создании не только атомного, но и ракетного оружия, и при строительстве системы ПВО, и в других областях военного дела. То "военное поколение" (автор — тоже его представитель) "могло штурмовать небо", как говорил Карл Маркс о парижских коммунарах, — и штурмовало!

Курчатов и его команда начинали на пустом месте, без лабораторных корпусов, без установок, без оборудования. Когда над единственным возвышающимся на пустынном Октябрьском поле — бывшая Ходынка — "красным домом" в 1944-м появилась крыша, под нею собралась вся Лаборатория № 2. Средняя часть здания была занята экспериментальными лабораториями и кабинетом Курчатова; в крыльях поселились сотрудники и он сам; в подвале разместили мастерские.

Неудовлетворенные темпом работ, в мае 1945-го в записке к Сталину Курчатов с Первухиным предлагали форсировать научно-исследовательские и опытно-конст-

рукторские работы как основу создания предприятий атомной промышленности. И не зря торопились. Американцы-то как раз форсировали свой "Манхэттенский проект": 200 тысяч научных сотрудников и вспомогательного персонала, и лучшее по тому времени оборудование, и идеальные бытовые условия...

И когда в 5 часов 30 минут ночи с 15 на 16 июля 1945 года в США было проведено первое испытание атомной бомбы, у Советского Союза оставался один выход: создать ядерное оружие, и как можно быстрее. На запрос правительства Курчатов ответил, что советское атомное оружие будет создано за 5 лет.

Осенью 1945 года для руководства всеми специальными работами создается Научно-технический совет, в состав которого входят ведущие ученые-физики, математики, химики, выдающиеся инженеры и руководители некоторых отраслей промышленности. Председателем совета назначен нарком боеприпасов Б. Л. Ванников, его заместителями — И. В. Курчатов и М. Г. Первухин. При Совнаркоме правительством создано Первое главное управление под руководством Б. Л. Ванникова и его заместителя А. П. Завенягина, а с 1947 года— и М. Г. Первухина. К работе привлекаются академические, отраслевые и военные институты, конструкторские бюро и строительные организации. В кратчайшие сроки решаются сложные научные и инженерные задачи. Растут безымянные новые города — "атомграды".

Недоедали, недосыпали, мебели. Позже участники атомной эпопеи вспоминали те годы, как лучшие годы своей жизни — время творческого, подлинного труда. Всех воодушевлял не только личный пример в работе Курчатова-руководителя, но и его необыкновенные человеческие качества, которые воздействовали на всех, кто находился рядом или даже просто слышал его имя. Энергия его была сверх человеческих сил, а масштаб деятельности поистине грандиозен. Никто другой, как

отмечают многие соратники Курчатова, не справился бы с поставленной задачей лучше и быстрее, чем он. "Работы требовали руково-
37
дителя нового типа. Игорь Васильевич оказался правильным человеком на правильном месте", — писал академик Я. Б. Зельдович.

Личные качества Курчатова были одной из решающих причин успеха дела. Знавшие его люди сохранили в памяти его светлый образ — энергичного и веселого руководителя. Он успевал побывать в лабораториях и на предприятиях, проверить ход работ, поговорить с исполнителями, взбодрить и "озадачить", то есть сформулировать задачу. Встречи с ним ожидались с нетерпением, радовали, воодушевляли и запоминались надолго.

«Из многих тысяч людей, решавших атомную проблему, — писал А. П. Александров, — не было в те годы па заводах, в институтах, на полигонах человека более популярного, более уважаемого, чем великан с медленной косолапой походкой, вечно лучистыми глазами и теплым кратким именем Борода»[13].

«С Игорем Васильевичем работать было увлекательно, интересно. На объектах он хлебнул горя вместе с нами... Я поселился там в вагоне, — вспоминал Б. Л. Ванников, — Игорь Васильевич мог жить в городе, но несмотря на неудобства, пошел со мной в вагон. Часто утром температура в вагоне была около нуля. Игорь Васильевич крепился и не унывал... Энергия его была неисчерпаема... Он отзывался на любые затеи и развлечения, но спиртного не пил вовсе»[14].

К Курчатову идут за критической оценкой, за помощью и советом. Он полон сил и оптимизма. Он неутомим. Окружающие изнемогают от "курчатовского" темпа работы. Он доступен для всех. Реакция его мгновения. Он привлекает к делу, всех, кто в состоянии работать, достигая решающих результатов ценой разумной траты сил. Он создает вокруг себя атмосферу воодушевления, которая утраивает силы. А работа шла гигантская, и при этом в области совершенно неведомой, шла часто методом проб и ошибок.

Немцы, например, опрометчиво отвергли графит как замедлитель потока нейтронов, сделали ставку на тяжелую воду и проиграли. Американцы, используя опыт уче-
38
ных всей Европы, волею судеб оказавшихся в США в военные годы, тоже испытывали огромные трудности. Так это же в богатой стране, сто лет вообще не знавшей войны, да еще на своей территории. И совсем другое дело СССР — Россия, еще только возрождавшаяся из пепла после небывалой в мировой истории разрушительной войны. А надо во что бы то ни стало решать задачу. В кратчайший срок. Дать ответ американскому вызову. Нужны средства. Деньги, много денег, электроэнергия в огромных количествах и дефицитные материалы. И все это нужно объяснить начальникам, часто не очень-то понимающим, для чего это все нужно.

Положение кардинально изменилось после американских

атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.

20 августа 1945 года Государственный Комитет Обороны СССР постановил образовать Специальный комитет, которому предписывалось сосредоточить все усилия и ресурсы на создании атомного оружия.

Наиболее трудоемким было строительство "объектов" для добычи и переработки урана, производства плутония, конструирования и серийного производства атомных бомб. Его председателем был назначен Л. П. Берия, возглавлявший тогда НКВД и одновременно занимавший пост заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров.

Тем же постановлением ГКО для непосредственного руководства атомным проектом было учреждено Первое главное управление (ПГУ) при СНК. Начальником ПГУ был назначен Б. Л. Ванников, Курчатов стал его заместителем по научному руководству всей атомной программой в целом.

Главным лозунгом стало: "Темпы, темпы и еще раз темпы!" И если кто-нибудь из подчиненных спрашивал, когда необходимо выполнить задание, то обыкновенно слышали в ответ: "Вчера!"
Отобранные для работы специалисты переселились из перенаселенной, полуголодной Москвы в город Саров Горьковской области, который стал закрытым "атомградом" — Арзамас-16. Никакой нужды ни они, ни их семьи уже не испытывали.

39

Был и такой эпизод. Вернувшись из Берлина после Потсдамской конференции, Сталин вызвал Игоря Васильевича и спросил его, почему тот так немного требует для максимального ускорения работ. Курчатов ответил: "Столько разрушено, столько людей погибло. Страна сидит на голодном пайке, всего не хватает". Сталин раздраженно сказал: "Дитя не плачет— мать не разумеет, что ему нужно. Просите все, что угодно. Отказа не будет"[15].

А нужно было много. Еще в 1943-м Курчатов и Первухин доложили правительству о необходимости срочно организовать геологическую разведку и добычу урана в большом количестве. Было принято решение о поиске в стране новых его месторождений. Дело это поручалось Наркомату цветной металлургии.

Было подсчитано, что для работы первого небольшого экспериментального реактора потребуется 45 тонн чистого урана и около 500 тонн чистейшего графита. Такого количества материалов в готовом виде не было. Предстояло налаживать их производство. И не только получать необходимый металлический уран из руды, но и разработать технологию очистки его от примесей, контроля чистоты урана и графита на особом, невиданном до того уровне.

При этом урана требовалось гораздо больше, чем добывалось его в отдельных, еще довоенных, допотопных рудниках. И тут великую службу сослужили фундаментальные идеи В. И. Вернадского о роли радиоактивности в развитии планетной системы, в том числе Земли, о геологии урана. Этой стороной

проекта занимались сам В. И. Вернадский, его ученики академики А. П. Виноградов и В. Г. Хлопин, директор радиевого института. Вскоре они и А. А. Бочвар получили металлургический уран из руды. И эта технология тоже была освоена производством.

Надо еще было иметь сверхчистый графит — в тысячу раз чище, чем в СССР его тогда имели. Не было даже методов измерения такой степени чистоты. Их разработали тогда же. Трудно разворачивались эти работы. Найденный уран залегал в труднодоступных горных районах — практически никаких подъездов и дорог. С гор по тропам спускались

40

вереницы ишаков с огромными сумками через спины наперевес, а в них добытая урановая руда. Пригодна ли она для дела — никто не знал. И тем не менее задача добычи урана в необходимых количествах, а затем и разработки технологии получения как чистого урана, так и сверхчистого графита была решена менее чем за год.

Решающим для Курчатова и лаборатории стал 1946 год — время осуществления цепной ядерной реакции на уран-графитовом экспериментальном реакторе, который начали возводить на территории лаборатории еще весной. Строительство реактора Курчатов как главный экспериментатор в физических исследованиях возглавлял сам. Курчатов, экспериментируя, делает далеко идущие прогнозы, дает задания на проектирование объектов атомной промышленности, организует подготовку кадров, способствует строительству новых центров и городов. Сотни физиков и химиков, металловедов и металлургов, геологов и технологов работают, не считаясь с затратами времени и сил, без элементарных удобств, оторванные от дома и даже не имеющие права сообщить близким, где именно они и что делают. Работы идут широким фронтом одновременно по многим направлениям, с огромным риском, когда, например, после эксперимента с микроскопическим количеством плутония принимается порой решение и разворачивается промышленная технология с миллиардными затратами. Темпы и напряженность всех работ — на пределе человеческих возможностей. Соратники Курчатова вспоминают: "Это была работа без выходных дней, с короткими перерывами, отведенными для сна. Бывали случаи, когда при обсуждении кто-нибудь засыпал за столом, тогда остальные переходили в другую комнату, чтобы дать отдохнуть товарищу..."

По мере получения материалов для первого реактора на территории Лаборатории № 2 в армейской палатке, не дожидаясь окончания постройки здания, собирали уран-графитовые призмы, на которых проводили эксперименты, искали оптимальные параметры реактора. А в уже построенном здании было положено пять, одна за другой,

41

кладок реактора. Эти работы, а затем и пуск первого реактора Курчатов как ведущий физик-экспериментатор вел сам, а остальные — теоретики, физики, инженеры и рабочие —

помогали ему. И однажды во время очередной уран-графитовой кладки один из рабочих спросил Курчатова: зачем ему, руководителю огромного государственного проекта, браться за эту черную работу? Игорь Васильевич на это ответил: "Всякую черную работу надо делать тщательно, ибо от того, как она сделана, зависит успех общего дела"[16].

И вот 25 декабря 1946 года в 18 часов по московскому времени цепная ядерная реакция в нашей стране стала явью.

Это долгожданное событие происходит тихо, без шума, если не считать дружного "ура!" в подземелье. Первый в СССР реактор работает.

В предновогоднюю ночь Курчатов собирает участников этого великого дела у себя в "хижине" — доме, построенном по его желанию прямо "на работе". Сразу три радостных события: завершение важнейшего этапа работы, новый, 1947 год и новоселье.

Он не знал еще, конечно, что в 1971 году, через 25 лет после пуска первого экспериментального реактора Ф-1, на здании "Монтажных мастерских", где он был собран, установят мемориальную доску, увековечившую великое достижение советских ученых.

Одновременно с сооружением первого реактора в Москве велось проектирование и строительство промышленного реактора. Это тоже изнурительная работа, бессонные ночи, крайнее нервное напряжение. Особо трудным выдалось лето 1948 года, когда "все работали как черти". Курчатов спал два часа в сутки: с двух до четырех. В таком бешеном темпе шла работа ученых. Но не только их. В те годы создавался первый советский испытательный полигон для опробования "изделий". Первоначально, летом 1946-го, планировалось изготовить бомбы двух типов: плутониевую и урановую. Однако проведенные в дальнейшем в КБП и других организациях теоретические расче-

ты и эксперименты показали, что урановая бомба имела низкую эффективность, точнее малый коэффициент "вредного действия", и требовала большего количества урана-238, а это чрезвычайно усложнило бы производство. Поэтому решено было сконцентрировать усилия на плутониевой бомбе.

К весне 1949 года основной объем работ был проделан — началась окончательная отработка конструкции, способа сброса и системы подрыва первой отечественной атомной бомбы РДС-1*. Затем — испытания. Испытания должны были подтвердить правильность избранного метода для создания атомного оружия. Для них было выбрано место — полигон № 71 ВВС недалеко от Керчи, рядом с поселком Багерово. В соответствии с программой испытаний самолет-носитель должен был сбросить пять образцов бомб не с ядерным, а с обычным зарядом, но имеющих систему идентичных взрывателей. Таким образом проверялись все системы, не было только одного: ядерного взрыва. Летные испытания имитаторов бомбы были успешно завершены.

Однако из-за низких темпов накопления плутония к лету 1949 года изготовили только один заряд. Поэтому от "самолетного

варианта" пришлось отказаться. Для взрыва РДС-1 выбрали полигон № 2.

3. Учебный полигон № 2

Вот тогда-то и вошло в историю селение Молдары. Там, на "диком бреге Иртыша", на стыке трех областей — Карагандинской, Павлодарской и Семипалатинской, на территории Восточного Казахстана создавался испытательный атомный полигон. Но почему именно там? Там пустынная местность на десятки километров почти не была заселена. Кроме того, эта равнина — дно древнего высохшего моря — окружена была в радиусе 10 километров довольно высоки-

* Эта аббревиатура имела такое значение: "Россия Делает Сама".

ми сопками. И, наконец, что важнее всего, это место Восточного Казахстана лежит в центре Советского Союза, удалено от границ, от посторонних глаз, что идеально обеспечивало скрытность развертываемого предприятия.

Осенью 1947 года к берегу Иртыша в Молдарах стали причаливать караваны барж. На них прибывали военные строители, доставлялись строительные и иные материалы, необходимые для возведения объекта, названного "Учебный полигон № 2".

Сурово встретил Восточный Казахстан новых пришельцев. Холодные осенние ночи для солдат, которые прибыли в летнем обмундировании, оказались нелегким испытанием. Кругом голая песчаная степь, даже соломы для матрацев взять неоткуда. На привезенном с собой топливе разводили костры. Песчаные бури несли тучи пыли — глаза, уши, нос, рот забивались песком. А когда наступила лютая казахстанская зима, — казалось, промерзает все тело. Птицы замерзали на лету. Механизмы и автомобили отказывали в работе. А люди жили и работали до седьмого пота: строили объект № 905, о значении которого большинство не имело понятия. Вдоль берега возникло странное поселение— городок, состоявший из землянок. В нем жили строители. В землянках были казармы для солдат, общежития для офицеров, оборудованы штаб, медсанчасть, баня, мастерские, складские помещения — в общем, создана первичная инфраструктура, без которой невозможно было бы обеспечить развертывание грандиозного строительства. А оно велось широким фронтом силами созданного отдельного строительного управления, которое объединяло несколько стройбатов.

В Генеральном штабе был создан специальный отдел, руководивший строительством полигона. Возглавил его генерал-майор инженерно-технической службы В. А. Болятко. Специалисты Министерства обороны содействовали научно-исследовательским институтам в изучении всех поражающих факторов атомного взрыва, а также занимались чисто военными задачами: воздействием взрыва на

местность, постройки, технику и т. д. Они несли ответственность

и за эксплуатацию полигона.

Но для того, чтобы вести всю эту работу, требовались кадры, специалисты различных военных профессий, и их необходимо было обучить, подготовить к исполнению новых, во многом неведомых им обязанностей.

Вначале весь личный состав, подобранный для работы на атомном полигоне, был собран в подмосковном Звенигороде, в здании Саввино-Сторожевского монастыря, где тогда размещался военный санаторий. Его временно закрыли, и он стал и учебным пунктом, и творческой лабораторией, и общежитием для съехавшихся сюда из разных мест службы офицеров, осваивавших свои новые специальности.

Нужно было изучить десятки инструкций, учебных пособий, графиков, чертежей, овладеть основами ядерной физики. И все это было "совершенно секретно", причем настолько "совершенно", что большинство привлеченных к новой работе — а было собрано около ста человек — знало только то, что им предстоит выполнить "важное правительственное задание". На все уточняющие вопросы начальство отвечало уклончиво, напирая на то, что прежде всего надо приобрести необходимые навыки, овладеть новыми специальностями. Словом, учиться, учиться и учиться. У кого, где, с какой целью — все это было покрыто тайной неизвестности. Но, судя по объемистым, подробным анкетам, которые пришлось заполнять собравшемуся в Звенигороде контингенту, — дело было сверхсерьезным.

Весной и летом 1948-го большая часть личного состава Полигона № 2 разъехалась по различным исследовательским учреждениям в зависимости от специальности, которой надо было окончательно овладеть каждому для решения предстоящей общей задачи.

Между тем для тех, кто был непосредственно привлечен к строительству полигона, картина постепенно прояснялась. Полигон оказался весьма обширным и сложным объектом. Он раскинулся на десятки километров и состоял из трех зон, удаленных одна от другой на значитель-

ные расстояния. Все это в чертежах выглядело как гигантский треугольник с основанием в 70 километров и катетами по 160 километров. Население с этой территории переселили в другие районы. На берегу Иртыша, где был раньше поселок Молдары, в 160 километрах от Семипалатинска, разместилась так называемая жилая зона. В ней был жилой городок (площадка "М"), постройки лабораторной группы (площадки "О" и "Д"), казармы, складские помещения и базы. Другая зона — опытное поле, где и должно было производиться испытание атомной бомбы (площадка "П") по соображениям безопасности было удалено от Семипалатинска на 180 километров и на 70 километров от жилой зоны. Вблизи опытного поля планировалось оборудовать вспомогательные площадки "Ш" и "Н". Базовый аэродром и перевалочная база находились в Семипалатинске.

Прояснялись и задачи, которые предстояло решить людям,

отобранным для работы на полигоне. В начале 1948-го приехавший в Звенигород командир части № 52605 генерал-лейтенант П. М. Рожанович сообщил о том, что личному составу, собранному здесь, доверено участвовать в испытаниях новых образцов военной техники. Они будут производиться на специальном полигоне, далеко от Москвы, но полигон пока еще строится. Между тем он ознакомил руководящий состав с планом полигона, о котором говорилось выше. Весной того же года стало известно и об основных назначениях на ответственные должности. В частности, начальником опытного поля, наиболее ответственного участка, был назначен полковник Б. М. Малютов, бывший заместитель начальника Научно-исследовательского инженерного института им. Д. М. Карбышева. Только тогда он узнал подлинное название оружия, которое предстояло испытать "команде" опытного поля под его руководством. Нужно было ускоренно готовить и личный состав, и само поле к испытаниям.

18 апреля 1948 года на аэродроме Семипалатинска совершил посадку самолет Ли-2. Он доставил сюда командование Полигона № 2 — начальника полигона гене-

рала П. М. Рожановича, его заместителя — начальника тыла полковника П. Ф. Ладыгина и других ответственных руководителей военного проекта. По грунтовой дороге, разбитой тракторами и тягачами, на армейском виллисе начальство двинулось на вверенный им объект. Кругом — серая безлюдная степь, сыро, холодно, в низинах еще снежные островки. От зимних месяцев сохранились еще кое-где высокие шесты с пучками камыша наверху — ориентиры для водителей в зимние метели и ночью. Дорога была полна машин, везших стройматериалы.

Прибыли на площадку "М" — место будущего жилого городка. У берега — единственный полузаглубленный щитовой домик — штаб начальника строительства. На несколько гектаров вокруг— землянки для солдат, офицеров, бытовки, каптерки и т. д. За ними — стоянки автомашин, складские помещения, штабеля бревен и металлоконструкций. Все это открыто дождям, метелям, степным буранам.

Зимой 1947/48 года 9 тысяч военных строителей построили здесь земляночные городки, проложили и поддерживали в рабочем состоянии грунтовые дороги между Семипалатинском и зонами Учебного полигона № 2, провели разведку местных источников строительного сырья — камня, песка, глины — и начали их добычу, К весне 1948-го была закончена постройка временных подсобных предприятий: арматурного, опалубного, деревообрабатывающего цехов в Семипалатинске, а также складских помещений. Были оборудованы на берегу Иртыша временные причалы на период навигации, размещены электростанции и насосные установки.

С наступлением теплой погоды, с апреля, развернулось строительство основных сооружений одновременно на всех площадках. Особенные сложности представляло строительство приборных сооружений на опытном поле. Рытье огромных

котлованов, перемещение больших масс грунта и многие другие крупномасштабные работы выполнялись малопроизводительными табельными механизмами и машинами. Разнотипность сооружений, обилие зак-
47
ладных металлоконструкций и отверстий в них, армирование вынуждали делать их монолитными. В результате — обилие ручного труда. Вручную строили и кирпичные дома для опытных лабораторий. Появился палаточный городок для жилья.

В августе, на полигоне появилась комплексная бригада проектировщиков Государственного специализированного проектного института № 2 (ГСПИ-2), руководство которой вскоре после ее прибытия возглавил П. В. Васильев. Строители стали получать чертежи, где уже были учтены имеющиеся на месте материалы и оборудование, оперативно решались вопросы по сметам.

В сентябре начались по ночам удивительные для этих мест ранние заморозки. Трава по утрам покрывалась инеем и ледяной пленкой. Несмотря на это, личный состав полигона по-прежнему размещался в летних палатках и ночью, естественно, мерз. Мало помогали выдаваемые дополнительно 2—3 одеяла.

К ноябрю строители закончили первые два шлакоблочных и два деревянных общежития. Но их на всех не хватало. Люди зимовали в котельных, в насосной, в землянках— везде, где можно было хоть как-то согреться ночью.

Морозы рано сковали реку. Судоходство на Иртыше прекратилось. А именно водный путь главным образом обеспечивал доставку из Семипалатинска крупногабаритных конструкций, длинномерных материалов, кирпича — быструю, с минимальным расходом горючего. Когда навигация прекратилась, вся доставка осуществлялась уже автотранспортом. Усложнилась и эксплуатация дорог и автомашин. Суровая зима Восточного Казахстана диктовала свои условия. Чтобы как-то ускорить строительство жилых и производственных помещений, к приемке их были привлечены специалисты, в эксплуатацию которых эти помещения должны были перейти. Этим достигалось улучшение качества работ, сокращалось число недоделок.

Но главным объектом, во имя которого развернулось в дикой степи все это гигантское строительство, была зона,
48
именуемая опытным полем, тот участок территории, на котором должны были идти испытания секретного военного изделия. Готовясь к этим испытаниям, предстояло прежде всего укомплектовать войсковую часть необходимыми кадрами. А подготовку самого поля к испытаниям должны были вести специально обученные люди, профессионалы высокого класса, специалисты различных областей военного дела. Поэтому срочно требовалось укомплектовать команду опытного поля толковыми, знающими дело людьми.

После тщательного изучения задач и обязанностей, которые возлагались на работников этого подразделения, возобладал

функциональный принцип. К концу 1948 года в штат опытного поля входили три сектора: физических измерений, биологический и вооружения, — а каждый из них состоял из лабораторий (в различных документах они именовались то отделениями, то отделами). Сектора и лаборатории были укомплектованы хорошо подготовленными специалистами и возглавлялись видными в соответствующих областях специалистами. Так строилась работа по укомплектованию поля квалифицированными кадрами. Некоторые начальники лабораторий имели ученые степени. Однако дело было настолько новым, что все нуждались в повышении своих знаний.

Поэтому вторая важнейшая задача подготовки к предстоящим испытаниям атомной бомбы состояла в том, чтобы вооружить личный состав всех подразделений знаниями об аппаратуре, привлекаемой на испытания, и методиках измерения новых, соответствующих бомбе параметров.

Основной базой обучения личного состава сектора физических измерений стал Институт химической физики (ИХФ) Академии наук СССР, возглавлявшийся академиком Н. Н. Семеновым. Научным руководителем подготовки офицеров самого опытного поля являлся заместитель директора этого института М. А. Садовский. Обучение личного состава проводили специалисты Института химической физики О. И. Лейпунский, И. Л. Зельманов,

Г. Л. Шнирман, П. А. Ямпольский, В. Б. Миллер и некоторые другие. Эти же специалисты стали научными руководителями соответствующих лабораторий сектора. Привлекались к обучению офицеров также специалисты Государственного оптического института, где руководителем был профессор М. А. Ельяшевич.

Главным центром подготовки сотрудников биологического сектора стал Главный военный госпиталь им. Бурденко.

Сотрудники сектора вооружений готовились к испытаниям самостоятельно, непосредственно на полигоне.

Подготовка специалистов сектора физических измерений облегчалась тем, что в Москве к этому времени уже работал ядерный реактор в лаборатории измерительных приборов Академии наук СССР (будущий Институт атомной энергии им. И. В. Курчатова). На этом реакторе получали гамма-источники искусственной радиоактивности, кобальтовые и цезиевые. Эти источники привозили в Институт химической физики. Радиоактивные источники помещались в свинцовые контейнеры. Из хранилища их переносили в лаборатории, вынимали из контейнеров и устанавливали в требуемом месте. И так несколько раз в день. Помещений у сотрудников было мало, работать приходилось иногда в той же комнате, где происходила градуировка приборов. Естественно, что при такой "технике безопасности" избежать излучения было невозможно. И хотя радиоактивные источники были довольно слабые, но за день набиралась доза от 0,05 до 0,1 рентгена. Между тем сотрудники лаборатории не только не боялись облучения, но даже

бравировали этим.
«Однажды кто-то из сотрудников, — вспоминал А. И. Ханович, работавший тогда в лаборатории, — обнаружил, что в ампуле одного из радиоактивных источников нарушена герметизация. Решили очистить и промыть его поверхность. Эту операцию поручили сотруднику лаборатории и мне. Средства защиты применялись самые примитивные: чьи-то старые брюки, халат, за неимением резиновых перчаток —. презервативы. Я не помню, какую дозу мы получили,
50
но число лейкоцитов в крови упало с 6000 до 3500. Врач институтской службы радиоактивной безопасности требовала, чтобы мы регулярно сдавали кровь на анализы и ходили к ней на осмотр, но мы, завидев ее, обычно куда-нибудь прятались»[11].

Но как бы там ни было, к началу 1949 года учебная подготовка сотрудников поля в основном была закончена и все специалисты, а также необходимая аппаратура для работы сосредоточены на полигоне.

По-прежнему острейшей проблемой с наступлением холодов оставалось жилье. Если строители к осени 1948-го уже подготовили для себя хоть какое-то жилье (в основном землянки), то прибывавшие сотрудники опытного поля оказывалась в трудном положении. Дело в том, что главные строительные работы в 1947—1948 годы велись на ближайшей железнодорожной станции Жана-Семей, где был построен современный аэродром, и на самом опытном поле. В то же время на берегу Иртыша, в штабном городке, получившем название "Берег", к октябрю 1948-го было построено только два жилых дома, два двухэтажных лабораторных корпуса, здание штаба части, виварий для подопытных животных и корпус патологоанатомической лаборатории. Поэтому приехавшие специалисты жили в палатках — даже землянки строителей были для них мечтой. Только после доклада Б. М. Малютова в Генштабе и бурной дискуссии там с маршалом инженерных войск М. П. Воробьевым, отвечавшим за строительство Учебного полигона № 2, личному составу опытного поля удалось отвоевать для зимовки лабораторные корпуса, которые конечно же имели весьма мало общего с жилыми помещениями.

В период подготовки и проведения первого атомного взрыва на полигоне был установлен чрезвычайный, жесткий режим сохранения секретности работ. Все служебные записи велись в состоявших на учете тетрадях, которые хранились в чемоданах, опечатывавшихся личной печатью и в конце рабочего дня сдававшихся на хранение в секретный отдел. Генерал-майор В. А. Болятко каждый раз,
51
посещая лабораторию, сам осматривал ящики письменных столов, проверяя, не оставлено ли в них каких-либо бумаг с записями. Не было ни одного случая осознанного нарушения режима секретности или каких-либо враждебных действий.

Можно с полным правом сказать, что огромный коллектив сотрудников полигона, понимая всю свою ответственность за

успешное решение задачи государственной важности, трудился во имя ее исполнения, не щадя сил и здоровья. Были недостатки в работе, но они проистекали главным образом из-за новизны дела. Вот такое было поколение людей.

В. В. Алексеев, возглавлявший тогда отдел проникающих излучений, вспоминал, что со столь жестким режимом однажды, незадолго до испытания бомбы, ему пришлось пережить весьма напряженную ситуацию:

«Дело было в том, что в лабораторных шкафах хранились стеклянные вакуумные дозиметры, каждый в своей коробке, обернутые ватой. Они должны были быть применимы для определения доз гамма-излучения при взрыве. Стали их извлекать для проверки перед установкой на опытном поле. И тут оказалось, что почти у всех дозиметров лопнули стеклянные баллоны. Следовательно, приборы вышли из строя. Скандал! Немедленно доложили руководству. Созданная комиссия провела расследование. С помощью поляриметра обнаружилось внутреннее перенапряжение в стекле, образовавшееся при пайке. Подозрения о какой-либо диверсии отпали»[18].

Вообще при подготовке первого атомного взрыва было немало проблем с дозиметрической аппаратурой, необходимой для обеспечения радиационной безопасности при проведении испытания. Начинать пришлось с нуля. Никакой дозиметрической аппаратуры для работы в полевых условиях попросту не существовало. В сжатые сроки необходимо было создать такую аппаратуру для проведения радиационной разведки на земле, в районе взрыва, для авиационной разведки и дозиметрического контроля облучения участников испытаний по возвращении их из зараженных районов. Вся эта работа была развернута на базе

Института биофизики Академии медицинских наук СССР под руководством заместителя директора института Б. М. Исаева. Создать новую аппаратуру в сжатые сроки подготовки полигона к испытанию было немыслимо. Оставалось одно: приспособить к работе в полевых условиях уже имевшиеся лабораторные образцы и макеты.

Для радиационной разведки района взрыва были оборудованы два танка со снятыми орудийными башнями. Днище и борта танков были обиты свинцовыми листами, а впереди них на штанге были выставлены измерительные датчики. Аналогично дооборудовали и несколько автомашин. Для авиационной разведки дозиметры и рентгенометры размещались на обычном транспортном самолете. А проверка дозы облучения, полученной участниками испытаний, производилась с помощью индивидуальных фотокассет.

Колорит того времени передают воспоминания Сергея Львовича Давыдова, в ту пору инженер-майора, который волею судьбы стал в нашей стране первым человеком, нажавшим кнопку пуска подрыва атомного заряда на первом испытании атомной бомбы. Программный автомат (АП, как его называли на полигоне) должен был обладать абсолютной надежностью, так

как по его командам включались в работу все измерительные приборы. Ответственность осуществлявшего пуск многократно увеличивалась еще и потому, что производился подрыв единственного в стране атомного заряда, второго такого еще не было, — повторить все было невозможно.

Инженер-майор С. Л. Давыдов, назначенный в мае 1948-го старшим научным сотрудником лаборатории автоматики учебного полигона, весной 1949-го с группой коллег по новой работе выехал в Семипалатинск. Вот как он вспоминает о своем прибытии на полигон:

«Прибыть нам следовало на станцию Жана-Семей, на левом берегу Иртыша, пригород Семипалатинска, а вот билеты, ради секретности нашей поездки, были приобретены до станции Чарская (следующая за Семипалатинском узловая станция).

53

До Новосибирска ехали с комфортом и получали от путешествия удовольствие. Вагоны удобные, просторные, чистые и почти совершенно новые — только что появившиеся цельнометаллические. Проезжали старинные русские города: Вологду, Ярославль, Киров, Пензу, Свердловск. С удовольствием выходили на привокзальные площади этих городов, в те годы еще сохранявшие свой самобытный облик.

В Новосибирске совершили пересадку. Радостное настроение сменилось грустным. Вагоны старого образца, тесные, душные, запыленные, плохо освещенные. Проводники, как ни стараются, не могут добиться чистоты, избавиться от всюду проникающей пыли степного песка. При пересадке женщина-проводник внимательно просмотрела наши билеты, взглянула на нас и сказала, что если мы будем выходить не на Чарской, а в Жана-Семей, то к выходу следует подготовиться еще в Семипалатинске: поезд стоит одну минуту. От секрета нашей поездки ничего не осталось. Мы поблагодарили за предупреждение, оно было нелишним, так как у сотрудников Мамаева и Денисова было много пакетов. Поступили так, как советовала проводник: переезжая Иртыш, находились уже в тамбуре.

В Жана-Семей мы не задержались. Малютова встречал комендант, и к поезду были поданы автомашины. Забрались в кузов грузовика, и нас повезли в объезд железнодорожной станции к землянкам, находившимся с другой стороны станционных путей. В комендантской землянке представитель службы режима проверил выданные нам в Москве специальные талончики — допуски на право въезда на полигон — и удостоверения личности. Все документы оказались в порядке. Нас снова усадили в грузовик и отправили в дальнейший путь. Малютов с профессорами поехал на легковой машине военного образца ГАЗ-67, которую здесь называли "козлик".

Грунтовая дорога шла вдоль левого берега Иртыша, по не повторяла извилистых очертаний реки. Слева от дороги вытянулась прямая как струна столбовая телефонно-телеграфная линия. Было только 21 апреля, а за автомашинами на сотню метров уже тянулись хвосты пыли. Если бы не боко-

вой ветер, сносивший облако пыли в сторону, грузовик не смог бы ехать за "козликом ". Предупрежденные товарищами, мы еще в Москве обзавелись противопыльными очками.

По обеим сторонам дороги простиралась однообразная песчаная степь. Кругом песок. Только когда приближаешься к берегу, взор услаждается зеленью, обильно покрывающей пойму реки, да за рекой справа виднелись не очень густые сосновые рощи. Слева же было голо до самого горизонта, где в дымке проступали контуры гор. Кое-где встречались обработанные под просо прошлогодние делянки, разрушенные и брошенные владельцами саманные стойбища, попадались могильники. Ехавшие с нами на грузовике "старожилы " полигона объяснили, что коренных жителей из окрестностей полигона выселили. Действительно, ни одного казаха мы на своем пути не встретили. Так доехали до реки Наган (Шаган), притока Иртыша. Здесь был оборудован обогревательный пункт для отдыха, особенно необходимый в зимнее время. Тут же можно было заправить горючим автомашины. Обслуживали пункт солдаты дорожно-ремонтного подразделения.

После короткой разминки тронулись дальше. Та же безрадостная картина. От однообразия стали уже уставать, когда слева показались три хилые, одиноко стоящие сосны. На память приходит фраза Чехова: "Кто их поставил и зачем они здесь?" ("Степь"). "Старожилы" рекомендуют проститься с ними, как последними представителями флоры. Дальше деревьев не будет. Становится грустно от такого предупреждения, и мы взглядами провожаем постепенно исчезающие из поля зрения деревца.
Наконец впереди изгородь из трех рядов колючей проволоки. Слышим произносимое с горечью слово "Лимония ". Грузовик останавливается перед шлагбаумом. Рядом — караульное помещение: контрольно-пропускной пункт (КПП). Совсем молодые солдаты и представитель службы режима проверяют наши документы, сверяют со списком и поодиночке пропускают нас за колючую проволоку. Проезжает и осмотренный внутри грузовик с вещами. Забираемся в кузов и едем.

За проволокой картина резко изменилась. Первое, что бросилось в глаза, — множество беспорядочно наезженных автомобильных дорог. Одни веером расходились от КПП, другие шли поперек, пересекая одна другую. Всюду снующие туда и сюда грузовики, самосвалы. То там, то здесь виднеются копошащиеся землеройные машины. Земля изрыта котлованами, траншеями, во многих местах горы вынутого песка. Справа вдоль берега, насколько хватает глаз, вытянулся сплошной ряд землянок — городок военных строителей.

Лавируя среди этого хаоса, грузовик через несколько километров приблизился к цепочке довольно редко выстроившихся двухэтажных домов. Многие из них еще строились. Первый попался на глаза посаженный на берегу деревянный особнячок. Непропорционально высокий, с остроконечной крышей, он напоминал скворечник. Таких

"скворечников" для приема высокопоставленных лиц на полигоне должно было быть выстроено три, но ограничились одним. Недалеко от "скворечника ", тоже на берегу реки, виднелся небольшой восьмиквартирный двухэтажный кирпичный дом — "коробочка " с почти плоской крышей и балконами. В доме проживало командование полигона. Сюда и свернул "козлик " Малютова.

Проехав метров сто вперед, грузовик остановился у недостроенного здания будущей гарнизонной столовой — дальше пути не было. Канавы, траншеи, кучи песка, бревна, трубы — все перегораживало проезд. Это был центр площадки "М", как тогда называли территорию будущего жилого городка. Справа от нас, на самом берегу, играя в лучах послеполуденного солнца, вытянулся только что отстроенный большой двухэтажный корпус. В нем находился штаб полигона. Перед штабом, несколько сбоку, почти напротив столовой, разместилась уже достроенная двухэтажная гостиница для руководящего состава атомной промышленности. Напротив гостиницы, с другой стороны штаба, — два деревянных домика. Временно я разместился в одном из домов-общежитий»[19].

С началом 1949 года темп работ на испытательном полигоне нарастал с каждым днем. Интенсивная работа

велась по всем направлениям, но главным объектом было, конечно, опытное поле. Работали много: прокладывали кабели от ионизационных камер в приборные сооружения, устанавливали на поверхности земли различные устройства для защиты приборов от разрушающего воздействия ударной волны. После утомительного дня ночевали тут же, на опытном поле, в выстроенном громадном здании промышленного цеха, превращенного временно в общежитие. Внутри здания не было перегородок; спали не выбирая места, где придется.

Опытное поле представляло собой ровную необозримую площадку примерно в 400 квадратных километров. В центре ее была построена металлическая башня высотой в 30 метров, на которой устанавливалось "изделие"[20]. Все поле было обнесено проволочным заграждением радиусом 10 километров, постоянно охранялось по периметру. Оно было разделено на сектора, в которых размещались боевая техника, вооружение и различные инженерные сооружения. По северо-восточному и юго-восточному радиусам были построены приборные сооружения ("башни"), в которых устанавливались измерительные приборы и автоматическая скоростная оптическая аппаратура. Часть датчиков и индикаторов устанавливалась открыто, а часть — в боевой технике и вооружении.

По северо-восточному радиусу открыто на местности размещалась основная группа животных — лошадей, овец, поросят, собак, морских свинок, белых мышей. Большая группа животных находилась в боевой технике и инженерных сооружениях: в танках, траншеях, на артиллерийских позициях, в дотах, а также в двух трехэтажных домах и промцехе, построенных на дистанции 800, 1200 и 1500 метров по северо-

восточному радиусу.

В секторах, отведенных под тот или иной вид техники, на дистанции от 250 метров до 3 километров устанавливались самолеты различных типов, а также поднятые в воздух на тросах аэростаты с гирляндами измерительных приборов, танки Т-34, артиллерийские орудия, в том числе зенитные, и минометы, надстройки боевых кораблей,

57

образцы химического вооружения, образцы техники, связи, многие виды продовольственного и вещевого снабжения, окопы, блиндажи, траншеи и т. д., и т. п.

В центре поля, непосредственно под башней, на горизонтах 10, 20 и 30 метров под землей были проложены подземные галереи длиной примерно по 30—40 метров.

Все это при испытании первого "изделия" не только позволило определить мощность атомного взрыва, его основные физические параметры, но и проверить устойчивость к воздействию взрыва основных видов вооружения и боевой техники, а также защитные свойства различных сооружений и танков при воздействии поражающих факторов взрыва на личный состав, находящийся в этих объектах.

При подготовке к атомному взрыву большое внимание уделялось программному автомату (АП), устройству для дистанционного включения всей измерительной аппаратуры опытного поля и синхронного с ним включения подрыва атомного зарядов. От надежности АП зависело очень многое: если автомат не сработает, это означает провал всего эксперимента, к которому столь напряженно, упорно готовились.

Поэтому, когда перед испытанием бомбы прибыла Государственная комиссия во главе с М. Г. Первухиным, ее члены весьма придирчиво проверяли надежность и готовность программного автомата. Более того, персональную ответственность за его эксплуатацию возложили на оператора, который должен был нажать кнопку пуска, — С. Л. Давыдова. Для него это решение, видимо, было не самым радостным. К тому же на полигон прибыл член Политбюро ЦК ВКП(б), министр внутренних дел Л. П. Берия. Он познакомился с полигоном и посетил командный пункт. Берии, очевидно, понравился АП, и он заявил, что во время взрыва будет находиться в аппаратной. Его решение еще более усилило нервозность пусковой команды, в первую очередь, конечно, Давыдова. И без присутствия Берии обстановка в аппаратной обещала быть напряженной. Но как заставить министра изменить свое решение? Было

58

решено написать специальную инструкцию, по которой в аппаратной во время эксперимента не должно быть никого, кто не занят непосредственно работой, и что аппаратная изнутри запирается на ключ. Инструкция, которую утвердил Курчатов, сработала безотказно: Берия и не пытался проникнуть в аппаратную.

Но если с Берией в данном случае все обошлось благополучно, это не означало, что у руководящего состава

полигона отношения с "органами" всегда складывались гладко. Начальник опытного поля Б. М. Малютов впоследствии писал:

«В период подготовки опытного поля к первому атомному взрыву мне очень близко пришлось столкнуться с действиями "органов", опекаемых генерал-лейтенантом Л. Ф. Мешиком. Препятствия, чинимые "органами "при посылке офицеров с полигона на базу снабжения в Жана-Семей ***и*** *при согласовании программ измерений, заставили меня заявить Мешику резкий протест по поводу действий его подчиненных. При одной из стычек с Мешиком, как помню, я заявил ему: "Вы, видимо, поставлены здесь для того, чтобы предотвратить утечку секретной информации и, видимо, только для этого. На нас же возложена задача как можно полнее отразить и зафиксировать результаты испытаний и в то же время предотвратить утечку секретной информации. Если вы не доверяете нам, ставьте вопрос о нашей замене людьми, пользующимися вашим доверием. А так, то есть в обстановке, созданной опекаемыми вами "органами ", работать продуктивно нельзя.*

Апогеем наших стычек с "органами"явилось их требование буквально за неделю до взрыва освободить от обязанностей семерых начальников лабораторий. Это требование настолько возмутило меня, что я решил обратиться непосредственно к председателю Государственной комиссии, проверявшей готовность полигона к испытанию, министру М. Г. Первухину, и попросить его вмешаться в это дело. К его чести, он разобрался в этом деле и, видимо, дал серьезный нагоняй старшему представителю "органов " при полигоне»[21].

59

Во всяком случае, все "подозреваемые" начальники лабораторий остались на месте. Но несколько десятков сотрудников полигона все же были высланы по требованию Мешика накануне атомных испытаний.

Накануне первого испытания советской атомной бомбы высшее руководство решило провести генеральную репетицию. Она была назначена на 27 августа. Все службы и подразделения должны были работать так же, как в день проведения взрыва. 27 августа приступили к подготовке приборных сооружений. Подзаряжались аккумуляторные батареи, настраивались установленные в сооружениях приборы. После обеда специально образованные комиссии приступили к окончательной проверке и опечатыванию сооружений. Эта процедура длилась весь день и закончилась поздно ночью.

Кроме того, потребовалось привлечь очень много людей и транспортных средств для перевозки и размещения на поле огромного количества вооружения, имущества, животных. Нужно было развернуть службу радиационной безопасности, а также комендантскую службу учета въезжающих на опытное поле и выезжающих с него: ведь на поле не должно было быть оставлено ни одного человека. На командном пункте остался ограниченный круг лиц. По условиям безопасности с командного пункта разрешалось сквозь затемненные очки наблюдать вспышку атомного взрыва, а затем немедленно, за не более чем 30 секунд,

успеть укрыться внутри сооружения и не выходить из него до прохода ударной волны. Лица, ответственные за своевременное закрытие дверей, тренировались проделывать эту операцию с предельной быстротой. Остальные участники испытаний сосредоточивались в выжидательном районе за пределами опытного поля.

Дорога с опытного поля в городок на берег Иртыша перекрывалась для автотранспорта, и все выезжавшие с опытного поля обязаны были пройти через пункт дозиметрического контроля. Проверялось загрязнение одежды, приборов, автотранспорта. Загрязненные автомашины отправлялись на моечную площадку, одежда и приборы дез-

активировались, а люди проходили сквозь душевые кабины санпропускника.

Генеральная репетиция прошла успешно, решено было назначить испытания на утро 29 августа. Накануне на полигоне было расставлено все необходимое оборудование и аппаратура различного назначения. В этот же день в назначенные места были доставлены на грузовиках подопытные животные: овцы, бараны, собаки, клетки с мелкой живностью. Автомашины двигались колоннами и поодиночке. Сопровождали животных солдаты и офицеры, одетые в защищающие от радиации комбинезоны. На опытном поле в его центре возвышалась высокая металлическая башня. Ее вершина была обшита деревянными щитами, в щитах оставлены оконца для наблюдения за начальной фазой взрыва. От командного пункта к башне вела дорога. По ней на грузовике, глушитель которого оснащен специальной защитной сеткой, должны были подвезти атомный заряд. К концу дня 28 августа все было готово.

И вот наступил решающий день испытания первой атомной бомбы в Советском Союзе. Все участвующие были напряжены до предела: понимали, что сегодня произойдет такое выдающееся событие, которое навсегда войдет в историю. Руководство тоже волновалось. Уже на рассвете стало известно, что из-за вероятного ухудшения погоды и возможной грозы время начала эксперимента — взрыв — перенесено на один час раньше (до этого планировалось произвести подрыв заряда в 8.00, то есть в 5.00 по московскому времени). За полчаса до взрыва С. Л. Давыдов нажал пусковую кнопку: механизм подготовки к взрыву пришел в действие. За минуту до подрыва заряда по команде И. В. Курчатова была нажата главная кнопка.

Вот как описывает Давыдов эти тревожные минуты, точнее секунды:

«Из репродукторов доносилось: "Осталось пять, четыре, три, два, один, ноль!" Я едва успевал докладывать о выдаче и прохождении команд. На доклады руководство не отвечало. По словам Денисова (коллега С. Л. Давыдова. — *А. О.), я страшно побледнел. И вдруг у Чугунова (представитель*

комиссии по АП) на пульте вспыхнула электрическая дуга. Секунда раздумья, и Чугунов отключил аккумуляторы. Дуга

погасла.

Наступила пауза... Все молчат... АП продолжает отрабатывать положенные ему 40 секунд... Произошел ли взрыв? С тревогой и надеждой смотрим друг на друга. Но вот за дверью раздался шум вбегающих людей, возня у запираемой двери, радостные голоса, крики "ура!". А вот и два мощных шлепка по крыше каземата, словно выпущенный на волю джинн-великан дружески похлопал по плечу. Нарастает боль в ушах, но нет, не сильная. Ударная волна прошла. Почти молча поздравили друг друга»[22].

Как вспоминают свидетели взрыва, над опытным полем стояла стена пыли высотой в несколько километров и столь же протяженная. Ничего нельзя было рассмотреть, кроме нескольких ближайших сооружений. Увиденное поражало не красотой, а громадными масштабами явления.

Когда прошла ударная волна, наступило время проверки результатов эксперимента. Первым на поле выехал на специально оборудованном свинцовой защитой танке заместитель министра здравоохранения СССР А. И. Бурназян. Он имел схему сооружений, расположенных по северо-восточному радиусу поля. Проезжая мимо сооружений, Бурназян должен был в зависимости от отсутствия или наличия радиоактивности выпустить зеленую или красную ракету. Однако танк проходил рубежи 10 000, 5000, 3000 метров, а взлетали только зеленые ракеты. Наконец на 1800 метров выстреливается красная ракета, свидетельствующая о том, что появилась радиоактивность. Это означало и то, что разрешается выезд на поле.

Вслед за Бурназяном на поле выехали еще два танка, обшитые свинцовыми щитами. Их вели генерал-майор А. М. Сыч и полковник С. В. Форстен. Танки пересекли эпицентр взрыва и замерили радиоактивность на поле. Тут же группа разведчиков службы безопасности оградила флажками границы опасной зоны. Затем группы специалистов исследовали результаты воздействия взрыва на технику, вооружение, инженерные сооружения, постройки, живот-

ных. После этого по полю проехали руководители атомного проекта — И. В. Курчатов, А. П. Завенягин и их сотрудники.

В ходе контроля последствия взрыва происходили и трагикомические случаи. Так, например, при эвакуации животных с опытного поля один из солдат, увидев плитку шоколада, потихоньку съел ее. Однако на пункте дезактивации было замечено, что солдат радиоактивен более нормы. Сняли с него всю одежду — то же самое. Где же источник излучения? Когда поднесли радиометр к животу, источник выявился. Солдат был отправлен в госпиталь, где в течение нескольких дней подвергался многократному промыванию желудка. Через несколько дней его выписали из госпиталя: обошлось. Но бывают ведь и поздние последствия.

Часа через полтора после взрыва, когда пыль на поле рассеялась, стало видно, что ни башни в центре поля, ни жилых домов, в которых личный состав прожил несколько месяцев, ни промышленного цеха уже нет. Вздымались лишь столбы черного

дыма от горевших складов нефтепродуктов. Были видны догорающие искореженные самолеты, сброшенный с опор железнодорожный мост, разрушенные постройки. Песок в радиусе нескольких сотен метров оказался сильно оплавленным. Кругом валялись изуродованные танки, орудия, другая боевая техника. Некоторые машины были отброшены на десятки метров от места, где они были поставлены.
Результаты атомного взрыва, его воздействие на боевую технику, инженерные укрепления, различного характера строения, животных, находившихся на территории полигона, уровни проникающей радиации — все свидетельствовало об успехе. Проведенный эксперимент показал (хотя и не по всем параметрам), что атомный взрыв соответствует теоретическим представлениям, а значит, открывает путь к созданию более мощных образцов атомного оружия. Советский Союз стал ядерной державой.
63

4. Наука или разведка?

3 сентября 1949 года американский бомбардировщик В-29, совершивший очередной разведывательный полет в северной части Тихого океана близ границ СССР, при заборе пробы воздуха (такая задача ставилась всем самолетам, совершавшим разведывательные полеты в районах, граничащих с СССР) обнаружил повышенную радиоактивность. Проверка взятой пробы привела американских специалистов к выводу, что в СССР испытана атомная бомба. Известие об этом вызвало в Вашингтоне настоящий шок. Анализ радиоактивных образцов, произведенный американцами, показывал, что было испытано оружие на плутониевой основе и современной конструкции.

«Вероятность того, что это нечто иное (т. е. не атомный взрыв. — *А. О.), — писал впоследствии председатель комиссии по атомной энергии Лилиенталь о своей первой реакции на известие о советской атомной бомбе, —категорически отметается — Роберт Оппенгеймер совершенно определенен... Чувство в животе: вот оно то, чего мы боялись, начиная с января 1946 года, с момента первого заседания нашей консультативной группы...»* [23]
Президент Г. Трумэн и министр обороны Л. Джонсон, потрясенные провалом предсказаний и расчетов правительственных служб, с трудом верили фактам. Еще бы! Ведь комитет начальников штабов в 1946 году заверял президента, что "любая великая держава, начинающая с нуля и располагающая той информацией, которая ныне доступна, сможет осуществить эту цель в течение 5—7 лет, если она получит помощь в поставке и использовании специализированного оборудования и станков от наций, наиболее способных к производству атомных зарядов, и в период от 15 до 20 лет без такой посторонней помощи". И вот вместо 20 лет через каких-то 3 года в Советском Союзе появилось атомное оружие. Несмотря на то, что президент получил информацию об

атомных испытаниях в СССР 12 сентября, он не решался сразу же объявить об этом. Только 23 сентября Г. Трумэн доложил кабинету и
64
всей стране о происшедшем событии. По оценке Д. Лилиенталя, советское испытание "коренным образом изменило обстановку".

Но в Вашингтоне в это не хотели верить. Даже когда Трумэну 19 сентября 1949 года предоставили неопровержимые данные о появлении в СССР атомной бомбы, он отнесся к этому скептически. Он попросил каждого из членов специальной комиссии по атомной энергии дать свое личное подтверждение того, что русские "действительно смогли сделать это". Он всячески уклонялся от того, чтобы сделать официальное заявление об испытаниях атомной бомбы в СССР, хотя уже были признаки того, что эта новость, помимо Белого дома, просочится в печать. Известно, что он спросил у Лилиенталя, уверен ли тот, что "русские действительно имеют бомбу?" Лилиенталь подтвердил этот факт. Советники Трумэна настаивали, чтобы президент публично признал наличие в СССР атомного оружия. И только 23 сентября, почти через месяц после атомного взрыва на Семипалатинском полигоне, он сообщил миру: "Мы имеем свидетельства того, что несколько недель назад в СССР был произведен атомный взрыв". Это был тяжелый удар по американскому истеблишменту.

В СССР 25 сентября было опубликовано официальное сообщение:

«23 сентября президент США Трумэн объявил, что, по данным правительства США, в одну из последних недель произошел атомный взрыв. Одновременно подобное заявление было сделано английским и канадским правительством.

Вслед за опубликованием этих заявлений в американской, английской и канадской печати, а также в печати других стран появились многочисленные высказывания, сеющие тревогу в широких общественных кругах.

В связи с этим ТАСС уполномочен заявить следующее:

В Советском Союзе, как известно, ведутся строительные работы больших масштабов — строительство гидростанций, шахт, каналов, дорог, которые вызывают необходимость больших взрывных работ с применением новейших
65
технических средств. Поскольку эти взрывные работы происходили и происходят довольно часто в разных районах страны, то возможно, что это могло привлечь к себе внимание за пределами Советского Союза.

Что же касается производства атомной энергии, ТАСС считает необходимым напомнить о том, что еще в ноябре 1947 года министр иностранных дел СССР В. М. Молотов сделал заявление относительно секрета атомной бомбы, сказав, что "этого секрета давно уже не существует ". Это заявление означало, что Советский Союз уже открыл секрет атомного оружия, и он имеет в своем распоряжении это оружие. Научные круги Соединенных Штатов Америки приняли это заявление В.

М. Молотова за блеф, считая, что русские смогут овладеть атомным оружием не ранее 1952 года. Однако они ошиблись, так как Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 году.

Что касается тревоги, распространяемой по этому поводу некоторыми иностранными кругами, то для тревоги нет никаких оснований. Следует сказать, что советское правительство несмотря на наличие у него атомного оружия стоит и намерено стоять в будущем на своей старой позиции безусловного запрещения применения атомного оружия.

Относительно контроля над атомным оружием нужно сказать, что контроль будет необходим для того, чтобы проверять исполнение решения о запрещении производства атомного оружия»[24].

Нужно сказать, что руководство СССР было встревожено заявлением Трумэна от 23 сентября. Откуда американцам известно о нашем атомном взрыве? Значит, была их агентура на полигоне? Только убедительные разъяснения ученых убедили Кремль в том, что факт атомного взрыва можно определить по заборам проб воздуха за сотни километров от места взрыва.

Как бы то ни было, заявление ТАСС было воспринято мировой общественностью с разноречивыми чувствами. Многие считали это шагом, который ставил преграду угрозе атомной войны. Не случайно известный американ-

ский политический деятель Г. Киссинджер писал: "Советский Союз обладал еще одним преимуществом в первые послевоенные годы: растущим убеждением общественности несоветской части мира... в том, что ядерная война представляла собой неимоверную катастрофу"[25].

А что Вашингтон? Там сообщение ТАСС вызвало бурю. Воинствующая часть общественности требовала немедленного развязывания превентивной атомной войны против СССР. Однако войны не произошло: выяснилось, что США не смогут выиграть такую войну, даже нанести первый ощутимый для СССР удар. В конце 1949 года США имели 840 действующих стратегических бомбардировщиков, способных нести атомные бомбы, и около 250 самих бомб. Конечно, и такое количество атомных боеприпасов было впечатляющим, но тактико-технические характеристики самолетов-носителей позволяли достичь Москвы, Ленинграда и других городов в Европейской части СССР при действии с авиабаз Англии и других стран Западной и Южной Европы. Однако их в то время было явно недостаточно, а главное, теперь это ставило под угрозу советского атомного удара западноевропейских союзников Соединенных Штатов, и это в значительной степени меняло мировую ситуацию.

Весть о появлении в СССР атомной бомбы взбудоражила весь мир, и, конечно, в первую очередь Америку. Сразу же получила развитие версия о том, что Советский Союз с помощью своей агентуры смог добыть секреты американского "Манхэттенского проекта" и быстро создать аналогичную бомбу. Вспомнили о

крупном международном скандале 1945 года. Тогда шифровальщик советского посольства в Канаде Игорь Гузенко попросил у канадского правительства политического убежища и передал в руки полиции Канады сведения о сети советских разведчиков, работавших над раскрытием американских атомных секретов. Последовал ряд арестов, и в конечном счете западные службы вышли на след советского "супершпиона", как его именовали, физика Клауса Фукса, работавшего в Лос-Аламосе.
67

С тех пор тема Фукса как человека, обеспечившего успех Советского Союза в создании собственной атомной бомбы в короткие сроки, не сходит со страниц военной и научной исторической литературы. Согласно многочисленным версиям, роль советских ученых — И. В. Курчатова, Ю. Б. Харитона, А. Б. Зельдовича, а также создателей и организаторов атомной промышленности — была минимальной, а роль разведки — основной.

Действительно, наша первая бомба, взорванная на полигоне под Семипалатинском, была копией американской бомбы.

В связи с этим встает вопрос, до сих пор вызывающий споры: кто же сыграл главную роль в создании атомного, а затем и водородного оружия в СССР: наука или разведка? Когда в 1992 году академика Ю. Б. Харитона спросили, правда ли, что первая советская атомная бомба — двойник первой американской, он ответил: "Наша первая атомная бомба — копия американской, И я считал бы, — добавил он, — любое другое действие в то время недопустимым в государственном смысле. Важны были сроки: кто обладает атомным оружием, тот диктует политические условия". Тогда корреспондент спросил академика:

«—Кто оке этот человек, передавший схему бомбы ?

— Клаус Фукс, — ответил ученый. — После суда над ним эта история на Западе стала хорошо известна. У нас она без особого смысла скрывалась, даже в научных кругах как-то не принято было об этом говорить.

Фукс, о существовании которого мы тогда, конечно, не знали, сделал большое дело, позволив ускорить работы. Конечно, все нужно было проверить, просчитать, так как сообщение могло быть хитрой дезинформацией. В конце концов убедились: все верно, и воспроизвели изделие. Повторюсь: мы не имели права поступать иначе.

— А без Фукса пришли бы к такому результату?

— Безусловно. Были и идеи, требовавшие продвижения в более совершенные стороны, но все это требовало времени»[26].
68

Действительно, обстановка, сложившаяся к середине 1949 года, заставляла торопиться. Американцы уже имели более 250 атомных бомб и 840 самолетов — носителей этого оружия. Кроме того, еще весной того же года был создан военно-политический блок НАТО, направленный против СССР. В то же время Советский Союз не имел ни атомной бомбы, ни средств доставки ее на Американский континент. Приближавшаяся победа коммунистических сил в Китае еще более обостряла обстановку в

мире. Советскому Союзу нужно было срочно найти адекватный ответ на вероятную угрозу атомного нападения, а такие планы в США уже разрабатывались, уточнялись и совершенствовались.

Но все это вовсе не означает, что только проникновение в американские атомные секреты дало СССР ядерное оружие. Нет! В закрытом "атомграде" под Нижним Новгородом — Арзамасе-16 (город Саров) сотрудники коллектива Ю. Б. Харитона и Я. Б. Зельдовича создавали два своих варианта оригинальных и технически более совершенных, нежели американская, бомб, которые были испытаны в 1951 году. Эти бомбы оказались в несколько раз легче американской и к тому же в несколько раз мощнее и имели оригинальный, совершенно отличный от американского взрыватель. Но развернувшаяся "холодная война" требовала ответа на американский вызов.

Советское правительство и в первую очередь И. В. Сталин и Л. П. Берия (руководитель всех работ по атомной проблеме в СССР) настаивали на скорейшем создании Советским Союзом своего атомного оружия. Поэтому научный коллектив Ю. Б. Харитона вынужден был затормозить работы над собственными проектами, чтобы без промедления воссоздать уже опробованные в Аламогордо, Хиросиме и Нагасаки американские бомбы.
Без той серьезной научно-производственной базы, которая была создана в работах над атомным оружием в СССР в 30—40-е годы, любые добытые разведчиками данные оказались бы бесполезными.
69

Это, конечно, не означает, что те разведданные не были ценными. Нет, их роль весьма важна в реализации советского уранового проекта. Важна, но не решающа.

Лет десять назад академик А. П. Александров говор ил:

«...Ни Курчатов, ни другие участники проекта на чужие идеи не надеялись — искали свои. К тому времени, когда открытие нейтрона и деления урана прояснили путь к практическому овладению атомной энергией, наши исследования в этой области были уже на мировом уровне. Их вели в своих лабораториях И. В. Курчатов, А. И. Алиханов, Л. А. Арцимович, П. И. Лукирский — в Ленинградском, К. Д. Синельников — в Харьковском физтехах. Кстати, у советских ученых были иные, более надежные источники информации, нем данные разведки. Зная последние — до того, как опустился занавес секретности — работы крупного зарубежного исследователя и не находя его имени в научных изданиях (а значит он не сменил область своих научных интересов), не трудно было определить, что он движется в том же направлении и что это направление опробуется в секретных атомных работах"[21].

В том же интервью А. П. Александров вспоминает:

«Первая работа, которую поручил мне Курчатов, — термодиффузионное разделение изотопов. Ничего хитрого в этой технологии не было. О ней еще до войны, по немецким публикациям, докладывалось на физтеховском семинаре. И это Курчатову, видно, запало в память.

Я возразил: "Но ведь на том же семинаре Арцимович

предложил другие, более обещающие пути разделения ". Игорь Васильевич сказал, что будет опробовать именно разные пути. Говорю: "Но зачем делать то, что не понадобится?" — "А черт его знает, что понадобится. На всякий случай надо пройти и этот путь ". — "Так ведь большие энергозатраты, очень дорого будет ". — "Сейчас не до цены!"»[28].

Как выяснилось впоследствии, американцы шли именно по этому пути. Построили термодиффузионный завод, и он у них работал. А в Советском Союзе, хотя и сделали довольно большую установку на одной из московских электростанций, на которой провели опыты и добились раз-

70

деления изотопов, но отказались от этого метода, потому что нашли более эффективный.

Чрезвычайно важна была и проблема получения сверхчистого графита, над которой под непосредственным руководством Курчатова бились тогда многие ученые. (Кстати, немецкий "урановый проект" как раз и не получился потому, что Гейзенберг отверг графит как замедлитель в пользу тяжелой воды.)

Так что дело не в раскрытии атомного секрета, а в неотвратимости движения научной и технической мысли, которую не остановит никакая секретность.

И все-таки, какова же была роль разведки? Ведь люди, которые руководили и, главное, непосредственно исполняли задание Центра, должны были быть не только разведчиками-профессионалами, спецами агентурной работы, но и хорошо разбираться в физике, чтобы верно оценить сведения, компетентность агентов, направлять точные ответы в Москву.

Советская научно-техническая разведка, исходя из задач, поставленных перед нею, не могла пройти мимо открытия в 1939 году цепной реакции деления ядер урана, приводящей к высвобождению огромной энергии — реальной перспективы создания ядерного оружия. Нарастала опасность нападения на СССР фашистской Германии, а она, располагая сильной ядерной физикой, могла создать атомное оружие в обозримом будущем. Поэтому осенью 1940 года в ряд резидентур была послана директива выявить центры ядерно-физических исследований, занятые разработкой атомного оружия, получить из них достоверную информацию о ходе этих работ. И вот именно тогда нашелся, может быть, просто уникальный в этой сфере человек, Л. Р. Квасников — единственный разведчик, оказавшийся способным благодаря своей научной подготовке правильно оценить открывшуюся перспективу. Он знал первопроходческие исследования ядерного деления урана советских физиков Г. Н. Флерова, К. А. Петржака, Ю. Б Харитона и Я. Б. Зельдовича, и это, по-видимому, стало решающим аргументом в пользу предпринятой им инициативы.

71

После начала Второй мировой войны, когда европейские страны были оккупированы Германией, обстановка для работы нашей разведки чрезвычайно осложнилась, и развертывать в

третьем рейхе новую сеть агентуры не представлялось возможным. Поэтому центром приложения сил советской научно-технической разведки (НТР) стали теперь США и Великобритания — страны, в которых скорее всего могло быть существенное продвижение к созданию атомного оружия. В январе 1941 года в нью-йоркскую резидентуру была послана из Москвы ориентировка о том, что в Нью-Йорке, в Колумбийском университете, и в университете штата Миннесота ведутся работы по использованию энергии ура-на-235. Предлагалось проверить эти сведения и установить, ведутся ли и какие именно исследования в Колумбийском университете, находившемся в пределах досягаемости нашей резидентуры.

Как обычно, шли разные донесения, и из них нужно было извлечь драгоценные для нас зерна. Таковым оказались сведения о том, что в ноябре 1941 года в Лондоне были профессора Г. Юри и Дж. Пеграм — как предполагалось, с целью ознакомления с ходом работы над атомным оружием в Англии. Но еще раньше, 25 сентября, лондонский резидент В. Горский получил обширный документ о деятельности уранового комитета. Его содержание однозначно говорило о развертывании работ по созданию атомной бомбы: данные о ее конструкции ("пушечного типа"), о величине критической массы урана-235, об инициаторе для возбуждения в ней цепной реакции, о производстве этого изотопа урана методом газовой диффузии, о научных и производственных центрах и участниках этих. работ.

Руководство НКВД, и прежде всего Л. П. Берия, восприняли это донесение как дезинформацию, но дальнейший ход событий вокруг атомного оружия показал достоверность добытых лондонской резидентурой данных.

В феврале 1942 года фронтовые разведчики Красной Армии изъяли у пленного немецкого офицера бумаги,

которые были доставлены в научный отдел Государственного Комитета Обороны (ГКО), где по ним стало очевидно, что германский вермахт намерен иметь атомное оружие... В марте этого же года Берия решает направить Сталину документ, составленный научно-технической разведкой по сведениям, полученным в Лондоне еще в декабре 1941 года. Так вот, в нем имелось чрезвычайной важности предложение рассмотреть вопрос о создании при ГКО специального отдела для организации и руководства работой по созданию атомной бомбы. После известного письма Г. Н. Флерова и других поступивших сведений у Сталина в конце 1942 года состоялось совещание с участием академиков А. Ф. Иоффе, Н. Н. Семенова, В. Г. Хлопина и П. Л. Капицы, на котором и было принято решение приступить к созданию советского атомного оружия и образовать с этой целью специальный центр. И центр под названием "Лаборатория № 2 АН СССР" начал свою работу в марте 1943-го.

Все это придало особую остроту необходимости в короткие сроки создать и в США и в Англии агентурную сеть из осведомленных специалистов, непосредственных участников ядерных программ. Темпы решения этой задачи в Нью-Йорке и

Лондоне оказались различными. В Лондоне агентурная сеть сложилась и работала начиная с 1943 года. О положении дел в Нью-Йорке свидетельствует письмо резиденту в июне 1944 года, в котором говорится, что «наряду с наличием положительных моментов в разработке "Энормоз" (кодовое название проблемы атомного оружия. — *А. О.)* ход ее в целом остается неудовлетворительным. За время нашей работы по "Энормоз"... кроме агента "Д" мы ничего не имеем. "Т" (Клаус Фукс. — *А. О.)* в счет не идет...» [29]

Анализ положения дел в Нью-Йорке, предпринятый Центром НТР в 1944 году, привел к заключению: те положительные результаты, которые достигнуты в агентурной разработке "Энормоз" в целом, относятся главным образом к достижению лондонской резидентуры. Нью-йоркской группе было указано обеспечить решительный

перелом в работе по проблеме "Энормоз". Положение дел стало улучшаться после организации в Нью-Йорке самостоятельной резидентуры НТР под руководством Л. Р. Квасникова и вербовки в 1944—1945 годах нескольких агентов, имевших прямой доступ к информации о разработке конструкции атомной бомбы и ее испытании.

В Лондоне получение информации было организовано достаточно четко. В Центр, кроме сведений об общем положении дел с атомным оружием в США и Великобритании, направлялась информация по вопросам химии и металлургии урана и плутония, реакторов с графитовыми и тяжеловодными замедлителями — подлинники или копии докладов американских и английских исследовательских центров. Эти материалы содержали также важнейшие данные о свойствах нейтронов с различной энергией, об уточненных ядерных константах и т. п. В общем, сама по себе сложилась некая специализация резидентур: нью-йоркская поставляла больше информации о собственно атомной бомбе, а лондонская — о производстве материалов для ее изготовления и по важным аспектам ядерной физики. Так что в итоге их совместными усилиями были освещены многие существенные моменты конструкции и изготовления бомбы[30].

Центр научно-технической разведки понимал, что при тех условиях, в которых добывалась эта информация, она могла быть неполной или уже известной нашим ученым, или даже содержать неверные сведения как следствие ошибочных поисков западных ученых. Однако ее неизменное достоинство состояло в том, что она всегда отражала достигнутый в США и Англии уровень исследований, а также пути их практического применения в данный период и была свободна от дезинформации. Это объясняется тем, что советская разведка получала эту информацию от непосредственных участников ядерных разработок, а они сотрудничали с ней, исходя из своих морально-политических убеждений, были обучены приемам разведывательной деятельности, проверены, надежны и действовали совершенно бескорыстно[31].

Но почему? Да потому, что многие западные интеллектуалы тогда симпатизировали идеям социализма. Это сегодня, когда стало ясно, что сталинская модель социализма, которую создавали в СССР, себя не оправдала, социалистические идеи потеряли в мире привлекательность. (Хотя, как известно, "одна дождинка еще не дождь", и, если, скажем, человеку не повезло с женой или мужем в одном браке, это не значит, что нельзя вступать в брак вообще.) А тогда социализм еще имел авторитет в мире, и до войны, и в первые послевоенные годы: ведь коммунисты в оккупированных гитлеровским рейхом странах были в первых рядах движения Сопротивления.

По воспоминаниям работника лондонской резидентуры В. Б. Барковского, один из британских физиков сам пришел к советским дипломатам со своими данными. Ни пенни от чекистов не брал, поставляя тем не менее высочайшей важности информацию. В конце концов начальник Барковского приказал хотя бы накормить как следует информатора, явно недоедавшего: в Англии, как и в СССР, в разгар войны было распределение продуктов. Барковский заманил информатора в ресторан, но тот от еды и выпивки отказался, а потом отчитал его за то, что тот транжирит деньги в те дни, когда солдаты его страны гибнут под Сталинградом[32].

Реально оценивая свой вклад в создание отечественного атомного оружия, разведка никогда не ставила свои успехи выше достижений ученых, и это устраняло досадные противоречия в оценке вклада обеих сторон. Убедительно об этом пишет А. А. Яцков, один из главных действующих лиц в операции "Энормоз"[33].

Как известно, с Фуксом главным образом была связана ГРУ — наша армейская разведка, а не НКГБ, и начинал эту работу полковник С. Д. Кремер, сотрудник резидентуры в Лондоне.
В годы войны советское посольство часто посещал немецкий эмигрант, бежавший из Германии, доктор Кучинский. Как-то Кучинский сказал нашему послу И. М. Майскому, что в Англии, в атомном исследовательском центре

работает с 1934 года его друг Фукс. Майский на это заметил, что было бы неплохо организовать встречу с ним. Кучинскому удалось уговорить Клауса Фукса встретиться с Кремером.

Встреча состоялась летом 1942-го на одной из тихих улиц Лондона. Начали беседу на немецком, а затем перешли на английский язык. Фукс заявил, что он согласен помочь Советскому Союзу по идеологическим соображениям. От денег он отказался, заметив, что англичане хорошо ему платят и он ни в чем не нуждается. У него было лишь одно непременное условие: его материал в считанные часы должен быть на столе Сталина. У Кремера не было прямой связи со Сталиным, но была связь с человеком, который бывает у Сталина. Короче, условие было принято.

При второй встрече Фукс передал Кремеру крупный блокнот (примерно 40 на 20 сантиметров), заполненный формулами, и

сказал: "Здесь все, что необходимо знать вашим специалистам по организации работы над созданием атомного оружия".

Материалы были срочно отправлены в Москву. Москва подтвердила получение и предписала не терять связи с Фуксом.

Так началась работа с Клаусом Фуксом, передававшим ценнейшую "атомную информацию". Мартовская докладная записка Берии Сталину составлялась как раз исключительно на основе материалов Кремера. Но когда после постановления ГКО СССР в июне 1943 года головной организацией добывания сведений по атомному оружию стала внешняя разведка НКГБ, информация от Фукса поступала уже по каналам этой разведки.

Данные разведки сыграли важную роль в принятии советским правительством решения начать разработку атомного проекта. Первые же отзывы Курчатова на материалы разведки в марте 1943-го показывают существенное значение этих данных в формировании советской научной программы по созданию атомного оружия: ставка на плутоний, который можно получить в реакторе, и на

газодиффузионный метод разделения изотопов урана. В дальнейшем поступавшие от разведки сведения все больше расширяли знание о проводимых в США работах. Сначала внимание разведки было нацелено на конструкцию бомбы и ее тактико-технические данные, но вскоре стала очевидной необходимость получения сведений по атомной промышленности, и прежде всего той, что производила делящиеся материалы — уран-235 и плутоний-239. Резидентурам в Лондоне и Нью-Йорке было указано получить информацию о современных инженерных решениях такого производства атомной промышленности Англии и США. Затем возникла необходимость в информации обо всем, что позволяло преодолевать различные производственные трудности. Например, одной из трудноразрешимых проблем в производстве урана-235 методом газовой диффузии являлась герметизация движущихся частей и неподвижных соединений разделительных камер в силу высокой агрессивности шестифтористого урана.

Среди добытых сведений были и методика определения критической массы ядерного заряда, и данные об инициаторе цепной реакции в плутониевом заряде атомной бомбы, и чертежи форм для отливки элементов сферического обжимного снаряда ВВ, и даже схема и описание конструкции американской атомной бомбы, испытанной в июле 1945 года, в соответствии с чем была спроектирована первая отечественная бомба.

Разведка дала ценную информацию о нормах допустимого радиоактивного облучения, технологии изготовления урановых стержней в защитных оболочках и, наконец, технологии извлечения урана из руды, которая была признана настолько уникальной и эффективной, что в течение года у нас на ее основе был построен завод.

В апреле 1946 года было получено подробное описание конструкции американского опытного реактора Ферми, которое сыграло важную роль в разработке советского реактора,

пущенного в декабре 1946-го. Позднее, в 50-е годы, были добыты подробные сведения о мощных реакторах для атомных подводных лодок.

77

Из этого далеко не полного перечня достижений НТР видно, насколько широким был диапазон охвата разведкой теоретических, экспериментальных и технических проблем создания атомного оружия и атомной промышленности в целом и сколь значительным был вклад научно-технической разведки в их решение.

Наиболее важным, может быть, для разведчиков было то, что их агенты были весьма компетентны и добросовестны. Вот, Например, оценка их работы академиком А. Ф. Иоффе: "...Получаемая нами информация всегда оказывалась точной и, по большей части, всегда полной... наличие такого совершенного источника информации на много месяцев сокращает объем наших работ и облегчает выбор направлений, освобождает от длительных поисков. Я не встречал ни одного ложного указания"[35].

Действительно, работа строилась так, чтобы обеспечить максимум надежности добываемых сведений. Для этого надо было проверять и перепроверять полученную информацию, сравнивать ее с данными из других источников. Работа эта требовала знаний, находчивости, смелости, умения пойти на риск в крайних случаях. Вот только один пример, о котором рассказал известный историк разведки В. М. Чиков.

Агент советской разведки Лона Коэн должна была переправить важную информацию из Лос-Аламоса в Москву. Дело было в 1945 году, вскоре после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Ей нужно было доставить в Нью-Йорк представителю нашей резидентуры А. А. Яцкову сверток, а в нем — чертежи и описание американской плутониевой бомбы. Л. Коэн прибыла в Альбукерк, небольшой курортный городок неподалеку от Лос-Аламоса. Здесь обыкновенно отдыхали сотрудники "Манхэттенского проекта", поэтому в Альбукерке спецслужбы проверяли документы и багаж пассажиров поездов, убывающих из города.

Когда Лона подошла к вагону, сотрудник службы безопасности начал проверять ее багаж. Он состоял из небольшого чемодана и сумки. Кроме того, в руках Л. Коэн

78

была дамская сумочка, где и находился тот сверток. Лона поставила чемодан и начала намеренно нервно перебирать содержимое сумки якобы в поисках билета. А ридикюль в эту минуту передала подержать кондуктору, который и держал его, пока она "искала билет". Более того, когда досмотр был закончен, она вошла с вещами в вагон, даже не взяв у кондуктора заветную сумочку. Он сам побежал за ней, крича: "Мадам, вы забыли свою сумочку!" В Нью-Йорке документы были переданы по назначению[36].

В другом случае, как вспоминает А. А. Яцков, работник советской резидентуры уже с информацией на руках неожиданно

подвергся расспросам каких-то лиц, представившихся ему служащими иммиграционной службы. Заподозрив неладное, связник не рискнул держать материал при себе. Он переписал его тайнописью на газете между строк и завернул в эту газету светильник весьма экзотического вида. Так материал был доставлен резиденту.
Но если отношения ученых с разведчиками были лишены каких-либо трений и взаимодействие было хорошо отлажено, то отношения физиков-атомщиков с советской властью отнюдь не всегда были безоблачными. С одной стороны, среди руководителей, представлявших государство и военное ведомство в работе над атомным оружием, были такие люди, как Б. Л. Ванников, Е. П. Славский, А. П. Завенягин, М. Г. Первухин, которые, обладая огромным организаторским опытом, в атомной проблеме начинали, естественно, с нуля, но не стеснялись учиться и довольно глубоко вникали в суть дела. С другой — те, кто по уровню знаний и опыту предыдущей деятельности ничего в атомных делах не понимал, но демонстративно проявлял свою власть, коли она ему дана. Многие из них взирали на проблему поверхностно: взорвется — не взорвется? Берия, к которому стекалась вся информация, видимо, тоже понимал задачи ученых и производственников весьма упрощенно. Для него, и большинства руководителей рангом ниже сознание происходившего сужалось до собственно бомбы. Вряд ли они думали о многоцелевом и

фундаментальном характере исследований. К примеру, в 1945 году именно Берия наложил запрет на идею создания атомных кораблей: сначала бомба — иное потом. А ведь в Институте физических проблем уже тогда начали проектировать атомную установку для корабля задолго до американского "Наутилуса".

Курчатов и его единомышленники военное использование атомной энергии считали вынужденным и временным. Будущее ядерной энергии они видели в мирном ее применении, а ядерную теорию — во взаимодействии с другими отраслями науки.

Но настоящим руководителем этого дела со стороны государства был Б. А. Ванников. Он был председателем Научно-технического совета по Урановому проекту при Совнаркоме СССР, а Курчатов — его заместителем. Вот они и определяли все текущие решения. Самые важные решения проходили, конечно, через Государственный Комитет Обороны, через Сталина, через Берию.

Среди физиков было немало тех, кого серьезно беспокоили распространившиеся в высших эшелонах государственной и особенно партийной власти гонения на передовые отрасли науки — генетику и кибернетику. Запреты на исследования в генетике практически вредили и тем, кто занимался атомной проблемой. В стране строились реакторы, заводы по переработке радиоактивных веществ, шахты по добыче руды, и физики ждали от генетиков рекомендаций по радиационной защите. В рамках Уранового проекта был создан радиобиологический отдел (РБО). Возглавил его В. Ю. Гаврилов, опытный специалист по атомному

оружию. В отделе работали и молодежь, и крупные ученые — Р. Хесин, Ф. Шапиро и другие. Все были непримиримыми противниками Лысенко.

«Мы, — вспоминал А. П. Александров, — *не скрывали своего к нему отношения. Но все же старались сделать так, чтобы наш РБО не ввязывался в прямые баталии с Лысенко. Потому что отдел просто могли разогнать. Тогда мы бы оказались без рук и без мозгов в чрезвычайно важном для нас деле...*

80

Вскоре после войны, кажется, в 1946-м (скорее всего, этот эпизод был не в 1946, а в 1948 году. — *А. О.), меня вызвали в ЦК партии и заявили, что квантовая теория, теория относительности — все это ерунда. Какая-то не очень понятная мне компания собралась. Особенно старались два деятеля из МГУ.*

Но я им сказал очень просто: "Сама атомная бомба демонстрирует такое превращение вещества и энергии, которое следует из этих новых теорий, и не из чего другого. Поэтому, если от них отказаться, то надо отказаться от бомбы. Пожалуйста, отказывайтесь от квантовой механики — и делайте бомбу сами, как хотите V[7].

Тем не менее в недрах ЦК КПСС готовилось совещание по проблеме идеологического и партийного характера физической науки, борьбы с "космополитизмом и идеализмом", присущими ряду советских физиков. Совещание по задачам советских ученых-физиков должно было состояться в начале 1949 года, но не состоялось. И причиной тому стала беседа Сталина с Курчатовым. .

Есть несколько версий этой беседы, но наиболее достоверной представляется нам свидетельство Д. В. Ефремова, который в то время был заместителем председателя Государственного комитета по атомной энергии и непосредственно участвовал в этой беседе. Вот что он рассказал:

«Встреча эта произошла в конце 1948 — начале 1949 года. Сталин пригласил к себе Курчатова и меня и сказал; "Товарищ Курчатов, Академия наук готовит совещание по разгрому идеализма в физике. Возглавить это дело и произнести основной доклад надо будет вам. Это очень важно". В то время АН готовила такое совещание, где должны были выступить ученые-физики, а Курчатов все время пытался отойти в сторону, и, видимо, это стало известно Сталину. Игорь Васильевич сказал: "Иосиф Виссарионович, у нас сейчас очень много работы, и нежелательно отвлекать людей ". Сталин настаивал: "Товарищ Курчатов, это очень важно, прошу вас". — "Иосиф Виссарионович, у меня сейчас работают русские, грузины (именно в таком порядке), евреи,

81

армяне, украинцы, татары, многие другие, некоторые из них даже верят в бога, но все они работают, работают отчаянно, целеустремленно, нельзя их отрывать от дела ". — "Товарищ Курчатов, идеализм в физике — вредная вещь. Сделайте, пожалуйста, так, как это сделал товарищ Лысенко. Он разгромил морганистов-вейсманистов. Так же точно надо сделать в физике".

Тогда Игорь Васильевич встал и, волнуясь, сказал: "Иосиф Виссарионович, это помешает нам обеспечить выполнение вашего задания в срок ". Сталин, заметив состояние Курчатова, сказал: "Не волнуйтесь, товарищ Курчатов, не волнуйтесь. Это (то есть разгром идеализма) сделаем потом. Вы лучше скажите мне, можно ли сделать атомное тактическое оружие?"...Так Игорь Васильевич спас физику от разгрома»[38].

Сталин, видимо, быстро схватил основную мысль Курчатова: спор между сторонниками разоблачения "идеализма", с одной стороны, и "учеными-космополитами" — с другой, — явление явно второстепенное по сравнению с главной задачей: созданием атомной бомбы. Там — философские и идеологические споры, здесь — материально осязаемый результат: советское атомное оружие, что резко изменит ход противостояния двух общественных систем. Будучи реалистом (а это всегда признавали и сторонники его и враги), он сделал свой выбор: бомба важнее идеологических споров...

Наступление ученых, на атом продолжалось. Уже ко времени испытаний первой атомной бомбы в Советском Союзе определилась генеральная линия дальнейшей работы ведущих организаций атомной отрасли: добиваться значительного увеличения удельной мощности атомных зарядов при уменьшении их габаритов и веса. Вырисовывались два основных направления. Первое сводилось к применению новых конструкций центрального ядерного заряда (в частности, с использованием высокообогащенного урана) и заряда обычного взрывчатого вещества, сжимавшего ядерный заряд для перевода его в сверхкритическое состояние, приводящее к взрыву бомбы. Второе направление было связано с реализацией идеи внешнего

нейтронного инициирования, что позволяло резко увеличить степень использования ядерных материалов по сравнению со старой схемой внутреннего инициирования.

Обе эти схемы были предложены в 1946 году Я. Б. Зельдовичем, которому в то время еще не было известно о принципе действия американской атомной бомбы. Между тем первый вариант во многом воспроизводил схему американской плутониевой бомбы "Толстяк". Анализ обеих схем, произведенный Л. В. Альтшулером, показал преимущество второго варианта. Однако основное внимание было уделено разработке первой схемы. Как вспоминал Альт-шулер, осенью 1947 года он спросил Ю. Б. Харитона: "Почему же мы идем на такой заведомо малоэффективный первый вариант?" Тот ответил, что в этом варианте они в большей степени уверены, потому что берут заранее такое количество активного материала, которое близко к критической массе, а затем с помощью взрывчатого вещества увеличивают его плотность. Ведь они знают примерно, сколько нужно взять взрывчатого вещества, чтобы бомба хорошо сработала, так как им известен люк американского "Боинга"[39].

Альтшулер не знал, что Курчатову и Харитону была известна конструкция "Толстяка", полученная от Клауса Фукса в 1945 году. Обстановка требовала быстрого результата в работе над

атомной бомбой — вот и пошли по первому варианту, близкому к американскому.

Но уже в 1950 году была поставлена задача создать авиационную атомную бомбу весом в 3 тонны и с эквивалентной мощностью в 25 кт тротила. Вес и габариты нового изделия задавались в соответствии с тактико-техническими характеристиками проектировавшегося в КБ Туполева перспективного бомбардировщика Ту-16. При одинаковой с Ту-4 грузоподъемностью и дальностью полета этот реактивный самолет должен был летать вдвое быстрее, что существенно повышало его возможности на успешное преодоление ПВО противника по сравнению с Ту-4.

В те же годы была разработана серийная бомба, имевшая при весе 3 тонны мощность в 40 кт тротила (в РДС-1

было соответственно 5 т и 20 кт). Столь замечательные особенности бомбы были достигнуты благодаря принципиально новой конструкции системы, сосредоточивающей действие обычного взрыва на центральный атомный заряд. Бомба проектировалась в двух вариантах: РДС-2 с чисто плутониевым и РДС-3 с составным ураново-плутониевым зарядом.

Большие трудности возникали с получением высокообогащенного урана-235, используемого в ядерных зарядах. Задача оказалась гораздо более сложной технологической проблемой, чем накопление плутония. И все же проблема была решена. Одновременное освоение двух технологий разделения — газодиффузионной и электромагнитной (под руководством Л. А. Арцимовича) — позволило использовать в ядерных зарядах уран-235, благодаря чему достигалась большая экономия крайне дорогого плутония.

Пока ученые создавали более совершенные атомные бомбы, на Семипалатинском полигоне полным ходом шла работа по подготовке к их испытанию. В 1951 году состоялись испытательные взрывы созданных коллективом Ю. Б. Харитона двух атомных бомб.

В отличие от 1949-го, когда наличия плутония едва хватало на один заряд, в 1951 году оказалось возможным испытать сразу оба варианта бомб, каждый из которых был изготовлен в трех экземплярах. Было решено сначала взорвать бомбу РДС-2 на башне, а РДС-3 сбросить потом с самолета.

Бомба РДС-2 испытывалась 24 сентября 1951 года в условиях, близких к испытаниям РДС-1. Для этого башня и все сооружения опытного поля на Семипалатинском полигоне были полностью восстановлены. Испытание РДС-2 включало существенно новый элемент: проверку действия атомного взрыва на самолет Ту-4. Он пролетел над башней с таким расчетом, чтобы ударная волна от взрыва догнала его на расстоянии около 20 километров. Самолет испытал сильный толчок от ударной волны, но никаких затруднений в пилотировании не возникло.

Через две недели в интервью поете "Правда" И. В. Сталин ответил на заданные ему вопросы по поводу проводимых в

Советском Союзе испытаний отечественного атомного оружия. Отвечая на вопрос корреспондента "Правды", что он думает о шумихе, поднятой в иностранной прессе по поводу атомных взрывов в СССР, Сталин сказал: "Действительно, недавно было произведено у нас испытание одного из видов атомной бомбы. Испытания атомных бомб различных калибров будут проводиться и впредь по плану обороны "нашей страны от нападения англо-американского агрессивного блока". Далее, развивая эту тему, Сталин заявил, что советские атомные испытания не должны давать какие-либо основания для тревоги в США, где полагают, что они могут служить угрозой безопасности США. Он напомнил, что СССР не раз предлагал запретить атомное оружие и прекратить его производство, но "каждый раз получал отказ от держав Атлантического блока". Возможно, сказал в заключение советский вождь, что "сторонники атомной бомбы могут пойти на запрещение атомного оружия только в том случае, если они увидят, что они уже не являются монополистами"[40].
Главное испытание состоялось 18 октября. На "выпускной экзамен" выходила первая авиационная атомная бомба РДС-3. Ее сборка, снаряжение и подвеска к самолету Ту-4 (командир К. Уржунцев) производилась на аэродроме Жана-Семей под Семипалатинском. Цель для бомбометания представляла собой хорошо видимый белый круг. Сброшенная с высоты 10 километров бомба через минуту свободного полета взорвалась на высоте 400 метров на удалении около 300 метров от цели. Экипаж самолета увидел очень яркую вспышку зеленоватого цвета. Через полторы минуты после взрыва все ощутили два быстро следовавших друг за другом толчка, сопровождавшихся сильным звуком: это самолет догнала сначала падающая, а затем отраженная от земли ударная волна. Никаких повреждений самолета или травм экипажа не было, и он уверенно шел по курсу.
85

Уверенно шли к цели ученые-ядерщики. Следующий крупный шаг был сделан через три года. Проведенные в октябре 1954 года воздушные испытания модифицированной бомбы РДС-3 "И", снабженной системой внешнего нейтронного инициирования, показали, что ее эквивалентная мощность возросла до 60 кт. В СССР началось серийное производство атомных бомб.

К тому времени бомбардировщик Ту-16, который заменил Ту-4, успешно прошел летные испытания и уже выпускался крупными сериями (в 1954 году произведено 70, в 1956-м— 300; всего к 1960 году было выпущено 1000 машин).

Американцы тоже не стояли на месте. В 1951 году на полигоне в штате Невада были испытаны 12 атомных бомб малой мощности, предназначенных для использования непосредственно на поле боя, а в мае 1953-го — артиллерийский снаряд с ядерной "начинкой".

Само собой разумеется, работы по созданию тактического ядерного оружия были развернуты и в СССР. При этом вес первой отечественной тактической авиабомбы равнялся одной тонне, а ее габариты выбирались в соответствии с техническими

данными фронтового бомбардировщика Ил-28. Этот первый отечественный реактивный бомбардировщик, сконструированный в 1948 году в КБ С. Ильюшина, стал самым массовым: было изготовлено около 6 тысяч машин. Значительное уменьшение (по сравнению с РДС-2, -3) размеров новой бомбы потребовало от создателей атомного оружия громадного объема экспериментов. На завершающий этап коллектив ядерного центра вышел к лету 1953 года. Сброс бомбы с Ил-28 был произведен на Семипалатинском полигоне 23 августа того же года.

Таким образом, в сжатые сроки был создан малогабаритный, но огромной мощности (эквивалент 30 кт тротила) ядерный заряд, который поступил на вооружение тактической авиации. Серийное изготовление новой бомбы началось в следующем году, и была она нежно названа "Татьяной" — словно воспреемница "Катюши" времен

войны. В дальнейшем ее ядерный заряд был использован в боевой части стратегической ракеты Р-5М, разработанной и испытанной под руководством С. П. Королева в начале 1956 года. На основе конструктивных принципов, утвердившихся при разработке "Татьяны", было создано и в 1954 году успешно испытано целое семейство тактических бомб меньшей мощности[41].

Итак, совместные усилия ученых, разведчиков и производственников СССР привели к успешному решению важнейшей государственной задачи — обретению нашей страной атомного оружия.

В связи с этим встает вопрос о роли разведки в создании водородной бомбы, которая появилась в СССР четырьмя годами позже. Тем более что в отечественной прессе последних лет не раз объявлялось, что советские ученые ничего сами не делали в этой области, а получили все благодаря разведчикам. Но вот что говорил в интервью газете "Красная звезда" Ю. Б. Харитон:

«Заведующий теоретическим отделом Лос-Аламоса Ганс Бете пишет, что Эдвард Теллер, пришедший к идее водородной бомбы, с октября 50-го по январь 51-го был в отчаянии: венгерский математик Станислав Улам обнаружил в его работе серьезные ошибки, конструирование откладывалось.

Часть из этих — ошибочных — материалов, естественно, приходила к нам, и разведчики полагали, что мы их и используем. Нет, у нас был свой, независимый путь к водородной бомбе.

— И кого можно считать "отцом "?

— Вы знаете, это очень сложный вопрос. Очень велика роль Сахарова, но он сам утверждал, что дело это коллективное, а наибольший вклад внесли Я. Зельдович и Ю. Трутнев (сегодня он мой первый заместитель), ряд других людей. Водородная бомба — это безумно сложная вещь, при нашей плохой математической, счетно-машинной технике работать было крайне тяжело. Но со стороны разведки правильного мы абсолютно ничего не получали.

В 1952 году американцы провели первый термоядерный взрыв, но устройство было неподъемным — около 60 тонн.

87

Настоящую термоядерную бомбу они испытали на поверхности тихоокеанского атолла в 1954 году. А первая термоядерная бомба, сброшенная с самолета, была нашей — это 1955 год»[42].

Сначала "русское чудо" американцы связывали с предательством Фукса. Однако быстро разобрались, что такого не могло произойти, так как Фукс был разоблачен и прекратил свою деятельность в пользу Советского Союза раньше, чем в США началась разработка водородной бомбы. Затем было высказано предположение, которое превратилось в уверенность: что русские смогли взять продукты взрыва первого термоядерного испытания в США в 1952 году, которые распространились в атмосфере, и расшифровать их. В самом деле, в радиоактивных продуктах взрыва содержится определенная информация. Получили ли советские ученые полезную информацию для конструирования водородного оружия в результате радиохимического анализа атмосферных проб после термоядерного взрыва в США 1 ноября 1952 года? На этот вопрос ученые (и не только отечественные) отвечают отрицательно. Дело в том, что радиохимический анализ проб воздуха в то время в СССР был еще на недостаточно высоком уровне и полезных результатов не давал. А позже, когда подобная работа была хорошо организована, советских ученых больше интересовали не радиоактивные элементы, а соотношение между различными изотопами, из которых выводилось наличие тех или иных ядерных и конструктивных материалов.

В 1953 году советские ученые-атомщики самостоятельно подготовили и провели испытания своей водородной бомбы, так называемой "сахаровской слойки". При этом бомба подготавливалась к испытаниям в боевом варианте. И основное термоядерное горючее в ней было совершенно другим по сравнению с американской водородной бомбой.

В то время казалось, что работа над водородной бомбой пойдет по своему, отечественному, пути, развивая первый успех. Однако события к концу 1955 года неожи-

88

данно придали ей совсем другое направление. Вот что пишет А. Д. Сахаров в своих "Воспоминаниях":

«В ноябре 1953 года меня вызвал к себе В. А. Малышев, министр среднего машиностроения, и попросил представить докладную записку, в которой написать, как мне рисуется изделие следующего поколения, его принцип действия и примерные характеристики. Конечно, мне следовало отказаться, сказать, что подобные вещи не делаются с ходу и одним человеком; что необходимо осмотреться, подумать. Но у меня была идея, не слишком оригинальная и удачная, но в тот момент она казалась многообещающей. Посоветоваться мне было не с кем. Я написал требуемую докладную.

Через две недели я был приглашен на заседание Президиума ЦК КПСС. Результатом заседания были два постановления, вскоре принятые Советом Министров и ЦК КПСС. Одно из них обязывало наше министерство в 1954—1955 годах разработать и испытать то изделие, которое я так неосторожно анонсировал... Другое постановление обязывало ракетчиков разработать под этот заряд межконтинентальную баллистическую ракету. Существенно, что вес заряда, а следовательно, и весь масштаб ракеты были приняты на основе моей докладной записки. Это предопределило работу всей огромной конструкторско-производственной организации на долгие годы»[43].

Ученые сосредоточились на доведении новой конструкции до испытания. По сути дела, над ее созданием работали только в 1954 году и начале 1955-го.

В ноябре 1955 года было произведено испытание водородной бомбы нового образца, результат оказался ошеломляющим. Все прочие варианты были перечеркнуты.

Если говорить о влиянии на создание советской водородной бомбы американских работ над аналогичным оружием, то можно определенно сказать, что в СССР не было чертежей или точных данных, поступивших извне, хотя полученная от разведки в сентябре 1945 года информация об американской теории "классического супера" имела для наших ученых немалое значение.

89

Таким образом, в создании водородной бомбы СССР шел своей, никем не проторенной дорогой, и получил лучшие результаты, чем американцы. Но это было позднее, а тогда, в начале, 50-х, шло ожесточенное соревнование между сверхдержавами: у кого быстрее появится водородная бомба. В ноябре 1952 года, как уже говорилось, США испытали наземное термоядерное устройство. Это устройство (кодовое название "Майк") было взорвано на атолле Эниветок в Тихом океане. Его тротиловый эквивалент составлял 10,4 миллиона тонн. Но его еще нельзя было назвать бомбой, поскольку оно было слишком тяжелым для любого носителя ядерного оружия.

Советский Союз принял новый вызов из-за океана. В августе 1953 года, когда все было готово для испытания советской водородной бомбы, за четыре дня до испытаний правительство СССР опубликовало следующее заявление:

«Известно, что за границей сторонники войны длительное время тешили себя иллюзией насчет монополии Соединенных Штатов Америки в деле производства атомной бомбы. Жизнь, однако, показала, что здесь имело место глубокое заблуждение. Соединенные Штаты Америки давно уже не являются монополистами в деле производства атомных бомб. За последнее время заокеанские противники мира нашли себе новое утешение. Соединенные Штаты Америки, видите ли, владеют более мощным, чем атомная бомба, оружием, являются монополистами водородной бомбы. Это, видимо, было бы каким-то утешением для них, если бы соответствовало действительности. Но это не так. Правительство считает

необходимым доложить Верховному Совету, что Соединенные Штаты не являются монополистами и в производстве водородной бомбы»[44].
А на полигоне все было как при первом взрыве атомной бомбы в 1949 году. И общее волнение участников, и нервное напряжение в томительные моменты, когда пошел отсчет секунд до взрыва, и глухой удар взрывной волны по сооружениям, где находились испытатели, и радость победы, когда стало ясно, что испытание прошло успешно.
90

Участник всех испытаний того времени — С. Л. Давыдов впоследствии писал:

«Выбежали наружу, хотелось посмотреть результаты взрыва. Зрелище было величественное и вместе с тем страшное. Столб пыли диаметром в несколько километров поднимался высоко в небо. Опытное поле находилось в темноте, солнечные лучи не могли проникнуть сквозь пыль. В вышине расползалось серо-коричневое ядовитое по виду облако.

Взрыв был такой силы, что металлические трубы приборных сооружений, находившиеся в радиусе 600—1800 метров, оказались погнутыми. Разрушения подопытных сооружений и зданий были огромны. Специально поставленный в 500 метрах от эпицентра бетонный куб на бетонной же основе был сорван и отброшен на значительное расстояние. Над опытным полем из столба поднятой пыли вырастал огромный пышущий жаром гриб, поднимавшийся к небу. В его верхней части перемешивались раскаленные массы газа. Снизу, с земли, к нему тянулся черный столб; на верху гриба вокруг шляпки появилось белое кольцевидное облачко. Через некоторое время гриб начал терять форму и медленно опускаться»[45].

Присутствующие как зачарованные смотрели на это зрелище. Все виденное значительно отличалось от первых атомных взрывов. Создатели бомбы и ее испытатели, осознававшие невиданно огромную разрушительную силу нового оружия, тем не менее были рады за себя, что участвовали в таком важном для страны деле, рады за создателей такого мощного оружия, рады за свою страну. Чтобы понять их радость и гордость, надо вспомнить международную обстановку того времени. Только что кончилась война в Корее, во время которой Вашингтон рассматривал планы нанесения атомных ударов по Китаю. Противостояние военно-политических блоков выливалось в конфликты и инциденты. Угроза применения ядерного оружия витала в воздухе. И в этой обстановке участники испытаний понимали: наша страна выходит на паритет с Америкой в развитии ядерного вооружения, и в этом была частица и их труда.
91

Водородная бомба в СССР была взорвана 12 августа 1953 года, и через несколько дней, 20 августа, в "Правде" и других советских газетах было опубликовано сообщение советского правительства о состоявшемся испытании. Оно гласило;

«На днях в Советском Союзе в испытательных целях был

произведен взрыв одного из видов водородной бомбы.

Вследствие осуществления в водородной бомбе мощной термоядерной реакции взрыв был большой силы. Испытание показало, что мощность водородной бомбы во много раз превосходит мощность атомных бомб.

Известно, что Советский Союз уже несколько лет владеет атомным оружием и произвел соответствующие испытания этого оружия. Как следует из выступления Председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова 8 августа с. г. на 5-й сессии Верховного Совета, Советский Союз овладел также секретом производства водородной бомбы.

Это сообщение Советского Правительства вызвало многочисленные отклики за рубежом. Некоторые иностранные круги, делавшие ставку в своей политике на монополию США в области атомной бомбы, а затем водородной бомбы, стремятся запугать народы тем фактом, что Советский Союз владеет секретом производства водородного оружия, и в связи с этим вызвать тревогу, используя ее в целях гонки вооружений.

Советское Правительство считает необходимым заявить, что, как и прежде, для такой тревоги нет никаких оснований.

В соответствии с неизменной политикой Советского Союза, направленной на укрепление мира и безопасности народов, Советское Правительство неоднократно предлагало правительствам других стран провести значительное сокращение вооружений и запретить применение атомного и других видов оружия массового уничтожения, установить в рамках Организации Объединенных Наций строгий международный контроль над этим запрещением.

Советское Правительство твердо стоит на этой позиции и в настоящее время»[46].

Это сообщение было как бы пробным камнем политики руководства СССР в отношении Запада. Надо иметь

в виду, что это был август 1953 года. Еще полугода не прошло, как умер Сталин, месяц назад был арестован всемогущий Л. П. Берия. Новое руководство в лице Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева пыталось, с одной стороны, показать, что ядерная мощь СССР возрастает и он готов на равных (хотя это было не так) противостоять США и НАТО; с другой стороны, оно демонстрировало стремление навести мосты в отношениях с капиталистическими странами, попробовать политическим путем как-то смягчить напряженность между Востоком и Западом, усилившуюся после победы коммунистов в Китае и в ходе Корейской войны.

Одним из важных аспектов взаимоотношений нашей страны с западными демократиями была именно ядерная проблема. В какую сторону будет направлен вектор развития ядерной энергетики: на мир или на войну? Пока что военное направление преобладало.

Термоядерный взрыв являлся первым, но не единственным в серии испытаний 1953 года. В том же году на полигоне испытывались и новые типы атомных бомб. Бомбы сбрасывались

с самолетов. Было три взрыва. Проведенные серии взрывов являлись очень существенным фактором в преодолении американской монополии.

Это позволяло протянуть пальмовую ветвь мира ядерному оппоненту и показать мировому сообществу, что хотя СССР и обладает мощным разрушительным оружием, но его помыслы направлены на мирное использование ядерной энергии.

Поэтому через месяц после взрыва водородной бомбы на Семипалатинском полигоне, 18 сентября, было опубликовано сообщение ТАСС о дальнейших намерениях Советского Союза в этой области. В нем говорилось:

«За последние недели, в соответствии с планом научно-исследовательских работ в области атомной энергии, в Советском Союзе были проведены испытания нескольких типов атомных бомб. Испытания прошли успешно. Они полностью подтвердили расчеты и предположения ученых и инженеров-конструкторов.

93

Вполне понятно, что до тех пор, пока ответственные круги США отвергают настойчивые предложения СССР о запрещении атомного оружия, Советский Союз, исходя из требований безопасности, вынужден будет уделять внимание производству атомного оружия. Вместе с тем Советский Союз будет и впредь следовать политике укрепления мира между народами, добиваясь соглашения с другими странами о безусловном запрещении атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения, значительного сокращения вооружений, установления строгого международного контроля за осуществлением этих решений.

Наряду с этим в Советском Союзе ведутся работы по использованию атомной энергии для промышленных целей; Советский Союз считает своей важнейшей задачей добиться того, чтобы атомная энергия была поставлена на службу делу мирного прогресса (ТАСС)»[47].

После неожиданно быстрого создания в СССР ядерного оружия Запад испытал сильнейший шок, имевший глубокие и долгосрочные последствия политического и психологического характера. Еще в январе 1950 года президент Трумэн предписал Комиссии по атомной энергии продолжать работу над всеми видами атомного оружия, включая и водородное[48].

Так как был перейден рубикон гонки термоядерных вооружений, в которую вслед за США втянулся сначала Советский Союз, а затем Англия и другие страны. Началось ядерное противостояние.

Примечания

[1] Library Congress. Parsons Williams // Papers. 1948. February, 5.

[2] *Капица П. Л.* Письма о науке. 1930—1980. М., 1989. С. 215.

[3] Цит. по: *Трухановский В. Г.* Британская политика в области ядерных вооружений. М., 1987. С. 6.

94

4 См.: *Мальков В. Л.* "Манхэттенский проект". М., 1995. С. 13.

5 Цит. по: *Мальков В. Л.* Указ. соч. С. 15.

6 Цит. по: Орлов А. С. В поисках "абсолютного" оружия. М., 1989.

С. 102.

7 Правда. 1988. 12 янв.

8 Александров А. П. Как делали бомбу // Известия, 1988. 22 июля. 9 Цит. по: Московские новости, 1988. № 16. 10 *Александров А. П.* Указ. соч. 11 Правда. 1988. 12 янв. 12 См.: *Чиков В.* Операция "Энормоз"// Новая газета. 1999. №31.

С. 10-11.

13 *Александров А. П.* Указ. соч.

[14] Правда. 1988.12. янв.

[15] См.: *Орлов А. С.* "Чудо-оружие": обманутые надежды фюрера. Смоленск, 1999. С. 280.

[16] Правда. 1988. 12 янв.

[17] Россия делает сама. М., 1994. С. 27.

[18] Там же. С. 31.

[19] Там же. С. 36-39.

[20] Выбор "башенного варианта" был предопределен тем, что если бы бомба в первый раз по каким-либо причинам не взорвалась, то после устранения неполадок были бы возможны новые попытки. При сбросе с самолета такой возможности не могло быть, так как при ударе о землю бомба разрушалась.

[21] Там же. С. 53-54.

[22] Там же. С. 61.

[23] *Орлов А. С.* В поисках "абсолютного" оружия. С. 135—136.

[24] Правда. 1949. 25 сент.

[25] *Kissinger H.* Nuclear Weapons and Foreign Policy. N. Y., 1957. P. 372.

[26] Красная звезда. 1992. Павг.

[27] Известия. 1988. 22 июля.

[28] Там же.

[29] *Борковский В. Б.* Атомное оружие и научно-техническая разведка // История советского атомного проекта: Документы. Воспоминания. Исследования: Выпуск 1. М., 1998. С. 89.

[30] См. там же. С. 90.

[31] См.: *Яцков А. А.* Бомба на ладони // Начало. № 24. 1992.

[32] См.: *Сойфер В.* Мифы о "краже века" // Известия. 1994. 7 окт.

[33] См.: Вопросы истории, естествознания и техники. 1992. № 3.

[34] См. *Борковский В. Б.* Указ. соч. С. 102.

[35] Там же. С. 105-107.

[36] См.: *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. М., 1996. С. 226—227.

[37] *Александров А. П.* Указ. соч.

[38] *Визгин В. П.* Спасенная дважды советская теоретическая физика между философией и ядерным оружием // История советского атомного проекта. С. 361.

[39] См.: *Альтшулер Л. В.* "Судьба была благосклонна ко мне..." // История советского атомного проекта. С. 317—318.

[40] Правда. 1951. 6 окт.

[41] См.: Международная жизнь. 1993. № 12. С. 53.

[42] *Харитон Ю. Б.* Ядерный щит создавался многими людьми // Красная звезда. Г992. 11 авг.

[43] Цит. по: *Сахаров А. Д.* Воспоминания // НГ-Наука. 19,97. № 1.

[44] Правда. 1953. 9 авг.

[45] Россия делает сама. С 139.

[46] Правда. 1953. 9 авг.

[47] Правда. 1953. 18 сент.

[48] *Newhouse John.* The Nuclear Age. L. 1989. P. 78.

ГЛАВА II
США - СССР: ВОЗДУШНЫЙ БЛИЦКРИГ

И ТАНКОВЫЙ МАРШ

Атомный взрыв над Хиросимой эхом отозвался по всей планете. Новое невиданное оружие изменило облик мира. Мировое сообщество ужаснулось содеянному: огромный густонаселенный город, не имевший военных объектов, был на две трети стерт с лица земли, 140 тысяч его граждан погибли в один миг. Но официальный Вашингтон был в восторге. Известие об успешном атомном ударе по Хиросиме застало президента Трумэна в Атлантическом океане на крейсере "Огаст". Он возвращался с Потсдамской конференции. Довольный успехом американского оружия, президент, пожав руку капитану корабля, сказал: "Сегодня величайший день в мировой истории!" Он объяснил собравшимся офицерам, что представляет собой атомная бомба, и заключил свое выступление словами: "Дело увенчалось успехом. Мы выиграли ставку".
97

Вот такими понятиями оперировал президент богатейшей страны мира. Разрушение центра древней японской культуры (а Хиросима была одним из таких центров) и гибель десятков тысяч его жителей оценивались в выражениях нью-йоркской биржи. Кстати, в 1946 году, когда Роберт Оппенгеймер, американский Курчатов, сказал президенту, что после варварских бомбардировок японских городов он и его коллеги ощущают "кровь на своих руках", Трумэн ответил: "Ничего, это легко смывается водой"[1].

Но это было потом, а тогда, сразу же после сброса "Малыша", на авиабазе острова Тиниан спешно готовили новую, на этот раз плутониевую бомбу для ударов по Японии. Почему спешно? Потому что ее надо было сбросить до того, как Советский Союз вступит в войну с Японией. Если это приведет к капитуляции Японии до начала советского наступления на Маньчжурию, то все лавры победы в войне на Тихом океане пожнут Соединенные Штаты. В связи с этим сроки сброса второй бомбы, "Толстяк", все время сокращались: 20 августа, 11-е, 10-е и, наконец, твердо решено — 9 августа.

Это было вызвано тем, что во время Ялтинской конференции Сталин обещал начать войну против Японии через три месяца после победы над Германией. Он подтвердил это в мае 1945 года, беседуя с посланцем американского президента Г. Гопкинсом. В ходе Потсдамской конференции начальник советского генштаба генерал армии А. И. Антонов на совещании начальников штабов союзных стран 24 июля назвал наиболее вероятным сроком вступления СССР в войну середину августа. И вот теперь американцы торопились принудить японское правительство к капитуляции в первой половине августа.

Непрестанное изменение срока второго удара нервировало участников предстоящей операции. И командующий 20-й воздушной армией, действовавшей с Гуамских островов по Японии, генерал Лимэй, и генерал Фаррел, и капитан Парсонс, и подчиненные им офицеры с тревогой относились к сокращению

времени на подготовку к новому атомному удару. Весьма опасной представлялась
98
загрузка "Толстяка" в бомбоотсек Б-29, который должен был вести майор Ч. Суини. Ведь Суини, хотя и был опытным летчиком, но далеко не таким, как Тиббетс, который служил и личным пилотом генерала Эйзенхауэра, и летчиком-испытателем Б-29. К тому же устройство бомбы не позволяло на этот раз оснастить ее взрывателем в воздухе, следовательно, взлет обещал быть весьма рискованным. Спаатс, командующий стратегической авиацией, и его подчиненные тоже нервничали: удары по второстепенным целям не снимут вопроса о вторжении с моря и с воздуха — выходит, нужно готовиться к серии атомных налетов, в том числе и на Токио, или действительно к старому плану подготовки полномасштабного вторжения[2]. Прямой опасности подвергался майор Суини, вылетевший в сложных метеоусловиях на не вполне исправном самолете. Ему предстояло повторить сбрасывание атомной бомбы, на этот раз на Кокуру. Было это 9 августа.

Плохие предчувствия летчика оправдались. Кокура была закрыта плотными облаками. Развернувшись, Суини повел самолет на Нагасаки. Но и здесь видимость была нулевой, и главным образом из-за дыма горевших внизу разбитых в предшествующие налеты заводов. Испытывая уже острую нехватку горючего, Суини, отбросив все инструкции, вышел на цель, пользуясь радаром. В последний момент, обнаружив разрыв в облаках, он произвел бомбометание. "Толстяк", взорвавшись несколько в стороне от заданной цели, уничтожил 44 процента города, который исстари служил в Японии воротами христианства. Суини совершил вынужденную посадку на запасном аэродроме на Окинаве: у него кончалось топливо.

Хотя "Толстяк" и при неблагоприятных условиях уничтожил более 70 тысяч жителей Нагасаки, ожидаемый эффект не был достигнут. Атомная бомба была сброшена в 11 часов 01 минуту 9 августа, а советские войска вторглись в Маньчжурию с рассветом того же дня. И сразу же после получения по радио утром 9 августа известия о вступлении СССР в войну японский премьер-министр К. Судзуки созвал заседание Высшего совета по руководству вой-
99
ной. На рассмотрение совета был вынесен вопрос о капитуляции. Судзуки заявил присутствовавшим: "Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны". Таким образом, не уничтожение Хиросимы атомным ударом 6 августа, хотя, безусловно, это имело свое особое значение, а вступление СССР в войну против Японии на рассвете 9 августа вынудило японское правительство впервые поставить вопрос о капитуляции.

Японский историк Н. Рэкиси пишет: "Хотя США пытаются представить атомную бомбардировку японских городов как результат стремления ускорить окончание войны, в

действительности эти бомбы, погубив огромное число мирных жителей, не привели Японию к принятию решений об окончании войны". И продолжает: "Не жертвы среди мирных жителей в результате атомной бомбардировки, а вступление в войну СССР обусловило скорейшее окончание войны"[3].

Такого же мнения придерживались и те американские военные, которые непосредственно руководили войсками США в зоне боевых действий. "Вступление Советского Союза в войну против Японии, — констатировал командующий ВВС США в Китае генерал К. Ченнолт в августе 1945 года, — явилось решающим фактором, ускорившим окончание войны на Тихом океане, что произошло бы даже в том случае, если бы не были применены атомные бомбы. Быстрый удар, нанесенный Красной Армией по Японии, завершило окружение, приведшее к тому, что Япония оказалась поставленной на колени'[4].

Это и понятно: в условиях континентальной войны, какой по своему характеру была Вторая мировая, исход вооруженной борьбы решался на сухопутных театрах. Только решительными действиями против крупных группировок сухопутных войск, уничтожением вражеских сил и средств можно было принудить противника к отступлению, освободить захваченные им территории и заставить его капитулировать.

100

Тем не менее во многих исторических трудах за рубежом (а в последние годы и в России) утверждается, что именно бомбардировка Хиросимы стала причиной начала советского наступления 9 августа, а не 15-го, как говорилось в Потсдаме. Но документы говорят о другом. Они свидетельствуют о том, что войска Красной Армии, сосредоточенные на Дальнем Востоке для разгрома Квантунской армии японцев, получили приказ быть в готовности к наступлению 25 июля. 3 августа, сразу же по возвращении из Берлина в Москву, Сталин получил доклад от главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке маршала А. М. Василевского. Василевский доложил, что войска готовы начать наступление с утра 5 августа, но сам он считает более подходящим сроком для начала операции 9—10 августа, когда ожидается наиболее благоприятная погода в Забайкалье, где дислоцируются силы Забайкальского фронта, находящегося на направлении главного удара. В Приморье к этому времени ожидается прекращение дождей, а это позволит действовать авиации.

Предложение Василевского было одобрено Сталиным. Директиву на наступление маршал подписал 7 августа в 16 часов 30 минут, то есть еще до того, как из выступления Трумэна стало известно об атомной бомбардировке Хиросимы[5].

Значит ли это, что СССР сыграл решающую роль в разгроме Японии, как об этом много лет писала советская историография? Нет, не значит. После капитуляции Германии и лишения Японии всех источников сырья поражение ее было неизбежно. Но без СССР, беря во внимание японскую национальную стойкость и фанатизм, вооруженным силам США пришлось бы затратить много времени (полагали, не менее года) и понести большие

потери (до 1—1,5 миллиона человек) для достижения полной победы.
Вступление в войну СССР намного ускорило разгром Японии, приблизило конец 2-й мировой войны, сократило разрушения и число жертв. Да, атомные бомбардировки разрушили два города, погубили более 200 тысяч
101
жизней, но и обычные бомбардировки японских городов приносили огромные жертвы (например, 9 марта в Токио было уничтожено обычными бомбами 100 тысяч жителей), но все это не смогло сломить волю японцев к сопротивлению. Атомная бомба не могла уничтожить огромную Квантунскую армию, готовую фанатично сражаться до конца на материке.

Тем не менее атомная бомба явилась качественно новым боеприпасом, ознаменовала собой появление оружия массового уничтожения, которое полностью компенсировало недостатки обычных авиационных бомб с их малой точностью попадания в цель и небольшой разрушительной силой. Огромная мощь нового оружия и, главное, монопольное владение им породили в правящих кругах США иллюзию, что в послевоенный период они смогут диктовать свою волю народам всего мира, угрожая им атомной войной. Это оружие уже тогда рассматривалось ими как средство, с помощью которого они смогут обеспечить гегемонию США во всем мире, и прежде всего в отношении СССР, пусть и недавнего союзника в борьбе против фашизма. Широко известно, что первой реакцией Трумэна на успешное испытание атомной бомбы были слова: "Теперь у меня есть дубина против этих парней". Ясно, он имел в виду Советский Союз. Его уверенность в том, что атомная монополия США будет длительной, была тогда непоколебима.

Характерен такой эпизод. В 1946 году в беседе с Р. Оппенгеймером Трумэн спросил его: "Когда русские смогут создать бомбу?" "Я не знаю", — ответил ученый. "Я знаю",— сказал президент. "Когда же?"— последовал вопрос. "Никогда", — ответил Трумэн.

1. "Блицкриг" воздушно-атомный

«Атомные взрывы над Хиросимой и Нагасаки, — писал генерал М. Тейлор, — *послужили ярким доказательством решающего значения стратегических бомбардировок. Атом-*
102
ная бомба усилила воздушную мощь новым оружием огромной разрушительной силы и вновь укрепила веру в то, что наши военно-воздушные силы обладают абсолютным оружием, которое позволит Соединенным Штатам навязать миру своего рода "Pax Americana " ("мир по-американски ")»[6].

19 декабря 1945 года президент США Г. Трумэн официально заявил в обращении к конгрессу: "Хотим мы этого или не хотим, мы обязаны признать, что одержанная нами победа возложила на американский народ бремя ответственности за дальнейшее руководство миром"[7].

Основным носителем наиболее мощных бомб на дальние расстояния в то время была стратегическая авиация (бомбардировщики Б-17 и Б-29), но она, как свидетельствовал опыт войны, была уязвима для средств ПВО, и по мере совершенствования этих средств уязвимость ее возрастала. Кроме того, она не обеспечивала внезапности, так как обнаруживалась противником задолго до подлета к объекту удара. И хотя стратегическая авиация еще долгое время являлась основным носителем атомных, а затем и водородных бомб, вопрос о ее замене более надежными, точными, быстрыми и экономичными средствами воздушного нападения встал на повестку дня в политических кругах и вооруженных силах США уже в конце войны. В связи с этим немецкие ракеты, особенно баллистические, по их в ту пору неотразимости показались американским стратегам весьма перспективным оружием. Не случайно американские военные, присутствовавшие на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками, с большим вниманием слушали последнее слово подсудимого Альберта Шпеера, бывшего министра вооружения гитлеровской Германии. Он, в частности, сказал: " Военная техника через 5—10 лет даст возможность проводить обстрел одного континента с другого при помощи ракет с абсолютной точностью попадания. Такая ракета, которая будет действовать силой расщепленного атома и обслуживаться, может быть, всего десятью лицами, может уничтожить в Нью-Йорке в течение нескольких секунд миллионы людей, достигая цели неви-

103

димо, без возможности предварительно знать об этом, быстрее, чем звук, ночью и днем"[8].

Итак, милитаристское мышление к концу войны подошло вплотную к идее соединения столь разрушительного оружия, как только что появившаяся атомная бомба, с таким средством ее доставки к цели, как стратегический бомбардировщик или ракета. Последняя в большей мере обеспечивала неотвратимость удара, но была еще очень и очень несовершенна. Главное внимание было уделено стратегической авиации.

Одновременно развивались и взгляды на боевое применение стратегических бомбардировщиков в новых условиях. В основе их, как и в годы Второй мировой войны, лежали основные положения так называемой "доктрины Дуэ". Еще в 20-е годы итальянский генерал Дж. Дуэ, творец теории "воздушной войны", считал, что ВВС одними своими действиями способны самостоятельно решить исход войны. Сущность "воздушной войны" он сводил к завоеванию господства в воздухе, нанесению внезапных бомбардировочных ударов по наиболее важным административно-политическим и экономическим центрам, военным объектам, районам отмобилизования войск. Главную роль в будущей войне эта теория отводила бомбардировочной авиации, которая с конца 20-х годов бурно развивалась[9]. Теоретики "воздушной войны" считали также одним из решающих факторов достижения победы подавление морального духа гражданского населения в тылу противника ударами с

воздуха. Дуэ писал: "...исход будущих войн может явиться следствием ударов, нанесенных духу населения"[10]. Он полагал, что "грядущая война будет вестись в основном против безоружного населения городов и против крупных промышленных центров". В меморандуме активного сторонника "воздушной войны" начальника штаба ВВС Великобритании маршала авиации Тренчарда, представленного английскому правительству* 2 мая 1928 года, говорилось, что моральный эффект от стратегических бомбардировок выше, чем материальный. Население страны противника не вынесет массовых авиационных налетов и может заставить свое правительство пойти на капит-

104

ляцию[11]. Таким образом, бомбардировки городов и инфраструктуры страны считались главным способом боевых действий, а в стратегической авиации видели некую "абсолютную" силу.

Категориями "абсолютного" оружия мыслили и многие военные в США. Уже в годы Второй мировой войны правящие круги ведущих морских Западных держав все больше делали ставку на стратегическую авиацию как "оружие победы". (Кстати, и сегодня эти идеи живы. Например, в югославском конфликте 1999 года бомбившая Сербию авиация НАТО, вооруженная "высокоточными" ракетами и бомбами, преподносилась миру как "оружие демократии".)

Бомбардировки городов широко применялись во Второй мировой войне. После разгрома Франции летом 1940 года Англия оказалась, по существу, один на один с гитлеровской Германией, оккупировавшей почти всю Западную Европу. Тогда развернулась воздушная "битва за Англию". Под таким названием вошло в историю воздушное наступление немецко-фашистских ВВС на Великобританию и отражение его английскими вооруженными силами в августе 1940 — мае 1941 года. Цель гитлеровского руководства в этом наступлении заключалась в том, чтобы массированными бомбардировками с воздуха в короткий срок подорвать военно-экономический потенциал своего единственного уже в то время противника в Западной Европе, терроризировать население, нарушить управление страной и в конечном счете вывести из войны.

Правители третьего рейха полагали, что воздушные бомбардировки в сочетании с морской блокадой и подводной войной могут принудить Великобританию к капитуляции и одновременно создать выгодные условия для вторжения в Англию с моря, если потребуется. Горячим сторонником этой идеи был Геринг, заверивший Гитлера, что люфтваффе "выбомбят Англию из войны". Берлин рассчитывал деморализовать население, подорвать волю народа к сопротивлению и тем заставить страну капитулировать.

105

Однако, хотя Лондону и другим городам (Ковентри, Бирмингем) были нанесены большие разрушения и имелось много жертв, гитлеровцы не достигли своей цели: английский

народ мужественно продолжал борьбу. Замысел Геринга "выбомбить Англию из войны" провалился.

Но идею "воздушной войны" как решающего средства достижения победы вынашивал не только германский фашизм. На Британских островах, по мере того как укреплялась антигитлеровская коалиция, также вызревал план нанести по Германии с воздуха удары такой силы, которые могли бы причинить ей невосполнимый ущерб.

Английская авиация начала воздушное наступление на города Германии с 24 сентября 1940 года, когда 84 бомбардировщика предприняли неудачный налет на Берлин. В 1941—1942 годах боевая эффективность английской бомбардировочной авиации была чрезвычайно низкой. В среднем в одном налете участвовало менее 60 самолетов. Лишь в воздушных операциях, проведенных в 1942 году по крупным городам Германии (Эссен, Любек, Киль, Кельн), участвовало 200—230 самолетов.

В результате этих бомбардировок гражданское население понесло значительные потери, оказались разрушены многие жилые кварталы, но ущерба военно-промышленным объектам причинено не было. Об этом свидетельствует рост производства важнейших видов вооружения Германии в 1941—1942 годах. Так, если в 1940 году германская промышленность произвела 2200 танков и броневиков, 6200 боевых самолетов, 5 тысяч артиллерийских орудий (калибра 75 мм и более), то в 1942 году она выпустила 9200 танков и броневиков, 11 100 боевых самолетов, 12 тысяч артиллерийских орудий. Так что английские воздушные бомбардировки в те же годы не влияли на производительность военной промышленности Германии. Известный историк Р. Джексон пишет: "Стратегическое наступление бомбардировочного командования (английского) на Германию в течение первых трех лет войны окончилось полным провалом"[12].

Однако, когда англо-американские войска начали активизировать военные действия (высадка в Африке, подго-

товка к десанту на Сицилию), родился план совместного воздушного наступления на третий рейх. На конференции в Касабланке (январь 1943 года) был разработан план совместного воздушного наступления с июня 1943 до весны 1944 года под условным названием "Пойнтблэнк". Он имел целью массированными бомбардировками достичь "прогрессирующего разрушения и дезорганизации военной, промышленной и экономической мощи Германии и подрыва морального духа ее народа до такой степени, чтобы способность Германии к сопротивлению была ослаблена до фатального уровня".

Расчет был на то, что массированные удары стратегической авиации США и Англии (бомбардировщики США действовали днем, а английские — ночью) настолько подорвут военно-экономический потенциал рейха и деморализует его население, что вторжения во Францию не понадобится, поскольку бомбежка немецких городов "скоро заставит Германию стать на колени".

Да, англо-американская авиация завоевала тогда стратегическое господство в воздухе на Западном фронте, в значительной степени нарушила коммуникации и систему управления противника во Франции, создала благоприятные условия для высадки союзных войск в Нормандии. Это был достойный вклад стратегических бомбардировок в ход войны.

Однако было и другое. Еще в 1942-м командующий британским бомбардировочным командованием маршал авиации Артур Харрис заявил: "Может быть, когда-нибудь мы сумеем каждую бомбу направлять в цель с научной точностью. Но до тех пор, пока мы этого не достигли (опыт Югославии 1999 года говорит о том, что не достигли и сегодня. — *А. О.),* мы должны сбрасывать потоки бомб, сравнивать с землей дома Шикльгрубера (Гитлера. — *А. О.)* и деморализовать его рабочих". Таким образом, торжествовал принцип заложников: за преступления нацистов расплачивалось мирное население.
Масштабы воздушного наступления были на первый взгляд впечатляющими: армады стратегической авиации за
107
ночь уничтожили в 1942 году крупный город Кельн, в налете на который в ночь с 30 на 31 мая участвовало более 1000 самолетов. Приказ гласил: "Превратить в море огня средневековый центр Кельна". Харрис требовал от начальника штаба маршала авиации Портала: "Я надеюсь, вам ясно следующее: целью наступления являются жилые районы, а не, к примеру, доки или фабрики". После Кельна были Эссен (1 июня), Бремен (25 июня) и другие города Германии. Налеты 1943 года стали рейдами "1000 бомбардировщиков". С 24 июня 1943 года в течение шести дней бомбили Гамбург: убито и ранено 100 тысяч горожан, разрушено 300 тысяч зданий. Апогеем стала бомбардировка Дрездена в феврале 1945 года. Город, заполненный беженцами, не имевший военных объектов, в течение двух дней был превращен в руины. Погибло 35 тысяч человек.

То же самое творилось на другом конце планеты. Американские Б-29 бомбили японские города. К августу 1945 года 63 города Японии подверглись уничтожающей бомбардировке, в том числе Токио, который был разрушен 9 марта того же года. И, наконец, Хиросима и Нагасаки, с одной стороны, завершили "воздушное наступление" союзников, с другой — открыли новую эру в применении стратегической авиации — "воздушно-атомную войну".

Появились и теоретики и стратеги "второго дыхания" доктрины Дуэ. На страницах военной печати замелькали имена Г. Арнольда, У. Митчелла, А. Северского, К. Спаатса, К. Лимэя. Кто же были эти люди? Как вырабатывалась ими концепция стратегического воздушно-атомного блицкрига?
Генри Арнольд (1886—1950). Первый в истории американских ВВС генерал армии в годы Второй мировой войны был командующим ВВС армии (сухопутных войск) США. Под его руководством в 1946 году в составе ВВС было создано стратегическое авиационное соединение, куда вошли тяжелые и средние бомбардировщики, истребители сопровождения, а в

последующие годы и ракетные части стратегического назначения. В следующем, 1947 году он обосновал необходимость и добился того,
108
что ВВС были выведены из состава армии США и стали отдельным видом вооруженных сил. Его книга "Глобальная миссия" (1949) по истории американской авиации стала краеугольным камнем концепции применения ВВС в ядерной войне.

Имя американского генерала Уильяма Митчелла (1879—1936) вошло в историю как крупного теоретика "воздушной войны". В конце Первой мировой войны он командовал франко-американским соединением ВВС, насчитывавшим 1500 самолетов. В 1919 году был назначен помощником начальника штаба ВВС США. Он считал, что использование военной авиации как наступательного вида вооружений эффективно лишь "в масштабах всего земного шара". Именно из этого положения Митчелла исходила военная доктрина США в первые годы послевоенного периода. Ее основная формула: "Так же как линейный корабль был оружием Британского мира, оружием Американского мира станет самолет". Под самолетом подразумевалась стратегическая авиация США, которой в американской военной доктрине отводилась роль главной ударной силы.

Основные постулаты "воздушной доктрины" США сформулировал Александр Северский. Этот американец русского происхождения заслуживает того, чтобы о нем рассказать подробнее.

Александр Николаевич Прокофьев. Родился в семье потомственных дворян в Петербурге 5 июня 1894 года. Северский — псевдоним, унаследованный от отца, который под этим именем пел в столичном театре оперетты, являясь и владельцем его и режиссером. Александр заканчивал Морской кадетский корпус, мечтал стать морским летчиком. Был знаком со знаменитым авиаконструктором Игорем Сикорским. Учился в знаменитой Качинской (под Севастополем) авиационной школе, но был отчислен за дерзость начальству. Пришлось доучиваться в других школах. На Балтике он получил диплом морского летчика.

Служил на острове Эзель, у входа в Рижский залив, но вскоре попал в катастрофу, ему ампутировали правую ногу. Ходил на костылях, освоил протез. Благодаря воле и
109
жизнелюбию стал играть в гольф, плавать, танцевать, кататься на коньках.

Друзья-летчики брали Северского в испытательные полеты, иногда давали в руки штурвал. Но к полетам его решительно не допускали. Во всем мире еще не было такого случая: одноногий летчик. Попытки поступить в военную авиацию успеха не приносили. Однако он периодически летал и как мастер высшего пилотажа становился все более известным. Его принял Николай II и разрешил служить в военной авиации. Так, А. Северский стал

первым в мире безногим летчиком. Он храбро сражался в небе Первой мировой войны, был награжден многими орденами, почетным оружием — слава его росла.

После Октябрьской революции по мандату Ленина был направлен помощником военно-морского атташе посольства России в США. Однако посольство вскоре закрылось. Северский остался в Америке. Он стал известен в авиационных кругах, сообщил американцам о своих изобретениях и идеях, в частности о дозаправке в воздухе, об оптических прицелах при бомбометаниях — вообще обо всем, что не нашло применения в России. Ему предложили место инженера-консультанта в военном ведомстве, а через год он основал собственную компанию "Северский эйр-корпорейшн". Бомбовый прицел Северского приняли на вооружение. Ему дали звание майора ВВС. В 1931 году Северский на своей фирме, названной "Северский эйркрафт корпорейшн", собрал русских эмигрантов и разработал с ними проект легкого самолета-амфибии. Сам он был и конструктором, и технологом, и президентом новой фирмы, и летчиком-испытателем.

За истребитель Р-35 американская армия выплатила фирме полтора миллиона долларов. Впервые было организовано крупносерийное производство модернизированных самолетов Северского Р-47. В годы Второй мировой войны 196 его истребителей Р-47 "Тандерболт" были отправлены по ленд-лизу в СССР.

К концу войны он становится консультантом по военным делам при правительстве США. В 1945 году посеща-

110

ет Хиросиму и Нагасаки, чтобы дать оценку атомным бомбардировкам. В 1946 году в качестве личного представителя госсекретаря присутствует на испытаниях ядерного оружия на атолле Бикини. В том же году президент Г. Трумэн лично награждает Северского высшей наградой США для гражданских лиц — медалью "За заслуги".

Еще во время войны он занялся разработкой концепции боевого применения военной авиации. Главным его тезисом стало положение о том, что успех применения атомного оружия зависит в первую очередь от надежности и высоких летно-боевых качеств средств доставки атомных бомб к объекту удара. Он полагал, что новая техника — межконтинентальная авиация (а в будущем — ракеты), вооруженная ядерными боеприпасами, — делает все остальные традиционные виды вооруженных сил устаревшими. Таким образом, он стал одним из основоположников воздушно-ядерной стратегии США. Он говорил, что воздушная мощь позволяет вести войну на условиях США, тогда как сухопутная война — на условиях СССР[13]. Умер А. Н. Северский в 1974 году.

Но если Митчелл и Северский теоретически обосновывали концепции "авиационной доктрины", то такие генералы, как К. Спаатс и К. Лимэй, претворяли ее в жизнь. Карл Спаатс, командовавший в годы войны американскими ВВС в Европе, был представителем новой генерации американских военачальников,

свято уверовавших в превосходство военной техники США, исповедовавших "технологический фанатизм" и принцип "дешевой войны". В массированных "ковровых" бомбардировках крупнейших индустриальных центров противника — таких, которые превратили в руины Дрезден, Лейпциг и Токио, — они видели наипервейшее условие достижения полного превосходства в современной войне. Появление атомной бомбы делало в их глазах совершенно неопровержимой доктрину "победа через господство в воздухе". В 1946 году Спаатс писал: "Исход следующей войны, по всей вероятности, будет решен благодаря использованию какой-то воздушной мощи, прежде чем наземные войска будут в

111

состоянии пойти в соприкосновение с противником в крупных сражениях"[14]. Атомная бомба ставила стратегическую бомбардировочную авиацию как род войск в совершенно особое положение, и создатели этого рода войск — генералы Арнольд, Спаатс, Лимэй — были полны решимости использовать все ее возможности, чтобы утвердить эту точку зрения (у которой даже в годы войны было много противников) на всех уровнях.

Генерал Кертис Лимэй (1906—1974) в 1943—1944 годах командовал 305-й авиадивизией, действовавшей в Европе, разработал тактику прицельного бомбометания (в отличие от "ковровых бомбардировок") и успешно применял новейший в то время бомбоприцел "Норд". В 1945 году он командующий 20-й воздушной армией на Тихоокеанском театре военных действий. Под его руководством осваивались новые тяжелые бомбардировщики Б-29, наносившие удары по Японии. И здесь он разработал тактику бомбардировок японских городов. Суть ее состояла в том, чтобы, используя преобладающие в городах деревянные постройки, сбрасывать на окраины городов зажигательные бомбы. Тогда город-жертва оказывался в огненном кольце, а по центру наносились удары фугасными бомбами. Этот метод широко применялся и привел к массовому истреблению жителей городов Японии. Достаточно сказать, что только в одном налете на Токио 9 марта 1945 года было сожжено 267 тысяч домов, погибло около 100 тысяч человек (больше, чем при атомной бомбардировке Нагасаки). С 1947 года вначале недоверчиво относившийся к атомной бомбе Лимэй стал горячим сторонником воздушно-атомной стратегии, а в 1948 году возглавил стратегическое авиационное командование (САК) США. В последующие годы в его составе были сформированы три воздушные армии (2, 8 и 15-я). Был создан огромный парк тяжелых бомбардировщиков. В первые послевоенные годы его основу составляли Б-29 (486 машин), с 1948 года появился модернизированный вариант этого бомбардировщика Б-50 (224 машины) и турбовинтовой тяжелый бомбардировщик Б-36 (338 самолетов). Но все

112

это было потом, в конце 40-х годов, когда "холодная война" уже набрала обороты. Так, например, в 1948-м в со- . ставе САК имелось более 1000 бомбардировщиков, часть которых могла

нести атомные бомбы.

Правда, бомб все время (в 40-е годы) не хватало. В 1946-м их было всего 9, в июле 1947 — 13, в 1948-м — 50[15]. Затем производство атомного оружия ускорилось, и в 1949 году в США было уже 250 атомных бомб[16].

Одновременно шло их усовершенствование при изучении эффективности в ходе испытаний. Характерно испытание атомной бомбы на атолле Бикини 1 июля 1946 года. Было решено проверить действие атомного взрыва на военные корабли. Целью был избран американский линкор "Невада", переживший японский налет на Перл-Харбор в декабре 1941 года, и еще ряд американских и трофейных японских кораблей. На испытание были приглашены иностранные специалисты, в том числе и от Советского Союза (М. Г. Мещеряков, С. П. Александров, журналист А. М. Хохлов). Ожидалось, что взрыв уничтожит полностью все назначенные объекты и вызовет у присутствовавших тихий ужас перед могуществом атомного оружия.

Однако ожидаемого эффекта не получилось: даже основной объект, на который была сброшена бомба — линкор "Невада", — остался на плаву. Животные, находившиеся на обреченных на гибель судах, большей частью остались живы. Вот что докладывали в Кремль руководители советского атомного проекта на основе свидетельств наблюдателей и других данных:
«1. Бомба взорвалась в воздухе вблизи поверхности воды очень точно около Невады. 2. При взрыве атомной бомбы корабли показали чрезвычайную живучесть, посему материальные результаты взрыва оказались ничтожными по сравнению с ожидавшимися здесь (в США. — *А. О.). 3. Всеобщее разочарование результатами взрыва атомной бомбы в воздухе над очень густо размещенными кораблями сменяется здесь надеждами получить уничтожающие для кораблей результаты от взрывов под водой»*[11].
113

Видимо, сведения о результатах этого испытания наряду с известным в СССР темпом производства атомного оружия дали Сталину основания заявить в интервью корреспонденту газеты "Санди таймс", что атомные бомбы предназначены для устрашения слабонервных, но они не могут решать судьбы войны, так как для этого совершенно недостаточно атомных бомб"[18]. Кроме того, это был ответ на первую угрозу применить атомную бомбу против СССР, прозвучавшую из уст американского президента. И вот по какому случаю.

В годы Второй мировой войны в Иране находились советские, английские и американские войска. Они должны были вывести все войска из Ирана через полгода после окончания войны, то есть к 3 марта 1946 года.

Каждая великая держава стремилась обеспечить свои интересы в Иране, укрепить свое влияние,, иметь там нефтяные концессии. Советские войска стояли в иранском Азербайджане (Северный Иран) и иранском Курдистане: охраняли границу с Турцией. В тот период Сталин стремился окружить СССР поясом

дружественных государств. В иранском Азербайджане и Курдистане под покровительством Советского Союза были созданы автономные (в составе Ирана), просоветски настроенные республики, создававшие местные органы власти и вооруженные формирования.

Для создания концессии и укрепления этих автономных режимов Советскому Союзу требовалось время. Поэтому Москва затягивала вывод своих войск из Ирана. Иранскому правительству это не нравилось. Кроме того, к концу 1945 года обострились отношения между СССР и западными державами. Используя обстановку, Иран обратился в ООН (а в январе 1946 года шла 1-я сессия этой организации) с жалобой на СССР, требуя вывода советских войск из страны. Москва затягивала вывод, ссылаясь на трудные условия зимы. В то же время группировка советских войск в Иране была усилена подвижными войсками, чтобы обеспечить организованный вывод советских войск весной 1946 года.

114

С этой целью в марте 1946 года туда была введена 1-я гвардейская механизированная дивизия, в которой тогда служил автор этих строк. Ввод новых советских частей еще более обострил обстановку. И тогда президент Трумэн потребовал немедленного вывода советских войск из Ирана, угрожая в противном случае применить атомную бомбу. Вот как вспоминал об этом близкий к Трумэну сенатор Генри Джексон. В ходе иранского кризиса, писал он, произошел малоизвестный эпизод, о котором ему рассказал президент. Как говорил Трумэн, он в те дни пригласил посла СССР в США А. Громыко и потребовал немедленно (через 48 часов) вывести советские войска из Ирана, угрожая в противном случае применить атомную бомбу. "Мы не остановимся перед тем,— цитирует президента Г. Джексон, — чтобы сбросить ее на вас"[19]. Есть и другие версии этого эпизода (телефонный разговор, сообщение по дипломатическим каналам). Так оно было или нет — сказать трудно. Но, во всяком случае, наши войска покинули Иран не в марте, а в апреле — мае, и только после того, как иранское правительство согласилось на создание советско-иранского смешанного нефтяного общества и признание демократических требований иранского Азербайджана. (Правда, в конце 1946 — середине 1947 года национально-освободительное движение в иранском Азербайджане было жестоко подавлено, а меджлис отказался ратифицировать соглашение об ирано-советском нефтяном обществе.)

Таким образом, разгоравшаяся "холодная война" все больше подталкивала руководство США к повышению своей воздушно-атомной мощи: умножалась и совершенствовалась стратегическая авиация, наращивались запасы атомных бомб. Шла разработка концепций на боевое применение самолетов-носителей атомного оружия и планов воздушно-атомной войны.

19 сентября 1945 года Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) США издал документ "Основы для формулирования военной политики США", в котором, в

частности, указывалось, что США должны сохра-
115
нять "подавляюще мощные вооруженные силы во время мира", которые в состоянии сделать "неразумным для любой крупной агрессивной нации начать большую войну вопреки воле США". Не "напасть на США", а "вопреки воле США". Это была заявка на роль военного гегемона. "Наше правительство, — говорилось далее в документе, — ...должно оказывать давление с целью быстрого разрешения спорного вопроса политическими средствами, в то же время осуществляя все приготовления для того, чтобы нанести первый удар"[20]. Первый удар по кому? Адресат также был указан: Советский Союз. Еще 19 мая 1945 года, через десять дней после того, как над Москвой прогремел салют в честь Победы, заместитель государственного секретаря США Джозеф Грю писал: "Если что-либо может быть вполне определенным в этом мире, так это будущая война между СССР и США"[21]. Так, уже в первые месяцы после общей победы над Германией и Японией военное руководство США начало готовиться к войне против своего недавнего союзника, с которым в то же время велись переговоры об устройстве послевоенного мира и создании общих международных организаций — таких как ООН, международные трибуналы и др.
В ноябре 1945 года было подготовлено секретное исследование Объединенного комитета начальников штабов, названное "Стратегическая уязвимость России для ограниченного воздушного нападения". Авторы этого документа анализировали возможности превентивного ядерного удара по Советскому Союзу в случае, если "Советский Союз или начал агрессию (в Европе или Азии), или появились явные признаки того, что возможна агрессия против Соединенных Штатов"[22]. Как они представляли себе "агрессию СССР против США в условиях, когда Советский Союз сократил свои вооруженные силы к 1948 году с 11,3 миллиона до 2,8 миллиона человек и не имел ни атомного оружия, ни средств его доставки,.— остается только гадать[23]. Вашингтонские стратеги сами же писали, что "в настоящее время Советский Союз не располагает возможностью нанести аналогичные разрушения промышленно-
116
сти США". Но тем не менее рекомендовалось нанести ядерный удар не только в случае явной угрозы "красной агрессии", но также и в том случае, если создастся впечатление, что СССР в конце концов обретет потенциал либо для нападения, либо для отражения нашего нападения[24]. При этом считалось, что СССР не представляет какой-либо угрозы для США. Но даже создание в Советском Союзе средств защиты от атомного нападения было бы достаточным поводом, чтобы США могли обрушить атомные бомбы на нашу страну. Таким образом, в военную доктрину включалась, причем безоговорочно, концепция первого удара, наносимого превентивно по усмотрению США.

Здесь следует немного сказать о понятиях превентивного и преэмптивного ударов. Первый планируется нанести по стране или группе стран, возможности которых (экономические,

геополитические, демографические, военно-политические и др.) позволяют им в обозримом будущем сравняться с возможностями страны, планирующей агрессивную войну.

Преэмптивный (упреждающий) удар наносится против страны-агрессора, когда ее вооруженные силы уже готовы к нападению на ту или иную страну. Его наносит именно то государство, на которое планируется нападение. Цель — сорвать подготовленное страной-агрессором нападение.

В первые послевоенные годы СССР просто не имел средств осуществить нападение на США. Не было и намерений. Но он располагал сильнейшей сухопутной армией мира, способной в считанные дни (в случае агрессии США) овладеть странами—союзниками США в Западной Европе.

Тем не менее монополия на атомное оружие и средства его доставки кружила головы вашингтонских стратегов, создавала иллюзию всемогущества.

Исходя из опыта атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, ставку в планируемой войне делали на атомные бомбы, носителями которых мыслились стратегичес-

117

кие бомбардировщики. Это нашло отражение в строительстве вооруженных сил. ВВС в целом, и особенно стратегическая авиация, все более выдвигались на ведущее место среди других видов вооруженных сил. В марте 1946 года было создано стратегическое авиационное командование (САК), в состав которого вошли 279 самолетов, в том числе 148 Б-29. В 1947 году ВВС стали самостоятельным видом вооруженных сил США[25].

Практическая подготовка атомного нападения на СССР была поручена комитету военного планирования разведывательного комитета, подчиненных ОКНШ. Разведывательный комитет вскоре представил ОКНШ доклад. "Отобрать приблизительно двадцать целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории" — вот задача, которая ставилась в этом докладе, представленном руководству Пентагона 3 ноября 1945 года[26].

При выборе целей рекомендовалось учитывать возможности нового оружия, то есть иметь в виду площадь эффективного поражения районов с высокой концентрацией материальной части и живой силы. Использовать атомные бомбы против полевых войск и транспортной сети, по мнению авторов доклада, было нерационально. Таким образом, в основе использования нового оружия лежали основные концепции "доктрины Дуэ", развитые Митчеллом и Северским: уничтожать не военную силу противника, его войска, а мирное население, города в глубоком тылу противника. Принятые Гаагскими и Женевскими конвенциями решения (1907, 1929, 1949) были отброшены.

«Двадцать наиболее выгодных целей для атомных бомб, — говорилось в докладе, — *представляют собой индустриальные центры, в которых сосредоточено много научно-исследовательских учреждений, специализированных промышленных предприятий, ядро государственного аппарата. Этот подбор обеспечит максимальное использование*

возможностей атомного оружия»[11].

Через год, в сентябре 1946 года, в высших правительственных кругах США был разработан документ "Амери-

118

канская политика в отношении Советского Союза". В нем, в частности, говорилось:

«Надо указать Советскому правительству, что мы располагаем достаточной мощью не только для отражения нападения, но и для быстрого сокрушения СССР в войне... Советский Союз не слишком уязвим, ибо его промышленность и естественные ресурсы широко рассредоточены, однако он уязвим для атомного, бактериологического оружия и дальних бомбардировщиков... Война против СССР будет "тотальной " в куда более страшном смысле, чем любая прежняя война, и поэтому должна вестись постоянная разработка как наступательных, так и оборонительных видов вооружения»[28].

Командующий САК К. Лимэй шел еще дальше. Он так рисовал картину будущей войны: "Соединенные Штаты располагают возможностями обезлюдить огромные поверхности Земли, оставить только незначительные следы человеческой деятельности"[29].

Тотальная война требовала и "тотального" охвата союзников. Пентагон особенно беспокоило то, что из-за небольшого числа атомных бомб и их носителей атомные удары с воздуха хотя и значительно ослабят Советский Союз, но сами по себе не приведут к его поражению. После атомных ударов достижение окончательной победы возлагалось на сухопутные войска США и их союзников, а также силы флота, который должен был обеспечить снабжение американской действующей армии и охранять морские коммуникации.

В документе Объединенного комитета начальников штабов от 9 апреля 1947 года подчеркивалось: "Районы, на которые распространяются оборонительные обязательства США, охватывают наземное и водное пространство примерно от Аляски до Филиппин и Австралии в Тихом океане и от Гренландии до Бразилии и Патагонии в Атлантическом океане. В это пространство входит 40 процентов суши, но всего лишь 25 процентов населения Земли. Старый Свет (Европа, Азия и Африка) охватывает 60 процентов суши. Однако там проживает 75 процентов населения..."[30]

119

Зачем же понадобились такие огромные пространства планеты для выполнения "оборонительных обязательств США"? А дело в том, что при планировании воздушно-атомной войны против СССР перед военно-политическим руководством США встал ряд проблем, требующих срочного решения.

14 декабря 1945 года Объединенный комитет военного планирования издал директиву № 432/Д. "Единственным оружием, которое США может эффективно применить для решающего удара по основным центрам СССР, являются атомные бомбы, доставленные самолетами дальнего действия"[31], — говорилось в этой директиве. Предполагалось составить план

атомного нападения на советские промышленные центры с применением около 200 атомных бомб. Тогда за США еще не было такого количества бомб, но их производство всячески форсировалось. Носителями бомб в то время могли быть только бомбардировщики В-29. Однако при базировании на Американском континенте у них не хватало дальности действия, чтобы достичь намеченных на советской территории объектов (дальность действия В-29 составляла 6000 километров, тогда как расстояние от Нью-Йорка до Москвы — 7505 километров, от Сан-Франциско до Хабаровска — 7762 километра). Поэтому авторы директивы предлагали использовать для В-29 авиабазы на Британских островах, в Италии (Фоджа), Индии (Агра), Китае (Чэнду), на Японских островах (Окинава).
Первый план войны против СССР был разработан ОКНШ в июне 1946 года (кодовое название "Пинчер"). План, составленный, как указывалось, на случай непредвиденных обстоятельств, исходил из того, что советско-американская война произойдет в 1946 или 1947 году с предварительным периодом угрозы не менее трех месяцев. В приложении к плану "Пинчер", составленному специалистами ВВС, содержались плановые наметки по ядерной бомбардировке и разрушению 20 советских городов с наиболее развитой промышленностью, уже отмеченных к тому времени разведчиками[32]. В списке намеченных целей были

120

Москва, Ленинград, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль. План считался "экспериментальным", что отражало неуверенность начальников штабов относительно количества атомных бомб, которое нужно было использовать для поражения целей в СССР. Сомнения усугублялись оттого, что планирование "воздушно-атомной" стратегии проводилось без учета реально имеющихся и производимых в стране атомных боеприпасов и боевых возможностей авиации. К весне 1947 года, по данным американской комиссии по атомной энергии, США имели "не более чем дюжину атомных бомб, ни одна из которых не была готова к немедленному применению, производилось же их по две штуки в месяц"[33].

Кроме того, в ходе работы над "Пинчером" планировщики из КНШ вдруг обнаружили, что многие советские города — объекты ударов — находились за пределами досягаемости бомбардировщиков В-29 даже при старте из стран Европы. В плане отмечалось, что для "воздушно-атомного" наступления и поражения нефтедобывающих районов Баку необходимо использовать территорию Турции, а недосягаемость глубинных районов СССР для американской стратегической авиации того времени требует создания новых типов бомбардировщиков и более близких к СССР авиабаз.

Таким образом, желание как можно скорее нанести атомный удар по стране социализма, обуревавшее вашингтонских теоретиков атомной войны, наталкивалось на технические

трудности: бомб явно не хватало, а бомбардировщики В-29, единственные носители атомных бомб, не обладали достаточным радиусом действия, чтобы поражать цели в глубине советской территории. Кроме того, только часть из них была переоборудована и пригодна для несения атомных бомб.

Было и еще одно немаловажное "препятствие", которое смущало разработчиков плана атомной войны. Как пишут американские ученые Митио Каку и Дэниель Ак-

сельрод в книге "Одержать победу в ядерной войне: секретные военные планы Пентагона", вышедшей в Бостоне в 1987 году, "даже в случае успешной ядерной атаки на СССР Красная Армия смогла бы предпринять мощное контрнаступление и спутать тем самым все карты сторонников ядерной войны"[34]. Поэтому ОКНШ продолжал интенсивно разрабатывать более реальные планы ядерного нападения на СССР.

И вот на свет каждый год стали появляться новые, усовершенствованные планы воздушно-атомного нападения на социалистический блок: "Бройлер" (1947), "Граббер" (1948), "Флитвуд" (1948) и другие. В этих планах уточнялись (и множились) главные объекты ударов; просчитывалась протяженность маршрутов стратегических бомбардировщиков; определялось количество атомных бомб для достижения нужного эффекта бомбардировок; учитывался минимально необходимый "неприемлемый" урон, который понесет противник в результате атомного нападения; предусматривались способы преодоления ПВО противника.

В ходе этого изощренного планирования небывалой войны выяснилось, что воздушно-атомное нападение могло стать эффективным только при действиях авиации из районов передового базирования — островов Рюкю (Япония), а также с баз в Англии, Египта и Индии, которые еще предстояло создать. Однако некоторые объекты в СССР и при этом варианте находились вне досягаемости действия В-29 и при старте даже с передовых баз уже не могли возвратиться на свои аэродромы. Решили, что часть бомбардировщиков на обратном маршруте будет садиться или имитировать "вынужденную посадку" на территории дружественных или нейтральных стран.

Кроме того, шли споры, какие объекты удара считать первостепенными. И вот, в 1948 году пришли к заключению, что целесообразно нанесение в первую очередь ударов по "политическим, правительственным, административным, техническим и научным компонентам Советского государства", и в особенности "ключевым правитель-

ственным и административным органам в городах". Было выбрано 24 города в СССР, по которым планировалось нанести 34 атомных удара, а общая для поражения СССР потребность исчислялась в 400 атомных бомб[35]. Однако план этот был иллюзорным, поскольку ежемесячный тем производства атомных боеприпасов в США составлял в 1947— 1948 годах всего четыре бомбы.

В начале 1948 года командование ВВС, уже имевшее к тому времени 31 бомбардировщик-носитель атомного оружия, запланировало довести к ноябрю 1949 года число самолетов-носителей до 120 единиц. Учитывая этот темп поступления на вооружение новых тяжелых бомбардировщиков В-36, комиссия по атомной энергии решает увеличить число бригад по сборке атомных бомб с трех до семи[36].

Между тем цели атомного нападения на СССР все более конкретизируются в кругах высшего американского военно-политического руководства. 18 августа 1948 года в совершенно секретной директиве Совета национальной безопасности № 20/1 указывалось: "Наши основные цели в отношении России, в сущности, сводятся всего к двум: а) свести до минимума мощь и влияние Москвы... б) провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России". Речь шла прежде всего о том, чтобы ослабить Советский Союз в политическом, военном и психологическом отношении по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля"[37].

Здесь необходимо сказать еще об одном американском государственном и военном деятеле того времени — первом министре обороны США Джеймсе Форрестоле. Известно, что 26 июня 1947 года президент Г. Трумэн подписал закон о национальной безопасности. Этим законом вводилась должность министра обороны США, который теперь единолично олицетворял высшую военную власть в стране, тогда как до этого закона были два министра: военный и военно-морской. Они действовали независимо друг от друга и подчинялись президенту. Теперь же министр обороны (до этого он был министром ВМФ) со-

средоточивал в своих руках руководство всеми видами вооруженных сил: армией, ВВС (недавно выделившихся в самостоятельный вид вооруженных сил) и военно-морским флотом.

Джеймс Форрестолл был горячим поборником войны против СССР. Он буквально был одержим мыслью о том, что Советский Союз вот-вот нападет на западные демократии. Именно при нем был сформирован внешнеполитический курс на агрессию, превентивный ядерный удар по СССР и постоянное наращивание сил для обеспечения американской гегемонии в мире. Он руководил ключевым совещанием руководителей силовых ведомств в городке Ки-Вест (11—14 марта 1948 года), где были приняты принципиально важные решения. Они сводились, по сути, к одному: выполнение стратегических задач возложить на ВВС. ВМФ тоже получает право на применение атомных бомб — с авианосцев. Для повышения боевых возможностей флота в этой сфере построить авианосец водоизмещением 80 тысяч тонн. Но главное — предоставить (временно!) контроль над атомным оружием командованию военно-воздушных сил.

Вот так этот американский "ястреб" провел свои идеи в жизнь. Но надо сказать, жизнь его закончилась трагически. Уйдя

в отставку с поста министра обороны в 1949 году, он через два месяца покончил жизнь самоубийством на почве психического расстройства. Говорят, он выбросился из .окна с криком: "Танки! Советские танки!"...

Каковы бы ни были личные пристрастия тех или иных американских политиков и военачальников, военная машина США продолжала набирать обороты. В Пентагоне разрабатывались все новые планы будущей атомной войны. Воздушно-атомное наступление планировалось начать как можно раньше, во всяком случае, не позже, чем через две недели после начала войны. Поскольку нанесение атомных ударов по СССР предусматривалось в первые же дни войны, в плане ставился вопрос о том, что ВВС должны заранее иметь в своем распоряжении атомные бомбы[38]. Но ведь эти бомбы надо было еще доставить к объек-

124

там удара далеко в глубине территории СССР, а для этого нужно было иметь достаточно передовых баз, выдвинутых поближе к границам Советского Союза. Для военных баз требовались хорошо оборудованные аэродромы, имеющие достаточно длинные ВПП с твердым покрытием, современные навигационные системы, склады горючего и боеприпасов, ремонтные мастерские и т. д. В странах Азии и Африки уже имелись крупные авиабазы, но их нужно было срочно модернизировать. Кроме того, надо было иметь разрешение ряда правительств. Пентагон, однако, спешил. Поэтому для передового базирования решили использовать в первую очередь уже имевшиеся вполне современные авиабазы на территориях европейских союзников.

В связи с этим встал вопрос о переброске части стратегических бомбардировщиков и атомных боеприпасов на Британские острова, откуда их можно было запустить по центральным районам Советского Союза.

Правительство Великобритании уже давно стремилось быть партнером США в глобальной гегемонии. Еще в марте 1946 года У. Черчилль в своей печально знаменитой фултонской речи призвал к продолжению "тесных связей между нашими военными, которые должны вести к совместному изучению потенциальных опасностей... и обеспечению взаимной безопасности путем совместного пользования всеми военно-морскими и военно-воздушными базами"[39]. А действовать начали в этом направлении еще раньше. Уже через две недели после окончания военных действий в Европе начальник имперского генерального штаба фельдмаршал Алан Брук приступил к подготовке меморандума о военных мероприятиях, "направленных против России". В первом полугодии 1946 года Комитет начальников штабов Великобритании разработал планы войны против Советского Союза с применением атомного и бактериологического оружия. По тогдашним расчетам британских военных специалистов, бомбардировочная авиация, действуя с Британских островов, могла нанести удары по 58 советским городам с населением 100 тысяч человек в каждом,

расположенных на расстоянии
125
1500 миль (1700 километров) от Англии. При увеличении дальности полета до 1850 миль (около 3700 километров) авиация могла поразить еще 21 город на территории СССР.

И вот теперь, когда атомная бомба стала самым главным аргументом политической и военной стратегии Вашингтона и Лондона в отношении Советского Союза, английское правительство выразило полную готовность предоставить свои базы для американских атомных бомбардировщиков. Нужен был лишь предлог. Им стал так называемый "Берлинский кризис" летом 1948 года.

В июне этого года в западных оккупационных зонах Германии была проведена сепаратная денежная реформа, распространенная и на западные секторы Берлина. Был осуществлен экономический раскол Германии, развернулась активная деятельность против просоветских порядков в восточной части страны. СССР по договоренности с властями Восточной Германии предпринял ряд ответных мер. Была проведена своя денежная реформа и временно прекращено сообщение Берлина с западными оккупационными зонами. Это послужило предлогом для обострения обстановки в Европе. Поскольку Советский Союз закрыл границы с Восточной Германией и Западным Берлином и перекрыл все железные и автомобильные дороги, западные державы установили воздушный мост в Западный Берлин и одновременно перебросили в американскую оккупационную зону Германии, а оттуда на Британские острова эскадрильи B-29, носителей атомных бомб. В июле на авиабазах Великобритании насчитывалось уже 60 бомбардировщиков этого типа. Вновь зазвучали угрозы о применении атомной бомбы. К осени обстановка вокруг Берлина практически нормализовалась, однако число B-29 с атомными бомбами в Англии достигло 90 единиц.

О том, как мыслились стратегические операции военно-воздушных сил против жизненно важных центров России, открыто говорилось в американской печати того времени. Главные положения плана "войны против России" были изложены журналом "Ньюсуик" в статье "Белая звезда против красной звезды".
126

«Американская стратегия исходит из создания баз вокруг сферы влияния русских с последующим нанесением ударов с воздуха, — писал "Ньюсуик". — США не намерены сражаться по принципу "солдат за солдата ". Наполеон и Гитлер допустили подобную ошибку и были проглочены Россией, имевшей колоссальные людские резервы. Американские стратеги предпочитают окружать Россию кольцом военно-воздушных сил»[40].

Вспоминая об этом, премьер-министр Англии У. Черчилль говорил 6 декабря 1951-го в палате общин, что в 1948 году было положено начало созданию "огромной и все расширяющейся

американской военно-воздушной базы в Восточной Англии для применения атомного оружия против Советской России"[41].

По мере роста запасов атомных бомб количество целей на территории СССР увеличивалось. В 1948 году предусматривалось уничтожение уже 60 советских городов с помощью одновременного массированного удара 133 атомными бомбами. При этом на одну Москву отводилось 8 бомб, а на Ленинград — 7[42]. Если бы война затянулась, то против СССР предполагалось использовать примерно 200 бомб, что привело бы к уничтожению 40 процентов промышленности и гибели 7 миллионов людей.

Итак, картины будущей атомной войны против СССР не скрывались от общественности. Широко рекламировался, например, номер американского журнала "Кольерс" от 27 октября 1951 года. Он красочно расписывал атомную войну США против СССР. «Советское правительство, — писал "Кольерс", — должно изменить свои взгляды и политику. Если этого не произойдет, то, несомненно, придет день, когда это правительство исчезнет с лица земли».

По сценарию "Кольерса", война начиналась 14 мая 1952 года. Поднявшись с аэродромов Англии, Франции, Италии, Японии и Аляски, эскадрильи тяжелых бомбардировщиков В-36 сбрасывали атомные бомбы на наиболее важные военные и промышленные объекты Советского Союза. Ежедневно над советской территорией разбра-

сывались с воздуха миллионы листовок. Тысячи агентов спускались на парашютах для ведения саботажа и разрушения систем связи.

22 июля атомную бомбу взорвали над Москвой. В журнале публиковался "наиболее вероятный" репортаж с борта бомбардировщика, приводился рисунок ядерного взрыва недалеко от Кремля.

Подобные публикации поразительно совпадали с планами пентагоновских специалистов, в то время еще строго секретными. Цель их состояла в том, чтобы приучить американский народ и общественность капиталистического мира к мысли о неизбежности атомной войны, победителем в которой, несомненно, окажутся Соединенные Штаты.

Однако, составляя планы немедленной или близкой атомной войны с СССР, военные специалисты Пентагона в первые 5—7 лет после 2-й мировой войны считали единственно возможной долгосрочной стратегией лишь ту, которая опирается на комплексное использование всех видов вооруженных сил, а атомные удары, нанесенные в начале войны, рассматривали как облегчающее начало для дальнейшего использования "других средств союзной военной мощи"[43]. Чтобы сковать действия советских войск, предполагалось проводить операции силами армии, прежде всего американских войск в Германии и Западной Европе, а также сил флота.

В 1949 году специальный комитет во главе с генерал-лейтенантом Х. Хармоном разработал для президента (доложен 23 января 1950 года) сверхсекретный доклад о возможностях

США нанести поражение Советскому Союзу. В докладе указывалось, что если с помощью новых тяжелых бомбардировщиков В-36 удастся сбросить на объекты в СССР 200 атомных бомб, то в результате этого удара погибнет 2,71 миллиона человек, получат ранения 4 миллиона и "в огромной степени была бы осложнена жизнь 28 миллионов человек"[44]. Однако и при этом условии США все еще не хватало сил, чтобы уничтожить Советский Союз или помешать Красной Армии и его союзникам захватить

128

Европу и Азию. На основе доклада Хармона КНШ информировал руководство США, что "решающий удар", вероятно, невозможен до середины 50-х годов. Начальники штабов считали необходимым, чтобы военная промышленность США к 1953 году выпустила 400 атомных бомб, каждая из которых по мощности равнялась бы бомбе, сброшенной на Нагасаки. Но почему "на Нагасаки", а не "на Хиросиму"? Да потому, что на Нагасаки была сброшена более эффективная плутониевая, а не урановая бомба. "Ястребы" полагали: если 100 таких бомб сбросить на объекты в СССР, то можно достичь цели...

Таким образом, вопрос успеха в войне против СССР упирался, по мысли американских стратегов, в создание таких носителей атомного оружия, которые могли бы проникать в глубинные районы Советского Союза и наносить одновременно массированные удары по промышленным и административно-политическим центрам СССР. Но имевшиеся на вооружении у США стратегические бомбардировщики В-29, В-50 и В-36 могли действовать на дальность 8000—10 000 километров, что позволяло им достичь центральных районов СССР при условии вылета с передовых баз, расположенных по периметру его территории. Такие базы уже имелись во многих соседних с Советским Союзом странах, но статус их был недостаточно легитимным, и обыкновенно были они весьма дорогостоящими. Требовались некие международные гарантии. Следовательно, необходимо было срочно создать базы не только в Западной Европе, где имелись оккупационные зоны и союзные США страны, но и в других регионах мира. Это (наряду с другими военно-политическими факторами) могло быть достигнуто только при создании антисоветских военно-политических блоков. Политические руководители США осознавали, что при создавшемся соотношении сил даже такое мощное государство, как США, в одиночку не сможет подавить силой оружия складывавшуюся мировую систему социализма. Срочно нужны были союзники, причем такие, которые могли составить основу сухопутных войск, и прежде всего в Европе.

129

В 1949 году был создан Североатлантический блок (НАТО) — военно-политический союз, направленный против СССР и возглавляемых им социалистических стран. В НАТО объединились сильнейшие западные державы, влияние которых простиралось почти на весь земной шар. Они обладали разветвленной сетью военных баз. Стратегическая концепция

этого блока была сформулирована в заявлении председателя Комитета начальников штабов США О. Брэдли 29 июля 1949 года, а затем официально принята в НАТО. Говоря о распределении ролей в подготовке войны против Советского Союза, Брэдли, в частности, заявил:

«Во-первых, США будут нести ответственность за стратегическую бомбардировку. Мы в США неоднократно подчеркивали, что первейшим условием совместной обороны является наша способность доставки атомных бомб.

Во-вторых, Соединенные Штаты и военно-морские державы Запада будут осуществлять основные военно-морские операции, включая охрану морских коммуникаций. Западный союз и другие страны будут сами обеспечивать оборону своих портов и побережья.

В-третьих, мы считаем, что основное ядро наличных наземных сил будет поставлено Европой, которой другие нации окажут поддержку путем мобилизации.

В-четвертых, Англия, Франция и прилегающие к ним страны возьмут на себя главную роль в нанесении бомбовых ударов самолетами ближнего радиуса действия и в противовоздушной обороне. Мы, конечно, будем иметь тактическую авиацию для наших собственных сухопутных и морских сил, для обороны США.

В-пятых, другие страны в зависимости от их близости или удаленности от возможного района конфликта будут делать упор на подготовку к осуществлению соответствующих специфических заданий»[45].

Эти идеи нашли отражение и в новом американском плане ядерной войны против СССР (кодовое наименование "Дропшот"), который был утвержден президентом Трумэном в 1949 году. В плане подчеркивалось, что

130

"наиболее серьезную угрозу национальной безопасности США представляет... сама природа социалистического строя". В соответствии с этим главная политическая цель войны заключалась уже не в ограничении "мощи и влияния Москвы", как в предыдущих планах, а в ликвидации Советского социалистического государства, уничтожении "корней большевизма", реставрации капитализма и колониализма и установления с помощью НАТО американского мирового господства. Главная стратегическая цель состояла в том, чтобы "во взаимодействии с нашими союзниками... уничтожить советскую волю и способность к сопротивлению путем стратегического наступления в Западной Евразии и стратегической обороны на Дальнем Востоке"[46].

План предусматривал начать войну против СССР массированными ударами стратегической авиации по административно-политическим и промышленным центрам нашей страны, а также районам сосредоточения войск. Планировалось на первом этапе в течение 30 суток сбросить на Советский Союз 300 атомных и 200 тысяч тонн обычных бомб. Авторы плана рассчитывали таким путем сломить волю и

способность советского народа к сопротивлению и принудить Советский Союз к капитуляции. В случае, если массированные атомные бомбардировки не приведут к быстрой капитуляций СССР, предполагалось продолжить бомбардировки атомными и обычными бомбами.

Последующие этапы включали вторжение сухопутных войск США и их союзников в СССР, захват его территорий и стран народной демократии с применением не только атомного, но и других видов оружия массового поражения: химического, биологического и радиологического. На этот счет в плане "Дропшот" было указание: "В данной кампании упор делается на физическое истребление противника". В дальнейшем планировалось установление оккупационного режима на территории СССР, расчленение страны на оккупационные зоны с дислокацией американских войск в ключевых городах СССР, а также в

раде городов государств Восточной Европы. После разгрома СССР и его союзников в Европе планировалось захватить КНДР, МНР, Китай и всю Юго-Восточную Азию[47]. Предусматривались также операции психологической войны, направленные на подрыв морального духа населения СССР.

Для того чтобы убедиться в правильности расчетов ОКНШ, США поручили группе военных высшего эшелона проверить на командно-штабном учении шансы выведения из строя девяти стратегических районов: Москва—Ленинград, Урал, объекты Черноморского побережья, Кавказ, Архангельск, Ташкент, Алма-Ата, Байкал, Владивосток. Результаты оказались неутешительными: вероятность достижения целей составила 70 процентов, потери участвовавших в воздушном наступлении бомбардировщиков превышали 55 процентов[48]. 55 процентов! Во всей 2-й мировой войне самые тяжелые потери (удар 97 бомбардировщиков по Нюрнбергу в ночь на 31 марта 1944 года) не превышали 20,6 процента самолетов, участвовавших в налете. Учение выявило ряд просчетов в планировании и обеспечении первого удара, из-за которых воздушное наступление против СССР не могло быть проведено молниеносно; атомные бомбардировки Москвы и Ленинграда могли быть осуществлены только на 9-й день войны. В то же время расчеты показывали, что, например, базы на Британских островах будут полностью выведены из строя действиями ВВС СССР с применением атомного оружия максимум через два месяца. Стало ясно, что стратегическая авиация США, нанеся значительный урон городам СССР, в первом ударе не может продолжать боевые действия из-за недостаточного количества самолетов, баз, систем обеспечения и обслуживания. А советские армии к этому времени, по расчетам участников учения, уже выйдут на берега Атлантического и Индийского океанов. Получалось, что план войны против СССР, разработанный Пентагоном, приводил к утрате в первые месяцы войны Европы, Ближнего и Дальнего Востока.

Начальник оперативного управления штаба ВВС США генерал-майор С. Андерсон доложил 11 апреля 1950 года министру авиации США С. Саймингтону, что ВВС США не могут выполнить все воздушное наступление, предусмотренное планом, и обеспечить имеющимися силами противовоздушную оборону территории США и Аляски[49].

Кроме того, успех планируемого воздушного нападения зависел от живучести передовых баз, а они легко могли быть выведены противником из строя.

Тогда военно-политическое руководство США сосредоточило внимание на более перспективных носителях ядерного оружия — баллистических и крылатых ракетах. Ракеты большой и средней дальности прельщали пентагоновских стратегов многими своими преимуществами перед самолетами. Баллистические ракеты, обладая огромной (1600 м/с) скоростью, могли в считанные минуты поражать объекты в глубоком тылу противника. Они могли действовать независимо от погоды и времени суток; ПВО страны, по которой наносились удары, не могла оказать им противодействия. Оснащенные автономными инерциальными системами управления, все компоненты которых размещались на их борту, ракеты не были подвержены воздействию помех противника. Крылатые ракеты, несмотря на их приближение по скорости и высоте полета к самолету, тоже являлись перспективным оружием: их стоимость по сравнению с самолетом была гораздо ниже, их применение не зависело от метеоусловий; они обладали небольшими размерами, что затрудняло их обнаружение, особенно при действиях на малых высотах; могли запускаться с земли, с корабля, с самолета и в силу этих качеств при массовом использовании представляли собой трудные цели для ПВО противника. Кроме того, оба типа ракет не требовали дефицитного и дорогостоящего летного состава (подготовка одного американского летчика обходилась примерно в 730 тысяч долларов), а их подвижные варианты были малоуязвимы.

Планами предусматривалось создание в ближайшем будущем весьма мощного арсенала в первую очередь меж-

континентальных и оперативно-тактических ракет наряду со стратегическими бомбардировщиками. Сразу после войны в США и ряде других капиталистических стран широко развернулись работы по созданию ракетного оружия на основе опыта ракетостроения фашистской Германии и применения ракет Фау-1 и Фау-2 в годы войны. Захваченные американскими войсками, эти ракеты легли в основу разработки американского ракетного оружия, а вывезенные из Германии немецкие специалисты под руководством американцев занимались их совершенствованием.

Работы по созданию ракет велись в США с 1945 года. Первоначально центром работ был арсенал Редстоун (штат Алабама), находившийся в ведении армии США. К 50-м годам в Редстоуне уже работало до 400 немецких и американских специалистов. Они образовали ядро ракетного центра, в котором на базе Фау-2 создавалась под руководством В. Брауна

американская баллистическая ракета "Редстоун" с дальностью действия до 300 километров. Велись также работы над ракетой "Капрал" с дальностью стрельбы 160 километров. Однако эти ракеты могли применяться только для поддержки сухопутных войск и были совершенно непригодны для ударов по объектам в глубине стран-противников, и тем более — СССР. Поэтому ВВС самостоятельно занялись разработкой стратегических ракет (дальность — свыше 5000 километров) и ракет средней дальности (1000—1500 километров).

Для руководства работами в области создания ракетного оружия ВВС США создали Главное управление научных исследований и разработок в этой области военной техники. В 1952—1957 годах ВВС израсходовали свыше 1850 миллионов долларов на ракетное оружие (армия — более 1260 миллионов долларов).

В 1953 году многочисленные научные советы и технические комитеты, занимавшиеся ракетным оружием, были объединены в Комитет Неймана (по имени немецкого специалиста по ракетам Дж. фон Неймана), который установил централизованный контроль над разработкой всех ракетных программ ВВС США и получил статус консуль-

тативного органа при министре ВВС и министре обороны. В 1954 году министерство ВВС, отдел баллистических ракет и управление исследований и разработок при главном штабе ВВС, Комитет фон Неймана и инженерная корпорация "Рэмофолдридж" начали совместную разработку межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) "Атлас", контракт на которую получила фирма "Конвэйр". В 1955 году было начато выполнение программы МБР "Титан" и баллистической ракеты средней дальности "Тор" (соответственно — компании "Мартин Мариэтта" и "Дуглас Эйркрафт").

Продолжала разработку ракетного оружия и армия (сухопутные войска) США. В 1954 году на армейских исследовательских полигонах после экспериментальных пусков Фау-2 уже были созданы и приняты на вооружение баллистические ракеты класса "земля — земля", тактического — "Капрал" — и оперативно-тактического — уже упоминавшаяся "Редстоун" — назначения. Первая из них с дальностью первоначально (1951) 160 километров, а затем (1953) 240 километров разрабатывалась управлением артснабжения армии США, вторая — под руководством В. Брауна "Крайслер".

Параллельно с работами над баллистическими ракетами широким фронтом велись разработки моделей крылатых ракет, которые в то время еще продолжали называть самолетами-снарядами.

Однако у ракет того времени были и существенные недостатки: низкая точность поражения целей. Поэтому до начала 60-х годов стратегическая авиация продолжала расцениваться в Пентагоне как главная ударная сила в войне против СССР и его союзников. Но рост боевых возможностей советской ПВО, зависимость стратегической авиации от передовых баз, где она могла

поражаться противником, несовершенство поступавшего на вооружение ракетного оружия — все это являлось существенными факторами, которые сдерживали воинственные устремления Белого дома и Пентагона в те годы. Казалось бы, обладание монополией на атом-
135
ное оружие, наличие значительных сил стратегической авиации, образование военно-политического блока НАТО создавали благоприятные возможности и порождали надежды на победу в войне против СССР и союзных ему стран.

И все-таки боязнь растущей военной мощи Советского Союза, отсутствие полной картины всего того, что происходило за "железным занавесом" социалистического государства в области вооружений, опасение прийти к великой континентальной войне, чреватой гибелью большей части человечества, — все это оказывало решающее влияние на здравомыслящих политиков Запада, заставляло их сдерживать "ястребов", жаждущих уничтожить "мировой коммунизм".

В Вашингтоне и Лондоне хорошо знали об усилиях, которые предпринимаются в СССР по повышению обороноспособности страны (хотя многие подробности и не были известны), так что более предпочтительной политикой считалось балансирование "на грани войны", не переходя эту грань.

2. "Танковый марш Советов"

В то время, когда американцы упивались своим военным могуществом и готовили "атомный блицкриг" против СССР, в Советском Союзе не теряли времени даром.

Хотя сразу по окончании войны правительство СССР сократило 12-миллионную армию военного времени до 2,8 миллиона человек, основные ударные силы, оставшиеся в строю, были сосредоточены в оккупационных зонах Германии, Австрии и Венгрии. По мере восстановления советского народного хозяйства большое внимание уделялось и совершенствованию вооруженных сил. В течение 7—8 послевоенных лет вооруженные силы были переоснащены более совершенными образцами автоматического оружия, артиллерии, инженерной, радиолокационной техникой и другими современными видами вооружения и
136
техники. Особое внимание обращалось на модернизацию танков и авиации. Была осуществлена полная моторизация и механизация Советской Армии.

Получили дальнейшее развитие и взгляды на использование подвижных войск и авиации. Главным видом военных действий считалось стратегическое наступление, проводимое методом последовательного достижения промежуточных стратегических целей силами всех видов вооруженных сил.

Это положение советской военной доктрины того времени, хотя она и не публиковалась, было хорошо известно на Западе. Известно было и то, что основными способами ведения

стратегической наступательной операции в этой доктрине считалось окружение и уничтожение группировки противника.

Таким образом, в отличие от взглядов Вашингтона, где приоритет отдавался уничтожению экономического потенциала (что, однако, сопровождалось большей, чем военные потери, гибелью гражданского населения), в советских взглядах на войну преобладала идея уничтожения в первую очередь вооруженных сил противника. Это и страшило Запад (что подтверждает и опыт югославской войны 1999 года), ибо в борьбе сухопутных армий потери личного состава более значительны, чем в морской или воздушной войне. Америка и Англия во 2-й мировой войне имели безвозвратные потери 375—400 тысяч человек; СССР потерял 27 миллионов человек, в том числе 11 миллионов военнослужащих. Это помнили на Западе. Несмотря на ужасные человеческие потери, наш народ восстановил свое почти на две трети разрушенное хозяйство уже к концу 1947 года. Такое самоотвержение не только ради семьи и собственного благополучия, но и во имя государства (весьма жестокого к своим гражданам) было совершенно непонятно Западу и внушало тревогу.

А Советский Союз, как свидетельствуют недавно рассекреченные документы, не имел никогда никаких планов нападения на западные демократии. Контрнаступления — да, но лишь как ответной меры.

137

В 1946—1947 годах в СССР был разработан и утвержден "План активной обороны территории Советского Союза". В нем основные задачи вооруженных сил определялись следующим образом: армия отпора, опираясь на укрепленные районы, должна разбить противника в полосе приграничной зоны обороны и подготовить условия для перехода в контрнаступление основных группировок войск, сосредоточенных на западных границах социалистического лагеря. ВВС и ПВО, входящие в армию отпора, имеют задачей надежно прикрыть с воздуха главные силы и быть в готовности к отражению внезапного нападения авиации противника. Войска резерва Главного командования предназначаются для сокрушительного, при использовании сил армии, отпора и удара по главным силам противника, нанесения им поражения и контрнаступления. Масштабы и глубина контрнаступления в плане не указывались[50].

В плане не указывалось, но западные стратеги, зная о группировке, сосредоточенной на западных границах соцлагеря, и о поражающих возможностях военной техники СССР, а также о скромном военном потенциале стран Западной Европы, не без оснований полагали, что после развязывания американцами воздушно-атомной войны советские танковые армады через две недели будут у берегов Ла-Манша. Таким образом, Западная Европа и европейские страны НАТО становились заложниками в случае войны между США и СССР. Сценарий "3-й мировой войны", прямо противоположный тому, что был опубликован в журнале "Кольерс", не раз поражал воображение обывателей

через средства массовой информации западных держав.
Схема была примерно такая: в Генеральный штаб советских вооруженных сил поступают уточненные разведданные об усилении европейской группировки НАТО и признаках повышения ее боеготовности. Источники информации разные: самолеты-разведчики, агентурная сеть в Западной Европе, перебежчики и т. д. Армии государств Варшавского Договора приводятся в полную боевую готовность. С аэродромов взлетают сотни военно-транспорт-
138
ных самолетов с крылатой пехотой на борту. Задача воздушно-десантных дивизий и бригад — захват стратегических объектов (штабов, узлов связи, аэродромов) и диверсии в тылу противника. Советские танковые армии, круша все на своем пути, совершают марш прямиком до Ла-Манша. Суточный темп продвижения — до 250 километров. Приказ — только вперед. Инженерные войска наводят понтонные мосты через реки. В небе полное господство советской истребительной авиации. Бомбардировщики и штурмовики совместно с артиллерией наносят удар по местам дислокации живой силы и техники противника. Сухопутные войска "зачищают" захваченные территории. Военные политработники объясняют выжившему местному населению освободительную миссию Советской Армии.

Подобные "сценарии", при отсутствии какой-либо аргументации, имели порой некоторые основания. Так, главнокомандующий Сухопутными войсками А. А. Гречко в середине 50-х годов изложил возможный, по его представлению, вариант советского контрнаступления в Европе и дальнейшего его развития: с ходу форсировать Рейн, на 6-й день овладеть Парижем и далее двигаться к Атлантическому океану...[51] На Западе вполне допускали такое развитие событий в случае войны, зная высокие боевые возможности советских войск, особенно группировок, дислоцированных в странах Восточной Европы. Страх, что нанесение атомных ударов американской авиации по СССР приведет к советскому наземному вторжению в Западную Европу, заставлял европейских политиков всячески сдерживать своего заокеанского патрона в его воинственных устремлениях.

В качестве примера об этом говорит эпизод с угрозой США применить атомную бомбу против коммунистического Китая в ходе корейской войны.
Дело было так. Октябрь 1950 года. Американо-южнокорейские войска в быстром темпе наступают на север. Они уже приближаются к китайской границе, а 23 октября берут Пхеньян. И вот тогда огромная масса китайских войск (так называемые китайские народные доброволь-
139
цы— КНД) 25 октября хлынула по мостам через реку Ялу в Северную Корею. Война вступила в новую фазу. Наступление китайцев было долгам и тяжким. Господству американцев в воздухе "добровольцы" противопоставили траншейную и галерейную борьбу, когда целые роты, батальоны и полки так

зарывались в землю, что ни бомбы, ни напалм их не брали. К тому же с ноября 1950-го промышленные объекты Северного Китая, мосты через Ялу и прилегающие к границе территории начал прикрывать с воздуха советский 64-й истребительный авиакорпус, действуя в своей зоне успешно. Под ударами частей КНДР и КНР американские войска в условиях зимы и отсутствия сети дорог начали отступать. Снабжение нарушилось, потери росли. 6 декабря войска Ким Ир Сена овладели Пхеньяном, а в конце года вышли на 38-ю параллель. Главнокомандующий "войсками ООН" (так именовались противники КНДР) генерал Макартур требовал от Вашингтона разрешения развернуть войну против КНР, подвергнуть бомбардировкам с воздуха объекты на территории Китая, а по крупным городам нанести атомные удары.

На первых порах президент Трумэн, казалось, разделял взгляды Макартура. На пресс-конференции 30 ноября 1950 года он заявил о готовности США предпринять "все необходимые меры, которые потребует военная обстановка". Его спросили: "Включают ли эти меры использование атомной бомбы?" Он ответил: "Это включает все виды оружия, которые мы имеем". На повторный вопрос: "Означает ли это, что обсуждается возможность применения бомбы?", президент ответил, что "ее использование всегда активно обсуждается"[52].

Это заявление Трумэна не на шутку встревожило западных партнеров, особенно Лондон. Слова президента США истолковали как намек на возможность 3-й мировой войны. В английской палате общин разгорелись бурные дебаты. 100 парламентариев-лейбористов выступали с протестом против применения атомной бомбы. Премьер-министр К. Эттли срочно вылетел в Вашингтон для встречи с президентом США. Он рассчитывал, что Трумэн даст

ему обещание консультироваться с Лондоном в вопросе атомных ударов по Китаю. Однако президент дал согласие только информировать правительство Великобритании о "ходе событий, которые могут привести к изменению обстановки". В совместном коммюнике, опубликованном после переговоров Трумэна и Эттли (8 декабря), говорилось: "Президент надеется, что международная обстановка никогда не потребует применения атомной бомбы"". Но главным и для него было, конечно, опасение, что применение атомной бомбы может вызвать ответную реакцию Советского Союза. Впоследствии Г. Трумэн писал в своим мемуарах:

«Если бы мы решили распространить войну на Китай, то должны были бы ожидать возмездия. Пекин и Москва как идеологически, так и в соответствии с договорами, являлись союзниками. Если бы мы начали атаковать коммунистический Китай, мы должны были бы ожидать русского вмешательства»^.

Такого же мнения придерживался и государственный секретарь Дж. Маршалл. Когда в конгрессе ему был задан вопрос, санкционировал бы он атомную бомбардировку Маньчжурии, если бы был уверен в невмешательстве СССР в

конфликт, он ответил: "Если бы не было никакой опасности вмешательства СССР, то упомянутые вами бомбардировки начались бы без всякого промедления"[55]. Но вопрос об атомной бомбе был снят еще и потому, что в ходе сражений зимой и весной 1951 года северокорейцы вновь захватили Сеул и Инчхон, а затем под ударами американо-южнокорейских войск были снова оттеснены к 38-й параллели. К лету того года линия фронта почти застыла, колеблясь в районе 38-й параллели. Создались возможности для переговоров о перемирии.

Но раньше, в ноябре 1950 года, повод для тревога английского премьера, безусловно, был. И не только потому, что СССР в 1949-м стал атомной державой, но и потому, что в конце 40-х он обладал уже носителями атомной бомбы, способными поражать цели на всю глубину Западной Европы, а также Аляски. Не случайно генерал

Андерсон, докладывая министру обороны США Саймингтону в апреле 1950 года, упоминал Аляску как уязвимый для авиации СССР район.

Действительно, Советский Союз, создав атомную бомбу, стремился иметь такие бомбардировщики, которые могли бы поражать важные цели потенциального противника хотя бы на его передовых базах. Нужны были средства доставки атомного заряда до объекта удара. Советская авиация середины 40-х имела в основном тактические бомбардировщики, предназначенные для поддержки сухопутных войск на театрах военных действий. Однако теперь нужны были такие самолеты, которые смогли бы донести атомную бомбу не только до глубокого тыла стран НАТО, но и до Американского континента. Таких самолетов не было. Американский истеблишмент удерживали в развязывании воздушно-атомной войны против СССР только мощные советские танковые армии, стоявшие в центре Европы.

В такой обстановке советское руководство торопилось создать бомбардировщик дальнего действия. Было принято решение скопировать американский В-29 — четыре самолета были интернированы на нашем Дальнем Востоке после их вынужденных посадок из-за повреждений, полученных при бомбардировках Японии.

В начале июня 1945 года Туполев и его первый заместитель Александр Архангельский были вызваны в Кремль к Сталину. По воспоминаниям Архангельского, Хозяин сразу перешел к сути дела: "Товарищ Туполев, мы приняли решение скопировать бомбардировщик В-29; подробности узнаете у Шахурина". Туполев, растерявшийся от столь неожиданного поворота событий, подавленно молчал. Тогда Архангельский, понимая, что никакие возражения уже не помогут, с деланным воодушевлением ответил, что "задание партии и правительства будет, безусловно, выполнено".

6 июня вышло решение ГКО, согласно которому КБ Туполева поручалось организовать производство "близнеца В-29 — Б-4 ("бомбардировщик четырехмоторный"). Всем

наркоматам, ведомствам, конструкторским бюро, заводам и другим организациям предписывалось скрупулезно, по требованиям КБ Туполева, воспроизвести буквально все, из чего состоял В-29: материалы, агрегаты и приборы. Заканчивалось это, надо сказать, историческое решение двумя пунктами: Туполеву — через год завершить выпуск всей необходимой технической документации, а директору Казанского авиазавода Окулову — еще через год построить первую серию из 20 машин.

Военные летчики перегнали три восстановленные "сверхкрепости" в Москву. То были не возможные носители атомных бомб, а обычные серийные самолеты. В самом большом ангаре на Центральном аэродроме первый самолет был полностью разобран, его детали использованы для выпуска чертежей, а "начинку" — приборы и оборудование — передали в специализированные организации. Второй самолет использовался для уточнения летных данных и тренировки экипажей будущих Б-4, а третий был сохранен как дубликат на случай аварии второго самолета.

Вскоре стало ясно, что без коренного изменения технологии наших авиационных и металлургических заводов и других предприятий воспроизвести этот самолет не удастся. Подавляющее большинство технических решений, материалов и приборов, примененных фирмой "Боинг" при разработке В-29, были совершенно новыми для отечественной промышленности. В соответствии с личным указанием Сталина не допускалось ни малейшего отклонения ни в одной детали от американского образца. "Оргвыводы" по нерадивым или строптивым главным конструкторам и директорам заводов были жесткими: те из них, кто не желал копировать или только пытался доказать, что его собственная серийная разработка лучше американской, были уволены.

Таков был скрытый от постороннего взгляда драматизм ситуации: конструкторы были вынуждены "наступать на горло собственной песне" и копировать чужое, выдерживая сроки, указанные в решении ГКО, а они были чрезвычайно короткими. Понятна и отрицательная реак-

ция руководства Министерства авиационной промышленности на указание Туполеву разработать новый вариант Б-4 — со значительно удлиненным бомбовым отсеком. Это означало бы полную перекомпоновку самолета, создание, по существу, новой конструкции и привело бы к срыву сроков. Так довольно болезненно началась взаимная притирка двух ведомств — атомного и авиационного. Столь "легкомысленное" отношение атомщиков к переделке носителя говорит об их непонимании тогда тонкостей авиации и всей сложности "соединения" бомбы и самолета-носителя. Понимание приходило постепенно, в процессе совместной работы.

На Туполева и его ближайших помощников (Маркова, Кербера, Черемухина и других) свалилась тяжелейшая работа: координация деятельности многих отраслей промышленности, а главное — "вытягивание" их на современный технический и

технологический уровень. Количество агрегатов и блоков, которые передавались Туполевым "смежникам" для изготовления, измерялось тысячами.

3 августа 1947 года на традиционном воздушном параде в Тушино тройка самолетов Б-4 была впервые показана публике. Ценой неимоверных усилий Советский Союз сумел за два года освоить сложнейшие технологии и дать своей военной авиации первоклассную машину. При постановке самолета на вооружение он был обозначен как ТУ-4. Дементьев (тогда — заместитель, а с 1953 года — министр авиационной промышленности) рассказывал, что это название дал сам Сталин, синим карандашом исправив в акте о государственных испытаниях "Б" на "ТУ".

Всего с 1948 по 1952 год было выпущено около 850 машин. В историческом контексте видно, что создание и серийное производство самолета .ТУ-4 подготовило благодатную почву для подлинной революции в авиации — появления первого поколения советских реактивных самолетов, сначала военных, а затем и пассажирских.

Сложность всей этой работы заключалась в том, что В-29 был напичкан массой датчиков, огромным количеством приборов, дистанционными следящими системами

ведения огня и т. д. На советских самолетах этого тогда еще не было. Для того чтобы сделать точную копию В-29, пришлось почти заново создать новую авиационную промышленность, изучить американскую технологию. И все-все это было сделано, причем в кратчайшие сроки.

Бомбардировщик ТУ-4 мог действовать на расстоянии до 6000 километров, а это означало, что самолеты ТУ-4, взлетая с баз на территории нашей страны и стран Восточной Европы, могли достигать целей в Западной Европе, на Ближнем Востоке и в Японии. Для того чтобы увеличить дальность их полета, уже в начале серийного производства ТУ-4 было решено оборудовать самолеты системой дозаправки в воздухе.

На первых порах специалисты по дозаправке действовали самостоятельно, на свой страх и риск. В июле 1949 года, впервые осуществляя автоматическую дозаправку, они сняли весь процесс на кинопленку. Туполев, узнав об этом, захотел ознакомиться со столь перспективной работой.

Впоследствии летчик-испытатель И. Шелест вспоминал: «На экране пошли кадры секретного кинофильма. Было видно, как между крыльями двух самолетов ТУ-4 перебрасывался трос. Туполев вначале молчал. Когда же из крыла Амет-Хана (пилота другой машины. — *А. О.)* самолета стал анакондой выползать топливный шланг и устремился к крылу моей машины, то Туполев вдруг повел себя как на хоккейном матче, — заерзал на стуле и фальцетом выкрикнул: "Молодцы!"».[56]

В 1952 году, после прохождения государственных испытаний система дозаправки "с крыла на крыло" была принята вначале на ТУ-4, а затем на новых реактивных бомбардировщиках ТУ-16. Однако даже с дозаправкой эти самолеты не смогли бы

действовать по целям на территории США: топлива хватало только *туда.* Поэтому уже в 1948 году КБ Туполева получило задание на постройку сверхтяжелого четырехмоторного бомбардировщика с дальностью полета, достаточной для возвращения на свои аэродромы.
145

Кроме того, ТУ-4 имел крупный недостаток, который в те годы пора было устранить. Это был поршневой (не реактивный) самолет, со сравнительно малой скоростью. А значит, он был легко уязвимой целью для уже имевшихся на вооружении ряда стран реактивных истребителей, обладавших большей скоростью и высотой полета. Уязвимость поршневой авиации, в частности В-29, наглядно показала война в Корее, в годы которой советские реактивные истребители МИГ-15 успешно сбивали В-29.

Поэтому, чтобы быть на уровне века, надо было иметь современную реактивную авиацию. И, конечно, в Советском Союзе передовая авиационная конструкторская мысль была направлена на решение этой проблемы. Конструкторские бюро А. С. Яковлева, А. И. Микояна, С. А. Лавочкинка, А. Н. Туполева, С. В. Ильюшина, П. О. Сухого и другие разрабатывали проекты сверхзвуковых реактивных самолетов различного назначения. Уже в апреле 1946 года состоялись испытательные полеты советских реактивных истребителей ЯК-15 и МИГ-9, а в праздник 1 Мая следующего года над Красной площадью во время военного парада пролетело более 100 реактивных самолетов.

Но это были истребители. Они, безусловно, увеличивали боевые возможности системы ПВО страны и поражения наземных целей на поле боя. Однако требовалось решать и другую задачу: создать реактивный бомбардировщик, могущий донести атомный боеприпас до объектов в глубине территории потенциального противника. Первым таким самолетом стал ИЛ-28 с дальностью действия 650 километров и скоростью 900 км/час. С аэродромов Восточной Германии он мог наносить удары практически на всю глубину территории континентальных стран Европы англо-американской ориентации (с 1949 года — НАТО), а также Аляски. Имея высокую скорость и большую высоту полета, такой самолет становился трудной целью для систем ПВО Запада.

Видимо, в связи с этим Сталин всячески способствовал тому, чтобы новый реактивный бомбардировщик поступал в войска в достаточных количествах.
146

Мало кому известен приказ Сталина, относящийся к весне 1952 года: создать 100 бомбардировочных авиадивизий укомплектованных реактивными бомбардировщиками И хотя руководители ВВС пытались доказать главе государства, что потребность в таких самолетах, с учетом уже имевшихся, не превышала 60 дивизий, приказ начал выполняться. В штабе ВВС схватились за голову. Ведь кроме этих 100 дивизий, для обеспечения их деятельности нужно было сформировать не менее 30 истребительных дивизий прикрытия и до 10 полков разведывательной авиации подготовить не менее 10 тысяч

летчиков, штурмовиков , специалистов других профилей, выпустить 10 тысяч бомбардировщиков сверх плана, построить аэродромы, ангары склады и т. п. Несмотря на протесты профессионалов, в штабе ВВС было создано уже специальное управление для решения этой проблемы".

Трудно сказать, чем бы кончилась вся эта затея, но уже в 1952 году с успехом прошел испытания более совершенный реактивный бомбардировщик ТУ-16. Самолет уверенно держал скорость 1000 км/ч и летал на дальность 4000 километров. Сталин распорядился пустить его в серийное производство, не дожидаясь конца испытаний. И правильно сделал. Был разгар войны в Корее, возможность применения американцами атомной бомбы против Китая не раз обсуждалась в Вашингтоне - надо было показать что при жестокой необходимости современная советская авиация донесет атомную бомбу до Англии и Франции Приказ же в отношении создания громадного воздушного флота ИЛ-28 потерял актуальность, а со смертью Сталина перестал выполняться.

Таким образом, Советский Союз, приняв с начала «холодной войны" военно-стратегический вызов США, а позднее и НАТО, решил противопоставить их мощи военную мощь стран социализма. В ответ на политику Вашингтона "с позиции силы" Москва стала проводить свою силовую политику. Новые виды боевой техники во все возрастающих количествах стали поступать в армию и на флот. Создание блока НАТО привело к тому, что СССР с кон-

ца 40-х годов начал вновь увеличивать свои вооруженные силы. В 1952—1953 годы завершилась полная моторизация и механизация Советской Армии, авиация была перевооружена реактивными самолетами, совершенствовался флот[58]. В войска поступали новые образцы танков, зенитных орудий, радиолокационной техники, автоматического оружия.

Советский Союз наряду с созданием атомного оружия и авиационными его носителями принимал меры и в области освоения ракетного оружия. Известно, что после 2-й мировой войны немецкие баллистические ракеты Фау-2 и крылатые ракеты (самолеты-снаряды) Фау-1 попали в качестве трофеев и американцам и русским. Но, ,в отличие от США, в СССР, где оказалось немало немецких ракетчиков, сами они не сыграли существенной роли в развитии советского ракетного оружия. Однако немецкие ракеты Фау-1 и Фау-2 были тщательно изучены и опробованы в испытательных пусках. В первые послевоенные годы конструкторская мысль в СССР продвинулась далеко вперед и немецкий опыт был, конечно, использован.

Тщательное изучение достоинств и недостатков Фау-2 позволило раскрыть главный недостаток немецких баллистических ракет. Немцы рассматривали ракету как единое целое от начала до конца полета. Но советские ракетчики (а среди них были и авиационные и артиллерийские специалисты) пришли к выводу, что к баллистической ракете нужен другой подход. У ракеты два совершенно разных этапа полета: активный, когда работают

двигатели — тут нужны крупногабаритные баки с горючим — и пассивный, когда она летит уже по инерции — как камень из пращи. Чем выше скорость — а она повышается с увеличением планируемой дальности полета — тем больше нагрузки при входе в атмосферу на нисходящей ветви траектории. Практически по принципу Фау-2 ракету на дальность уже выше 1000 километров создать было невозможно. Ведь та часть, которая сделала свое дело, на активном участке уже бесполезна — ее надо отделить. И делать прочной надо только
148
головную часть, а не всю ракету. Это был очень важный вывод для конструкции и одноступенчатых, и тем более многоступенчатых ракет. Благодаря такому техническому открытию советские специалисты первыми в мире сумели создать межконтинентальную ракету, что конечно же имело особое, великое значение.

Но все это было позднее. А тогда, сразу после войны, на основе постановления Совета Министров СССР от 13 мая 1946 года в октябре того же года был принят "План важнейших опытных работ по реактивному вооружению на 1946—1948 годы". Им предусматривалось создание отечественных баллистических ракет с дальностью полета 270 километров — к декабрю 1948 года, 600 километров — к октябрю 1949 года[59].

Основой советского ракетостроения стал НИИ-88, обосновавшийся в Подлипках. Там был собран цвет конструкторской мысли Советского Союза. Но работа строилась не так, как в фашистском рейхе. Если в Пенемюнде в ведении Вернера фон Брауна была вся цепочка, от разработки до запуска, и сосредоточены все специалисты, то в СССР дело было поставлено иначе — на основе кооперации, с привлечением ведущих ученых каждой отрасли. По отдельным направлениям были назначены главные конструкторы в соответствующих министерствах. В. П. Глушко в Министерстве авиационной промышленности стал главным конструктором ракетных двигателей. В Министерстве промышленности средств связи создается НИИ-885 для разработки всего радиокомплекса и автономного управления, необходимого для ракет. Главным конструктором назначен М. С. Рязанский, а его замом по системам автономного бортового управления — Н. А. Пилюгин. В. Н. Кузнецов назначается главным конструктором стартовых комплексов и заправочного оборудования.

У каждой из головных организаций существовала своя очень разветвленная кооперация. В самом НИИ-88 опытно-конструкторские работы возглавляли главный инженер Ю. А. Победоносцев, его заместитель Б. Е. Черток и душа проекта — главный конструктор баллистических ра-
149
кет дальнего действия, руководитель отдела № 3 СКБ института С. П. Королев.

Все эти люди бывали в Германии, и, хорошо зная друг друга, безоговорочно признали авторитет С. П. Королева. Еще во время, их командировок в послевоенной Германии сложился этот центр

коллективного руководства развитием ракетостроения — Совет главных конструкторов. Председателем его единодушно был признан Королев.

В сентября 1947 года работавший над проектом баллистической ракеты коллектив выехал на полигон в Капустин Яр, в низовьях Волги. Ехали в специальном поезде-лаборатории, созданном еще в Германии. Его оборудование позволяло спроектировать любой элемент ракеты, испытать, проверить ее различные компоненты и узлы. Жилые вагоны обеспечивали хорошие условия для работы и отдыха.

Министерство обороны СССР создавало тогда полигон для испытания ракетной техники, который именовался в то время Государственным центральным полигоном. Он находился в междуречье Волги и Ахтубы. На восток по направлению стрельбы — незаселенные заволжские степи, на расстоянии около тысячи километров — никаких особых населенных пунктов.

Все службы полигона в сентябре 1947 года еще только создавались. Офицеры были размещены в небольшом городке. Солдаты жили в палатках и землянках.

Начались горячие дни подготовки к испытательным пускам ракеты. В те дни было немало неполадок с оборудованием. По выявлению причин недостатков вспыхивали жаркие споры. Возникавшие проблемы обсуждались на заседаниях Государственной комиссии. Ее председателем был маршал артиллерии Н. Д. Яковлев, а в состав входили Д. Ф. Устинов, И. А. Серов (заместитель Берии) и другие ответственные лица.

Первый пуск ракеты Фау-2 состоялся 18 октября 1947 года в 10 часов 47 минут. Ракета пролетела 207 километров и, отклонясь на 30 км от курса, разрушилась в плотных слоях атмосферы.

150

А вот со второй ракетой, запущенной 20 октября, вышел конфуз. Уже на активном участке полета зафиксировали сильное отклонение ракеты влево. С расчетного места падения сообщения не поступало, а полигонные наблюдатели доложили, что ракета "пошла в сторону Саратова". На полигоне заволновались. Серов грозил ракетчикам большими неприятностями, если ракета упадет на город. К счастью, все закончилось благополучно: ракета пролетела 231 километр, но отклонилась на 180 км. До Саратова она все равно не долетела бы: расстояние более 270 километров[60].

Стало ясно: Фау-2 устарели — нужно было создавать новую, более совершенную ракету.

В следующем, 1948 году была создана Р-1 — первая советская ракета. Она была копией немецкой, да ведь для успеха будущего советского ракетостроения необходимо было пройти и этот этап. Советская промышленность не имела опыта в создании такого оружия. Требовалось ввести новые технологии, использовать ранее неизвестные материалы, которые промышленность только-только осваивала. К этой работе было привлечено 35 НИИ и КБ, а также 18 заводов.

10 октября 1948 года на полигоне Капустина Яра был осуществлен успешный пуск первой отечественной

баллистической ракеты Р-1.

На испытания доставили 12 ракет Р-1. Со старта ушло 9, и 7 из них дошли до цели. Точность попадания была выше, чем у немецких ракет. Это уже был успех. Он был связан с тем, что за время работы над немецкой ракетой был выявлен основной недостаток Фау-2 — слабость хвостового оперения. Она летела по баллистической траектории, и на нисходящей линии при входе на большой скорости в плотные слои атмосферы хвостовое оперение обыкновенно не выдерживало нагрузок и уже не могло в полной мере работать — в результате ракета разрушалась. Были выявлены и другие недостатки.

Но все равно новое советское оружие нельзя было еще назвать надежным. Полную силу разработки ракета Р-1 обрела после успешного пуска 10 октября 1948 года. Даль-

151

нейшие испытания подтвердили правильность решения нашими конструкторами основных проблем, связанных с созданием баллистической ракеты.

Летные испытания второй, более совершенной, серии этих же ракет проводились в сентябре-октябре 1949 года. Результаты испытаний показали, что характеристики ракет, их качество, надежность работы аппаратуры управления, двигательных установок и агрегатов наземного оборудования значительно выше, чем у ракет первой серии. Вскоре прошла проверку на полигоне и третья серия Р-1. И вот постановлением правительства СССР от 28 ноября 1950 года ракета Р-1 была принята на вооружение. Ракета весом 13,4 тонны имела дальность полета 270 километров и несла заряд обычного взрывчатого вещества массой 785 килограммов. Она имела точность попадания в прямоугольник 20 километров по дальности и 8 километров — в боковом направлении[61].

Одновременно с разработкой Р-1 велись научные и экспериментальные работы над ракетой Р-2, дальность действия которой была рассчитана на 600 километров. Ее конструкция значительно отличалась от Р-1, точность попадания в цель обеспечивалась системой радиокоррекции. Летные испытания этой ракеты начались в сентябре 1949 года. Важным отличием этой ракеты от предыдущей была реализация идеи Королева об отделении головной части от остального корпуса ракеты, чего не было в Фау-2, и перенесение приборного отсека в нижнюю часть корпуса. В ноябре 1951 года эта ракета также была принята на вооружение. Имея вес 20 тонн, она могла поражать объекты на расстоянии 600 километров, а масса ее боевого заряда составляла 1008 килограммов[62].

В войсках огневые испытания Р-2 были проведены в 1952 году под Лугой во время сборов командного состава ракетных частей под руководством заместителя военного министра по вооружению генерал-полковника М. И. Неделина.

Следует сказать, что Митрофан Иванович Неделин (1902—1960) был выдающимся советским военачальни-

152

ком, много сделавшим для становления и развития ракетных

войск. Участник Гражданской войны, он встретил Великую Отечественную полковником, артиллеристом. Возглавлял артиллерию ряда армий и фронтов. После войны он настойчиво отстаивал передовые взгляды на наиболее эффективное использование достижений военно-технической революции, особенно в области ракетного оружия. В 1959 году он стал первым в СССР главнокомандующим Ракетными войсками стратегического назначения. В 1960 году погиб при испытании ракеты стратегического назначения.

Хотя ракетный комплекс Р-2 и отличался от Р-1, обеспечивая большую дальность действия, но и эта ракета все-таки не соответствовала требованиям современной войны. Громоздкий состав крупногабаритных агрегатов наземного оборудования, использование в качестве окислителя быстро испаряющегося жидкого кислорода затрудняли боевое применение комплекса, делали его малоподвижным и уязвимым для поражения противником. Нужно было искать более совершенные в техническом и боевом отношении образцы ракетного оружия. Поэтому в 1951 году под руководством С. П. Королева начала разрабатываться новая ракета— Р-11, с двигателем, работающим на высококипящих компонентах (азотная кислота и керосин), новой автономной системой управления и более высоким по качеству наземным оборудованием. Она имела дальность 270 километров, вес — 5,4 тонны, заряд, равный 353 килограммам. Ее подвижный вариант Р-11М представлял собой самоходную установку на гусеничном ходу. Точность попадания составляла 8x8 километров. В дальнейшем ее вариант Р-11ФМ устанавливался на подводных лодках. Ракета Р-11 была принята на вооружение в 1956 году. Но еще в 1955-м прошла испытания и начала поступать в войска баллистическая ракета Р-5 с дальностью полета 1200 километров. Она (вес 29 тонн) могла нести 1000-килограммовый заряд и обладала повышенной точностью попадания за счет комбинированной системы управления (автономное и по радио).

153

Но главным достижением 1-й половины 50-х годов в советском ракетостроении стала ракета Р-5М — мобильный вариант Р-5. Этот комплекс явился первой в мире ракетой, несущей ядерный заряд на дальность 1200 километров. И хотя все советские ракеты того времени, кроме Р-11 и Р-11 М, были одноступенчатыми и имели жидкостно-реактивные двигатели (ЖРД) конструкции В. П. Глушко с использованием этилового спирта и жидкого кислорода, это было несомненно новое слово в мировой ракетной технике. Если американцы в то время делали главный упор на совершенствование авиационных средств доставки ядерных и обычных боеприпасов к цели, то в СССР приоритетным направлением было развитие ракетного оружия оперативно-тактического, а затем и стратегического назначения.

Успехи Советского Союза в создании атомной бомбы, реактивной авиации, способной быть ее носителем, ракетных комплексов с ядерным зарядом позволили командованию Вооруженных Сил внедрять новые виды оружия в войска,

проверять их эффективность и учить личный состав управлять ими и действовать в расчетных условиях атомной войны.

Знаменательным событием тех лет стало войсковое учение, состоявшееся в сентябре 1954 года на Тоцком полигоне близ города Бузулук. В прошлом председатель Тоцкого райисполкома Ф. И. Колесов вспоминал, что когда решался вопрос о выселении жителей из близлежащих деревень, он спрашивал военных: "Почему именно здесь бомбу взрывать будете, а не в песках — разве мало их у нас? А те в ответ: надо знать, что произойдет именно здесь — тут точно такой же рельеф местности и плотность населения, как в Германии"[63].

Речь шла об отработке наступления наших войск на "европейском театре военных действий". Причем атомной бомбе отводилась роль сверхмощного фугаса, "взламывающего" оборону войск НАТО, пробивающего в ней брешь, через которую должны были хлынуть наступающие на запад советские танки и мотопехота.

154

До начала взрыва войска, участвовавшие в учении, располагались в укрытиях не ближе 5—7 километров от планируемого эпицентра взрыва. Руководящий состав Министерства обороны СССР, министры обороны ряда союзных стран, командующие войсками округов находились в 11 километрах от места сброса атомной бомбы на открытой местности, имея лишь светозащитные очки.

Бомбардировщик ТУ-4А, пилотируемый летчиком Кутырчевым, взлетел рано утром с аэродрома во Владимировке (южнее Сталинграда) и в 9 часов 30 минут сбросил бомбу типа РДС-3 над полигоном. Она взорвалась на высоте около 380 метров. Очевидцы говорят, что земля как будто качнулась и ушла из-под ног. Раздался адский грохот и треск (это прошла ударная воздушная волна), и над полигоном вырос ослепительно яркий атомный гриб. Через 5 минут был дан отбой атомной тревоги. Началась мощнейшая артиллерийская подготовка наступления, а бомбардировочная и истребительная авиация (самолеты ИЛ-28 и МИГ-15бис) нанесла бомбовый удар по укреплениям "противника".

Авиационный инженер С. Крылов, обслуживавший самолеты после их посадки на аэродроме, вспоминал: "Представьте себе: земля дышит жаром, в лицо бьет сильный ветер, нагретый до 40 градусов, рот пересох, голова трещит, пот течет по спине в сапоги, но противогаз и защитный костюм снимать нельзя"[64].

Передовые части наступающих войск выдвинулись к району взрыва через 2,5 часа. Атакующие подразделения в средствах защиты прошли в 500—600 метрах от эпицентра, получив дозу облучения 0,02—0,03 рентгена, а в танках в 4—5 раз меньше. Конечно, труднее всех пришлось тем пехотинцам, которые после окончания артподготовки и нанесения бомбовых ударов шли вслед за танками через эпицентр атомного взрыва. Участник учений И. Вухановский, майор медицинской службы, рассказывал: "Я оказался в эпицентре уже через полчаса после взрыва. Земля превратилась в шлак и была как бы взбита. Везде

догорали пожары, взлетали и падали птицы с обожженными кры-
155
льями. Многие подопытные животные сгорели заживо, немало было раненых коров, овец, лошадей. Здесь я воочию убедился, сколь антигуманно это оружие"[65]. К вечеру прозвучал сигнал отбоя.

Через несколько дней после учений в "Правде" появилось короткое сообщение ТАСС: "В соответствии с планом научно-исследовательских работ в Советском Союзе произведено испытание одного из видов атомного оружия. Получены ценные результаты, которые помогут успешно решать задачи по защите от атомного нападения".

В дальнейшем выявились более тяжкие последствия радиационного облучения и радиоактивного заражения местности, отчего пострадало местное население. Лишь в 1990 году, после снятия подписки о неразглашении государственной тайны, был образован комитет ветеранов подразделений особого риска, поставивший перед собой цель выявить всех живых участников Тоцких войсковых учений, а также испытаний ядерного оружия.

С появлением в СССР носителей атомного оружия — ракет и самолетов — советские Вооруженные Силы вступили в новый этап своего развития. Боевые возможности сухопутных войск ВВС и ВМФ резко повышались. Но необходимо было качественно перевооружить войска ПВО, потому что те средства борьбы с воздушным противником, которые использовались в годы Второй мировой войны и первое время после нее, были уже непригодны для борьбы со скоростной, оснащенной аппаратурой радиоразведки и помех американской и английской реактивной авиацией. В предвидении возможного массированного воздушного нападения с применением ядерных боеприпасов, которым угрожали нам США, советское правительство принимало энергичные меры к тому, чтобы усилить противовоздушную оборону, повысить ее боевые возможности, сделать ее непреодолимой для средств воздушного нападения вероятного противника. Развитие войск ПВО шло по многим направлениям. В СССР появились реактивные истребители-перехватчики, радиоуправляемые зенитные
156
орудия, новые радиолокационные и радиотехнические средства, испытывались и принимались на вооружение зенитные ракеты, новейшие средства радиоэлектронной борьбы, шла интенсивная подготовка к автоматизации средств управления различными системами оружия противовоздушной обороны.

Нужно сказать, что перевооружение шло не без трудностей. Взять хотя бы реактивную истребительную авиацию. Так, например, когда в 1947 году советскому правительству были предложены два новых истребителя — поршневой Ла-11 конструкции С. Лавочкина и реактивный МИГ-9 А. Микояна, Сталин отдал предпочтение Ла-11. Даже когда сам Лавочкин рекомендовал пустить в серию МИГ-9, Сталин сказал: "Ла-11 — это самолет, на котором уже все дефекты устранены, есть

летчик, который его испытывал, и разработана технология его использования. А что такое МИГ-9? Груда металла"[66]. Но вскоре он осознал значение реактивной авиации. И уже 1 мая 1947 года на воздушном параде в Москве МИГ-9 был продемонстрирован общественности.

МИГ-9 был первой ласточкой. Развитие реактивной авиации в СССР шло форсированным темпом, и уже в конце 1947-го конструкторское бюро А. И. Микояна выпустило МИГ-15, которому суждено было сыграть особую роль в воздушных битвах с американской авиацией во время войны в Корее.

Не остались без внимания и трофейные реактивные немецкие истребители МЕ-262. Советские авиаконструкторы воспользовались возможностью сравнить этот германский реактивный самолет с аналогичными советскими моделями. Летчик-испытатель А. Г Кочетков по заданию НИИ ВВС совершил 15 августа 1945 года первый полет на МЕ-262. В отчете об этом событии было отмечено, что "трофейный самолет МЕ-262... обладает большим преимуществом в максимальной горизонтальной скорости перед современными отечественными и иностранными истребителями с ВМГ (винтомоторная группа, то есть поршневые самолеты) и имеет удовлетворительную ско-

роподъемность и дальность полета. Плохие взлетные свойства самолета с газотурбинными реактивными двигателями требуют больших взлетных полос длиной до 3 километров или применения специальных ускорителей взлета (пороховые или жидкостные ракеты)".

Однако производить и осваивать этот самолет в СССР не стали. Известный советский авиаконструктор А. С. Яковлев писал в своей книге "Цель жизни. Записки авиаконструктора":

«На одном из совещаний у Сталина при обсуждении вопросов работы авиационной промышленности было рассмотрено предложение наркома А. И. Шахурина о серийном производстве захваченного нашими войсками реактивного истребителя "Мессершмитт-262". В ходе обсуждения Сталин спросил, знаком ли я с этим самолетом и каково мое мнение.

Я ответил, что самолет МЕ-262 знаю, но решительно возражаю против запуска его в серию, потому что это плохой самолет, сложный в управлении и неустойчивый в полете, потерпевший ряд катастроф в Германии. Если он поступит у нас на вооружение, то отпугнет наших летчиков от реактивной авиации. Они быстро убедятся на собственном опыте, что это самолет опасный и к тому же обладает плохими взлетно-посадочными свойствами.

Я заметил также, что если будем копировать " Мессершмитт ", то все внимание и ресурсы будут мобилизованы на эту машину, и мы нанесем большой ущерб работе над отечественными реактивными самолетами.

Наконец, нужно было учесть, что у наших конструкторов по реактивным самолетам дела шли успешно. Артем Микоян работал над двухмоторным истребителем МИГ-9. Мы построили одномоторный истребитель ЯК-15, в октябре 1945 года он был

уже на аэродроме, делал пробежки и подлеты».

Но все-таки попытка создать истребитель на базе МЕ-262 была предпринята в 1946 году на опытном заводе ОКБ П. О. Сухого. Построенный там самолет был тоже оснащен двумя реактивными двигателями и конфигура-

158

цией весьма напоминал МЕ-262. Отличался он лишь несколько измененной формой крыла. Самолет был испытан в полете тем же летчиком А. Г. Кочетковым. Он мог развивать скорость до 885 км/ч, имел потолок 12 800 и дальность 1200 километров. Однако в серию самолет не пошел, поскольку к тому времени ОКБ Сухого выпустило новый реактивный истребитель с лучшими характеристиками. Появился и усовершенствованный вариант истребителя МИ Г-15. Он стал называться МИГ-17 и надолго вошел в историю ПВО.

Много внимания уделяла советская конструкторская мысль созданию зенитных управляемых ракет. В НИИ-88, который разрабатывал главным образом ракеты класса "земля — земля", существовал некий отдел № 4, возглавляемый Е. В. Синельщиковым. Этот отдел занимался проектированием зенитных управляемых ракет (ЗУР) с головкой самонаведения. В своей работе отдел опирался на трофейную немецкую зенитную ракету "Вассерфаль". В Германии она не вышла за стадию испытаний, и теперь в СССР ее намеревались использовать при создании советских ЗУР. Зенитными ракетами немецкого происхождения занимался ряд отделов, стремившихся усовершенствовать немецкие управляемые зенитные снаряды "Шметерлинк", "Рейнтохтер", неуправляемые ракеты "Тайфун", а также двигатели к ним.

Работам над зенитными ракетами советское правительство придавало важное значение. В условиях, когда "холодная война" набирала силу, требовалась мощная противовоздушная оборона, способная надежно противостоять воздушным армадам вероятного противника. В первую очередь необходимо было защитить от воздушных ударов хотя бы основные жизненно важные административно-политические центры и военно-промышленные объекты страны. И тогда решено было создать систему противовоздушной обороны Москвы, основанную на управляемых зенитных ракетах. В разработке советских зенитных ракет немалая роль отводилась немецкому опыту в создании зенитного оружия. В августа 1950 года Совет Министров СССР вынес постановление о создании вокруг

159

Москвы кольца зенитно-ракетной обороны. Работу эту возглавил всемогущий Л. П. Берия. Под его эгидой специально сформированное при Совете Министров 3-е Главное управление возглавило работы в этой области.

На НИИ-88 выпал жребий довести "Вассерфаль" до такого уровня, чтобы на ее базе создать эффективную управляемую зенитную ракету. Проблемами управления занимался НИИ-885 (бывший телефонный завод). Однако дела с "Вассерфалем" шли туго. Это имело свои причины. Во-первых, немецкие ракетчики в

разработке Фау-2 и Фау-1 преуспели гораздо больше, чем в работах над зенитными ракетами, поскольку проблемы управления последними были гораздо сложнее, чем раке-. там и класса "земля — земля". Во-вторых советские руководители проектов зенитных ракет в 40-е годы не пользовались в своих коллективах таким непререкаемым авторитетом, как создатели Р-1 и Р-2 и других ракет класса "земля— земля". И если в Пенемюнде немцы произвели десятки пусков "Вассерфаль", хотя и неудачных, то к концу 40-х годов команда Синельщикова и С. Л. Берии (сын Л. П. Берии) не пошла дальше стадии чертежей ЗУР, очень напоминавшей "Вассерфаль". В итоге разработка трофейных ЗУР была прекращена, а созданием советских зенитных ракет занялось 3-е Главное управление и подчиненное ему КБ-1. В 1953 году ЗУР конструкции С. Лавочкина успешно Поражали самолеты-мишени ТУ-4 на том же полигоне в Капустином Яре, где испытывались и ракеты С. Королева.

Велись интенсивные работы по созданию первого в СССР зенитного ракетного комплекса С-25 "Беркут". Первый пуск этой зенитной ракеты С-25 был произведен 25 июля 1951 года. В октябре того же года под Москвой начались испытания опытного образца радиолокационной станции наведения этих ракет. Участник работ по созданию С-25 полковник запаса Михаил Бородулин вспоминал:

«В апреле пятьдесят первого нам, выпускникам военной академии, .предложили заполнить одну анкету. А 6 июня небольшую группу лейтенантов принял начальник реактивного

факультета генерал-лейтенант артиллерии Сергей Федорович Ниловский. Только несколько дней спустя мы узнали, что он уже к тому времени был назначен начальником полигона зенитных ракетных войск. Поговорили о том, о сем, а потом Ниловский говорит: завтра быть на Центральном аэродроме. Спросили: куда полетим? Узнаете в самолете, отвечает. Так мы попали в Капустин Яр. Мы занимались подготовкой ракет Лавочкина к пуску.

Стрельба шла интенсивная'. Немалое мужество требовалось от летчиков. Они поднимали мишени, выводили их па трассу и катапультировались. Дальше мишени шли на автопилоте. За ними - два истребителя сопровождения. Если пакетчики промахивались, то они добивали мишени... И вот наступило 25 мая 1953 года. Бомбардировщик ТУ-4 на высоте 7 километров уничтожается ракетой с осколочно-фугасной головной частью Е-600. Тот день и считается днем рождения в России нового вида оружия - зенитного ракетного, способного эффективно вести борьбу с самолетами и другими аэродинамическими средствами нападения в любых погодных условиях, днем и ночью»[61].

До лета 54-го на полигоне в Капустином Яре проводились интенсивные контрольные стрельбы по самолетам ИЛ-28 и ТУ-4 с целью оценить эффективность и определить зоны поражения ЗУР. Потом система была представлена на госиспытания.

С 25 июня 1954-го по 1 апреля 1955 года создатели С-25 осуществили 69 пусков ракеты. 21 апреля экзамен держал

штатный армейский полк. Стрельбы прошли успешно. И в мае 1955 года первая отечественная зенитная ракетная система поступила на вооружение Войск ПВО страны.

Зенитные ракетные комплексы С-25 образовали два кольца вокруг Москвы. Система позволяла одновременно обстреливать до 20 целей на высоте от 3 до 25 километров. Каждому полку отводился отдельный сектор, в пределах которого он осуществлял прикрытие объектов. Так Москва была защищена от возможного воздушного нападения.

161

Но только Москва. Воздушное пространство остальной территории СССР по-прежнему охранялось истребительной авиацией и более совершенными системами зенитной артиллерии. Эти средства могли надежно защищать небо Советского Союза от массированного нападения только поршневых стратегических бомбардировщиков и реактивной авиации первых моделей (В-36), но они не могли бороться со скоростными {1000 км/ч) и высотными (16—17 тыс. м) целями. Кроме того, уязвимым местом советской ПВО были слабо оснащенные радиотехнические войска (радиолокационные станции), особенно в северных районах страны.

Все эти серьезные военные приготовления противостоявших сторон к глобальной ядерной войне были порождены враждебной политикой недавних союзников по антигитлеровской коалиции. Речь Сталина на предвыборном митинге накануне выборов в Верховный Совет СССР 9 февраля 1946 года призывала советский народ к бдительности в отношении замыслов мирового империализма. Фултонская речь У. Черчилля (5 марта 1946 года) объявляла Советский Союз страной, которая опустила "железный занавес" над Европой. Эта речь стала манифестом "холодной войны".

В марте 1947 года была провозглашена так называемая "доктрина Трумэна". В ее основу была положена идея "сдерживания коммунизма". Предусматривалось установить в мире гегемонию США и союзных им западных держав. "Сдерживание коммунизма" мыслилось как борьба против левых сил, которые после войны получили большое влияние в капиталистических странах Европы, как пресечение стремления СССР создать просоветский блок с соседними с ним странами, как развертывание сети американских военных баз в регионах, прилегающих к Советскому Союзу и обеспечение необходимых военно-политических условий для проведения политики "с позиции силы" всеми методами, кроме войны[68].

В то же время все эти акции государственных деятелей великих держав, недавно победивших общего врага, еще

162

не означали полного разрыва тех союзнических отношений, которые сложились во время 2-й мировой войны. Продолжались контакты и конференции министров иностранных дел стран-победительниц, были подписаны (февраль 1947 года) мирные договоры с Италией, Румынией, Венгрией, Болгарией, Финляндией, велись переговоры по германскому вопросу.

Однако стремление СССР создать на своих границах пояс дружественных государств взамен антисоветского "санитарного кордона", существовавшего до войны, усилить свое влияние в этих странах, ставших в те годы странами "народной демократии" с растущими элементами социализма, воспринималось Западом как "экспансия Советов", а иранский кризис 1945—1946 годов, советские территориальные требования к Турции, усиление борьбы левых сил Греции против американских оккупантов расценивались как попытки Москвы проводить политику так называемой "лоскутной агрессии". Особенно тревожило США растущее влияние СССР в Восточной Европе и авторитет компартий во Франции, Италии, Бельгии и ряде других стран Запада. Поэтому в страны Западной Европы вкладывались наибольшие средства, чтобы сделать их возможно более сильным противовесом Советскому Союзу. Возрождалась мощь западноевропейского капитализма, тесно связанного с американским и зависимого от него. На этой основе воздвигалась новая военно-политическая структура, создавалась мощная военная машина, направленная против Советского Союза.

Однако для всего этого необходимо было создать в Западной Европе достаточно прочную экономическую базу. Ее основу заложил "план Маршалла", выдвинутый государственным секретарем США Дж. Маршаллом в июне 1947 года и принятый для стран Западной Европы в том же месяце на конференции министров иностранных дел Англии, Франции и СССР в Париже. Хотя СССР и участвовал в конференции, но он для себя этот план отверг и не рекомендовал принимать его правительствам стран народной демократии. Но почему?

163

Во-первых, потому, что страны, согласившиеся принять этот план и американскую помощь по нему, должны были предоставить США полные сведения о состоянии своей экономики, потерях страны в войне, валютных резервах, предполагаемом использовании американских средств. А это означало, что Советский Союз должен был раскрыть все свои секреты, в том числе проекты и ход работ по созданию атомного и ракетного оружия, показать состояние своей экономики и пути ее восстановления, поставить под американский контроль людские и природные ресурсы страны.

Во-вторых, "план Маршалла" был рассчитан на восстановление капиталистической экономики, а в СССР уже в 30-е годы, а особенно во время войны установилась социалистическая экономика, для которой этот план был неприемлем, советское руководство в то время ни при каких обстоятельствах не приняло бы капиталистический путь восстановления народного хозяйства. (Сегодня на опыте последних 15 лет мы убеждаемся, какую цену за поспешные капиталистические реформы платит наш народ.)

Надо сказать, что в 47-м американское руководство с облегчением восприняло отказ советского правительства от "плана Маршалла": если бы СССР принял его — возникли бы ненужные трудности для правящего класса Америки, уже

принявшего курс конфронтации с СССР. С точки зрения американской стратегии (а это было главным для Вашингтона в то время), Европа при политике противостояния СССР обладала рядом преимуществ. Здесь границы капиталистического Запада вплотную подходили к странам народной демократии, имелись "открытые" подступы к СССР на севере и на юге, обеспечивавшие выход стратегических бомбардировщиков к жизненно важным регионам СССР. При этом внимание вашингтонских политиков все больше привлекал центр Европы. В их европейской стратегии главная роль отводилась Западной Германии. Она должна была подняться из развалин и стать основным центром антисоветизма в Европе. Все средства — экономические, военные, идеологические были направ-
164
лены на то, чтобы как можно скорее вынести фронт противоборства с социализмом в самый центр Европы, сделать его передним краем конфронтации между Востоком и Западом. Была еще одна важная задача, которую США надеялись решить, создавая свои силы передового базирования. "Одна из основных концепций нашей современной стратегии, — писал в 1951 году начальник штаба ВМС США адмирал Шерман, — состоит в том, чтобы вести войну как можно дальше от Соединенных Штатов"[69]. Американские эксперты считали: расстояние, отделяющее Европу, где базировалась основная часть воздушной ядерной армады США, от Американского континента, должно было сохранить стратегическую неуязвимость США.

Вообще, боязнь людских потерь, даже самых минимальных, не оставляла американский истеблишмент еще со времен 2-й мировой войны. И Трумэн, и Маршалл, и особенно Эйзенхауэр, многие другие государственные и военные деятели, занимавшие руководящие посты в те годы, помнили, как реагировало американское общество на потери солдат и офицеров США в сражениях той войны. Вот конкретный пример.

Когда в Арденнской операции (декабрь 1944 года) немцы прорвали западный фронт и американцы понесли крупный, по их представлениям, урон в людях— 77 тысяч человек, в том числе 19 гысяч убитыми, — в США это вызвало шок. Главнокомандующему Д. Эйзенхауэру грозили крупные неприятности. У. Черчилль, видя, что вермахт еще весьма силен и способен не только обороняться, но и наступать, обратился к И. Сталину с известным письмом о том, чтобы ускорить советское наступление на востоке. Цель одна — заставить немцев сосредоточить наибольшее количество сил на советско-германском фронте и тем ослабить западный фронт, сняв угрозу больших потерь.

И действительно, Висло-Одерская операция, начатая раньше запланированного срока на 8 дней, оттянула главные ударные силы вермахта (6-ю танковую армию СС) на восток, что позволило союзникам к концу января восстановить свое положение.
165

Другой пример. Когда в мае — июне 1945 года между

учеными и военными в США шли споры, как устрашить японцев атомной бомбой, ученые предлагали провести демонстрационный взрыв на одном из островов Тихого океана с приглашением представителей разных стран, в том числе Японии|. Спор был решен в пользу военных, рвавшихся сбросить бомбу на Японию, и без предупреждения. Важным аргументом командования США стал штурм острова Окинава американскими войсками, где американцы потеряли убитыми 13 тысяч человек, что тоже было болезненно воспринято американским обществом, которого тяготы и жертвы войны коснулись только краем.

Не случайно один из американцев, автор книги "Хорошая война" Стадс Теркель писал: " Почти .весь мир во время войны испытал страшные потрясения и ужасы и был почти уничтожен. Мы же вышли из войны, имея в наличии невероятную технику, орудия труда, рабочую силу и деньги. Для большинства американцев война оказалась забавой... Я не говорю о тех несчастных, которые потеряли своих сыновей и дочерей. Однако для всех остальных это было чертовски хорошее время"[70].

Поэтому, когда в СССР появилась атомная бомба и ее первые носители, страх перед возможным атомным ударом, даже в пределах Аляски и Европы, где находились многочисленные американские войска, охватил американское общество. Поэтому в случае войны и быстрого советского наступления к берегам Ла-Манша и Пиренеям противопоставить этим танковым и авиационным армадам, способным уже нести и атомные заряды, силы сухопутных войск союзников при минимальном участии американских военнослужащих — вот такую задачу всегда решало американское военно-политическое руководство. Эти взгляды того времени достаточно четко и цинично сформулировал адмирал Коллинз: "Достаточно того, что мы поставляем оружие. Наши сыновья не должны истекать кровью в Европе"[71]. Костяк наземных войск должны были обеспечить европейские страны НАТО. На первых порах предусматривалось сформировать 80—85 диви-

зий. В дальнейшем страны Западной Европы планировали увеличить свой сухопутный контингент, составляя "основное ядро наличных наземных сил" Северо-Атлантического блока.

Не остались без внимания и другие регионы планеты, имевшие важное геостратегическое значение. Еще в 1947 году США заключили со странами Латинской Америки Межамериканский договор о взаимной помощи, в 1952-м в НАТО были приняты Греция и Турция, в 1954-м заключен Договор об обороне Юго-Восточной Азии (СЕАТО).

В Европе, пугая западноевропейских союзников "коммунистической опасностью" с Востока, опираясь на свою экономическую и военную мощь, и прежде всего на ядерное оружие, правящие круги США сумели навязать НАТО свою стратегию. В сентябре 1950 года на сессии совета Североатлантического пакта в Нью-Йорке была принята так называемая "стратегия выдвинутых вперед рубежей" НАТО в Европе. Основными слагаемыми этой стратегии явились:

присутствие войск США в Европе; размещение войск пакта непосредственно на границе между Советским Союзом, странами просоветской ориентации и странами НАТО в Европе; перевооружение Западной Германии, которой отводилась роль главной ударной силы в сухопутной войне, и, наконец, отказ от признания границы по Одеру — Нейсе между Германией и Польшей не в качестве демаркационной линии, а как постоянной границы. В 1952 году совет НАТО объявил о принятии основных принципов военной стратегии блока, которые были изложены в документе "МС-14/1" от 9 декабря. [п]

В Советском Союзе и в дружественных ему государствах "народной демократии" с тревогой наблюдали за военными приготовлениями, происходившими за океаном и к западу от Эльбы. Испытания атомных и водородных бомб, произведенные в эти годы Пентагоном, непрерывное наращивание мощи стратегической бомбардировочной авиации, кольцо военно-воздушных баз, создававшихся вокруг СССР, воинственная риторика, все отчетливее раздававшаяся из-за океана, — все это требовало принятия ответ-

167

ных адекватных мер. СССР вынужден был принять вызов, брошенный правящими кругами США, открыто декларирующих свое стремление к "трансформации общественной системы" в Советском Союзе. Это был не наш выбор. Советский Союз в условиях, сложившихся после 2-й мировой войны, выступал за запрещение и ликвидацию атомного оружия. Это объяснялось тем, что процессы, развивавшиеся в мире, объективно работали в пользу СССР. Распад колониальной системы, полевение масс в капиталистических странах создавали благоприятные условия для политического и идеологического наступления сил социализма. В военном отношении СССР был слабее США, и победа на идеологическом фронте советских взглядов на развитие мира была ему исторически необходима.

В декларации совещания компартий 1947 года говорилось о реальных возможностях предотвращения войны[73]. В 1948 году Сталин, отвечая на письмо кандидата на пост президента США Г. Уоллеса, писал: "Правительство СССР считает, что несмотря на различие экономических систем и идеологий, сосуществование этих систем и мирное урегулирование разногласий между СССР и США не только возможны, но и, безусловно, необходимы в интересах всеобщего мира"[74].

Конечно, хотя в то время в СССР не использовали такого понятия, как "геополитика", фактически сталинская концепция "лагеря мира", под которой понимался СССР и окружавшие его просоветские государства, носила геополитический характер. Но такими категориями мыслили и Рузвельт, и Трумэн, и Черчилль. Так что Сталин не был исключением. По существу, ялтинско-потсдамская система имела в своей основе деление мира на "сферы интересов" великих держав. И это вполне устраивало советское руководство, поскольку давало время на утверждение своего влияния в Восточной Европе.

А США, в первые послевоенные годы обладавшие монополией на

атомную бомбу, прилагали все усилия, чтобы установить западную (под своей эгидой) гегемонию в мире. Любые действия СССР по закреплению кро-
168
вью завоеванных "сфер интересов" в Восточной Европе воспринимались Вашингтоном в штыки. Соединенные Штаты превознесением своего военного могущества бросали вызов Советскому Союзу, толкали его к гонке вооружений, будучи уверенными в своей победе. Вызов был принят. И хотя мы всегда "играли черными" в жестокой игре военного соперничества с США, отвечая на ходы другой стороны, лихорадка противоборства на долгие годы охватила обе страны, а затем и другие государства, создав обстановку зыбкого, неустойчивого мира, балансирования на грани войны. Конечно, и в американском правительстве имелись люди (особенно из бывшего окружения Ф. Рузвельта), с тревогой относившиеся к возможности опасного кризиса в отношениях между СССР и США. На опасность совершенствования и накопления ядерного оружия указывали и американские ученые, отмечая, что ядерная война будет последней войной. Однако ядерная эйфория брала верх над здравым смыслом.

В этих условиях Советский Союз начал формировать программы атомного, ракетного оружия, реактивной авиации и совершенствования ПВО.

Одновременно СССР развернул мощную пропагандистскую кампанию по запрещению атомного оружия, которого он вначале не имел, а затем отставал в накоплении запаса атомных бомб. И она нашла отклик в мировом сообществе. Во многих странах Запада возросло влияние сил, борющихся за мир, против атомной войны. Так, Стокгольмское воззвание (1950), инициированное Советским Союзом, которое призывало запретить ядерное оружие и признать преступным любое правительство, применившее его первым, подписали 14 миллионов французов, 17 миллионов итальянцев, 1 миллион англичан, 2 миллиона американцев, 3 миллиона японцев[75]. Протесты общественности разных стран на несколько лет затормозили планы США о включении ФРГ в НАТО.

Все это говорило о том, что уже тогда, в первое пятилетие после 2-й мировой войны имелись условия для того, чтобы движение народов мира против гонки вооружений
169
стало решающим фактором политики на международной арене. Эта возможность, к сожалению, не была использована из-за все более нараставшей конфронтации между Западом и Востоком.

Тому были веские причины. Рост оборонного могущества Советского Союза, возрастание его способности предотвратить воздушно-ядерное нападение стран НАТО или нанести сокрушающий ответный удар удерживали от крайних мер американские правящие круги. В августе 1952 года на одном из заседаний Совета национальной безопасности США указывалось: "Нарастающий атомный потенциал СССР и возможное появление термоядерного оружия... существенно изменяет положение США

в области обеспечения безопасности и требует тщательного пересмотра существующей политики и программ, ибо делает США весьма уязвимыми"[76]. Уже тогда стало ясно, что воздушно-атомное нападение на СССР неспособно обеспечить разгром Советского Союза в быстротечной войне.

Тем не менее нагнетание военной истерии в США продолжалось, что еще более осложняло отношения между двумя сверхдержавами. В свою очередь, и Советский Союз не смог полностью реализовать тот огромный моральный авторитет, который он приобрел в годы 2-й мировой войны. Неадекватная зачастую реакция на действия или риторику Запада не позволили Советскому Союзу консолидировать про-коммунистическис силы на Западе и Востоке для того, чтобы остановить набирающий обороты механизм "холодной войны". Мировым сообществом не была в полной мере осознана опасность глобальной ядерной войны, на грани которой балансировал мир: не сложились еще силы, способные понять и понятно разъяснить всему миру катастрофические последствия ядерной войны для всего земного шара.

Только уроки последующих лет, когда политические кризисы перерастали в вооруженные конфликты, как это было в Корее, в периоды суэцкого, берлинского, карибского кризисов, заставили задуматься правительства и народы о ядерной войне как всеобщей катастрофе и о необходимости решительных мер по ее предотвращению.

Примечания

[1] *Caddis John.* We now know. N. Y. 1997. P. 224.

[2] Library of Congress (далее L. C). Carl Spaatz Papers. Box. 21. 1945.Aug. 11.

[3] См.: Красная звезда. 1985. 9 авг.

[4] Цит. по: Великая Отечественная война Советского Союза: Краткая история. М., 1984. С. 492.

[5] См.: *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1981. С. 425;ЦАМО. Ф. 66, оп. 178499, Д. 8, л. 192-193.

[6] Цит. по: *Богданов Р.* США: военная машина и политика. М., 1983. С. 126.

[7] Цит. по: *Орлов А. С.* В поисках "абсолютного" оружия. М., 1989.
С. 108.

[8] Цит. по: Нюрнбергский процесс и современность. М., 1986.
С. 163.

[9] *Дуэ Дж.* Господство в воздухе. М., 1936. С. 206.

[10] Там же. С. 404.

[11] *Орлов А.* С Секретное оружие третьего рейха. М., 1975.
С. 10-11.

[12] *Jackson R.* Before the storm. London, 1972. P. 221.

[13] *Spaatz C.* Strategic Air Power // Foreign Affairs. 1946. April. P. 385—386; *Seversky A.* Air Power: Key to Survival. N. Y., 1950. P. 222-223.

[14] Цит. по: *Волков Е. Б.* Сокращение стратегических наступательных вооружений. М., 1993. С. 25.

[15] *Herken G.* The Winning Weapon. N. Y., 1980. P. 343.

[16] *Rosenberg D. A.* U. S. Nuclear Stockpile 1945—1950 (Bulletin of the Atomic Scientists, 1982. May. P. 26).

[17] Архив внешней политики (АВП). Ф. 6, on. 8, д. 113, п. 8, л. 34-40.

[18] Правда. 1946. 25 сент.

[19] Time. N. Y., 1980. January 28. Vol. 115. № 4. P. 10.

[20] Цит. по: *Трофименко Г.* США: политика, война, идеология. М, 1976. С. 162.

[21] Цит. по: *Овчинников В.* Горячий пепел. М., 1984. С. 103.
[22] The War Reports of General of the Army George C Marshall. N.Y., 1997. P. 299.
171
[23] НАТО — орудие агрессии // Новое время: Приложение. 1981. С. 30.
[24] См.: Известия. 1987. 28 июня.
[25] См.: Советская военная энциклопедия. Т. 7. М., 1979. С. 554.
[26] См.: Правда. 1983. 12 дек.
[27] Цит. по: *Орлов Ai С.* Указ. соч. С. 113—114.
[28] Правда и ложь о Второй мировой войне. М., 1983. С. 295.
[29] *Drop Shot.* The US plan for War with the Soviet Union in 1957. N. Y., 1978. P. 5.
[30] Цит. по: *Орлов А. С.* В поисках "абсолютного" оружия. С. 115.
[31] Там же.
[32] Journal of American History. 1979. May. P. 62—66.
[33] *Herken G.* The Winning Weapon. The Atomic bomb in the Cold War. N. Y., 1980. P. 197.
[34] Цит. по: Известия. 1987. 28 июня.
[35] *Herken G.* Op. sit. P. 227-229.
[36] *Rosenberg D.* American Atomic Strategy and Hydrogen bomb Decision // Journal of American History. 1979. May. P. 65—68.
[37] См.: *Яковлев Н. Н.* ЦРУ против СССР. М., 1985. С. 38, 40.
[38] *Herken G.* Op. sit. P. 248.
[39] *Черчилль У.* Фултонская речь // Бертран Рассел и Уинстон Черчилль. М., 1998. С. 470.
[40] Newsweek, 1948.
[41] Цит. по: *Кузнецов В.* Европа безъядерная и сверхъядерная? М., 1984. С. 9.
[42] *Rosenberg D.* Op. sit. P. 68—71; *Проэктор Д. М.* Мировые войны: судьбы человечества. М., 1986. С. 141.
[43] См.: *ТрофименкоГ. А.* Указ. соч. С. 178—179.
[44] См.: *Орлов А. С.* Указ. соч. С. 125.
[45] Цит. по: *Трофименко Г. А.* Стратегия глобальной войны. М., 1968. С. 59-60.
[46] *Drop Shot.* The United States plan for War with the Soviet Union in 1957. Ed. by A Brown. N. Y., 1978. P. 47.
[47] Ibid. P. 241.
[48] См.: *Яковлев Н. Н.* Указ. соч. С. 53. См. там же. С. 54.
[50] См.: *Кокошин А. А.* Армия и политика. М., 1995. С. 207.
[51] См.: *Хрущев С. Н.* Никита Хрущев: кризис и ракеты. Кн. 1. М., 1994. С. 160.
172
[я] *Newhouse J.* The Nuclear Age. From Hirosima to Star wars. L., 1989. P. 84.
[53] *Futrell R. E.* The United States Air Force in Korea 1950—1953. Wash., 1983. P. 241.
[54] *Truman H.* Memoirs. Vol. 2. N. Y., 1956. P. 382.
[55] Вооруженная борьба народов Азии за свободу и независимость. М., 1984. С. 139.
[56] Международная жизнь. 1993. № 12.
[57] См.: *Остроумов Н. Н.* Армада, которая не взлетела // Военно-исторический журнал. 1992. № 10.
[58] См.: *Орлов А. С.* Эскалация вооружений— путь в тупик. // Советская внешняя политика в годы "холодной войны". М., 1995. С. 481.
[59] См.: Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 15, оп. 169156, д. 8, л. 12, 13-14.
[60] *Орлов А. С.* "Чудо-оружие": обманутые надежды фюрера. Смоленск, 1999. С 366.
[61] См. *Черток Б. Е.* Ракеты и люди. М., 1995. С. 301.
[62] Там же.
[63] Международная жизнь. 1993. № 12.
[64] Там же.
[65] Там же.

[66] Aircraft, Strategy and Operations of the Soviet Air Force. L., 1986. P. 65.

[67] Красная звезда. 1992. 12 сент.

[68] *Bodenheimer T.* Gold R. Rolledok! Right-wing Power in US //. Foreign Policy Boston, 1989. P. 22—23.

[69] Новое время: Приложение к журналу. 1983. С. 3.

[70] *Studs Terkel.* The Good War: an oral history of the World War Two. N.Y., 1985. P. 34.

[71] Цит. по: Военно-исторический журнал. 1971 № 1. С. 43—44.

[72] См.: Военно-блоковая политика империализма М., 1980. С. 245.

[73] См.: Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1949. С. 9.

[74] Правда. 1948. 18 мая.

[75] См.: Большая Советская Энциклопедия. М.,1952. Т. 13. С. 458.

[76] Цит. по: Правда. 1985. 2 янв.

173

ГЛАВА III
КОРЕЯ: ПРОБА СИЛ

В начале 50-х годов "холодная война" все более разгоралась. Конфронтация между противостоящими сторонами сложившегося к тому времени биполярного мира нарастала. Гонка вооружений, развернувшаяся между блоком НАТО во главе США, с одной стороны, и СССР с его союзниками — с другой набирала силу. Вспыхивали и гасли конфликты разной степени напряженности. Возникали горячие точки, где схлестывались политико-экономические интересы сторон. Национально-освободительная борьба народов колониальных стран сотрясала планету. В Китае победили народно-освободительные силы, освободились от голландского господства народы Индонезии, в 40—50-х годах шла война сопротивления вьетнамского народа против французских колонизаторов, малайские патриоты боролись против Англии, с американскими империалистами сражался народ Филиппин.

174

В Вашингтоне и Лондоне не хотели замечать объективного характера национально-освободительного движения — во всем мире видели "руку Москвы". Политика "отбрасывания коммунизма" была возведена в ранг приоритетной политики Запада. Советский Союз всеми действиями и заявлениями показывал, что не боится угроз, поддерживал борьбу народов против агрессии империализма, а также коммунистические партии в капиталистических странах.

Выступая с докладом в честь 32-й годовщины Великой Октябрьской революции, секретарь ЦК Г. М. Маленков заявил, что "не нам, а империалистам и агрессорам надо бояться войны" и "если империалисты развяжут третью мировую войну, то эта война станет могилой уже не для отдельных капиталистических государств, а для всего мирового капитализма"[1].

Первой открытой схваткой, в которой напрямую участвовали основные страны Запада — США, Англия и другие, а также страны социалистического лагеря — КНР, КНДР и СССР, стала война в Корее, разразившаяся в 1950 году между Северной и

Южной Кореей.

Корея в прошлом всегда была единым государством. После русско-японской войны 1904—1905 годов она попала в колониальную зависимость от Японии. Разгром японских войск в 1945-м, в котором участвовали советские и американские войска, привел к освобождению Кореи и — разделению.

Разделение на две оккупационные зоны по 38-й параллели мыслилось тогда как временная мера, необходимая для принятия капитуляции японских войск. Здоровой основой для возрождения Кореи как независимого, демократического и единого государства являлось решение Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, состоявшегося в декабре 1945 года. Оно предусматривало формирование общекорейского правительства, которое совместно с союзными державами должно было разработать меры по преодолению последствий длительного колониального господства Японии.

175

Однако выполнение Московского соглашения, в частности, по восстановлению экономических связей между Северной и Южной Кореей, наталкивалось на трудности. Их в немалой мере создавало присутствие на полуострове советских и американских войск.

В мае 1948 года на территории Южной Кореи под контролем комиссии ООН, созданной по инициативе США, прошли сепаратные выборы. На пост главы государства был избран бывший профессор Вашингтонского университета Ли Сын Ман. Правительство Южной Кореи объявило себя правительством всей страны, с чем, разумеется, не согласились коммунистические силы Севера. Летом 1948 года они организовали выборы в Верховное народное собрание Кореи, которое 9 сентября провозгласило Корейскую Народно-Демократическую Республику (КНДР). Так, на севере страны образовалось просоветское коммунистическое государство. Произошло политическое и юридическое оформление раскола Кореи на два государства, причем правительство каждого из них объявило себя по своей конституции единственно законным и намеревалось распространить свою власть на всю Корею.

1. Север и Юг: кто первый?

В 1948 году по просьбе Верховного народного собрания КНДР с Севера были выведены все советские войска. Американцы вывели свои войска из Южной Кореи лишь летом 1949-го, однако оставили там около 500 советников; военные советники СССР остались и в КНДР.

По мере развития "холодной войны" и противостояния между СССР и США все больше обострялась обстановка и на Корейском полуострове. Вооруженные столкновения на 38-й параллели, по которой проходила граница между КНДР и Республикой Корея, случались все чаще.

Все это имело место на фоне важных политических изменений, происходивших в Дальневосточном регионе. Осенью 1949 года в Китае победила Народная револю-
176
ция, и коммунисты возглавили руководство новым народно-демократическим государством — Китайской Народной Республикой. В феврале 1950-го КНР подписала с СССР договор о дружбе, союзе и взаимопомощи. Союз СССР и КНР и то, что обе коммунистические державы всячески поддерживали народно-демократический режим в КНДР, побуждал руководство Северной Кореи к объединению всей страны военным путем. Но, разумеется, глава КНДР Ким Ир Сен хотел заручиться одобрением своего военного похода на юг со стороны КНР и СССР.

Для Ким Ир Сена особенно важна была поддержка СССР, который, восстановив свое народное хозяйство после 2-й мировой войны, являлся одной из наиболее могущественных военных держав мира. Ким Ир Сен помнил, что 13 октября 1948 года в приветственной теле-, грамме правительству Северной Кореи по случаю провозглашения КНДР И. В. Сталин ограничился пожеланиями успехов новому правительству "в его деятельности на пути национального возрождения и демократического развития", не углубляясь в проблемы дальнейших отношений двух государств[2]. Поэтому глава правительства КНДР настойчиво добивался от Москвы согласия на визит правительственной делегации КНДР в Советский Союз. Вождю северокорейских коммунистов нужно было выяснить позицию Сталина в отношении своей страны.

В январе 1949-го такое согласие было получено, и 5 марта того же года правительственная делегация КНДР во главе с председателем кабинета министров Ким Ир Сеном и министром иностранных дел Пак Хен Еном прибыла в Москву. В состав делегации входили также посол КНДР в СССР Дю Ен Ха. В переговорах с советской стороны кроме Сталина участвовали министр иностранных дел А. Я. Вышинский и посол СССР в КНДР Т. Ф. Штыков. 5—18 марта между обеими странами велись интенсивные переговоры. В результате было заключено 11 соглашений. Они касались экономического и культурного сотрудничества, оказания технической помощи Северной Корее, расширения кредитования товарооборота и
177
платежей. Были разработаны условия работы советских специалистов в КНДР. Специальными соглашениями предусматривалось временное базирование в порту Сейсин советского военно-морского подразделения и строительство железной дороги из Краскино (СССР) в Хонио (КНДР). В Пхеньяне создавалось советское торговое представительство, устанавливалась воздушная линия между СССР и КНДР. Все соглашения, кроме экономического и культурного, были секретными. СССР согласился поставлять в КНДР оборудование и вооружение, оплаченные золотом и товарами.

С конца 1949 года отношения между двумя корейскими

государствами все более обострялись. Оба правительства претендовали на объединение Кореи, каждое под своей эгидой. В октябре 1949-го президент Южной Кореи Ли Сын Ман в беседе с американскими моряками в Инчхоне заявил, что "если нам придется решать эту проблему на поле боя, мы сделаем все, что от нас потребуется"[3]. 30 декабря на пресс-конференции он ужесточил свою позицию, заявив, что "нам следует своими усилиями объединить Южную и Северную Корею"[4]. 1 марта 1950 года, выступая на митинге в Сеуле, Ли Сын Ман провозгласил, что "час объединения Кореи приближается"[5]. Его министр обороны тоже не стеснялся в выражениях 9 февраля того же года он заявил: "Мы находимся в полной готовности к борьбе за восстановление потерянной территории и только ждем приказа"[6].

США также немало сделали для того, чтобы, как говорил тогда американский посол в Сеуле Дж. Муччо, "приблизить время всеобщего наступления на территорию севернее 38-й параллели". Главный военный советник США в Южной Корее генерал В. Роберте в январе 1950-го, за 5 месяцев до начала войны, на встрече с южнокорейскими министрами заявил, что "нападение начнем мы", но "надо создать предлог для нападения, чтобы оно имело обоснованную причину"[7].

К северу от 38-й параллели также вынашивались весьма воинственные замыслы, но делалось это с соблюдением

секретности, без широковещательных заявлений. Интенсивные поставки вооружения, военной техники, боеприпасов из СССР в Северную Корею продолжались в течение всего 1949 года.

1950 год внес новые нюансы. 19 января в Кремль поступило важное сообщение из Пхеньяна. Советский посол Штыков докладывал:

«Вечером в китайском посольстве в связи с отъездом посла проходил прием. Во время его Ким Ир Сен сказал мне следующее: теперь, когда освобождение Китая завершается, на очереди стоит вопрос освобождения Кореи. Партизаны не решат дела. Я не сплю ночами, думая о воссоединении. Мао сказал, что наступать на Юг не надо. Но если Ли Сын Ман будет наступать, тогда надо переходить в контрнаступление. Но Ли Сын Ман не наступает... Ему, Ким Ир Сену, нужно побывать у Сталина и спросить разрешения на наступление для освобождения Южной Кореи. Мао обещал помощь, и он, Ким Ир Сен, с ним встретится. Ким Ир Сен настаивал на личном докладе Сталину о разрешении наступать на Юг с Севера. Ким Ир Сен был в состоянии некоторого опьянения и вел разговоры в возбужденном состоянии»[8].

Сталин не спешил с ответом. Обменялся посланиями с Мао Цзэдуном, который считал, что вопрос следует обсудить. Только после этого 30 января из Москвы от Сталина в Пхеньян пошла шифровка: "Сообщение от 19 января 50 года получил. Такое большое дело нуждается в подготовке. Дело надо организовать так, чтобы не было большого риска. Готов принять...[9]"

В Пхеньяне телеграмму расценили как согласие на операцию с

условием достижения гарантированного успеха. После еще одной консультации с Пекином Сталин 9 февраля дал согласие на подготовку широкомасштабной операции на Корейском полуострове, одобрив намерение Пхеньяна военным путем объединить родину. Вслед за этим резко возросли поставки из СССР танков, артиллерии, стрелкового вооружения, боеприпасов, медикаментов, нефти. В штабе северокорейской армии с участием советских советников в глубокой тайне велась разработка

179

плана наступательной операции, шло ускоренное формирование нескольких новых корейских соединений.

Но Сталин, дав согласие на поход Ким Ир Сена, все еще колебался. Он опасался вооруженного вмешательства США в конфликт между Севером и Югом Кореи, которое могло привести к непредсказуемым последствиям, а может быть, и к прямой конфронтации двух сверхдержав, что грозило ядерной войной. Поэтому, как он считал, Москва должна была, с одной стороны, заручиться согласием Пекина га поддержку военных действий КНДР по объединению Кореи, а с другой — по возможности остаться в стороне от назревавшего конфликта во избежание риска быть втянутым в войну с США в случае их вмешательства в корейские дела. В Кремле все более склонялись к мысли, что поход Ким Ир Сена на юг может увенчаться успехом, если действовать энергично и быстро. В этом случае северокорейская армия овладеет южной частью Кореи до того, как американцы вмешаются в ход событий[10].

Позиция американцев, как казалось Москве, позволяла надеяться на то, что Южная Корея — не из числа важнейших американских стратегических приоритетов на Дальнем Востоке. Так, государственный секретарь США Д. Ачесон 12 января 1950 года заявил, что Южная Корея не входит в "оборонный периметр" США в Тихоокеанском регионе. "Моя речь, — вспоминал он впоследствии, — открыла зеленый свет для атаки на Южную Корею"[11]. Безусловно, это заявление Ачесона было учтено лидерами Северной Кореи. Однако не был взят в расчет — а скорее всего, об атом не знали — другой важный документ правительства США. В марте 1950 года Совет национальной безопасности США подготовил директиву — СНБ-68, в которой правительству рекомендовалось жестко сдерживать коммунизм повсюду в мире. В директиве говорилось, что СССР более склонен к вовлечению в "лоскутную агрессию", нежели в тотальную войну, и любая неудача США при оказании отпора такого рода агрессии может привести к "порочному кругу принятия слишком нерешительных и запоздалых мер" и постепенной "потере позиций под силовым нажимом"[12].

180

США, указывалось в директиве, должны быть готовы противостоять СССР в любой точке мира, не делая различия между "жизненно важными и периферийными интересами"[13]. 30 сентября 1950 года президент США Г. Трумэн утвердил эту директиву, в корне менявшую подход США к защите Южной

Кореи.

Но все это выяснилось позднее. А тогда, 8 апреля 1950-го, Ким Ир Сен, Пак Хен Ен и Т. Ф. Штыков тайно прибыли в Москву[14]. Ким Ир Сен убеждал Сталина, что Корею можно быстро объединить путем проведения скоротечной военной кампании и что как только войска КНДР вступят в Южную Корею, там начнется всенародное восстание против режима Ли Сын Мана[15]. Но Сталин все еще колебался. Он решил еще раз проконсультироваться с Мао Цзэдуном, чтобы быть уверенным в китайской поддержке нападения на Южную Корею. 14 мая 1950 года от Сталина была отправлена шифровка, в которой говорилось, что в силу изменившейся международной обстановки в Москве согласны с предложением корейцев приступить к объединению, но при условии, что вопрос должен быть решен окончательно китайскими и корейскими товарищами совместно, а в случае несогласия китайских товарищей решение вопроса должно быть отложено до нового обсуждения"[16].

В Пекине быстро согласились с предложением Москвы, подготовка к операции стала вестись форсированными темпами, и уже 30 мая Штыков докладывал в Москву:

«Ким Ир Сен сообщил, что Начальник Генерального штаба закончил разработку принципиального оперативного решения (вместе с советским советником Васильевым) на наступление. Он, Ким Ир Сен, его одобрил. Организационная подготовка заканчивается к 1 июня. Из 10 дивизий 7 готовы для наступательных действий. В июле начнутся дожди. Мне генералы Васильев и Постышев доложили, что тогда потребуется больше времени на сосредоточение. Генштаб предлагает начать в конце июля.

Мое мнение: можно согласиться с этим сроком. Корейцы просят бензин и медикаменты. Прошу срочных указаний.
30 мая 1950 года. Штыков»[17].

181

Ответ последовал быстро. Инстанция одобрила предложения посла, пообещав ускорить доставку медикаментов и нефти. Усиленные приготовления северокорейской стороны не остались незамеченными на юге. По обе стороны 38-й параллели сосредотачивались войска. Участились пограничные стычки. Активизировались и американцы. За несколько дней до начала войны в Сеул прибыл бывший тогда советником госдепартамента Джон Ф. Даллес. Он проинспектировал южнокорейские войска в районе 38-й параллели и заявил, что, если им удастся продержаться хотя бы две недели после начала боевых действий, "все пойдет гладко". "Я придаю большое значение той решающей роли, которую ваша страна может сыграть в великой драме, которая сейчас разыграется", — писал Даллес Ли Сын Ману перед отъездом из Сеула[18].

Тем временем в КНДР заканчивались приготовления к первой широкомасштабной наступательной операции против войск Ли Сын Мана. Но для Сталина очень важно было принять все меры к тому, чтобы не дать США повода обвинить СССР в соучастии в северокорейской агрессии. Он очень не хотел быть уличенным в

непосредственном участии СССР в подготовке войны. Об этом свидетельствует ряд документов.

За пять дней до начала войны, 20 июня 1950 года, Штыков прислал Сталину телеграмму: "Ким Ир Сен просил передать: для наступления и десанта нужны корабли. Два корабля прибыли, но экипажи не успели подготовить. Просит десять советских советников использовать на кораблях. Считаю, просьбу удовлетворить надо". Ответ, подписанный А. А. Громыко 22 июня, пришел быстро: "Ваше предложение отклоняется. Это дает повод для вмешательства".

Ободренный поддержкой своих великих соседей — СССР и КНР, Ким Ир Сен отдал приказ о вторжении. С рассветом 25 июня 1950 года войска Корейской Народной Армии (КНА) начали наступление в глубь Республики Корея. Когда северокорейцы развивали наступление на Юг, Ким Ир Сен попросил направить советских советников непосредственно в части, ведущие бои на передовой. Шты-

ков в разговоре с корейским вождем пообещал, что уговорит Москву согласиться. Последовал окрик из Кремля.

«Пхеньян. Совпосол.

Как видно, Вы ведете себя неправильно, так как пообещали корейцам дать советников, а нас не спросили.

Вам нужно помнить, что Вы являетесь представителем СССР, а не Кореи.

Пусть наши советники пойдут в штаб фронта и в армейские группы в гражданской форме в качестве корреспондентов "Правды " в требуемом количестве.

Вы будете лично отвечать перед советским правительством за то, чтобы они не попали в плен»[19].

Как бы в развитие смысла этой телеграммы советские военные советники при батальонах и полках КНА были отозваны в СССР.

Руководители Советского государства сделали все возможное, чтобы граждане СССР не могли попасть в руки противника, особенно к американцам. Так, в первые дни войны многие советские люди корейского происхождения направили в высшие органы власти заявления с просьбой направить их на помощь "корейским братьям" для защиты исторической родины от "варварского нападения со стороны американских империалистов"[20]. Им в этом было отказано. Советским судам, покинувшим 26 июня китайский порт Дайлянь, было приказано "немедленно вернуться в свою зону обороны"[21].

Когда 27 июня войска КНДР взяли Сеул и советский главный военный советник генерал Васильев хотел поехать туда, чтобы помочь военному командованию Северной Кореи в управлении войсками, Москва не дала ему разрешения на это. И в дальнейшем делалось все, чтобы не допустить пленения советских военных советников.

Однако с Началом войны, несмотря на крупные успехи северокорейских войск, внешнеполитические события развивались не так, как рассчитывали в Пхеньяне. Уже с первых

дней войны произошла интернационализация конфликта в результате активного вмешательства в него США. Американская авиация и флот действовали с первого дня
183
войны, но применялись для эвакуации американских и южнокорейских граждан из прифронтовых районов. Однако после падения Сеула на Корейском полуострове высадились сухопутные войска США. Американские ВВС и ВМС также развернули активные боевые действия против войск КНДР.

Для того чтобы американское участие в войне не было истолковано мировым сообществом как вмешательство во внутренние дела Кореи, политическое руководство США позаботилось о том, чтобы придать действиям своих войск законный характер с точки зрения международного права. 7 июля 1950 года состоялось заседание Совета Безопасности (СБ) ООН, на котором обсуждался корейский вопрос. СССР бойкотировал тогда его работу в знак протеста против незаконного присутствия гоминьдановца в качестве представителя Китая. Этим не замедлили воспользоваться США, которые поставили на голосование вопрос о превращении американских оккупационных войск в Корее в "войска ООН". Эту акцию можно было бы предотвратить, воспользовавшись правом вето, однако советский представитель при ООН Я. А. Малик по указанию Москвы покинул заседание СБ ООН, что явилось крупным просчетом сталинской дипломатии. Помимо США "в поход против коммунизма" было вовлечено еще 15 государств, хотя американские войска конечно же составляли основу интервенционистского корпуса[22].

Войну в Корее можно разделить на 4 этапа.

Первый: 25 июня — 15 сентября 1950 года — наступление и общее наступление КНА от рубежа 38-й параллели до реки Нактонган.

Второй: 16 сентября — 24 октября 1950 года — контрнаступление американских и южнокорейских войск и вынужденный отход КНА с рубежа реки Нактонган в северные районы.

Третий: 25 октября 1950 года — 9 июля 1951 года— контрнаступление и общее наступление КНА и китайских народных добровольцев (КНД), освобождение территории КНДР и части Южной Кореи.
184

Четвертый: 10 июля 1951 года — 27 июля 1953 года — противостояние сторон на рубеже 38-й параллели.

На первом этапе войскам США удалось несколько затормозить продвижение Корейской Народной Армии, однако она, хотя и медленно, продолжала движение вперед. Лисынмановское правительство было вынуждено бежать в Пусан, город на юго-восточном побережье, где к сентябрю 1950 года в его руках остался лишь небольшой клочок территории.

К этому времени американское командование подготовило мощный контрудар. На Пусанско-Тагуском плацдарме против 70-тысячной северокорейской армии были сосредоточены вдвое

большие силы американских и южнокорейских войск, имевших к тому же многократное превосходство в технике.

15 сентября, после высадки с моря в районе Инчхона 50-тысячного 10-го бронетанкового корпуса в тылу северокорейской армии, началось контрнаступление американо-южнокорейских войск на юге. В результате значительные силы КНА оказались в окружении и с тяжелыми боями вынуждены были прорываться на север, неся большие потери. Сеул пришлось оставить.

На 5-й сессии Генеральной ассамблеи ООН американцы добились согласия на переход 38-й параллели. Американские и южнокорейские войска быстро продвигались на север к границам КНДР. Нависла угроза разгрома и потери независимости. Стало ясно, что спасти положение может только помощь СССР и КНР, притом незамедлительная. Это понимали и в Москве, и в Пекине, и в Пхеньяне.

Китайское руководство с началом войны в Корее направило 30 июня в КНДР своих военных наблюдателей, а в августе сосредоточило в районе китайско-корейской границы, у реки Ялу, 250-тысячную группировку китайских войск. Мао Цзедун приказал Гао Гану, руководителю Северного Китая, привести ее в боевую готовность к концу сентября. 17 сентября в КНДР прибыла группа военных специалистов КНР для изучения условий ввода китайских войск в случае необходимости[23].

185

Тем временем американские и южнокорейские войска, продвигаясь на север, 1 октября пересекли 38-ю параллель. В тот же день Штыков направил Сталину письмо Ким Ир Сена с отчаянной просьбой о помощи. Вождь северокорейских коммунистов и его министр иностранных дел писали:

«[...] Дорогой товарищ Сталин! Если противник будет форсировать наступательные операции на Северную Корею, то мы не в состоянии будем собственными силами приостановить противника. Поэтому, дорогой Иосиф Виссарионович, мы не можем не просить от Вас особой помощи. Иными словами, в момент перехода вражеских войск через 38-ю параллель нам очень необходима непосредственная военная помощь со стороны Советского Союза.

Если по каким-либо причинам это невозможно,, то окажите нам помощь по созданию международных добровольных частей в Китае и в других странах народной демократии для оказания военной помощи нашей борьбе»[24].

В тот же день аналогичное письмо получил Мао Цзэ-дун. Для Москвы и Пекина настало время решения. Худшие опасения Сталина сбылись: план Ким Ир Сена не сработал, вмешательство США и продвижение "войск ООН" на север спутали все карты советского и китайского руководства. Нужна была срочная помощь Пхеньяну, но втягивание в разгоравшийся конфликт Советского Союза никоим образом не входило в планы Сталина. Нужно было побудить к этому китайцев, оставив советское вмешательство на самый крайний случай. Тяжелые раздумья охватили кремлевских политиков. И в этой обстановке раздался спасительный звонок из Пекина. 2 октября Мао извещал

советского лидера о том, что руководство КНР решило оказать помощь КНДР соединениями "добровольцев", которые готовы вступить в Северную Корею 15 октября. Мао сообщил, что первоначально 5—6 дивизий "китайских народных добровольцев" (КНД) вступят в Корею, показав тем самым США. что ситуация изменилась. После того как они, получив достаточно советского вооружения, подготовятся, они смогут перейти в наступле-
186
ние. Китайский вождь просил также Сталина помочь советской авиацией и флотом прикрыть китайские войска в Корее и промышленные районы Северного Китая[25].

Сталин, видимо, с большим облегчением воспринял это сообщение. Об этом свидетельствует его ответ от 5 октября. В нем, в частности, говорилось:

«США из-за престижа могут втянуться в большую войну, будет, следовательно, втянут в войну Китай, а вместе с тем втянется в войну и СССР, который связан с Китаем пактом о взаимопомощи. Следует ли этого бояться? По-моему, не следует, так как вместе будем сильнее, чем США и Англия, и другие капиталистические европейские государства без Германии, которая не может сейчас оказать США какой-либо помощи, не представляют серьезной военной силы. Если война неизбежна, то пусть она будет теперь, а не через несколько лет, когда японский милитаризм будет восстановлен как союзник США...»[26]

Мао ответил, что он "очень рад, что в... ответе говорится о совместной борьбе Китая и СССР против американцев... Безусловно, если воевать, то воевать нужно теперь... Целесообразно направить не пять-шесть дивизий, а по крайней мере девять..."

8 октября к Сталину в Сочи, где он был на отдыхе, прибыли посланцы Мао Цзэдуна Чжоу Эньлай и Линь Бяо. Беседа состоялась в ночь на 9 октября. Руководитель Советского государства несколько умерил аппетиты визитеров. Он заявил, что СССР готов поставить оружие в общей сложности для 20 дивизий "китайских добровольцев", но не имеет столько сил, чтобы прикрыть авиацией китайские и корейские войска. Он обещал обеспечить противовоздушную оборону промышленности Северного Китая и приграничные с КНДР районы, но все это потребует времени[27].

В Пекине, "получив такой ответ, задумались. Некоторые члены политбюро выражали опасения, что КНР может быть втянута в длительный конфликт с США, что резко затормозит начавшуюся индустриализацию Китая. Неопределенность обещаний советской помощи разочаровывала[28].
187

Началась вереница совещаний политбюро ЦК КПК по этой проблеме. Время, однако, торопило. "Войска ООН" уверенно продвигались на север. Наконец 14 октября члены политбюро пришли к единому мнению: занять войсками горный район между Пхеньяном и Вонсаном. Если войска США не пересекут эту линию в течение полугода, то "китайские добровольцы" выиграют время для того, чтобы быть готовыми к решению тех

задач, которые будут поставлены им руководством КНР. Командующим войсками "китайских добровольцев" был назначен Пэн Дэхуэй.

Но события развивались стремительно: американцы приближались к китайской границе и Пхеньяну. Мао позвонил в Москву Чжоу Эньлаю и сообщил, что "китайские добровольцы" войдут в КНДР, если СССР поставит немедленно вооружение не на 6, как предполагалось ранее, а на 15 дивизий китайских войск. Однако Пэн Дэхуэй настойчиво просил отложить вторжение до зимы, поскольку у китайских войск не было авиации и зенитной артиллерии, а американские ВВС господствовали в воздухе[29]. Но времени уже не было. Мао приказал ввести "китайских добровольцев" в Корею — сперва 17-го, потом 18-го и, наконец, 19 октября. В тот день первые части КНД пересекли реку Ялу.

Тем временем южнокорейские и американские войска 23 октября взяли Пхеньян, а 25 октября огромная масса китайских войск хлынула по мостам через Ялу в Северную Корею. Война вступила в новую фазу. Наступление было долгим, трудным, мучительным. Господству противника в воздухе "добровольцы" и КНА противопоставили траншейную и галерейную борьбу, когда целые роты, батальоны и полки так зарывались в землю, что ни бомбы, ни напалм их не достигали.

С ноября 1950 года промышленные объекты Северного Китая, мосты через Ялу и прилегающую к границе территорию КНДР начал прикрывать с воздуха срочно сформированный советский 64-й истребительный авиакорпус, который в отведенной ему зоне действовал успешно. В ходе

188

боев зимой и весной 1951 года был освобожден Пхеньян, еще раз взяты Сеул, Инчхон, Вончжу и другие города. Маятник войны двинулся в другую сторону. Однако затем последовали удары южан, и к июню 1951 года линия фронта почти застыла, напрягаясь и едва колеблясь у 38-й параллели.

Решение Мао вмешаться в корейскую войну диктовалось несколькими соображениями. Он надеялся, что победоносное наступление китайских войск поднимет международный авторитет революционного Китая; покажет миру, что КНР — это сила, способная остановить американцев. Были и другие цели: успехами на фронте подавить оппозицию в политбюро, а также не допустить США к сухопутным границам Китая, что создало бы угрозу национальной безопасности КНР. Мао считал, что эта война есть столкновение воли. Зная чувствительность американцев к людским потерям, он полагал, что, потеряв 40—50 тысяч человек, США под давлением общественного мнения в стране прекратят войну. Видя, что его ожидания не оправдываются, он в марте 1951-го поднял планку для американских потерь до 100 тысяч человек[30].

Неудача весенне-летнего наступления КНА и КНД убедила Мао, что выиграть войну невозможно и надо идти на переговоры. Впервые он высказал эту мысль 26 мая 1951 года, а 31-го уже советовал коллегам по политбюро по-новому оценить обстановку.

Что касается Сталина, то осознав, что выиграть войну не удастся, он поддержал идею переговоров, намереваясь в ходе дипломатических столкновений добиться лучших условий мира, чем на поле боя. 3 июня 1951 года состоялись переговоры по этому вопросу между Ким Ир Сеном, Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем, а в середине июня — китайско-корейско-советские переговоры. 23 июня советский представитель при ООН Малик официально предложил начать переговоры.

Этому предшествовали неофициальные встречи Малика с Дж. Кеннаном 31 мая и 5 июня. Малик сообщил ему, что СССР желает закончить конфликт, но по поводу переговоров посоветовал обратиться к правительствам КНР

и КНДР. Предварительная договоренность позволила советскому представителю в ООН в его заявлении от 23 июня сказать, "что советские народы верят в то, что в качестве первого шага следовало бы начать переговоры между воюющими сторонами о прекращении огня, о перемирии с взаимным отводом войск от 38-й параллели"[31]. Это заявление было поддержано и Китаем. 10 июля в Кэсоне (КНДР) начались переговоры между Республикой Корея и США, с одной стороны, и КНР и КНДР — с другой. Но дальше обсуждения демаркационной линии дело не пошло. Уже в августе американские самолеты и самолеты КНР нарушили статус нейтралитета зоны переговоров, и они были прерваны. Затем вновь возобновились в Паньмыньчжоне, однако и там не раз прерывались. В результате процесс урегулирования конфликта затянулся на два года. Все это время происходили мелкие стычки сухопутных частей, но зато шла ожесточенная воздушная война, главную роль в которой играла американская авиация и советский 64-й истребительный авиакорпус.

2. Советские летчики в небе Северной Кореи

В корейской войне, принявшей характер интернационального конфликта, значительную роль играли действия ВВС обеих сторон. Авиация США являлась главной ударной силой "вооруженных сил ООН", помогавших Южной Корее. Она действовала как на фронте, так и по объектам глубокого тыла. Отражение воздушных ударов ВВС США и их союзников стало одной из важных задач войск Северной Кореи и китайских добровольцев на протяжении всех военных лет.

Командование США сосредоточило в Южной Корее и прилегающих районах большую часть своих ВВС Дальневосточной зоны, в составе которых к началу войны насчитывалось 1172 самолета[32]. Основные силы тактической авиации были объединены в 5-ю воздушную армию, дислоцированную в Японии, в состав которой входили

крылья тактических бомбардировщиков, истребителей, тактических истребителей и разведчиков. Стратегическая авиация была включена в состав специально созданного Временного бомбардировочного командования, насчитывавшего

несколько крыльев. Кроме того, на Дальнем Востоке имелись объединения, соединения и части транспортной авиадесантной, авианосной авиации и авиации ПВО, также привлекавшиеся для выполнения боевых задач в войне в Корее.

ВВС Южной Кореи существовали в виде небольшого количества учебно-тренировочных самолетов Т-6.

В начале войны против КНДР использовалось 44 эскадрильи американских ВВС Дальневосточной зоны (657 боевых самолетов), но в ходе войны эти силы неуклонно наращивались.

К концу 1951 года против КНА и КНД действовало уже 1440 боевых самолетов США, а к концу войны их количество возросло до 2400[33].

Бомбардировочная авиация США имела на вооружении стратегические бомбардировщики В-29 и тактические бомбардировщики В-26, истребительная авиация была представлена тактическими истребителями как поршневыми (Р-47, Р-51), так и реактивными (F-80, F-84, F-82), а впоследствии усилена реактивными истребителями-перехватчиками, главным образом F-86, а также ночными перехватчиками F-94. Поршневые самолеты по своим ТТД могли развивать скорости в пределах 570—740 км/ч, имели практический потолок 7300—13 400 метров. Дальность действия стратегических бомбардировщиков составляла 5200—7300 километров при бомбовой нагрузке 9070 килограммов; тактических бомбардировщиков — 2100—2700 километров при бомбовой нагрузке 2700 килограммов; истребителей — 2000—3800 километров (бомбовая нагрузка — до 900 килограммов).

Реактивные истребители имели следующие тактико-технические данные:

максимальная скорость — 900—1080 км/ч; практический потолок — 13 500—14 000 метров;

191

максимальная дальность полета — 2100—2400 километров.

Все они имели стрелково-пушечное (6x12,7) и ракетное (8x127; 10x127; 16x127) вооружение.

ВВС КНДР к началу войны насчитывали немногим более 150 самолетов[34]

ВВС КНА и КНД имели на вооружении самолеты советского производства: штурмовики ИЛ-10, поршневые истребители Як-3, Як-9, Як-11, Ла-9, Ла-11, а с ноября 1950 года— реактивные МИГ-15 (в дальнейшем и МИГ-15бис).

Боевые действия авиации воюющих сторон начались с первых дней войны и по мере развития военных событий неуклонно ширились. Уже 25 июня 1950 года, в 13 часов 15 минут, над южнокорейскими аэродромами Сеул и Кимпо появились два низколетящих самолета. Это были Як-9 с опознавательными знаками ВВС Северной Кореи (красная звезда в белом круге). Совершив тщательный осмотр обоих аэродромов, они удалились в северном направлении. Однако уже через два часа "яки" возвратились в усиленном составе. Два из них несколько раз пронеслись над Кимпо, поливая аэродром пушечным и пулеметным огнем. Снаряды повредили командно-

диспетчерскую вышку и угодили в топливохранилище, которое взлетело на воздух со страшным ревом. В результате налета был также поврежден находящийся на аэродроме транспортный самолет американских ВВС С-54. Четыре других "яка" совершили нападение на аэродром Сеула. Они повредили семь тренировочных самолетов Т-6. Затем, в 16.00, была предпринята новая атака на Кимпо. На этот раз атакующим удалось сжечь самолет С054, поврежденный в прошлом рейде. В середине дня 27 июня над Сеулом появились пять Як-3, приближающихся к Кимпо. В бою с американскими реактивными истребителями F-82 три "яка" были сбиты. В тот же день северокорейские ВВС предприняли попытку штурмовать аэродром силами восемь Ил-10. После короткого воздушного боя четыре из этих восьми самолетов были сбиты реактивными истребителями F-80, а остальные вернулись на свою базу в Хейджо, близ Пхеньяна.
192

Хотя силы были явно неравны — против поршневых самолетов Северной Кореи действовали реактивные истребители США, чьи летчики к тому же имели, как правило, опыт 2-й мировой войны, — летчикам Северной Кореи не раз удавалось добиваться успеха. Например, 28 июня, в 13 часов 30 минут, воспользовавшись тем, что основные силы F-80 и F-82 были заняты обеспечением прикрытия транспортных самолетов, вывозящих из Кореи американских граждан, четверка Як-9 атаковала аэродром Сувон. Им удалось уничтожить один F-82 и легкий, бомбардировщик В-26, находившиеся на стоянке. Чуть позже, к середине того же дня, три пары "яков" подожгли С-54. На следующий день аэродром Сувон подвергся еще шести нападениям, но на этот раз F-80 находились в воздухе, и два северокорейских самолета были уничтожены. 29 июня американские бомбардировщики В-26 нанесли удары по аэродромам Северной Кореи, расположенным вокруг Пхеньяна, и уничтожили 25 самолетов.

К этому времени американская авиация уже широко развернула боевые действия. Основными объектами ударов для стратегических бомбардировщиков являлись административно-политические и промышленные центры, железнодорожные узлы и крупные мосты, аэродромы, электростанции, населенные пункты.

Тактическая авиация действовала по войскам КНА в районе сосредоточения, коммуникациям и переправам, выполняла задачи по завоеванию господства в воздухе, изоляции района боевых действий и воспрещению подхода резервов КНА и КНД.

Имея с самого начала войны господство в воздухе, американская авиация могла действовать на значительную глубину, нанося удары одновременно по большому количеству объектов.

В первые месяцы войны, когда на вооружении ВВС КНА еще не было реактивных истребителей, а зенитной артиллерии было мало, американская авиация, в том числе и стратегическая, действовала с малых и средних высот в дневное время без истребительного прикрытия. Так, 17 сен-

193

тября 1950 года 100 B-29 в течение 2 часов подвергали усиленной бомбардировке сосредоточение войск КНА на площади 70 квадратных километров. Было сброшено 800 тонн бомб[35]. В тот период американские бомбардировщики действовали, как правило, с одного направления крупными группами по 40—50 самолетов или вели эшелонированные действия в плотных порядках. Бомбардирование производилось с высот 1,5—4,2 километра с горизонтального полета. Тактическая авиация наносила удары по объектам с пикирования, произведя несколько заходов на цель с высот 1—2,5 километра. ВВС КНА из-за своей малочисленности осуществляли главным образом ПВО объектов тыла, выделяя для прикрытия войск лишь незначительное число истребителей[36].

ВВС КНДР имели две основные задачи: борьбу с авиацией противника и поддержку своих сухопутных войск. Однако выполнение этих задач с самого начала было затруднено быстрым развертыванием американской военной авиации в Южной Корее. После нескольких массированных налетов американской авиации на базовые аэродромы, расположенные вокруг Пхеньяна, северокорейская авиация перешла на тактику советских ВВС периода 2-й мировой войны: самолеты рассредоточивались на небольших, хорошо замаскированных взлетно-посадочных полосах, расположенных рядом с линией фронта, откуда они совершали неожиданные вылазки, действуя преимущественно на малых высотах, — и тут же уходили обратно. Эти атаки продолжались весь июль. Время для них выбиралось тактически очень верно: истребители КНДР поднимались в воздух только тогда, когда все находящиеся поблизости американские истребители заканчивали боевое патрулирование и топлива у них оставалось ровно столько, чтобы вернуться на базу. В двух случаях, благодаря подобной тактике, реактивные F-80, захваченные врасплох северокорейскими поршневыми самолетами, были вынуждены спасаться бегством, так как у них было слишком мало топлива, чтобы принять бой. Однако мало-помалу наступательный характер операций северокорейской авиации сходил на нет. К 20 июля в результате ряда

194

ударов американской авиации и флота по основным северокорейским аэродромам, включая захваченные в период наступления, было уничтожено 49 самолетов противника на земле, 9 — в воздухе и еще более 30 самолетов были серьезно повреждены. В начале августа, так как главный северокорейский аэродром Сувон был превращен в руины налетом американских истребителей-бомбардировщиков, основные силы ВВС Северной Кореи были сосредоточены на захваченной авиабазе Кимпо.

Американская воздушная разведка к концу августа установила, что численность ВВС Северной Кореи составляет не более 20 самолетов. Оставшись без прикрытия с воздуха, сухопутные войска Северной Кореи не могли противостоять массированным налетам вражеских истребителей-

бомбардировщиков, которые превращали их формирования и коммуникации в сплошное огненное месиво. Не было у них защиты и от глубоких рейдов В-29, которые уничтожали промышленные объекты военного значения на севере страны. Все еще оказывая упорное сопротивление, но не в силах сдержать контрнаступление объединенных американо-южнокорейских сил, войска Северной Кореи начали отход из захваченных районов. В середине октября войска США и Южной Кореи стремительно продвигались на север, вступили на территорию Северной Кореи, но тут ситуация резко изменилась.

1 ноября бомбардировщик В-26 был атакован 3 китайскими Як-9 к югу от реки Ялу. В тот же день, но позже 9 F-80 атаковали аэродром Синыйджу на границе с Китаем и уничтожили или серьезно повредили 7 из 15 "яков", которые там базировались. Один из F-80 был сбит зенитным огнем.

После полудня в тот же день звено "Мустангов" (Р-51), патрулирующее вдоль реки, было внезапно атаковано 6 скоростными реактивными самолетами, появившимися со стороны Маньчжурии. На этот раз американцам удалось уйти, но они поняли, что с этого момента воздушная война перестала быть увеселительной прогулкой. В небе Кореи появились МИГ-15.[195]

Их появление диктовалось рядом военно-стратегических причин. После вступления в войну "китайских народных добровольцев" соединения китайских войск широким потоком хлынули в Северную Корею. Они переправлялись через пограничную реку Ялуцзян по железнодорожным и автомобильным мостам, крупнейшие из которых находились между китайским городом Аньдун и корейским Синыйчжу. Далее они следовали к линии фронта по дорогам западной части КНДР, число которых было весьма ограничено.

Эти мосты и дороги с ноября 1950 года стали первоочередными объектами ударов американской авиации. При этом стратегические бомбардировщики В-29 большими группами совершали налеты на мосты через Ялу, действуя под прикрытием F-80 и F-84, а тактические бомбардировщики В-26 контролировали дороги в Корее, особенно ночью, так как основные массы китайских войск передвигались по ним только с наступлением темноты.

Господство американской авиации в воздухе создавало опасность уничтожения стратегических мостов и затрудняло передвижение и маневр китайских и северокорейских войск в прифронтовой зоне. В связи с этим китайское и северокорейское руководство обратилось к правительству СССР с просьбой привлечь советскую реактивную истребительную авиацию для прикрытия стратегических объектов на территории КНДР, примыкающей к Китаю. Поскольку на вооружении советских ВВС к этому времени уже имелись реактивные истребители МИГ-15, которые авиация КНР и КНДР только осваивала, выполнять задачи по прикрытию стратегических объектов в Северной Корее могли только советские истребительные авиасоединения.

Откликаясь на просьбу правительства КНР и КНДР, Советский Союз направил в Северо-Восточный Китай соединения истребительной авиации, на базе которых 14 ноября 1950 года был сформирован 64-й отдельный истребительный авиакорпус советских ВВС (командир корпуса генерал-майор авиации И. В. Белов). Основная задача корпуса состояла в том, чтобы прикрыть от налетов авиации противника стратегические мосты через Ялуцзян,
196
Супхун ГЭС на этой же реке, систему ирригационных плотин, коммуникации и аэродромы на территории КНДР в радиусе 75 километров от китайско-корейской границы.

Состав авиакорпуса был непостоянным. Советское командование тогда могло использовать только один аэродром — Аньдун на корейско-китайской границе. На нем разместились 2 полка 28-й и 151-й авиадивизий ВВС СА. В конце ноября обе дивизии вместе с 5-й дивизией были объединены в 64-й истребительный авиакорпус.

По мере активизации военных действий состав 64-го авиакорпуса возрастал. В июле 1951 года вступил в строй новый аэродром на территории Китая — Мяогоу. Это позволило увеличить количество экипажей, привлекаемых для боевых действий, с 2 до 5 авиаполков и расширить круг задач: прикрывать коммуникации в Северной Корее на глубине до 75 километров от китайской границы[37].

В сентябре 1951 года, например, 64-й истребительный авиакорпус включал 3 авиационные (151-, 303-, 324-я), 2 зенитные артиллерийские (87-я и 92-я) дивизии, имевшие на вооружении 85-миллиметровые пушки и 37-миллиметровые автоматические зенитные установки, радиолокационные станции обнаружения и орудийной наводки, и авиационно-техническую дивизию, 2 отдельных полка: "ночников", прожекторный (для обеспечения действий экипажей ночью и создания светового поля в районе переправ через реку Ялуцзян и на подходах к ним), госпитали и другие подразделения обеспечивающих служб.

В 1952 году корпус насчитывал около 26 тысяч человек. Такая численность личного состава сохранялась до окончания войны в Корее.

Однако указанная численность сил и средств далеко не соответствовала тем задачам, которые должны были решать советские летчики и зенитчики. Только половина дивизий имела по три полка. Остальные — по два. По штату им полагалось всего по 32 летчика. Такое же незавидное положение сложилось и у зенитчиков.

Несмотря на эти и многие другие недостатки и упущения, советские авиаторы действовали достаточно успешно.
197
Этому во многом способствовали высокие летно-технические качества новейшего по тому времени реактивного самолета-истребителя МИГ-15 и его следующей модификации МИГ-15бис. МИГ-15 превосходил по своим главным характеристикам аналогичные самолеты противника, за исключением F-86. По

сравнению с ним "миг" имел лучшие скороподъемность и тяговооруженность, однако несколько уступал в маневренности и радиусе действий. Максимальные же скорости полета у них были примерно равными. Осевой двигатель обеспечивал F-86 лучшую аэродинамическую форму фюзеляжа. Истребитель быстрее набирал скорость при пикировании имел меньшую, чем МИГ-15, "просадку" при выводе из пикирования.

Вооружение МИГ-15 было более мощным и состояло из двух 23-миллиметровых и одной 37-миллиметровой удачно расположенных пушек. Истребители и истребители-бомбардировщики США имели по 6 крупнокалиберных пулеметов — 12,7-миллиметровых "Кольт-браунинг", значительно разнесенных по крылу. Заметным преимуществом F-86 было лучшее прицельное оборудование, особенно радиодальномер, автоматически вносивший поправки по дальности. На МИГ-15 расстояние до цели определялось визуально и данные вводились в прицел-полуавтомат вручную.

И советские и американские истребители в ходе боевых действий модернизировались. Так, с апреля 1951 года "миги" стали оснащаться двигателями ВК-1 с большей тягой. Самолет получил название МИГ-15бис. Катапультируемые кресла оборудовали автоматами раскрытия парашюта на заранее заданной высоте. В дальнейшем МИГ-15бис оборудовались специальной аппаратурой, обеспечивавшей летчика необходимой информацией о воздушном противнике.

Управление полками и дивизиями авиационного корпуса было строго централизованным. Это диктовалось необходимостью быстрого сосредоточения максимально возможных сил советских истребителей для отражения массированных налетов авиации противника, имевшего зна-

чительное численное превосходство, боевую и оперативную инициативу, достаточно много времени для подготовки и организации воздушных налетов.

Командный пункт (КП) корпуса располагал значительно, большей информацией о противнике, чем КП авиасоединений, и имел на территории КНДР два вспомогательных пункта управления (ВПУ). Они были оборудованы локаторами и радиостанциями, на которых работали опытные офицеры, способные наводить МИГ-15 на визуально наблюдаемого противника, а также предупреждать своих летчиков о возможных опасностях. Все это делало управление действиями истребительной авиации с КП корпуса достаточно эффективным. ВПУ располагались в районе переправ у Ансю (Анчжу) и Пхеньяна. КП 64-го истребительного авиакорпуса (иак) находился вблизи Аньдуна.

В целях наиболее быстрого реагирования на действия противника значительная часть истребителей в дивизиях, участвовавших в боевых действиях, находилась в состоянии повышенной боевой готовности: летчики дежурили в кабинах самолетов с включенными радиостанциями. Приказ на вылет передавался по радио непосредственно командирам дежурных

групп, а остальные силы занимали повышенную готовность или немедленно взлетали вслед за дежурными подразделениями. Все боевые команды передавались по радио. Проводная связь применялась только в качестве дублирующего средства между КП и штабами соединений.

Боевые задачи ставились, когда истребители уже находились в воздухе. Они уточнялись и даже радикально изменялись по мере прояснения общей воздушной обстановки и получения более конкретных данных о намерениях противника.

С появлением в небе Северной Кореи советской реактивной авиации воздушная война приняла совсем иной характер. 6 ноября Объединенный комитет начальников штабов США вынес решение приступить к разрушению мостов через Ялу, по которым части китайских добровольцев переправлялись на территорию Северной Кореи.

199

Речь шла о двух стратегического значения мостах, соединявших города Аньдун (КНР) и Синыйчжу (КНДР). Эти мосты имели длину до 1200 метров. Один из них представлял собой комбинированный железнодорожный и автомобильный мост, по другому проходила двухколейная железная дорога. В Синыйчжу в то время находилась резиденция правительства КНДР. 8 ноября 1950 года 70 В-29 сбросили на Синыйчжу 584 тонны бомб. Налету стратегической авиации предшествовали штурмовые удары по объектам северокорейской ПВО в районе Синыйчжу реактивных истребителей F-80 ("Шутинг стар") и поршневых Р-51 ("Мустанг")[38]. В бой с ними вступили советские МИГ-15 с аэродрома Аньдун. Это был первый в истории воздушный бой между реактивными истребителями. Советские летчики имели превосходство в боевой технике, американские (почти все участники 2-й мировой войны и предыдущих действий в Корее) — в опыте. В то время как советские истребители были связаны боем над Синыйчжу, 9 В-29 вышли в район мостов и сбросили на них 1000-фунтовые бомбы. Зенитная артиллерия, оборонявшая город и мосты, не имела возможности поражать В-29, так как они действовали на недосягаемой для нее высоте 6—7 тысяч метров и, имея плотные боевые порядки, находились над целью считанные минуты. Но усилие зенитчиков не пропало даром: их огонь создавал нервозную обстановку для американских пилотов. В результате точность бомбометания была крайне низкой: мосты не пострадали — была разрушена только часть подъездных путей[39]. В этот день обе стороны понесли и первые потери: 64-й авиакорпус потерял 1 МИГ-15, но советские истребители сбили 1 В-29, стратегический самолет-разведчик. Так начались советско -американские воздушные сражения в корейском небе.

В течение следующей недели над рекой Ялу происходили напряженные воздушные бои. Пользуясь тем, что пилотам американо-южнокорейских ВВС было запрещено пересекать границу, проходящую по реке Ялу, "миги" набирали высоту над территорией Маньчжурии и, пикируя через реку на максимальной скорости, завязывали

короткие воздушные бои, после чего быстро уходили обратно на маньчжурскую территорию, чтобы повторить весь маневр сначала.

Воздушные сражения в районе Ялу выявили множество проблем для обеих воюющих сторон. В приказе от 6 ноября 1950 года командующий американскими ВВС на Дальнем Востоке генерал Стрейтмейер требовал разрушить 6 стратегических мостов через реку Ялу и 10 приграничных северокорейских городов. Наиболее важными объектами воздушных бомбардировок являлись эти мосты в районе Синыйчжу, автомобильный мост в Хонгсончжине, железнодорожный мост у Намсанни и 2 моста у Манпочжина — автомобильный и железнодорожный. Эти объекты были главными целями для стратегической авиации. Тактические бомбардировщики и морская авиация должны были разрушить мосты второстепенного значения на территории КНДР. Однако выполнение этих задач явилось трудным делом. Зенитный огонь средств ПВО, оборонявших мосты, заставлял стратегические бомбардировщики производить бомбометание с высот более 6—7 тысяч метров, что значительно снижало точность попадания, а действия советских "мигов" вынуждали бомбардировщики находиться в районе цели минимальное количество времени, что затрудняло прицеливание. Морская авиация попыталась наносить удары по мостам с пикирования, однако это привело только к нескольким попаданиям в автомобильный мост у Синыйчжу, но не вывело из строя. Незначительно поврежденными оставались и другие мосты. Кроме того, с середины ноября реку Ялу на большом протяжении сковало льдом, по которому можно было переправлять даже тяжелую технику в Северную Корею, используя временные переправы.

С середины ноября 1950 года воздушные бомбовые удары по стратегическим мостам наносились все более крупными группами В-29: 14 ноября — 9 самолетов, 15-го — 21, 24-го и 26-го — по мостам действовали стратегические бомбардировщики из состава 3 бомбардировочных групп (19-, 98- и 307-й). Удалось повредить два

пролета моста у Хонгсончжина и один пролет моста у Манпочжина, причем 2 В-29 были подбиты советскими истребителями[40].

Таким образом, в ноябре задачи ВВС США по разрушению мостов И приостановке поступления резервов из Китая в Северную Корею выполнены не были. Впервые с начала войны господство в воздухе ВВС США было поставлено под сомнение. МИГ-15 по всем параметрам значительно превосходили противостоящие ему американские самолеты, и только благодаря более высокому мастерству американских летчиков им удалось избежать больших потерь. Кроме того, в начале 1951 года советские специалисты по радиолокации наладили систему наведения истребителей с земли, что позволило "мигам" еще больше увеличить эффективность боевого применения.

Однако для советских авиачастей и средств наземной ПВО, несмотря на успешное начало выполнения боевых задач, обстановка складывалась весьма сложно и была во многом неблагоприятной. Советские авиаполки вводились в бой последовательно. Количество истребителей увеличивалось по мере усложнения воздушной обстановки. В первые месяцы воздушных сражений с аэродрома Аньдун действовало не более 50—60 боеготовых экипажей[41]. Противник имел не только превосходство в средствах воздушного нападения (стратегическая и тактическая авиация, палубные бомбардировщики и истребители-перехватчики), но и в техническом оснащении своих ВВС: самолеты — постановщики помех, всепогодные ночные истребители F-94 с бортовыми локаторами. Американцы использовали широко разветвленную и хорошо оборудованную аэродромную сеть в Южной Корее, Японии и на островах Тихого океана, имели большие возможности для создания комфортных, поддерживающих силы и бодрость условий быта для личного состава ВВС, участвовавшего в боевых действиях. Американское командование имело значительный резерв летчиков.

В отличие от американцев, советские летчики соответствующих условий быта не имели. Офицеры и солдаты

жили в военных городках, в старых одно-, трехэтажных бывших японских казармах. Здания были весьма запущены и требовали ремонта. Часть из них не имела водопровода, канализации и даже освещения. Питание готовилось и привозилось в казармы китайцами. Советские военнослужащие носили форму Китайской Народной Армии без знаков различия. Дежурства на аэродромах, вылеты на боевые задания по 2—3 раза в сутки тяжело сказывались на физическом состоянии летчиков. Положение оборонявшейся стороны обязывало советских летчиков длительное время дежурить в кабинах истребителей в ожидании вылета. В условиях жаркого и влажного климата это превращалось в настоящую пытку. После взлета при наборе высоты и действиях на больших скоростях и высотах экипажи МИГ-15 испытывали огромные перегрузки. Они не имели, как американцы, высотного компенсирующего костюма, а использовали кислородные маски КМ-16[42].

Горный рельеф местности резко ограничивал возможности радиолокационных станций по обнаружению самолетов и слежению за ними. Поэтому командованию советской истребительной авиации приходилось принимать решения в сложной обстановке в предельно сжатые сроки. В связи с этим не всегда удавалось вовремя, в оптимальном боевом порядке и на наивыгоднейшей высоте выходить на перехват цели. Кроме того, советская авиация в передовой линии испытывала острый недостаток аэродромов.

Немалые сложности возникали и из-за необходимости соблюдать режим секретности, поскольку советское командование принимало все меры к тому, чтобы скрыть участие советских ВВС в корейской войне и не дать США доказательств, что

истребители советского производства МИГ-15 (что не было тайной) пилотируют советские летчики. С этой целью самолеты МИГ-15 имели опознавательные знаки китайских ВВС, запрещалось действовать над Желтым морем и преследовать самолеты противника южнее линии Пхеньян, Вонсан (то есть до 39° северной широты, хотя фронт в 1951 году стабилизировался по 38-й параллели). Последнее обстоятельство американцы умело
203
использовали. Воздушные бои велись ими в основном вблизи морского побережья. Попав в невыгодную для себя ситуацию, они быстро уходили в сторону моря и оттуда, выбрав удобный момент и заняв необходимую высоту, снова могли вступать в бой или без помех ретироваться. Аэродром Аньдун, несмотря на специальное решение ООН, запрещавшее пересекать границу КНР, постоянно находился под воздействием истребителей противника, атаковывавших советские самолеты при взлете и посадке.

Несмотря на все трудности, которыми осложнялось боевое применение истребителей 64-го авиакорпуса, ввод советских реактивных истребителей в боевые действия сразу изменил общую воздушную обстановку в Корее. Первые же воздушные бои против В-29 показали большую уязвимость этого бомбардировщика. Эффективность действия 23-миллиметровых и 37-миллиметровых снарядов оказалась весьма велика. Сравнительно небольшое количество попаданий приводило к уничтожению самолета. Не смогли обеспечить безопасности В-29 и многочисленные отряды американских истребителей, выделявшихся в непосредственное охранение боевых порядков, а также в завесы или заслоны для заблаговременного перехвата МИГ-15 на дальних подступах. Летчики 64-го авиакорпуса имели много встреч с В-29, и каждая из них заканчивалась тяжелыми потерями для противника, которые болезненно-остро воспринимались им, поскольку четырехмоторный бомбардировщик стоил дорого. К тому же вместе с самолетом зачастую гибли 10—12 человек экипажа.

Конечно, пушки советских истребителей еще не гарантировали им успех в бою. Стратегические бомбардировщики имели собственное сильное оборонительное вооружение, состоявшее из нескольких спаренных 12,7-миллиметровых установок крупнокалиберных пулеметов, постоянно сопровождались истребителями. Победа достигалась правильным выбором соответствующей обстановке тактики, хорошей организацией и четким управлением воздушным боем, высоким индивидуальным мастерством советских пилотов.
204

Боевой порядок американской нападающей авиации состоял из поршневых бомбардировщиков В-29, обладавших малой скоростью и следовавших в плотных боевых порядках (420—450 км/ч), и их истребительного прикрытия — реактивных истребителей F-80 и F-84. Последние вынуждены были также совершать полет на минимальной для реактивных самолетов

скорости (650—700 км/ч), чтобы не оторваться от "сверхкрепостей". Это не позволяло истребителям прикрытия при внезапном появлении "мигов" набрать необходимую скорость для ведения воздушного боя, да еще с таким превосходящим их по летно-техническим качествам самолетом, как МИГ-15.

Установив этот важный факт, командование 64-го авиакорпуса разработало эффективную тактику борьбы с воздушным противником. "Мигам" предписывалось, используя преимущество в высотах полета и скорости, действовать большим количеством пар истребителей, предоставив им самостоятельность. Главная задача была, не ввязываясь в бой с истребителями прикрытия, на большой скорости "прорезать" боевой порядок F-80 и F-84 и атаковать непосредственно B-29. Применение такой тактики приносило успех. Как признавали американцы, реактивные истребители прикрытия, следуя плотным построением над боевым порядком бомбардировщиков, не обеспечивали их безопасности. К концу ноября боевая эффективность бомбардировочной авиации снизилась[43]. Перед командованием ВВС США на Дальнем Востоке встала проблема надежной защиты бомбардировщиков B-29 и B-26 при ударах по стратегическим объектам в районе реки Ялу.

В декабре 1950 года была сделана первая попытка противопоставить МИГ-15 самолет равного класса: из Соединенных Штатов в Корею, через Японию, спешным порядком было переброшено 4-е крыло истребителей-перехватчиков, укомплектованное истребителями F-86A ("сейбр"). В первом же полете на свободный поиск противника 17 декабря в районе реки Ялу "Сейбрам" удалось сбить МИГ-15. Этот "миг" был одним из четырех истребителей, которые атаковали F-86A, приняв их за F-80.

205

Командование 64-го корпуса поняло, что у противника появился истребитель-перехватчик, не уступающий МИГ-15 по своим боевым качествам. Необходимо было изучить тактико-технические характеристики нового вражеского истребителя и тактику, которую будет теперь применять воздушный противник, чтобы противопоставить ему свои тактические приемы ведения воздушных боев.

3. "Аллея мигов"

Уже в декабре 1950 года стало ясно, что "сейбр" — противник серьезный. Но первые воздушные схватки выявили и уязвимые места в применении нового американского истребителя-перехватчика. F-86, вылетая с аэродромов Южной Кореи, должны были преодолеть значительное расстояние до прибытия в район вероятной встречи с "мигами". Чтобы продлить время патрулирования в так называемой "аллее мигов" (район, ограниченный рекой Ялу, Желтым морем и линией Хичхон, Анчжу), "сейбры" вынуждены были действовать на низких скоростях. Это затрудняло своевременный набор высоты и

скорости для атаки при появлении "мигов", что ставило их в явно невыгодные условия. Советские летчики быстро научились пользоваться своим тактическим преимуществом: они атаковали "сейбры" сверху на скоростях, близких к звуковым, и успевали уйти, прежде чем пилотам "сейбров" удавалось развить скорость, необходимую для ответного удара.

В поисках тактического решения этой проблемы американские летчики ради увеличения скорости боевого патрулирования пошли на сокращение его продолжительности. Вместо 1 звена на задание с интервалом в 5 минут последовательно вылетали 4 звена "сейбров". Воздушные бои велись с переменным успехом. Обе стороны осваивали тактику противоборства. Но в бою 30 декабря, в котором 36 "мигов" сражались против 16 "сейбров", советские летчики уничтожили и повредили 7 вражеских самолетов, не потеряв ни одного своего[44]. Это был отличный результат.

206

В январе — феврале 1951 года встречи "мигов" с "сейбрами" были редки, так как F-86 после первых воздушных боев находились в Японии на профилактическом осмотре. Это был вынужденный шаг, вызванный недостатками в материальном обеспечении новых истребителей. Отсутствие современных истребителей-перехватчиков сказалось на воздушной обстановке. Советская авиация успешно действовала против бомбардировщиков и реактивных истребителей типа F-80, F-84, самолетов морского флота.

Однако опыт боевых действий летчиков в конце 50-го показывал, что для достижения устойчивых успехов в борьбе 64-го корпуса с американскими истребителями и бомбардировщиками необходимо больше знать о противнике, создать стройную систему получения разведывательных данных, повышать боевое мастерство летчиков и умение наземных служб, совершенствовать тактику группового воздушного боя. Все эти задачи требовали быстрейшего решения.

Советские истребители решали боевые задачи двумя путями: воздушным патрулированием и дежурством на аэродроме. Но не имея надежных сведений о взлете самолетов противника, летчики вынуждены были часами сидеть в самолетах в ожидании сигнала к вылету или патрулировать в районах возможной встречи с врагом, уставая в полете, расходуя много топлива при ограниченном моторесурсе. Это осложнялось еще более тем, что какой-либо предварительной информации о предлагаемых действиях противника командование и дивизии 64-го авиакорпуса не имели. Нужно было срочно принимать меры к улучшению разведки всех видов.

Для ведения разведки и обнаружения воздушного противника 64-й корпус располагал радиолокационной сетью обнаружения и наведения на цели, включавшей локаторы и радиостанции нескольких типов; артиллерийскими радиолокационными станциями кругового обзора и орудийной наводки, а также радиоприемниками с кварцевыми устройствами, позволявшими прослушивать радиопереговоры экипажей противника.

В течение короткого времени удалось установить, что на авиабазе Кимпо (Южная Корея) дислоцируется 4-е крыло истребителей F-86, переброшенное в декабре 1950 года из США. Это позволило определить радиус действия, так как Кимпо отстоял от Аньдуня примерно на 400 километров. Появилась возможность рассчитать время нахождения истребителя в воздухе. Из допросов пленных американских летчиков удалось выяснить, что дальность действия F-86A составляла 930 километров. Появилась возможность рассчитать время нахождения этого истребителя в воздухе. Расчеты показали, что "сейбр" при оптимальной скорости следования к зоне патрулирования может находиться в ней не более 15—20 минут. За это время он мог провести одну-три атаки, а на большее у него не хватало запаса топлива с учетом полета до своей базы. Воздушная и радиотехническая разведка подтвердила, что американцы, перестав экономить топливо, появлялись в зоне патрулирования на больших скоростях и высотах (примерно 1000 км/ч при высоте 9—11 тысяч метров). Но это сокращало время их пребывания в зоне патрулирования до 20 минут. Этим немедленно воспользовалось командование 64-го авиакорпуса. Советские летчики стали выходить на цели в последние 10 минут пребывания F-96 в "аллее мигов", когда те уже не могли позволить себе ввязываться в бой из-за опасения израсходовать много топлива и не долететь до своего аэродрома, и уходили в сторону Желтого моря.

Для радиоэлектронной разведки противника корпусу была передана специальная система "Пирамида". В принципе она предназначалась для постановки активных помех радиотехническим системам противника, но в специальных подразделениях корпуса имелась только приемная ее часть, позволявшая вести лишь разведку. Передатчиков для создания помех не было.

В условиях интенсивных радиопомех локаторам всех типов управлять боевыми действиями истребителей было очень сложно. В этих случаях использовали ту отрывочную информацию, которую все же удавалось снять с экранов РЛС; доклады вспомогательных пунктов управления (ВПУ)

о визуально наблюдаемых самолетах противника; принятые сигналы работы бортовых панорамных прицелов, которые часто применялись экипажами бомбардировщиков для навигации; данные, содержащиеся в прослушиваемых радиопереговорах летчиков.

Всех этих сведений было явно недостаточно для того, чтобы надежно отражать налеты бомбардировочной авиации и успешно бороться с вражескими истребителями. Необходимо было иметь данные об аэродромах базирования авиации противника, численности самолетов, их технических характеристиках, навигационной аппаратуре, радиолокационных прицелах, оборудовании для бомбометания и системе патрулирования и т. д.

Для налаживания радиоразведки и изучения трофейных документов в марте 1951 года в корпус была прислана Генеральным штабом группа офицеров, владеющих английским языком, в числе которых был и автор этих строк. Все офицеры нашей группы достаточно хорошо знали язык, обладали некоторыми знаниями в области разведки.

Первейшей задачей разведгруппы после прибытия в Аньдун стало получение разведданных об истребителях F-86. Необходимо было выявить аэродромы базирования, позывные частей, состав и режим работы радиосетей различного назначения, связанных с применением истребителей F-86. Необходимо было также во взаимодействии с другими видами разведки получить сведения о некоторых вопросах, касающихся деятельности американской стратегической и тактической авиации, которая действовала в Корее.

Для того чтобы повысить эффективность борьбы с "сейбрами", надо было установить время взлета самолетов противника со своих аэродромов. Удалось выяснить позывные авиачастей, действовавших по объектам Северо-Западной Кореи. Например, 4-е авиакрыло имело позывной "Синица" (*tomtit),* позывной F-84 51-го крыла— "Малиновка" *(robbins).* Это помогало засекать средствами радиоразведки момент вылета американских самолетов на боевое задание, а иногда и определять количество самолетов.

209

По мере возрастания группировок боевой авиации воюющих сторон, размаха и напряженности воздушных боев весной 1951 года увеличивалось и число вопросов, на которые разведка давала ответ. Например, на F-86 радиолокационный прицел с дальномером, позволяющим определять расстояние до цели, что на МИГ-15 определялось визуально. Затем, американские летчики были одеты в специальные противоперегрузочные костюмы, которые помогали им выдерживать большие перегрузки. В обстановке, когда в ходе воздушных боев летчикам приходилось резко менять высоты — от 10—12 тысяч до 200—100 метров, такой костюм снижал воздействие перегрузок на организм, что создавало лучшие условия для боя. Важно было еще знать организацию спасения летчика после его катапультирования, экипировку пилота в случае вынужденной посадки или приземления после катапультирования и т. п. Такие данные невозможно было установить имевшимися техническими средствами. Сбитые самолеты, как правило, взрывались при ударе о землю, и их оборудование не могло быть изучено, подбитые уходили в сторону моря, где летчиков подбирала прекрасно организованная американцами служба спасения.

Необходимые сведения можно было получить только через пленных американских летчиков или захваченное неповрежденным оборудование и документацию с самолетов. Но военнопленные содержались в лагерях на территории КНДР, и доступа к ним советские авиаторы не имели. В начале мая 1951 года по согласованию с командованием КНА в ставку Ким Ир Сена были командированы два советских офицера со знанием

английского языка, одним из них был автор этих строк. В нашу задачу входило получение интересующих командование 64-го авиакорпуса сведений о самолетах США, действующих в корейской войне, в первую очередь о "сейбрах".

Добраться до Пхеньяна, близ которого находился командный пункт КНА, было непросто. Днем по корейским дорогам двигаться было невозможно: они контролировались с воздуха истребителями-бомбардировщиками F-80

210

и F-84. Все движение происходило ночью. Горные дороги были забиты китайскими войсками, двигавшимися на машинах и в пешем строю к фронту. Жестко соблюдалась светомаскировка, так как над дорогой непрерывно гудели ночные бомбардировщики В-26 и любая вспышка фар вызывала череду взрывов бомб, сбрасываемых с бомбардировщиков. Тем не менее добрались, в общем-то, благополучно, если не считать, что два раза попадали под бомбежку и в одной из них мой коллега был легко ранен.

Военный городок, где размещался КП и штаб КНА, находился в долине, окаймленной невысокими, поросшими лесом горами. По долине были разбросаны фанзы (чиби), в склонах гор оборудованы бомбоубежища. Мы жили в одной из многочисленных чиби.

Работа была организована так. Под руководством советника по авиации при Штабе КНА полковника А. В. Петрачева мы составляли вопросы на английском языке и через северокорейских офицеров (руководил этой работой от КНА начальник разведки КНА Ли Соксим) передавали администрации лагерей для получения письменных ответов. Один и тот же вопрос задавался нескольким пленным летчикам одновременно, чтобы можно было сличить полученные ответы, выбрать наиболее точные и составить квалифицированную справку. Иногда письменные ответы сопровождались чертежами или схемами. Порой приходилось задавать одни и те же вопросы второй раз, чтобы еще точнее установить интересовавшие советских авиаторов сведения. Непосредственные контакты с американскими летчиками были редкими — только в экстренных случаях, для срочного уточнения каких-либо важных для нас подробностей или спорных толкований письменных ответов военнопленных.

Через пленных американских летчиков удалось выяснить немало различного рода сведений, важных для боевых действий 64-го авиакорпуса, — в частности было установлено, что на F-86 установлен гироскопический автоматический прицел К-18 ("Марк-18") с радиолокационным дальномером. Его разрешающая способность была

211

ограничена и не позволяла вести достаточно точный прицельный огонь по цели на скорости более 650 км/ч. Вооружение самолета составляли 6 пулеметов калибра 12,7 миллиметра, скорострельность которых превышала скорострельность 23-миллиметровых и 37-миллиметровых пушек, установленных на

МИГ-15. Было составлено и описание противоперегрузочного костюма летчиков, а впоследствии удалось добыть образцы прицела "Марк-18" и высотного компенсирующего костюма. Были уточнены тактико-технические характеристики F-86A и F-86E.

Много интересного содержала полученная информация об аварийно-спасательном оборудовании американских летчиков. Пилоты, катапультировавшиеся с подбитых самолетов, имели все основания на спасение, потому что спасательная служба, особенно в акватории Желтого моря, была не только хорошо организована, но и отлично оснащена. Пилоты имели тщательно продуманное аварийное снаряжение. У каждого был портативный автоматический радиомаяк, служивший приводной радиостанцией для самолета или вертолета-спасателя. В комплект снаряжения входило специальное зеркало, с помощью которого терпящий бедствие сигнализировал о своем местонахождении.

Для успешной борьбы с массированными налетами американской авиации командование 64-го авиакорпуса стремилось так организовать боевую работу, чтобы перехватывать истребителями МИГ-15 вражеские бомбардировщики как можно дальше от объекта удара. Первые данные о подходе воздушного противника давали, как правило, радиолокационные станции (РЛС) из районов Хакусен близ Анчжу и Фуциори северо-западнее Пхеньяна, где были вспомогательные пункты управления 64-го корпуса, и также китайская РЛС "Лида". Дальность обнаружения этих РЛС позволяла успешно действовать по американским самолетам при их налетах на мосты через Ялу в районе Аньдун, но не обеспечивала информацией, необходимой для прикрытия аэродромов близ Пхеньяна и ведущих к нему коммуникаций.

212

Поскольку основным способом боевого применения "мигов" были вылеты на перехват самолетов, несущих дежурство на аэродроме, то для того, чтобы атаковать противника составом эскадрильи на рубеже примерно 40 километров от Аньдуна на высоте 8—9 тысяч метров, нужно было обнаружить цель на расстоянии не менее 200 километров (при вылетах двух и более эскадрилий — за 220— 240 километров). Но в условиях гористой местности и недостатка локаторов обширные районы и направления радиотехническими частями корпуса не просматривались, а сильные радиопомехи противника снижали и без того ограниченные возможности в своевременном обнаружении самолетов, определении направлений их полета и вероятных объектов, по которым будет нанесен удар.

А для того чтобы выполнять боевые задачи в районе Пхеньяна, надо было держать свои истребители в положении "дежурство в воздухе". Обеспечивать постоянно режим патрулирования было очень трудно. Кроме того, при прикрытии Супхунской ГЭС на реке Ялу максимальные возможности обнаружения противника не превышали 150— 180 километров, что еще более усложняло задачи по своевременному перехвату

американских самолетов[45].
Все это в первые месяцы 1951 года сказывалось на боевых результатах. Реактивные самолеты-разведчики RB-45, действовавшие на скоростях 800—900 км/ч при высотах 9—10 тысяч метров, успевали выполнить свою задачу до того, как "миги" могли взлететь и набрать нужную высоту для атаки. А задача "мигов" состояла в том, чтобы не допустить ведения воздушной разведки противником и уж тем более действий ударных групп его стратегической и тактической авиации. В такой обстановке огромную роль в принятии правильных решений играл опыт, а также хорошая оперативная и тактическая подготовка командиров. Анализ даже очень ограниченных данных воздушной обстановки, оценка характера и объектов воздушной разведки, которая велась противником накануне очередного дня боевых действий, собственная разведка работы бортовых панорамных прицелов противника, радиоперегово-

ры, другие косвенные данные позволяли опытному командиру принять в сжатые сроки достаточно правильное (хотя и не всегда единственно верное) решение.

Днем с командного пункта (КП) боевыми действиями руководил обычно командир авиакорпуса, а в темное время суток —один из его заместителей. Наведение истребителей на одиночные самолеты и группы противника осуществлялось курсовым методом в сочетании с методом информации: вначале наведение производилось курсовым, при сближении с американскими самолетами — информационным методом. Второй метод больше устраивал командиров групп истребителей, набравших высоту, так как в воздухе командир лучше мог определить положение своей группы, принять решение на маневр, занять выгодное положение для атаки и т. д. В то же время наблюдение за положением групп своих самолетов с КП даже при интенсивных помехах, создаваемых противником, решалось достаточно успешно, так как после включения имевшихся на борту МИГ-15 систем "СЧ" (свой-чужой) и "Беда" (бедствие) эти сигналы отчетливо просматривались на фоне помех на экранах наземных радиозапросчиков. Кроме того, широко использовались доклады летчиков о воздушной обстановке и ее изменениях, поскольку противник помех УКВ-связи не создавал.

Вообще же в области радиоэлектроники советские авиасоединения значительно отставали от американских. Командование 64-го авиакорпуса не имело средств активной борьбы с радиоэлектронными устройствами противника и сохранения устойчивости системы управления своими истребителями в условиях помех.

Американцы же имели широко разветвленную сеть радиолокационных станций, размещенных на контролируемой ими территории Корейского полуострова, прибрежных островах и кораблях ВМС; радиотехническую систему навигации и бомбометания "Шоран"*; большой

* Shoran — short-range avia navigations — сеть наземных радиостанций в ограниченном районе, по излучаемым сигналам которых определяются координаты самолетов в воздухе.

набор различных радиоэлектронных средств, установленных на самолетах. Их аэродромы были оборудованы радиосветотехническими системами, позволявшими производить полеты в сложных метеоусловиях и ночью. На борту самолетов, применявшихся в качестве постановщиков помех, устанавливались передатчики, создававшие заградительные и направленные помехи, а также автоматы пассивных помех для сброса дипольных отражателей. Бомбардировщики имели бортовые панорамные радиолокационные прицелы, а истребители — радиодальномеры, автоматически вводившие данные в стрелковые прицелы. У американцев была также одна эскадрилья всепогодных F-94 с радиолокационными прицелами для борьбы с советскими ночными истребителями. Все самолеты оборудовались 8-канальными УКВ-радиостанциями, а бомбардировщики — и радиостанциями с большой дальностью действия, работавшими в других диапазонах частот.

Отсутствие соответствующих радиоэлектронных средств не позволяло советскому командованию вести радиоэлектронную борьбу. Даже имея информацию от своей радио- и радиотехнической разведки, советские ВВС в Корее не могли ее полностью использовать для повышения эффективности боевых действий. Хотя было известно расположение наземных станций системы "Шоран" и после трех-четырех засечек обнаруженных целей советские специалисты точно рассчитывали орбиту полета бомбардировщиков, отсутствие бортовых радиолокационных прицелов не позволяло летчикам, даже выведенным к цели, отыскать ее в облаках или ночью, разве только случайно. Когда стало известно о радиодальномерах в прицелах истребителей, создавать им помехи было нечем. Поэтому на МИГ-15бис были установлены радиотехнические станции "Перископ" — для наблюдения за задней полусферой и аппаратура защиты хвоста "Сирена", подававшая звуковой сигнал летчику о том, что самолет облучается радиодальномером прицела.

Для защиты от американской радиоразведки наиболее важные команды передавались кодированными сиг-

налами. Коды часто менялись. Чтобы упростить радиообмен, на приборные доски МИГ-15 наклеивались таблички кодированных сигналов и их значений.

Весной 1951 года на аэродроме Аньдун несли боевое дежурство, как правило, два авиаполка 324-й истребительной авиадивизии. Командовал ею прославленный советский летчик трижды Герой Советского Союза И. Н. Кожедуб. Наша разведгруппа находилась в его подчинении. Полки передавались на дежурстве по дням. В готовности № 1 (взлет через 2—4 минуты) находилась одна эскадрилья, две другие — в готовности № 2 (6—8 минут). В конце мая на дежурство встал еще один полк 303-й авиадивизии. Схема дежурства несколько изменилась: летный состав одного полка полностью находился у самолетов,

имея одну эскадрилью в готовности № 1, две— в готовности № 2; второй полк имел одну эскадрилью в готовности № 2, остальные — в готовности № 3; весь третий полк находился в готовности № 3 (12—14 минут).

Для перехвата одиночных самолетов или малых групп воздушного противника вылетал наряд сил эскадрильи, находившейся в готовности № 1, па усмотрению командира полка (дивизии). Против крупных групп американских бомбардировщиков и истребителей дежурный полк производил одновременный взлет всех дежурных самолетов, чтобы сэкономить время на сбор и построение боевого порядка. Взлет производился парами. Это позволяло снизить время сбора с 12—15 минут до 5—4 минут[46].

Тактика последующих действий выглядела примерно так: "миги" образовывали четыре группы: прикрытия, две ударные, резерва. Группа прикрытия в составе 1—2 эскадрилий должна была занять эшелон, превосходящий противника по высоте, выйти в район вероятного маршрута американских бомбардировщиков, сковать действия истребителей противника отдельными атаками из выгодного положения и навязать им бой. Задачей первой ударной группы (2—3 эскадрильи) было уничтожение бомбардировщиков, составлявших головную группу. Вторая ударная группа (2—3 эскадрильи) должна была наращивать

удар первой группы, уничтожать подходившие в район боя новые группы бомбардировщиков. Резерв (1 эскадрилья) имела задачу увеличивать состав сил ударных групп и группы прикрытия, прикрывать посадки своих истребителей[47]. Такая тактика позволяла еще на земле разработать возможные варианты предстоящего боя, сокращать до минимума радиопереговоры и облегчала управление подразделениями в воздухе.

Но и противник совершенствовал тактику как бомбардировщиков, так и истребителей. Уже в начале 1951 года командование ВВС США на Дальнем Востоке разработало план бомбардировок стратегических объектов тыла противника. Северная Корея была разделена на 11 зон, включавших 172 цели: 45 железнодорожных и 12 автомобильных мостов, 13 туннелей, 39 железнодорожных узлов и 63 центра снабжения[48]. Наиболее важными зонами считались "А" — район Аньдун, Синыйчжу, "В" — подступы к Манпочжину и "С" — район Пхеньяна. По объектам в этих зонах действовали как В-29, так и В-26, F-80, F-84. Самолеты морской авиации 7-го флота отвечали за удары по коммуникациям противника в зонах "F", "G", "H" со стороны Японского моря, от границ СССР до Вонсана. Стратегическая авиация несла ответственность за вывод из строя 60 мостов, 39 железнодорожных узлов и 35 центров снабжения и коммуникаций. В среднем в день вылетали на бомбардировки этих объектов 12—24 В-29.

Но если до вступления в боевые действия МИГ-15 бомбардировщики действовали безнаказанно, могли наносить бомбовые удары с 300 метров и делать по нескольку заходов на цель (считалось, что для полного разрушения моста требовалось

13,3 бомбовых удара), то с появлением "мигов" (американцы кодировали их как "фагот") и советской зенитной артиллерии тактика бомбардировщиков изменилась.

Бомбардировка велась с высот 7000 метров, и редко удавалось сделать более одного захода на цель[49]. Это потребовало увеличения мощности сбрасываемых на объекты бомб. Стали применяться 2000—4000-фунтовые бомбы

217

вместо 1000-фунтовых (1950 год). Изменились и боевые порядки. Вместо крупных групп бомбардировщики стали действовать четверками по мостам, применяя обычные 2000-фунтовые бомбы или 1000-фунтовые, но радиоуправляемые — "рейзон" (*razon).* Последние использовались еще в годы 2-й мировой войны, а в 1950 году после испытаний точность их попадания была доведена до 67 процентов, а в дальнейшем даже до 96 процентов. Таким путем было разрушено 15 мостов, но для выведения из строя одного моста требовались 4 такие бомбы. Чтобы сохранить расход столь дорогостоящих боеприпасов, с конца 1950 года стала применяться усовершенствованная бомба "тарзон" *(tarzon),* имевшая такую же систему радиоуправления, но с повышенной до 12 000 фунтов мощностью заряда. Однако из 10 бомб "тарзон" только одна точно попадала в цель. В начале 1951 года эффективность этих бомб возросла: 13 января с ее помощью были разрушены два пролета моста в Канге, в последующие месяцы число успешных попаданий увеличилось. Бомбу "тарзон" обычно имел на борту один В-29 из первого или второго звена (4 самолета), участвовавших в воздушном налете.

Применение радиоуправляемых бомб повышенной мощности и точности поражения усложнило задачу советских истребителей по перехвату целей. Надо было либо поразить самолет-носитель на подступах к цели (что практически было маловероятно, так как единственным признаком его движения было усиленное прикрытие истребителями всей группы), либо расстроить боевые порядки нападающей авиации противника и не дать В-29 вести прицельное бомбометание.

Американцы в свою очередь также приняли меры к тому, чтобы противопоставить советским перехватчикам надежное прикрытие своих бомбардировщиков и не давать "мигам" возможности препятствовать выполнению боевых задач американской авиации. Были увеличены силы истребительного прикрытия, а истребители F-86, действовавшие с аэродрома Кимпо близ Сеула, при подходе бомбардировщиков к объекту бомбометания потоком звеньев

218

(по 4 самолета) ставили заслон в "аллее мигов", вовлекая их в воздушные бои, чтобы позволить своим бомбардировщикам успешно решать задачи.

С 1 марта 1951 года воздушные рейды авиации США приняли систематический характер. Но уже первые столкновения в воздухе показали, что советская авиация не . зря использовала зимние месяцы и многому научилась. Так, 1 марта, воспользовавшись тем, что стратегические бомбардировщики —

18 В-29 остались без истребительного прикрытия (из-за метеоусловий встреча с 22 F-80 не состоялась), "миги" нанесли значительные повреждения 13 В-29, причем 3 бомбардировщика совершили вынужденную посадку. Американцы приняли срочные меры. С 6 марта на аэродроме Сувон севернее Сеула разместились 2 эскадрильи F-86 (334-я и 336-я). Действуя с этого аэродрома, "сейбры" четверками (звеньями) выходили в "аллею мигов" и, выбрав хорошие ориентиры на земле, в разных точках ожидали появления советских истребителей. Как правило, при хорошей видимости взлет "мигов" определялся по клубам пыли на взлетно-посадочной полосе аэродрому Аньдун. По кодированному сигналу звенья F-86 стягивались к пункту сбора в районе мостов через Ялу и вступали в бой с советскими истребителями, с тем чтобы связав их боем в течение 20— 25 минут, позволить бомбардировщикам сбросить бомбы в благоприятных условиях. Бывали и срывы в этой тактике. Часто "миги" появлялись неожиданно, и "сейбры" не успевали сбросить подвесные баки. В этом случае они уклонялись от боя и уходили в сторону моря, зная, что советским истребителям запрещалось действовать над Желтым морем.

В некоторые дни американская авиация действовала безнаказанно. Так, например, 30 марта 36 В-29 под прикрытием 32 F-86 нанесли бомбовые удары по мостам в Чхонсончжин, Манпочжин и Намсанни, не встретив . сопротивления со стороны советской авиации. 3 и 4 апреля самолеты F-86 сбили 4 МИГ-15, не потеряв ни одного своего истребителя[50].

219

7 апреля 56 стратегических бомбардировщиков под прикрытием 60 истребителей типа F-84 и F-86 нанесли бомбовый удар по железнодорожному мосту у Аньдуна. Боевой порядок бомбардировщиков представлял собой три группы: две первые — по 9 самолетов, третья — 40 В-29. Первые две группы должны были отвлечь на себя "миги", а третья сбросить бомбы на мост. Впереди боевого порядка бомбардировщиков шли 8 истребителей, оторвавшись от него на 12—15 километров. И все же 30 "мигам" удалось оказать существенное противодействие врагу, нарушив его боевой порядок. Бомбометание оказалось неточным, мост остался нетронутым, потери американцев составили 1 В-29[51].

Характерным для весны 51-го явился воздушный бой 12 апреля. Объектом удара были те же мосты у Аньдуна. В налете участвовали 48 В-29 (по американским данным — 39 В-29), 48 истребителей F-80 и F-84, а также 32 F-86[52]. Один из стратегических бомбардировщиков имел на борту бомбу "тарзон", другие несли по 8 бомб весом 900 килограммов каждая. Бомбометание предполагалось вести группами по 8, 16 и 24 бомбардировщика с интервалами от 2 до 10 минут. Боевой порядок состоял из колонны звеньев в строю "ромб" с превышением на 200 метров каждого последующего звена над впереди идущим[53]. Первая группа должна была вести бомбометание с высоты 5700—6000 метров, вторая — 6200—6500, третья — 6700— 7000 метров. Заходы на цель планировались под

углом 35 градусов, а самолету-носителю бомбы "тарзон" — под углом 0 градусов.

Самолетам первых групп предписывалось не менять курс до сброса бомбы "тарзон" и поражения ею цели, потом уходить от объекта с разворотом вправо. Бомбовая нагрузка каждого звена должна была быть сброшена за 17—20 секунд.

В 45 километрах от Аньдуна американские самолеты были встречены 40 советскими истребителями. Первая группа была атакована "мигами" на высоте 6500 метров, вторая (в 35 километрах от Аньдуна) — на высоте 6500— 7000 метров. Противник был рассеян, боевой порядок его

220

нарушился. В результате бомба "тарзон" взорвалась в 150 метрах от железнодорожного моста, не причинив ему вреда; несколько бомб упали вблизи моста. Всего было сброшено 250 бомб общим весом 260 тонн. Противник потерял 10 бомбардировщиков (по американским данным — 2)[54]. Потери американских истребителей составили 2 самолета (по американским данным— несколько F-86 были повреждены, так как в суматохе воздушного боя F-80 и F-84 вели огонь по любой скоростной воздушной цели, будь то МИГ-15 или F-86)[55].

Важной задачей 64-го авиакорпуса весной 51-го стала борьба по воспрещению бомбардировок строившихся с февраля этого года в Северной Корее новых аэродромов. На них предполагалось базировать корейско-китайскую реактивную авиацию, с тем чтобы расширить радиус действия "мигов". Американская воздушная разведка уже в апреле разгадала замысел советского командования. ВВС США приступили к систематическим бомбардировкам строившихся аэродромов. Однако причиненный ущерб быстро ликвидировался китайскими и корейскими строителями аэродромов. Командующий временным бомбардировочным командованием бригадный генерал Дж. Бриггс принял решение наносить удары по новым аэродромам только непосредственно перед вводом их в эксплуатацию. Тактика сводилась к тому, чтобы вести систематическую разведку строившихся объектов, а по их готовности наносить бомбовые удары небольшим нарядом сил стратегической авиации. В дальнейшем бомбово-штурмовыми ударами препятствовать ремонтным работам[56].

С 17 апреля начались бомбардировки подготовляемых к приему советских, северокорейских и китайских самолетов аэродромов. Но успех этого замысла врага зависел от исхода борьбы с советскими истребителями. Надо сказать, что к этому времени пилоты "мигов" обрели опыт и повысили свое мастерство. Боевое дежурство в Аньдуне продолжала нести 324-я истребительная авиадивизия, возглавляемая полковником Кожедубом. Советские летчики применили боевой порядок в составе 16 МИГ-15, в кото-

221

ром, действуя четверками и парами, блестяще овладели искусством взаимного прикрытия от атак "сейбров". В воздушных схватках 16 и 18 апреля, сорвав американцам выполнение задачи, "миги" не понесли потерь.

Чтобы более успешно бороться с советскими истребителями, американское командование перебросило на аэродром Сувон еще одну эскадрилью F-86 и применило новую тактику. "Сейбры" стали действовать шестерками. При разделении четверки "мигов" для атаки 4 F-86 шли на перехват пары, набиравшей высоту, а 2 F-86 атаковали пару, выполнявшую заход на цель. Идея маневра состояла в том, чтобы расколоть боевой порядок "мигов" и уничтожать их поодиночке. На первых порах эта тактика срабатывала. Уже 22 апреля 36 МИГ-15, которые шли на перехват 12 F-86, заканчивавших патрулирование в своей зоне, были встречены свежими силами в составе 12 "сейбров", которые вступили в бой с советскими самолетами и сбили, по американским данным, 4 "мига"[57]. (Это сомнительно, так как американцы часто считали сбитыми МИГ-15, которые получали много пробоин, но исключительная живучесть "мигов" — до 50—100 пробоин! — позволяла им быстро возвращаться в строй.)

Отдаленность Аньдуна, где базировались МИГ-15, от строившихся в КНДР аэродромов не позволяла советским истребителям эффективно противодействовать систематическим бомбардировкам этих объектов. Это позволило американской стратегической и тактической авиации, по существу, сорвать строительство аэродромов и приведение их в готовность по приему самолетов. Только за период с 17 по 23 апреля бомбардировкам подверглись 9 аэродромов, которые были полностью выведены из строя.

9 мая был совершен массированный налет на аэродром Синыйчжу, где базировались северокорейские самолеты: 38 Як-9, Ил-10 и Ла-5, а также размещались крупные склады горючего и военных материалов. Аэродром и склады были сильно разрушены, значительное число самолетов уничтожено на земле[58]. 18 взлетевших из Аньдуна МИГ-15 не смогли эффективно противодействовать объе-

диненным силам 6 авиакрыльев тактической морской авиации, насчитывавших до 318 самолетов.[59]

Весна 1951 года показала, что советские истребители действовали достаточно эффективно, выполняя задачи по прикрытию мостов через Ялу, но в силу ограниченной дальности полета не могли противодействовать американской авиации, наносившей бомбо-штурмовые удары по аэродромам и коммуникациям в центральном и восточном районах Северной Кореи. Зато в "аллее мигов" советские истребители становились все более грозным противником для американской авиации.

Так, стремясь воспрепятствовать вражеским налетам на аэродромы Северной Кореи в недосягаемых для мигов районах,* советские истребители стали расширять зону своих боевых действий. Используя подвесные баки, что увеличивало ее радиус до 190 километров, они стали выходить в районы, прилегающие к Пхеньяну и Чиннампо. Используя преимущества "мигов" в действиях на больших высотах, советские летчики занимали эшелон с превышением над боевым порядком "сейбров" или истребителей эскорта, становились в круг по 16—20 самолетов и,

заходя со стороны солнца, парами атаковали противника, после чего вновь набирали высоту. Американцы назвали этот прием "йо-йо" (прыгающий на резинке чертик). Разведка ВВС США отмечала, что "в небе Кореи появились высококвалифицированные летчики", делались предположения, что экипажи "мигов" комплектуются советскими пилотами[60].

Тактические новинки, применяемые летчиками 64-го корпуса, заставляли командование ВВС США изыскивать новые способы действий для своих самолетов.

10 июля 1951 года в Кэсоне (КНДР), находящемся на 38° северной широты, начались переговоры о перемирии между Северной и Южной Кореей. К этому времени фронт стабилизировался по 38-й параллели. Наступило затишье и в воздушной войне. Тем временем близ Аньдуна, на китайской территории, был введен в строй еще один аэродром — Мяогоу. Это позволило 64-му корпусу увеличить

223

количество истребителей для боевого дежурства на аэродроме или в воздухе. (В дальнейшем использовались еще два китайских аэродрома — Дапу и Дагушань.) Число истребителей, способных одновременно участвовать в боевых действиях, возросло с 2 до 4 полков[61]. Кроме того, части 64-го авиакорпуса перевооружились на новейшую модификацию МИГ-15 — МИГ-15бис. Американцы полагали, что летом 51-го в районе Аньдун дислоцируется до 445 самолетов типа МИР[2]. Однако эта оценка была далека от реальности. Число "мигов" в то время не превышало 190 самолетов, а количество боеготовых было еще меньше[63]. И этим составом они должны были противостоять американским ВВС в Корее, насчитывавшим до 1500 самолетов различных типов стратегической, тактической и морской авиации, в том числе равным им по боевым качествам "сейбрам" (89 самолетов).

В связи с новой техникой, поступившей на вооружение 64 иак, командование американских ВВС летом 51-го запретило применять В-29 в "аллее МИГов". Воздушные налеты на объекты Северо-Западной Кореи проводились в основном силами тактических истребителей F-80 и F-84 под прикрытием F-86. Но и это не избавило американцев от неприятностей. Так, например, 29 июля и в августе (9, 18, 19 и 24-го числа) "миги", не вступая в бой с "сейбрами", патрулировавшими в районе, где действовали истребители-бомбардировщики, атаковали F-80 и F-84, и, нанося им урон (правда, незначительный), срывали выполнение задачи по штурмовке и бомбардировке аэродромов и узлов коммуникаций.

23 августа переговоры в Кэсоне прервались. С 1 сентября авиация 64-го корпуса развернула активные действия против американских ВВС, которые с 18 августа совершали массированные налеты на узлы коммуникаций Северной Кореи. Советские летчики вновь изменили тактику. Они образовывали круг, из которого внезапно несколько самолетов (4—16) развернутым строем атаковали один из "сейбров", отвлекая другие F-86 на выручку товарища, а в это время другие "миги", действуя колонной звеньев, атакова-

ли самолеты, предназначенные для удара по объектам[64]. Эта тактика давала хорошие результаты: 19 сентября в воздушном бою "миги" уничтожили" 3 "сейбра" и 3 истребителя-бомбардировщика. Завоевав превосходство в воздухе не только в "аллее мигов", но и вплоть до Пхеньяна, истребители 64-го корпуса в сентябре не давали американцам возможности наносить эффективные удары по избранным целям. Генерал Уэйленд, ставший с 10 июня командующим ВВС США на Дальнем Востоке, требовал от высшего командования усилить группировку F-86 в Корее, но получил отказ. Тогда Уэйленд вынужден был прекратить бомбардировки объектов в зоне действия "мигов", сосредоточив силы истребителей-бомбардировщиков на ударах по целям между рекой Чхончхон и Пхеньяном[65]. Это был успех советской авиации.

Но американцев ожидали новые сюрпризы. В конце сентября воздушной разведкой было отмечено строительство трех аэродромов в треугольнике Самчхам, Тэчон, Намси. Расположенные неподалеку друг от друга, эти строй площадки хорошо прикрывались зенитной артиллерией и были в зоне досягаемости МИГ-15 с аэродромов Аньдун и Мяогоу. Окончание строительства аэродромов не предвещало американцам ничего хорошего. При действиях с такого аэродромного узла советская истребительная авиация значительно расширила бы пределы "аллеи мигов".

Чтобы воспрепятствовать этому, генерал Уэйленд принял решение вновь применить для бомбардировок аэродромов самолеты В-29. С лета 1951 года стратегические бомбардировщики В-29 ("Супер-Фортресс" — "летающая крепость", сокращенно — "суперфорты") начали осваивать ночное бомбометание с помощью навигационной системы "Шоран", но еще не были готовы к эффективным действиям ночью. Поэтому Уэйленд решил применять их в светлое время суток. Октябрь этого года стал месяцем наиболее напряженных воздушных схваток. Почти ежедневно группы из 8—9 "суперфортов" под прикрытием истребителей наносили бомбовые удары по стройплощадкам в районе Намси, Тэчон и железнодорожным

узлам. Воздушные сражения шли с переменным успехом. Так, 16 октября огнем истребителей и бомбардировщиков, участвовавших в налете, было сбито и повреждено 9 "мигов" — рекордный для 1951 года счет. Но вскоре боевое счастье перешло к советской авиации. 23 октября, несмотря на внушительное прикрытие — 34 F-86, 55 F-84, из 8 В-29 было сбито 3, а на следующий день, когда в бою при бомбардировке моста в Сунчхоне участвовало до 34 самолетов США и 40 "мигов", потери американцев составили 1 F-84 и 1 В-29.

26 октября Уэйленд запретил использовать "суперфорты" в светлое время суток, однако уже на следующий день, выполняя ранее утвержденный план, 8 В-29 бомбардировали железнодорожный мост у Синыйчжу[66].

Данные о последних октябрьских боях расходятся. Генерал Г. А. Лобов, в то время командовавший одной из дивизий 64-го авиакорпуса (впоследствии его командир), называет последним днем воздушных сражений 30 октября. По его воспоминаниям, в этот день 44 "мига" из имевшихся в боевой готовности 56 МИГ-15 встретила группа американских самолетов в составе 21 В-29 и 200 истребителей сопровождения. Противник потерял в воздушном бою 12 В-29 и 4 F-84[67]. По американским данным, последний дневной налет стратегической авиации США состоялся 27 октября. Объектом был железнодорожный мост у Синыйчжу. Участвовали: с советской стороны около 95 (!) "мигов", с американской — 8 В-29, 16 "метеоров" австралийских ВВС и 32 F-84. В-29 были серьезно повреждены, о советских потерях не сообщается[68].

Как бы то ни было, в октябре советским истребителям сопутствовал успех. Они завоевали господство в воздухе в северо-западной части Северной Кореи и вынудили американцев до конца войны отказаться от дневных действий стратегической авиации и увеличить группировку F-86, перебросив в Корею 51-е авиакрыло самолетов F-86E. Американская авиация потеряла за месяц 15 самолетов, повредила или уничтожила 34 "мига"[69]. Авторы официального труда "ВВС США в Корее", опубликованного

исторической службой ВВС США (Вашингтон, 1983), пишут, что тогда, в конце октября 1951 года, "многие пессимисты говорили, что устаревшие "сверхкрепости" уже не смогут быть применены в Корее. Окрыленные успехом коммунисты перебросят свою авиацию через Ялу на аэродромы Синыйчжу и Учжу... Таким образом, американским ВВС на Дальнем Востоке не удалось воспрепятствовать строительству аэродромов в Намси, Тэчон и Самчхам..."[70] Начальник штаба ВВС США генерал Ванденбург, давая пресс-конференциюпосле инспекционной поездки по Дальнему Востоку, пришел к мрачному выводу: "Всего за две недели коммунистический Китай стал одной из ведущих держав в мире по воздушной мощи"[71]. Он не упомянул только о роли советского 64-го авиакорпуса, а ведь вряд ли не знал о его деятельности в корейской войне.

Последние два месяца 1951 года отмечены снижением активности авиации обеих сторон.

Перейдя на использование своей стратегической авиации в темное время суток, американское командование столкнулось с рядом нерешенных проблем. Опыта в прицельном бомбометании ночью американцам явно не хватало. Известно, что в годы 2-й мировой войны американская стратегическая авиация действовала, как правило, днем, а английская — ночью. Теперь ей необходимо было освоить ночные налеты на объекты Северной Кореи и обеспечить достаточно высокую точность бомбометания. Имелась некоторая практика в использовании для этой цели навигационной наземной системы "Шоран"[72]. Освоение этого способа бомбометания стратегическими бомбардировщиками началось еще летом 1951 года. Расчетное круговое вероятное

отклонение (КВО) составляло около 160 метров. Однако это во многом зависело от точности карт и качества бортовой аппаратуры на самолете. Впервые бомбометание по системе "Шоран" было произведено 13 октября при налете на аэродром Самчхам. Однако результаты были неутешительными: из 278 бомб только 24 разорвались в пределах цели, и то на самом краю взлет-

227

но-посадочной полосы (ВПП)[73]. Такого рода бомбардировки продолжались в ноябре и декабре. Но результативность была невелика: не хватало опыта. Перед боевыми вылетами экипажи В-29 провели только 8 учебных бомбометаний с использованием "Шоран" вместо положенных 35[74]. Кроме того, выяснилось, что координаты главных объектов ударов — аэродромов Намси, Тэчон, Самчхам не совпадают с их положением на картах. Ошибка при бомбометании составляла до 400 метров. Вводили в заблуждение и меры маскировки противника. На ВПП выкладывались подобия "кратеров" из земли, создававшие впечатление воронок от бомб. Большой помехой являлась и система противовоздушной обороны. 85-миллиметровые зенитные орудия, управляемые станциями орудийной наводки (СОН), прожекторные станции препятствовали В-29 занять выгодное положение для сброса бомб, тем более что маршруты выхода на цель были ограничены другой станцией "Шоран". Советская разведка в короткие сроки определила эти маршруты. Здесь были сосредоточены наиболее эффективные средства ПВО. Неточность бомбометания компенсировалась у американцев интенсивностью налетов и увеличением мощности бомб. В ноябре "суперфорты" произвели 26 налетов на аэродром Намси, сбросив 170 тонн бомб, 160 тонн было сброшено на аэродром Тэчон в ходе 23 налетов, по 80—85 тонн бомб обрушилось на аэродромы Самчхам и Учжу, каждый из которых подвергся 12 ночным воздушным ударам[75].

Переход американской стратегической авиации к ночным действиям безусловно осложнил боевые задания частей 64-го авиакорпуса. Ночные истребители Ла-9 (поршневые) обладали малой скоростью и не могли эффективно бороться с противником.

Командование корпуса срочно приняло меры для отражения ночных налетов "суперфортов". В ночных боях стали применяться МИГ-15, хотя они и не имели бортовых радиолокационных прицелов и устройств. Однако их большая скорость позволяла быстрее сближаться с В-29, что в условиях небольшого светового поля, создаваемого

228

наземными прожекторными станциями, имело огромное значение. Кроме того, МИГ-15 по сравнению с Ла-9 имел более мощное вооружение, позволявшее с первой атаки уничтожить В-29. Это было очень важно, поскольку противник быстро выходил из лучей прожекторов и времени для повторной атаки уже не оставалось.

После того как ночью было сбито несколько "крепостей",

американцы приняли ряд новых мер по обеспечению их безопасности. Бомбардировщики снизу покрасили в черный цвет. Одновременно с В-29 противник стал применять легкие бомбардировщики В-26 ("инвэйдер"), цель которых — подавлять с малых высот прожекторные станции. Однако для защиты прожектористов командование корпуса немедленно вооружило их расчеты крупнокалиберными зенитными пулеметами. Чтобы противоборствовать "мигам", американцы стали использовать всепогодные истребители F-94, оснащенные радиолокационными поисковыми и прицельными устройствами. Однако и этого оказалось недостаточно. Тогда В-29 стали появляться ночью в районе прожекторных полей только в облачную погоду.

В целях повышения воздействия на коммуникации противник полностью переключил легкие бомбардировщики на ночные действия, главным образом по автоперевозкам войск и грузов. Такая тактика американцев была весьма рациональной. Отдельные участки дорог закреплялись за определенными экипажами. По мере изучения местности они снижали высоту полета и действовали более эффективно, поскольку с больших высот попадать в малоразмерные цели удавалось редко.

Прикрыть же хотя бы самые важные дороги прожекторными полями и зенитной артиллерией Корейская Народная Армия просто не могла. Это требовало большого количества сил и средств, которых у нее не было. Применение истребителей, не имевших локаторов, на малой высоте, да еще в гористой местности, исключалось.

Однако выход был вскоре найден. Командование корпуса создало несколько боевых групп, состоявших из взвода

прожекторов и батареи 37-миллиметровых пушек. Каждая такая группа (их назвали "кочующими") получала свои участки дорог и ежесуточно меняла позиции. Противник, не зная, где он на этот раз встретит огонь, был вынужден поднять высоты полетов, что сразу же уменьшало его боевые возможности, особенно по применению напалма. В результате главное оружие В-26 потеряло в некоторой мере свою эффективность, а пулеметный огонь вообще стал бесполезным.

Немалую роль играли и прожектора. Экипажи бомбардировщиков начали бояться не столько зенитного огня, сколько ослепления лучами прожекторов, что на малых высотах приводило к потере пространственной ориентировки, столкновению со скалами и сопками. Однако радикально решить проблему борьбы с ночными бомбардировщиками 64-й корпус решить не смог. Отсутствие необходимых сил и средств не позволяло успешно бороться с противником в ночных условиях, хотя принятые меры несколько снизили эффективность его ночных налетов[76].

Закончился 1951 год. Несмотря на многие трудности, 64-й корпус в целом успешно выполнил СБОИ задачи. В дневное время было проведено 307 групповых воздушных боев с участием в них 43 процентов всех вылетавших на боевые задания экипажей. По данным штаба корпуса, было сбито 562 самолета противника.

Это был наивысший результат года за всю корейскую войну. В 16 одиночных воздушных боях ночью было уничтожено 2 самолета В-26. Потери корпуса составили — 71 МИГ-15. Погибли 32 летчика[77].

Но главное состояло даже не в количестве сбитых самолетов — важнее было то, что присутствие в воздухе "мигов" и огонь зенитной артиллерии не давали американским бомбардировщикам и тактическим истребителям эффективно выполнять задачи, расстраивали их боевые порядки, снижали точность бомбовых и штурмовых ударов. Это признавали и американцы. В апреле 1952 года журнал "Юнайтед Стейтс Нейви Просидингс" писал в статье "Уроки воздушных боев в Корее":

230

«МИГ-15 является фактически смертоносным оружием для наших теперешних типов бомбардировщиков стратегической авиации. Ясно, что наши военно-воздушные силы совершили серьезный просчет, взяв за основу производство В-36 и В-50, вместо того чтобы в первую очередь заняться развитием реактивных бомбардировщиков. Увеличение количества групп истребителей сопровождения не разрешало проблемы, которую представляют МИГ-15. Опыт войны в Корее показывает, что прикрытие реактивными истребителями бомбардировщиков, обладающих небольшой скоростью, фактически бесполезно: самолеты-перехватчики противника пикируют через боевые порядки истребителей сопровождения, вынужденных лететь с малой скоростью, и сбивают прикрываемые ими бомбардировщики...»[78].

В октябре 1951 года другой журнал — "Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Рипорт" отмечал: "Бомбардировщики стали сталкиваться с более сильным и метким огнем зенитной артиллерии и все усиливающимся противодействием истребительной авиации"[79].

В боях 1951 года МИГ-15 показал свою необыкновенную живучесть и высокую эффективность вооружения, особенно в стрельбе по бомбардировщикам. Вот как оценивались инженерно-авиационной службой 64-го истребительного авиакорпуса боевые качества этого самолета в докладе командира корпуса штабу ВВС Советской Армии в сентябре этого года:

«Самолет МИГ-15 показал высокие боевые качества, безотказность в работе и простоту в эксплуатации.

В воздушных боях с американскими самолетами, вооруженными крупнокалиберными пулеметами, самолет МИГ-15 устойчив против разрушений и возникновения пожара в полете. Двигатель продолжает работать безотказно при серьезных повреждениях его агрегатов.

Отдельные самолеты в боях получили до 30—50 пулевых пробоин и благополучно возвращались на свой аэродром. На самолете при этом при полете на скорости до 1000 км/ч не было замечено каких-либо задиров обшивки. При частичном

231

разрушении хвостового оперения и при ограниченном ходе рулей

высоты самолет сохранял устойчивость и управляемость в полете.

Пробоины в заднем топливном баке, в топливной системе и при простреле жгутов электропроводки пожара на самолете в воздухе не вызывают. Всего зафиксирован один случай возникновения пожара на самолете в воздушном бою.

Из 22 поврежденных двигателей отказали в работе в воздухе только 3 двигателя вследствие появления дисбаланса и заклинения ротора по причине разрушения лопаток турбины и соплового аппарата. В остальных случаях при простреле диска турбины и повреждения лопаток двигатель работал без перебоев. Пробоины в камерах сгорания и реактивной трубе пожара не вызывали.

Более уязвимым местом на самолете являются тяги управления рулями высоты и поворота. Из IS случаев катапультирования летчиков в 10 случаях оно производилось по причине отказа управления самолетом. Вторым уязвимым местом является верхняя сфера кабины, при повреждении которой летчики в большинстве случаев получают ранения от пулевых попаданий и осколков стекла фонаря»[0].*

Видимо., высокая живучесть МИГ-15 не раз вводила в заблуждение американских пилотов, когда они считали, что уничтожили самолет, прошив его несколькими очередями из крупнокалиберных пулеметов. Проявленные пленки фиксировали множество попаданий и давали основание считать самолет сбитым, а он возвращался на базу и после ремонта уже через несколько дней был снова боеготовым. Мощным было и вооружение МИГа: 3 пушки (1x37 мм и 2x23 мм).

Огневое противоборство с В-29 всегда было в пользу МИГ-15 по нескольким причинам. Его пушки обладали значительно большей дальностью и разрушительной мощностью стрельбы, чем крупнокалиберные пулеметы В-29. Кроме того, "крепости" имели очень плохую живучесть. Счетно-решающие механизмы и сами пулеметные установки бомбардировщика не обеспечивали прицеливания

и эффективного огня по истребителям, атакующим на большой скорости сближения (150—160 м/с). Сама же атака длилась всего три-четыре секунды.

Сказанное не означает, что советские летчики-истребители полностью овладели имевшейся у них техникой и искусством ведения воздушного боя. Подводя итоги осенью 1951 года, командование корпуса отмечало многочисленные недостатки, которые свидетельствовали о том, что боевое мастерство многих летчиков еще далеко от совершенства. В докладе командира корпуса генерал-майора авиации Белова в штаб ВВС в сентябре этого года отмечалось, что многие летчики еще не овладели знаниями тактических приемов противника, не избавились от шаблона в применении собственных тактических приемов, порой увлекаются боем с истребителями противника в ущерб выполнению главной задачи — уничтожению бомбардировщиков, начинают вести огонь с таких дистанций, которые не позволяют

поразить цель. Говорилось и об упущениях со стороны руководителей полетами различных степеней. Так, отсутствие опыта управления с земли действиями реактивной авиации приводило к тому, что после взлета подразделения или части некоторые экипажи не могли найти противника и принять участие в бою. Командиры подразделений, как явствовало из доклада, не овладели еще умением правильно организовывать атаку, что снижало боевые результаты; взаимодействие между группами и экипажами в воздухе организовывалось не всегда достаточно четко. Много недостатков отмечалось в работе разведки, которая с опозданием выдавала сведения о противнике, в ряде случаев неправильно оценивала состав групп вражеской авиации, что не позволяло правильно оценивать соотношение сил. Указывалось и на другие недочеты в боевой работе.

Такой практический подход к боевой деятельности личного состава корпуса говорил о том, что командование соединения не закрывало глаза на недостатки, видело их и стремилось устранить, чтобы повысить эффективность частей корпуса в борьбе с противником. И действи-

233

тельно, с приобретением опыта в последующие годы вплоть до конца корейской войны советские авиаторы и зенитчики значительно повысили свое боевое мастерство.

1951 год был самым напряженным в воздушной войне, развернувшейся в небе Северной Кореи. Не по количеству участвующих сил и интенсивности боев. Силы постоянно наращивались, бывали периоды и интенсивных действий. Но этот год был для летчиков 64-го корпуса и самым результативным. Впервые столкнулись в воздушных боях реактивная и поршневая авиация, впервые равные по качеству наведения самолеты — МИГ-15 и F-86 — мерялись силами. Именно в 51-м вырабатывалась тактика современного воздушного боя, испытывались на практике технические характеристики самолетов, электронного оборудования, отрабатывались приемы радиоразведки и радиоэлектронной борьбы, выявлялись возможности зенитной артиллерии и радиотехнических войск, проверялась система жизнеобеспечения пилота, решались проблемы катапультирования, аварийно-спасательной службы и многое другое.

В начале 1952 года воздушная обстановка усложнилась. В Южной Корее на аэродроме Сувон появилось новое, 51-е крыло F-86E. Группировка "сейбров" резко увеличилась — с 89 до 165 самолетов, из которых постоянно участвовало в боевых действиях порядка 125—130 истребителей[81]. Переход неприятеля на ночные действия стратегической авиации и легких бомбардировщиков остро ставил перед 64-м корпусом новые задачи. Расширилась аэродромная сеть в Северной Корее, а следовательно, и зона ответственности корпуса. Теперь МИГ-15 летали с подвесными баками, что увеличивало радиус их действия до 199 километров[82]. Кроме того, в первой половине этого года в составе корпуса действовали не три, а две

авиадивизии: в январе — феврале — 324 и 303 иад, в марте — июне — 97 и 190 иад[83]. Еще осенью прошлого года вступила в боевые действия Объединенная китайско-корейская воздушная армия (ОВА) — приходилось взаимодействовать с ней, передавать накопленный опыт. Объеди-
234
ненной воздушной армией командовал китайский генерал Лю Чжень. Северокорейские ВВС возглавлял генерал Ван Лен.

По просьбе руководителей ОВА подготовку их частей к воздушным боям и прикрытие на первых порах осуществляли советские летчики. И уже вскоре две дивизии, которыми командовали Фан Цзан и Си Буань, имевшие на вооружении самолеты МИГ-15, вступили в боевые действия.

В связи с этим одной из первостепенных задач корпуса стал постепенный ввод в боевые действия китайских и корейских летчиков из соединений ОВА.

Во взаимодействии с экипажами 64-го корпуса они начали участвовать в воздушных боях против авиации противника. В дальнейшем, по мере накопления пилотами ОВА боевого опыта, они стали действовать самостоятельно, поскольку языковой барьер усложнял взаимодействие в воздушных схватках с врагом советских летчиков и авиаторов ОВА. Вместе с тем вопросы объединения боевых усилий, определения направлений совместного оперативного применения сил согласовывались заранее постоянно. Так, отражение крупных групп бомбардировщиков и истребителей-бомбардировщиков, следовавших под сильным прикрытием F-86, экипажи 64-го корпуса брали на себя, а летчики ОВА привлекались только при необходимости наращивания усилий. В основном они вели борьбу с мелкими группами, действуя до линии фронта. Для отсечения F-86 при преследовании ими самолетов корейских и китайских пилотов поднимались советские истребители. Более сложные задачи советские летчики продолжали выполнять даже тогда, когда самолетный парк Объединенной воздушной армии на передовых аэродромах Аньдун, Мяогоу, Дапу и Дагушань превысил количество "мигов" в 64-м авиакорпусе.

В 1952 году, после того как В-29 перешли на действия в темное время суток, что сократило их применение, основной ударной силой ВВС США в светлое время суток стали истребители-бомбардировщики F-80 и F-84. Это еще
235
более осложнило советской авиации выполнение задач, так как в сравнении с "суперфортами" тактические истребители имели примерно четырехкратное численное превосходство над силами 64-го корпуса[84]. При отражении воздушных налетов, борьба с F-86E — истребителями "заслона" велась преимущественно мелкими группами (звено, эскадрилья), эшелонированными по высотам от 8000 до 14 000 метров. Это позволяло "мигам" сравнительно малыми силами связывать крупные группы "сейбров" на широком фронте и создавать достаточно благоприятные условия своим ударным группам для борьбы с тактическими истребителями и бомбардировщиками.

Нередко применялся прием, названный американцами "коробочкой" *(Box in).* Он заключался в том, что группа "мигов" атаковала прибывших в район патрулирования F-86 из заранее занятой зоны ожидания на северном участке "аллеи мигов", а когда "сейбры" начинали отход в сторону моря, их перехватывала другая "южная" группа, заранее сосредоточенная, как бы в "засаде", в районе Анчжу.

Крупные группы "мигов" (30—60 самолетов) использовались авиачастями, выделенными для действий по тактической авиации (F-84, F-80, типа "Метеор", В-26, палубные штурмовики). Тактика МИГ-15 при борьбе с ударными самолетами противника сводилась к тому, чтобы с высот около 13 тысяч метров (выше уровня демаскирующего инверсионного следа) стремительно атаковать противника и поразив, на малой высоте уйти на свою базу. Принятая "мигами" тактика сильно затрудняла "сейбрам" борьбу с советскими истребителями. Для более раннего предупреждения о появлении "мигов" над северокорейской территорией американцы установили РЛС на острове Чходо в Желтом море и широко пользовались ею[85].

Стратегические бомбардировщики В-29 несмотря на то, что они полностью переключились на действия в темное время суток, столкнулись с новыми для них средствами противодействия — советской наземной системой ПВО. Мощные прожектора слепили экипажи, в их световом поле

"миги", приспособленные для полетов ночью, атаковали, хотя и малыми силами, тихоходные громоздкие машины; зенитная артиллерия, оснащенная станциями орудийной наводки, вела прицельный огонь. ПВО рассредоточивалась по известной командованию 64-го корпуса дуге станций "Шоран". Это приводило к тому, что "суперфорты" встречали противодействие средств ПВО задолго до подхода к объекту. Выполнять задачу в такой обстановке было нелегко, и результаты бомбовых ударов были далеко не всегда эффективны. Поэтому для нанесения ударов по объектам американцы выбирали наиболее сложные метеоусловия.

Характерным примером в этом роде может служить налет 4 В-29 на железнодорожный мост у горы Квоксан 10 июня 1952 года. "Суперфорты", следовавшие по дуге "Шоран", внезапно были освещены 24 прожекторами. В световом поле появились 12 "мигов" — два В-29 были уничтожены; третий, получив тяжелые повреждения, совершил вынужденную посадку; четвертый, применив радиоэлектронные помехи, смог уйти от атак истребителей[86].

Но боевое счастье переменчиво. 23 июня, воспользовавшись низкой облачностью и грозовым фронтом в районе Аньдуна, 124 тактических истребителя F-80 и F-84, 35 палубных штурмовиков под прикрытием 84 F-86 и 35 морских истребителей F-9F в течение часа (с 16 да 17.00) нанесли мощный бомбо-штурмовой удар по одному из важнейших объектов, прикрываемым 64-м корпусом, — Супхун-ГЭС, расположенной в 60 километрах севернее Аньдуна. Удар был, по существу, безнаказанным. 44

зенитных (85-мм и 37-мм) орудия смогли подбить только 2 самолета. Авиация 64-го корпуса не действовала: над аньдунским аэродромом и южнее находился эпицентр грозового фронта, исключавший взлет самолетов[87].

Но налет на Супхун-ГЭС был все-таки исключением, а не правилом. Как признавали американцы, установить превосходство в воздухе в "аллее мигов" на сколько-нибудь продолжительный срок им не удавалось. "Сейбры" появлялись в этой зоне только в случае необходимости
237
прикрыть нападающую авиацию. Объекты основных ударов, как правило, выбирались за пределами зоны действий 64-го корпуса. Командование ВВС США на Дальнем Востоке отмечало увеличение группировки истребительной реактивной авиации в Маньчжурии (это происходило главным образом за счет частей ОВА. — *А. О.),* качественное совершенствование системы управления и оповещения, появление новых РЛС: осенью 1952 года насчитывалось 25 РЛС раннего обнаружения и 11 станций наведения. Наведение с земли позволяло "мигам" выходить в 2—5 километровую зону нахождения "сейбров" в радиусе до 120—130 километров от Аньдуна[88]. Конечно, по американским меркам, наземное оборудование истребительной авиации в Корее не отвечало стандартам, принятым в ВВС США, но оно свидетельствовало о том, что, и уступая во многих аспектах американцам (условия быта, устаревшее оборудование и т. п.), летчики 64-го корпуса представляли собой грозную силу для врага. "Но, — отмечали американские наблюдатели, — они использовали свою воздушную мощь только для самоотверженной защиты Северной Кореи и Маньчжурии и никогда для ударов по наземным объектам врага"[89]. Американские пилоты с уважением отзывались о советских летчиках, многие из которых показывали высокое пилотное мастерство и профессионализм в ведении воздушного боя. Полковник Джон Митчелл, ставший в июне 52-го командиром 51-го авиакрыла F-86E, говорил: "Мы делим пилотов МИГ-15 на две категории — "хончо", то есть профессионалы высокого класса, и "учеников"... При встрече с "хончо" мы знаем, что надо приложить все свое искусство и мобилизовать все возможности техники, чтобы успешно справиться с такой птицей"[90]. Кстати говоря, американские летчики при встрече с "мигами" часто отмечали отнюдь не восточноазиатскую внешность пилота.

МИГ-15 с его первоклассными по тому времени летно-техническими данными вынуждал командование ВВС США на Дальнем Востоке неоднократно обращаться к своим начальникам с требованием усовершенствовать
238
F-86, сделать его адекватным, а то и превосходящим МИГ-15 самолетом. В США упорно работали над этой проблемой. В результате уже в июне 1952 года на вооружение 51-го авиакрыла, а в сентябре — 4-го авиакрыла поступил новый истребитель F-86F. Он отличался от своего предшественника F-86E повышенной тягой двигателя (2360 кг),

усовершенствованной конструкцией крыла, улучшенными техническими характеристиками. Максимальная скорость возросла до 1200 км/ч, практический потолок до 15—17 тысяч метров, увеличилась маневренность, скорость в горизонтальном полете, скороподъемность[91]. В 1952 году F-86F получили 2 эскадрильи (в 4-м и 51-м крыле).

Активность "мигов", которая, как уже указывалось, была невысокой в первой половине 52-го, возросла с августа, что объяснялось тем, что все больше вводилось в строй частей и соединений ОВА. Это не осталось незамеченным противником: американцы отмечали большое количество неопытных пилотов, появившихся в небе Северной Кореи. Однако к концу года положение начало меняться. Летчики американских ВВС докладывали после выполнения заданий, что действия "мигов" отличаются слаженностью, хорошим взаимодействием между парами и звеньями. Во многих случаях экипажам "сейбров" приходилось тратить много времени на маневр в воздушном бою, чтобы занять выгодную позицию. В результате исчерпывался лимит времени и надо было уходить на базу, не поразив противника.[92]

Экипажи 64-го корпуса и ОВА чаще стали применять нешаблонные тактические приемы, связывали американцев воздушным боем и вынуждали их поспешно отходить в сторону моря и над морем катапультироваться, поскольку уже не оставалось топлива.

Боевое мастерство пилотов "мигов" особенно возросло с началом 1953 года. Они использовали профессионально весь диапазон высот в воздушных боях и смело ввязывались в воздушную схватку, даже когда могли ее избежать, будучи в меньшинстве[93]. Вылетавшие на "свободную охоту" МИГ-15 имели фюзеляжи, окрашенные снизу в голубой, а сверху в золотистый цвета. Набрав высоту 13—14 ты-

сяч метров, где их не выдавал инверсионный след, они становились незаметными и сверху внезапно атаковали воздушного противника.

Но и американцы не стояли на месте. Многие из них овладели новой машиной — F-86F и показывали высокое искусство ведения воздушного боя. Росло число асов, а им считался каждый сбивший 5 и более самолетов ОВА или 64-го корпуса. Появилась и новая тактика "заслона" при прикрытии самолетов тактической авиации. "Сейбры" образовывали "поезд", который состоял из 6 звеньев: каждое звено из 4 самолетов шло за предыдущим на расстоянии 2 километров. Такой боевой порядок давал возможность вступления в бой с противником большинству истребителей "поезда" и снижал опасность для звена подвергнуться атаке "мига" в отрыве от своих самолетов. В то же время он позволял звену сохранять маневренность и свободу действий для атаки[94]. Как отмечал командовавший до мая 53-го 5-й воздушной армией США генерал Г. Баркус, американские ВВС имели "безусловное господство в воздухе над Северной Кореей между линией фронта и рекой Чхончхон и превосходство

между реками Чхончхон и Ялу"[95].

Действительно, эффективность действий советских истребителей в 1952 году по сравнению с 1951-м понизилась. Это объяснялось рядом причин. "Суперфорты" совершали налеты только ночью, когда МИГ-15 не могли оказать им массированного противодействия. Воздушные бои шли преимущественно днем и большей частью С-F-86E и F-86F, примерно равных по качеству МИГам. Много времени и сил отнимало обучение пилотов ОВА и прикрытие их в ходе выполнения боевых заданий.

В 1953 году обстановка еще более усложнилась. На самолеты F-86F перевооружились еще два крыла: 18-е и 81-е. "Сейбры" этих крыльев использовались как тактические истребители для поражения наземных целей, но могли эффективно вести и воздушные бои. Одновременно американское командование активизировало действия стратегических и тактических бомбардировщиков ночью в районах, где днем они могли встретить сильное противодей-

ствие. К тому же преобладание сложных метеоусловий зимой 53-го исключало использование частей ОВА из-за их недостаточной летной боевой квалификации. Это компенсировалось интенсивностью полетов соединений 64-го корпуса. Поэтому напряжение боевых действий корпуса вплоть до заключения перемирия 27 июля 1953 года было очень высоким. Среднемесячное количество боевых вылетов в 1953 году по сравнению с предыдущим годом возросло на 33 процента[96].

Истребители противника, тоже многому научившиеся за войну, вступали в бой только при выгодных для них тактических условиях или при явном превосходстве в силах.

В то же время американское командование, несмотря на численное превосходство, не смогло воздушными боями разрешить проблему обеспечения действий тактической авиации в зоне ответственности 64-го корпуса и в последний год, с появлением самолета F-86F, начало применять тактику "свободной охоты" в районе аньдунского аэродрома, с тем чтобы вызвать "миги" на бой в явно неблагоприятной для них обстановке.

С целью навязать 64 корпусу свои условия воздушной войны, американцы разбрасывали листовки провокационного содержания, делали заявления по радио. Так, начиная с 14 марта 1953 года экипажи самолетов 5-й воздушной армии разбрасывали листовки на все объекты, которые подвергались их бомбово-штурмовым ударам. В листовках был один вопрос: "Где ВВС коммунистов?" Радио Сеула усиленно муссировало тему о слабости корейско-китайских ВВС.

Венцом этой пропагандистской провокации стал так называемый "проект Мулла". В ночь на 26 апреля два В-29 разбросали более 1 миллиона листовок над населенными пунктами вдоль реки Ялу. Листовки, написанные на китайском, корейском и русском языках, призывали летчиков МИГ-15 перелетать на своих самолетах в Южную Корею, на аэродром Кимпо. Далее

говорилось, что каждый перелетевший пилот получит политическое убежище и вознаграждение в сумме 50 тысяч долларов. Тому, кто пе-
241
релетит первым, сверх того дадут еще 50 тысяч долларов. 10 и 18 мая еще полмиллиона листовок было разбросано в том же районе. Радио американского командования передавало содержание листовок на корейском, китайском и русском языках.

Не перелетел ни один. Уже после войны в сентябре 1953 года офицер ВВС КНА лейтенант Ро Кум Сук бежал из КНДР на самолете МИГ-15бис, но, как выяснилось, он никогда не слышал о каких-либо вознаграждениях за это[97].

Последние месяцы "воздушной войны" в Корее были отмечены снижением активности воздушных боев. В то же время в них участвовало все больше летчиков ОВА китайско-корейских вооруженных сил и все меньше авиаторов 64-го корпуса. Для американцев эти месяцы были периодом расцвета мастерства асов 5-й воздушной армии. Число их росло и к концу 1953-го составило 39 человек[98]. Воздушные бои продолжались вплоть до последнего дня войны.

27 июля 1953 года в Паньмыньчжоне было подписано перемирие.

Давая обзор боевой деятельности экипажей МИГ-15 за годы войны, командир 64-го корпуса С. В. Слюсарев сообщал в штаб ВВС, что наиболее тяжелые, но результативные боевые действия корпуса относятся к 1950— 1951 годам, когда в воздушных боях было сбито 564 самолета противника. Собственные потери составили: летчиков — 34, самолетов — 71. Общее соотношение потерь 7,9:1 в пользу 64-го корпуса. В 1952 году эффективность действий корпуса снизилась. Было сбито 394 самолета противника. Собственные потери — 51 летчик и 172 самолета. Общее соотношение сбитых самолетов 2,2:1. За 7 месяцев 1953 года в воздушных боях было уничтожено 139 американских самолетов, а потеряно 25 летчиков и 76 истребителей МИГ-15бис, что составило 1,9:1 в пользу 64-го корпуса[99]. При этом характерной особенностью 53-го года было то, что возрос удельный вес такого способа действий, как патрулирование в воздухе, поскольку с усиленным применением противником истребителей F-86F дежурство
242
на аэродромах не обеспечивало в сложных метеоусловиях своевременный перехват истребителей противника.

Всего за время войны истребители корпуса уничтожили 1097 самолетов противника, потеряв ПО летчиков и 319 самолетов, 212 самолетов США были сбиты зенитной артиллерией[100]. По уточненным данным Генштаба Вооруженных сил СССР, советские авиационные соединения в Корее потеряли 120 летчиков и 335 самолетов. Общие потери советских военнослужащих в этой войне — 299 человек[101].

Американские данные об итогах воздушной войны в Корее значительно отличаются от советских. Это и неудивительно, так

как советский отчет касается только воздушных боев, в которых участвовали самолеты 64-го корпуса, тогда как американцы сообщают о результатах боевой деятельности своей авиации по всему фронту, включающей действия по наземным объектам, борьбу с корейско-китайской фронтовой авиацией, а также воздушные бои и с советскими авиачастями, и с соединениями ОВА.

По американским сведениям, ВВС и ВМФ США, а также авиация союзных США стран уничтожили 976 самолетов противника. Свои потери составили 1986 самолетов, из них от действий противника — 1041 самолет и 945 — по причинам, не зависящим от противника. Потери в людях составили 1729 человек, в том числе убитыми — 1144, ранеными — 306, пропавшими без вести — 30 и пленными — 249 человек[102].

В воздушных схватках между МИГ-15 и истребителями ВВС США, по американским данным, уничтожено 792 самолета противника[103]. Такое расхождение в отчетах сторон о потерях объясняется, очевидно, тем, что высокая живучесть советских реактивных истребителей позволяла сохранять эти самолеты во многих случаях, когда противник считал их сбитыми. Кроме того, в это число включены МИГ-15, пилотируемые менее опытными корейскими и китайскими летчиками, особенно до 1953 года.

В течение многих лет в СССР участие советских летчиков в Корейской войне было покрыто завесой секретности. Лишь в 80-х годах сообщения об этом стали появ-

243

ляться в печати, упоминаться в некоторых документах. "Сталинские соколы", взлетавшие с аэродромов Маньчжурии на бой с американскими бомбардировщиками и истребителями, были отчаянными парнями, прошедшими суровую школу Отечественной войны и показавшие себя прекрасными воздушными бойцами в небе Кореи. Они мужественно, в исключительно неблагоприятных для себя условиях сражались с американскими асами. И те и другие были достойными соперниками. Многие советские летчики были награждены орденами, 35 стали Героями Советского Союза. И если американский ас № 1 капитан Макконнел сбил 16 самолетов противника, два советских летчика превзошли его: капитан Н. Сутягин сбил 21, полковник Е. Пепеляев — 20 вражеских самолетов[104].

Между тем, под адский гул американских бомбардировок городов и сел КНДР и вихрь воздушных боев между американской авиацией и советскими истребителями в "аллее мигов" переговоры продолжались. К октябрю 1952 года стороны договорились по трем из четырех пунктов. Во-первых, демаркационную линию установить решено было соответственно линии фронта на момент прекращения боевых действий и подписания перемирия. Стороны договорились отвести свои войска от этой линии на 2 километра, то есть создать 4-километровую демилитаризованную зону. Во-вторых, были созданы две специальные комиссии по контролю за соблюдением условий перемирия. В-третьих, в течение 3 месяцев было

условлено созвать политическую конференцию для мирного решения корейского вопроса и проблемы вывода всех иностранных войск. В отношении репатриации военнопленных стороны условились о 2-месячном сроке ее осуществления, но не смогли договориться о механизме решения этого вопроса: должен ли соблюдаться принцип добровольности возвращения пленных или нет[105]. 3 декабря 1952 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о ненасильственной репатриации военнопленных. Но только 27 июля 1953 года было подписано соглашение о прекращении огня. Война в июле закончилась.
244

Безвозвратные потери сторон составили: 400 тысяч военнослужащих Южной Кореи, 54 тысячи американцев, 17 тысяч других "войск ООН"; потери КНР и КНДР — от 2 до 4 миллионов военнослужащих и гражданского населения; потери СССР — 299 человек[106].

Окончанию Корейской войны в значительной степени способствовали смерть И. В. Сталина в марте 1953 года и приход к власти в США президента Д. Эйзенхауэра в январе 1953 года. Значительные потери американцев в Корее (157 350 убитых и раненых) вызвали всеобщее недовольство внешней политикой администрации Трумэна. Обещание Д. Эйзенхауэра положить конец войне оказалось решающим фактором, обеспечившим его победу на президентских выборах в 1952 году. Новое американское руководство, анализируя опыт войны в Корее, вынуждено было признать провал стратегии "сдерживания". Действительно, военная машина США столкнулась на Корейском полуострове не с "главным противником" — СССР, а с вооруженными силами КНДР и КНР и после трех лет войны оказалась на том же рубеже, с которого США начали войну. Американские военные теоретики расценивали этот факт как безусловный провал США.

Корейская война вошла в историю как одна из самых тяжелых и кровопролитных локальных войн XX столетия. По людским потерям она занимает третье место после двух мировых войн — около 4 миллионов корейцев погибли в ходе боевых действий, причем 84 процента из них составило мирное население. Вся Северная Корея лежала в руинах, большие разрушения были и на юге. Не случайно западная пресса назвала все то, что происходило в Корее в те годы, "великой ограниченной войной".

Из событий конца 40-х и начала 50-х годов правящие круги США поняли, что Советский Союз, его союзники, левые силы в мире, поддерживающие СССР, являются весьма серьезным противником.

Известно, что, несмотря на все меры, принимавшиеся советским руководством к тому, чтобы скрыть участие советских летчиков и зенитчиков в Корейской войне, аме-
245
риканцы прекрасно знали об этом. Но официальный Вашингтон хранил молчание все три года войны. Почему? Через много лет Пол Нитце, возглавлявший в годы Корейской войны штаб по планированию политики в госдепартаменте США, поведал, что

им был подготовлен секретный документ, где анализировались все "за" и "против" разглашения участия СССР в войне. В итоге правительство США пришло к выводу о сохранении в тайне от общественности советское участие в войне. Это диктовалось опасением, что возмущенная общественность потребует ответных действий, что грозило непредсказуемыми последствиями. Обе сверхдержавы не хотели и боялись разрастания конфликта, чреватого ядерной войной.

Примечания

[1] Международная жизнь. 1993. № 12. С. 53.
[2] Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 1, ДВО, оп. 8, д. 1, п. 6.
[3] Там же. Архивно-справочная библиотека. Ф. 07, оп. 18, д. 6, п. 1.
[4] Там же. Ф. 102, оп. 10, д. 15, п. 12.
[5] Там же. Архивно-справочная библиотека. Ф. 07, оп. 18, д. 6, п. 1.
[6] Там же. Ф. 102, оп. 10, д. 15, п. 1.
[7] Красная звезда. 1992. 14 авг.
[8] Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 45, оп. 1,д. 346, л. 7.
[9] Цит по: *Волкогонов Д. А.* Семь вождей. М., 1995. С. 287.
[10] Khrushev Remembers. Bd. By S. Talbott. Boston, 1970. P. 367—368.
[11] Цит. по: Красная звезда. 1992. 14 авг.
[12] American National Security. Policy and Process. Bd. By A. Jordan, W. Taylor. London, 1981. P. 64.
[13] *Newhouse,J.* The Newclear Age. From Hirosima to Star Wars. London, 1989. P. 82.

[14] АВП РФ. Ф. 07, on. 23a, д. 257, п. 20.
[15] Khrushchev Remembers. P. 367—368.
[16] Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Указ соч. С. 288.
[17] АП РФ. Ф. 45, оп. 1, д. 346, л. 94.
[18] Цит. по: Красная звезда. 1992. 14 авг.
[19] АП РФ. Ф. 45, оп. 1, д. 346, л. 145-147.
[20] Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее - РЦХИДНИ). Ф. 17, оп. 137, д. 409, л. 107, 134-135.
[21] *Cummings B.* The Origins of the Korean War. Y. 11. Princeton, 1990. P. 643-644.
[22] Войска США составляли 70 процентов "войск ООН". Послали свои войска Англия — (18 тысяч), Турция (6 тысяч), Франция (4 тысячи), Таиланд (4 тысячи), Канада (около 4 тысяч), Австралия (около 3 тысяч), Греция (1 тысячу), Новая Зеландия (1 тысячу), Филиппины (1 тысячу) и др.
[23] *Hunt M. H.* Beijing and the Korean Crisis. June 1951 // Political Science Quarietly. V. 107. 1992. N 3. P. 458.
[24] АП РФ. Ф. 45, on. 1, д. 347, л. 41—45.
[25] *HuntM.* Op. cit. P. 459.
[26] АП РФ. Ф. 45, on. 1,д. 334, л. 110—111, 126.
[27] *HuntN.* Op. cit. P. 460—461.
[28] Ibidem.
[29] Ibid. P. 463.
[30] Ibid. P. 465-467.
[31] Известия. 1951. 24 июня; The New York Times. 1951. June 24.
[32] *Стюарт Дж.* Воздушная мощь — решающая роль в Корее. М., 1959. С. 30.
[33] United States Air Forces in Korea 1950-1953. N. Y. 1961. P. 644.
[34] *Стюарт Дж.* Указ. соч. С. 8.
[35] Там же. С. 14.
[36] The Air Force Blue Book. N. Y., 1959. P. 25.
[37] Центральный архив Министерства обороны (далее — ЦАМО). Ф. 15, оп. 178612, д. 88, л. 21.

[38] *Futrell Robert.* The United States Air Force in Korea 1950—1953. Revised Edition Office of Air Force History United States Air Force. Wash., 1983. P. 223.
[39] Ibidem.
247
[40] Ibid. P. 224.
[41] ЦАМО. Ф. 15, оп. 178612, д. 88, л. 22.
[42] ЦАМО. Ф. 35, оп. 173543, д. 73, л. 25.
[43] *FutrellR.* Op.cit. P. 246.
[44] Ibid. P. 251-252.
[45] ЦАМО. Ф. 35, оп. 173543, д. 73, л. 9-10.
[46] Там же. Л. 16-17.
[47] Там же. Л. 18.
*> *FutrellR.* Op.cit. P. 317.
[49] Ibid. P. 318. .
[50] Ibid. P 297.
[51] Ibidem.
[52] ЦАМО. Ф. 35, оп. 173543, д. 73, л. 3. •[53] Там же. Л. 4.
[м] Там же. Л. 7.
[ss] *FutrellR.* Op. cit. P. 248.
[56] Ibid. P. 301.
" Ibid. P. 302.
[58] Ibid. P. 302-303.
[59] Ibidem.
[60] Ibid. P. 311,401.
[61] ЦАМО. Ф. 35, оп. 173543, д. 73, л. 52.
[62] *FutrellR.* Op. cit. P. 402.
[63] ЦАМО. Ф. 35, оп. 173543, д. 73, л. 42.
[64] *FutrellR.* Op. cit. P. 404.
[65] Ibidem.
[66] Ibid. P. 411.
[67] Авиация и космонавтика. 1990. N° 11. С. 31.
[68] *FutrellR.* Op.cit. P. 411.
[69] Ibidem.
[70] Ibid. P. 412.
[71] Ibidem.
[72] См. сноску на стр. 214.
[73] *FutrellR.* Op. cit. P. 409.
[74] Ibid. P. 417.
[75] Ibid. P. 416.
[76] См.: Авиация и космонавтика. 1990. № 11. С. 32.
248
[77] ЦАМО. Ф. 15, оп. 178612, д. 88, л. 24.
[78] United States Navy Proceedings. 1952. April 6.
[79] United States News and World Report. 1951. October 7.
[80] ЦАМО. Ф. 35, оп. 173543, д. 73, л. 47.
[81] *FutrellR.* Op.cit. P. 415.
[82] ЦАМО. Ф. 35, оп. 173543, Д. 73, Л. 48.
[83] Там же. Ф. 15, оп. 178612, д. 88, л. 25.
[84] ЦАМО. Ф. 15, оп. 178612, Д. 88, Л. 26.
[85] *FutrellR. Op.cit.* P. 423.
[86] Ibid. P. 425.
[87] Ibid. P. 487.
[88] Ibid. P. 508.
[89] Ibid. P. 506.
[90] Ibid. P. 509.
[91] Ibid. P. 512.
[92] Ibid. P. 608. -
[93] Ibid. P. 609.
[94] Ibidem.
[95] Ibid. P. 650.
[96] ЦАМО. Ф. 15, оп. 178612, д. 88, л. 30.
[97] *FutrellR.* Op.cit. P. 653.

[98] Ibid. P. 657.
[99] ЦАМО. Ф. 15, оп. 178612, д. 88, л. 24, 32.
[100] Там же. Л. 32.
[101] Гриф секретности снят. М., 1993. С. 395. [wl] *FutrellR.* Op.cit. P. 692.
[103] Ibid. P. 695.
[104] Авиация и космонавтика. 1991. №. С. 17.
[105] The United States in World Affairs. 1953. N 4. P. 217—218.
[106] Гриф секретности снят. М., 1993. С. 395.

249

ГЛАВА IV
СССР: АСИММЕТРИЧНЫЙ ОТВЕТ
1. Стратегия "массированного возмездия"

В Корее еще продолжалась война, горели города, гибли люди, но на политическом поле льды "холодной войны" уже начали подтаивать. Этому способствовали три обстоятельства: избрание Д. Эйзенхауэра президентом США осенью 1952 года, смерть Сталина в марте 1953-го и бесперспективность продолжения корейской авантюры. Появились надежды на потепление международного климата. Летом 1953 года на Корейском полуострове прекратилась война. В 1954-м прекратилась французская интервенция во Вьетнаме, в 1955 году в Вене был подписан государственный договор четырех держав — СССР, США, Англия и Франция — с Австрией. Страна стала независимой, демократической, нейтральной. Из нее были выведены оккупационные войска великих держав. Еще раньше У. Чер-

250

чилль, бывший в 1951—1954 годы премьером Великобритании, предложил возобновить "встречи в верхах". После появления в СССР атомной бомбы он уже не призывал к войне против Советского Союза, а наоборот, ратовал за созыв руководителей четырех великих держав.

К этому склонялись и США.

Неудачи американцев в попытке "отбросить коммунизм" на Корейском полуострове сказались и на позиции официального Вашингтона. Война в Корее оказала большое влияние и на внутреннюю обстановку в Соединенных Штатах. Принеся немалые прибыли довольно узкому кругу монополистов, она усугубила инфляционные процессы в стране, привела к существенному дефициту в государственном бюджете. Значительные потери (157 530 убитыми и ранеными) вызвали всеобщее недовольство внешней политикой администрации Трумэна. Обещание Д. Эйзенхауэра положить конец войне в Корее оказалось решающим фактором, обеспечившим его победу на президентских выборах в 1952 году. Новое американское руководство, анализируя опыт войны в Корее, вынуждено было признать провал стратегии "отбрасывания коммунизма". Действительно, военная машина США столкнулась на Корейском полуострове не с "главным противником" — СССР, а с вооруженными силами КНДР и КНР и после трех лет войны оказалась на том же рубеже, с которого началась война. Американские военные теоретики расценивали этот факт как

безусловный провал США.

Кроме того, изменения в советском руководстве после смерти Сталина и расстрела Берии, явное желание новых лидеров Советского Союза принять меры к смягчению международной обстановки создавали благоприятные условия для возобновления переговоров между великими державами Востока и Запада.

Такая встреча состоялась в июле 1955 года в Женеве. Советскую делегацию возглавляли премьер-министр СССР Н. А. Булганин и председатель Президиума ЦК КПСС Н. С. Хрущев. США представлял президент Д. Эйзенхауэр, Англию — сменивший Черчилля премьер-ми-

251

нистр А. Идеи, Францию — премьер Э. Фор. Впервые после 1945 года главы правительств великих держав собрались вместе для обсуждения важнейших вопросов войны и мира. Советское правительство предложило осуществить программу разоружения, предусматривающую сокращение как обычных, так и ядерных вооружений. Предполагалось ограничить численность вооруженных сил для СССР, США и Китая до 1—1,5 миллиона человек, а для Англии и Франции— до 650 тысяч. Конечно, в те годы отсутствовал механизм контроля, а в условиях взаимного недоверия эта проблема представляла огромную сложность: национальные средства контроля сторон были еще далеки от совершенства, чтобы обеспечить надежное наблюдение за ходом разоружения партнера по соглашению. Для того чтобы как-то преодолеть это препятствие, делегация Советского Союза предложила создать международный орган, обладающий правом требовать от правительства документацию об уровне военных расходов, иметь на согласованной основе в портах, на железнодорожных узлах и авиабазах посты, укомплектованные личным составом от заинтересованных государств. Однако представители Запада сочли этот проект недостаточно эффективным. Президент Эйзенхауэр выдвинул план "открытого неба". План предусматривал наблюдение за военной техникой других стран с воздуха путем фото- и радиоэлектронного контроля. Принятие такого плана для США, уже освоивших тактику воздушной радиотехнической и фоторазведки и летом 1955 года имевших почти готовый к вводу в строй новый военный самолет-разведчик У-2, недосягаемый для средств ПВО, "открытое небо" значительно повышало уровень надежности их контроля за вооружениями. Но для СССР, который в развернувшейся в те годы гонке вооружений стремился в кратчайшие сроки догнать США и по возможности вырваться вперед, "открытое небо" означало раскрыть для американских и иных западных специалистов главные секреты программ создания своих стратегических вооружений. И это в обстановке "холодной войны", когда в политике господствовал блоковый конфрон-

252

тационный менталитет, а переговоры о нормализации отношений и разоружении носили второстепенный, часто лишь пропагандистский характер. Поэтому Хрущев, прекрасно зная,

что в Советском Союзе все работы по созданию стратегического оружия велись в глубине страны, в районах, доступ в которые был закрыт для всех, кто не участвовал в данных программах, отверг план "открытого неба". Договориться о контроле над вооружениями в Женеве не удалось.

Но, несмотря на разногласия, все же была создана обстановка диалога между СССР и западными державами, и уже это во многом способствовало потеплению международной атмосферы. В 1955 — начале 1956 года, казалось, наступило некоторое улучшение международной обстановки. При подписании государственного договора по Австрии государственный секретарь США Джон Ф. Даллес и министр иностранных дел СССР В. М. Молотов стояли рядом на балконе Бельведерского дворца в Вене. Даллес приветствовал радостную толпу помахиванием платка. Молотов поднимал сжатые руки над головой. В апреле 1956-го Булганин и Хрущев прибыли с визитом в Англию. В ходе визита Хрущев не уставал повторять, что наступила эра ракет, и называл самолеты и корабли "летающими и плавающими гробами". Когда жена английского премьера А. Идена спросила Хрущева: "Какие у вас ракеты? Далеко они могут летать?" Он ответил: "Наши ракеты не только могут доставать ваши Британские острова, но и дальше полетят". И это говорилось тогда, когда в СССР еще не была принята на вооружение ракета Р-5М (дальность — 1200 километров). Тем не менее слова советского лидера произвели должное впечатление и еще более возбудили любопытство Запада в отношении советского ракетного оружия.

Однако несмотря на некоторое смягчение международной напряженности, отношения между СССР и США, между Советским Союзом и западным миром в целом были крайне неровными. Краткосрочные полосы потепления перемежались с острыми международными кризисами,

порой ставившими человечество на грань ядерной войны. В военно-политических кругах обеих сторон преобладало конфронтационное мышление, опиравшееся на противостоящие друг другу военные блоки НАТО и Варшавского Договора. Любой возникавший кризис сопровождался угрозами применить силу против другой страны или демонстрацией силы.

Крайнее недоверие между правящими кругами СССР и стран Запада не позволяло разработать и применить на практике действенные меры контроля над различными вариантами разоружения, разработать меры доверия.

Более того, учитывая рост обороноспособности СССР, наличие у него атомного оружия и его носителей, военно-политическое руководство США считало, что они смогут создать превосходящие по отношению к Советскому Союзу стратегические силы за счет "преимущества" в ядерном оружии и средствах его доставки к объектам удара. США пытались найти новый путь, который привел бы к созданию превосходства над военной мощью стран советского блока в первую очередь в стратегической авиации. Силам, предназначенным для

воздействия по группировкам войск на театрах военных действий, отводилась второстепенная роль.

Создание превосходства в стратегических силах американская правящая элита намеревалась достичь за счет принятия на вооружение водородного оружия, более мощного по сравнению к атомным, и оснащения сил, действующих на ТВД, тактическим ядерным оружием. Как отмечал известный американский политолог Г. Киссинджер, "приход к власти правительства Эйзенхауэра в 1953 году ознаменовался принятием новой оборонительной политики, которая делала гораздо больший упор на ядерные силы, как стратегические, так и тактические"[1].

Таким образом, с начала 50-х годов США, хотя и утратили монополию на ядерное оружие, но, имея превосходство по его количеству и по средствам доставки и продолжая в какой-то мере оставаться недосягаемыми для ответного удара, разработали новую стратегию. Эта страте-

254

гия, вошедшая в историю под названием стратегии массированного возмездия", была принята в США вскоре после избрания Д. Эйзенхауэра президентом страны. Она предусматривала ведение против СССР и других социалистических стран исключительно всеобщей, и никакой другой, ядерной войны. Главное средство войны американские правящие круги видели в мощной стратегической авиации, способной наносить ядерные удары по глубокому тылу Советского Союза. При этом предполагалось, что воюющие державы или их коалиции, обладающие ядерным оружием, используют все имеющиеся средства, без каких-либо ограничений, в том числе и ядерного оружия. "...Наша стратегическая доктрина, — писал Г. Киссинджер, — почти не признавала никаких промежуточных состояний между тотальной войной и тотальным миром. Она рассматривала всеобщую войну как единственное решение проблемы"[2].

Всеобщая ядерная война мыслилась как односторонний и безнаказанный акт со стороны США, и в отличие от стратегических концепций первых послевоенных лет ведение войны против СССР без применения ядерного оружия исключалось. Предполагалось путем массированных ударов с широким применением ядерного оружия, осуществляемых силами стратегической авиации, уничтожить военно-промышленные объекты и административно-политические центры противника, в решающей степени подорвать экономику, нарушить управление страной, сломить волю противника к сопротивлению и достигнуть таким путем стратегических целей войны. Окончательный разгром возлагался на все имеющиеся силы и средства, и прежде всего на войска европейских стран НАТО. Основным способом развязывания войны считалось внезапное нападение.

"Массированное возмездие" как официальная стратегия США была объявлена в речи государственного секретаря США Д. Ф. Даллеса перед Советом по международным отношениям в Нью-

Йорке 12 января 1954 года. Он заявил, что впредь США будут полагаться в проведении своей внешней и военной политики прежде всего на "ус-
255
трашающую силу массированного возмездия , на свою "огромную способность к возмездию, мгновенно, средствами и в районах по собственному выбору[3]. В декабре того же года эта стратегия стала официальной для НАТО под названием стратегии "щита и меча".

Основные положения этой коалиционной стратегии были разработаны Пентагоном еще в 40-е годы и одобрены Советом НАТО в 1952 году. Решающая роль разящего "меча" отводилась, как и прежде, американской бомбардировочной авиации. Однако в отличие от 1952-го, в 1953— 1954 годы Пентагон исходил в своих военно-стратегических принципах из применения не только стратегического, но и тактического и оперативно-тактического ядерного оружия. Европейским государствам НАТО отводилась роль "щита", своего рода дополнения к вооруженным силам США на Европейском театре военных действий. Эти силы должны были:

спровоцировать концепцию вооруженных сил социалистических стран, с тем чтобы они могли быть уничтожены ядерными ударами НАТО;

захватить территорию стран Центральной и Юго-Восточной Европы;

подготовить и организовать контрреволюционные выступления в социалистических странах[4].

Принятие на вооружение НАТО военно-стратегических концепций США произошло в расчете на включение ФРГ в этот военный блок. Это обещало и значительное повышение его ударной силы, и существенное усиление обычных вооруженных сил, в частности сухопутных войск на Центрально-Европейском театре военных действий. Выходило, что народы стран Западной Европы, и прежде всего ФРГ, поведут чреватые наибольшими потерями войны, отстаивая интересы США.

Были приняты меры к тому, чтобы надежнее привязать западноевропейские страны НАТО к ядерной колеснице Вашингтона, сделать их соучастниками готовившейся Пентагоном ядерной войны против СССР и его союзников. На сессии Совета НАТО в апреле 1953 года был
256
поставлен вопрос об оснащении ядерным оружием вооруженных сил НАТО.

"Чтобы нейтрализовать возможность отрицательного отношения союзников к американским планам атомных ударов, — говорил государственный секретарь США Дж. Даллес на секретном совещании в январе 1954 года, — следует обменяться с западноевропейцами некоторой информацией по данному вопросу и позволить кое-кому из них приобрести несколько атомных бомб"[5].

В связи с такими установками американский конгресс пересмотрел в 1954 году закон Макмагона от 1946 года, по

которому запрещалось распространение информации о ядерном оружии. По новому положению в распоряжение союзников США по блоку могли выделяться средства доставки ядерных устройств.

Вообще в те годы, как свидетельствует двухтомный сборник "Внешняя политика США, 1952—1954 годы", содержащий рассекреченные документы, на заседаниях Совета национальной безопасности многократно поднимался вопрос о применении атомного оружия против корейского, вьетнамского и китайского народов. Так, 31 марта 1953 года президент Эйзенхауэр высказал мысль, что нельзя исключать необходимости "расширить войну за пределы Кореи и пустить в ход атомную бомбу". 3 декабря 1953 года представитель госдепартамента Боуи отметил, что "поскольку в рекомендациях комитета начальников штабов под противником подразумеваются все коммунисты, потребуется подвергнуть атомному удару советские и китайские вооруженные силы и военные объекты на Дальнем Востоке. Это означает атомные бомбардировки по существу всех городов Китая".

8 января 1954 года президент Эйзенхауэр заявил: "Если мы сможем одновременно совершить атомное нападение на все передовые базы ВВС коммунистов, противник будет обескровлен с самого начала боевых действий. Это — и наш план для Европы"[6].

В американской прессе тех лет было много публикаций, подобных статье в журнале "Кольерс", о которой

говорилось выше. Их цель состояла в том, чтобы приучить американский народ и общественность западного мира к мысли о неизбежности атомной войны, победителем в которой несомненно окажутся Соединенные Штаты и поддерживающие их страны.

Поскольку главный упор в достижении победы во всеобщей ядерной войне делался на "воздушную мощь" — создавался огромный флот реактивных стратегических бомбардировщиков. С принятием новой стратегии им была отдана пальма первенства в программе вооружений. На развитие ВВС ассигновалась почти половина всех средств министерства обороны США. Бюджет распределялся следующим образом: около 46 процентов — ВВС, около 28 — ВМС и примерно 23 процента — армии. Что касается ассигнований на приобретение новой техники, то эта разница еще более ощутима: ВВС получали около 60 процентов отпускаемых средств, ВМС — около 30, а армия — всего около 10 процентов.

Бюджетные ассигнования на развитие и строительство ВВС росли с каждым годом. Если в начале 50-х годов они не превышали 8—9 миллиардов долларов, то в 1954 году они составили 11,5 миллиарда, а в 1956 — 15,8 миллиарда долларов, тогда как ассигнования на армию остались примерно на том же уровне (около 7,8 миллиарда долларов). В течение 1950—1955 годов количество стратегических бомбардировщиков в составе стратегического авиационного командования (САК) было доведено до 1500 самолетов, из которых около 1000 находились в

боевых частях.
Столь интенсивному вводу в строй новых типов стратегических бомбардировщиков в немалой степени способствовала искусственно поднятая в прессе США паника об отставании США от СССР в области строительства стратегических бомбардировщиков. Поводом к тому послужил авиационный парад в Москве в июле 1955 года, на котором присутствовавшие американские специалисты воочию увидели первые советские стратегические бомбардировщики. Возглавлявший в то время Центральное разведывательное управление США А. Даллес впоследствии писал:
258

«В 1954 году появились свидетельства того, что СССР производит тяжелые межконтинентальные бомбардировщики дальнего радиуса действия, сравнимые с нашими В-52. Сначала все данные, включая парад 1955 года, приводили к выводу, что русские принимают на вооружение эту систему оружия в качестве главного элемента своих наступательных сил и планируют выпускать тяжелые бомбардировщики с темпом, который позволяет их экономика и технология... Все это привело к предположениям в нашей стране об "отставании по бомбардировщикам»[7].

Надо сказать, что уже на первомайском воздушном параде 1954 года впервые был продемонстрирован новый советский реактивный тяжелый бомбардировщик с 4 реактивными двигателями. Он стал именоваться М-4. Это было детище конструкторского бюро В. М. Мясищева. Создатели самолета готовили его как межконтинентальный бомбардировщик. Однако хотя по дальности он мог достичь Американского континента, но на возвращение на свои базы его возможностей не хватало. Дозаправка в воздухе в СССР в те годы еще не была освоена. Поэтому вопрос о том, считать ли М-4 межконтинентальным бомбардировщиком, было весьма проблематичным. Конструкторы полагали, что после нанесения ядерного удара по континентальной части США их бомбардировщик мог бы совершить посадку в нейтральной стране (например, в Мексике). Но советское правительство отвергло такой способ применения М-4, резонно указав его создателям, что в случае мировой войны рядом с США вряд ли окажутся нейтральные страны[8].

Так, видимо, расценили это и иностранные специалисты, наблюдавшие парад 1954 года в Москве. Новый бомбардировщик был отмечен ими как самолет дальнего радиуса действия, но сенсации не было.
Совершенно другой эффект имел воздушный парад в Москве летом 1955 года, где был показан новый туполевский турбовинтовой дальний бомбардировщик — ТУ-95, способный на достаточно высоких скоростях и значительных высотах наносить ядерные удары по США и возвращаться на свои базы.
259

Эксперты ведущего научно-исследовательского учреждения США — "РЭНД корпорейшн" А. Горелик и М. Раш констатируют: "Советский авиационный парад в июле 1955 года был, вероятно,

одной из наиболее успешных военных демонстраций в мирное время. Он в значительной степени повлиял на западную оценку стратегического баланса"[9].

Сам по себе этот факт свидетельствовал о ненадежности стратегии "массированного возмездия". Он еще раз напомнил о том, что в XX веке при бурном развитии научно-технического прогресса во многих индустриально развитых странах упование на длительную монополию какого-либо вида оружия (каким, например, виделись Пентагону стратегические бомбардировщики) абсурдно. Между тем на самом деле никакого отставания США, которые к тому времени уже имели более 1500 стратегических бомбардировщиков, не было. Это прекрасно знали организаторы крикливой кампании об "отставании" США.

"Бомбардировочное отставание так и не стало реальностью", — отмечал руководитель американской разведки Аллен Даллес[10]. Действительно, эта выдумка была нужна Пентагону для того, чтобы напугать американского обывателя-налогоплательщика, заставить его безропотно отдавать деньги на наращивание, на гонку вооружений.

Программа строительства стратегической авиации в США к тому времени уже достигла значительного размаха. Еще с начала 50-х годов основным самолетом САК стал 6-двигательнй турбореактивный средний стратегический бомбардировщик В-47 "Стратоджет", первые образцы которого имели максимальную скорость 960 км/ч, практический потолок 12 500 метров и дальность полета 8000 километров. Этот бомбардировщик считался в то время высшим достижением самолетостроения, и командование САК США возлагало на него большие надежды по преодолению советской противовоздушной обороны, рассчитывая на его максимальную скорость и высоту полета. К началу 1955 года почти все части и подразделения САК, имевшие ранее на вооружении самолеты В-29 и В-50, были перевооружены на самолеты В-47. В середине 50-х годов стратегическое авиа-

ционное командование США насчитывало всего 375 В-36 и уже 1200 В-47. Однако дальность полета этого самолета не давала возможности при базировании его на аэродромах континентальной части США достигать объектов СССР, находящихся в глубоком тылу. Поэтому с 1954 года устаревшие тяжелые бомбардировщики В-36 стали заменять реактивными тяжелыми бомбардировщиками В-52 с дальностью действия 16 000 километров (в дальнейшем — 18 000 километров) и скоростью 960 км/ч. Для того чтобы форсировать программу их строительства, и была раздута выдумка о том, что СССР "обгоняет" США в стратегической авиации. Это позволило Пентагону и военно-промышленному комплексу добиться огромных ассигнований на новую программу. В 1959 году на вооружении уже было 500 В-52. Но вопрос о недосягаемости внутренних районов Советского Союза все время не давал покоя американским стратегам. Эту проблему они пытались решать, с одной стороны, освоением дозаправки бомбардировщиков в

воздухе, а с другой — созданием передовых — ближе к границам СССР - баз.

Для однократной и многократной дозаправки топливом в воздухе на самолет-бомбардировщик устанавливалось специальное оборудование, а в составе стратегического авиационного командования был создан флот самолетов-топливозаправщиков (к 60-м годам — до 1000 самолетов) на базе транспортных самолетов С-97 и "Боинг-707", получивших соответственно названия КС-97 и КС-135. В Англии для этой цели использовались переоборудованные бомбардировщики типа "Валиант".

Поскольку флот специальных самолетов-заправщиков, имевшихся в САК, из-за своей малочисленности не мог обеспечить одновременно дозаправку в воздухе всех бомбардировщиков, САК решило часть В-47 содержать в постоянной боевой готовности на своих передовых авиационных базах в Англии, Испании, Марокко, на Аляске и островах Тихого океана. Эта система дежурства на передовых авиабазах получила в САК условное наименование "ответные действия" ("Рефлекс экшн"). Названием "от-

ветные действия" американская военщина прикрывала агрессивную сущность передового базирования, цель которого состояла в том, чтобы обеспечить успех первого, внезапного ядерного удара по СССР. В Пентагоне полагали, что такое дежурство части сил стратегической авиации на передовых авиабазах, расположенных в непосредственной близости от СССР и других стран социалистического лагеря, дает возможность более быстрого, одновременного и массированного ее применения.

В рамках стратегии "массированного возмездия" на свет появилась так называемая "ядерная авиационная доктрина", в которой были пересмотрены не только принципы боевого использования, но и тактика действий различных родов авиации и ракет в условиях применения ядерного оружия*. Эта доктрина, текст которой был опубликован в журнале "Эр Форс" за январь 1956 года, гласила, что из всех видов вооруженных сил военно-воздушные силы обладают наибольшей способностью к ведению решительных боевых действий. Указывалось также, что ВВС являются основным военным средством, обеспечивающим захват инициативы и достижение решительных результатов в войне. Главное место среди родов авиации отводилось стратегическим бомбардировщикам как силе, способной в короткий срок нанести противнику невосполнимый или трудновосполнимый урон. Вооруженная атомными, водородными, а если необходимо, и бактериологическими и химическими бомбами, стратегическая авиация должна была стать силой, обеспечивающей Америке, как выражались ее стратега, "национальную безопасность", а точнее — оружием устрашения и запугивания народов, основным средством политики "с позиции силы". Военные теоретики США возлагали такие надежды на стратегическую авиацию исходя из способности стратегических бомбардировщиков того

* В США под "авиационной доктриной" понимаются теоретические взгляды на особую роль и предназначение авиации в войне. Советская военная наука исходила из того, что в государстве существует единая военная доктрина, общая для всех видов вооруженных сил.

времени с достаточной степенью вероятности быстро достигать любой точки на территории любой страны, независимо от ее удаления от государственной границы, действовать в любое время суток, сравнительно неожиданно наносить мощные удары, применяя новые средства поражения большой разрушительной силы.

По мысли американских "ястребов", особую роль стратегическая авиация должна была сыграть в начальном, решающем периоде ядерной войны. Первые удары по наиболее жизненно важным центрам военного и экономического потенциала противника предполагалось производить сугубо внезапно. Основными принципами применения стратегической авиации считались как раз внезапные и массированные действия. Но в отличие от 40-х годов, когда все надежды возлагались только на стратегическую авиацию, теперь ей предстояло действовать в сочетании и во взаимодействии с другими родами авиации. Задачи, решаемые стратегической авиацией в этот период, изложил в то время командующий САК генерал Лимэй, сформулировав их так:

первостепенной задачей является выигрыш воздушного сражения путем поражения жизненно важных объектов страны: в первую очередь — аэродромов базирования атомоносной авиации, а также предприятий атомной промышленности; в дальнейшем — важнейших промышленных центров и коммуникаций;

вторая задача состоит в систематическом и полном разрушении промышленных объектов и других источников мощи противника путем проведения координированных атак против большого количества заранее намеченных целей;

третья задача — постоянная готовность к поддержке действий сухопутных войск. (Однако в Пентагоне считали, что стратегическая авиация, выполняя две первые задачи, не должна использоваться, кроме исключительных случаев, в интересах сухопутных войск.)

Наиболее эффективной формой боевого применения стратегической авиации была признана воздушная операция по плану верховного командования. В операции мысли-

лось участие не только всех или большинства сил стратегической бомбардировочной авиации, но и тактической и палубной авиации, находящейся на театрах военных действий, причем "действия всех этих воздушных сил должны быть заранее запланированы и по времени, и по объектам.

Естественно, большое внимание уделялось передовым базам в европейских странах НАТО, с которых предстояло действовать носителям ядерного оружия.

Главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерал Гюнтер в 1954 году заявил: "Мы

определили, что наша стратегия требует применения ядерного оружия независимо от того, будет ли оно применено противником или нет[11]. Такая стратегия предполагала однозначно: в случае военных действий в Европе ядерное оружие будет применено с самого начала. Между, тем на Западе было известно о наличии у СССР атомного, а затем и (с 1953 года) водородного оружия, и неотвратимость сокрушительного ответного удара по авиабазам США в Европе страшила лидеров западноевропейских держав. "Европа густо населена, — подчеркивал американский профессор Спаниер, — ее города расположены слишком близко один от другого, гражданские, военные, тактические и стратегические цели взаимно переплетаются. Ядерная война на суше была бы Катастрофой для Европы, вероятно, означая конец европейской цивилизации"[12].

Действительно, на учении НАТО "Карт Бланш", проведенном в 1955 году, условными ядерными ударами было "убито" 1,7 миллиона и "ранено" 3,5 миллиона человек, а число "пораженных радиацией" спрогнозировать попросту не было возможности[13]. Такие потери для малых стран (например, для Норвегии — 3,8 миллиона человек населения в 1955 году) означали бы катастрофу.

Но американские стратеги беспокоились главным образом за свои военные базы в Западной Европе. Успех стратегической авиации США зависел от живучести передовых баз, а они-то легко могли быть выведены противником из строя. Кроме того, с каждым годом возрастала уязвимость американских бомбардировщиков от средств со-

ветской системы ПВО, которая непрерывно совершенствовалась и представляла для них все большую угрозу, особенно при их следовании через огромные пространства к объектам в глубине советской территории. Преодолевать систему ПВО, насыщенную радиолокационными средствами, оснащенную сверхзвуковыми истребителями и возрастающим числом зенитных ракет, становилось теоретически все более сложно. Да и время следования к объектам удара, измерявшееся часами, позволяло стороне, подвергшейся нападению, успеть принять эффективные меры противодействия и тем сорвать планы агрессоров. Все это ставило под сомнение успех внезапного массированного авиационного нападения. Неотвратимость же сокрушительного ответного удара представлялась несомненной.

Вот почему военно-политическое руководство США рассчитывало теперь на создание иных носителей ядерного оружия: баллистических и крылатых ракет. Ракеты большой и средней дальности безусловно превосходили самолеты. Баллистические ракеты — неуязвимостью, скоростью, дальностью и способностью нести мощный ядерный заряд. Они могли действовать независимо от погоды и времени суток; ПВО страны, по которой наносились удары, не могла оказать им противодействия. Крылатые ракеты, несмотря на то что они по скорости и высоте полета приближались к самолету, тоже являлись перспективным оружием: их стоимость по сравнению с

самолетом была гораздо ниже, они не зависели от метеоусловий; обладали небольшими размерами, что затрудняло их обнаружение, особенно при действиях на малых высотах; могли запускаться с земли, с корабля, с самолета — и в силу всех этих качеств при массовом использовании представляли собой очень трудные цели для ПВО противника. Кроме того, оба типа ракет не требовали столь дефицитного и дорогостоящего летного состава. Ну а меньшая точность поражения цели с избытком перекрывалась мощностью ядерного заряда и позволяла действовать по обширнейшим объектам: городам, аэродромам, полигонам, гидроузлам и пр.
265

"По мере того, — писал американский военный теоретик Г. Кан, — как мы переходим в качестве основы наших стратегических сил от самолетов к ракетам, война становится более поддающейся расчету, чем раньше... Ракета является в Первую очередь продуктом инженерного успеха. Ее главные параметры включают такие данные, как вероятное круговое отклонение, взрывная сила, надежность, уязвимость цели, точность в определении местонахождения цели. Суммарный эффект этих переменных величин может быть весьма точно выражен математической формулой... Так что военные кампании, которые по своему размаху не имеют прецедента в прошлом, становятся, по существу, проблемой прикладной математики"[14].

Планами Пентагона предусматривалось создание в ближайшем будущем весьма мощных ядерных сил из межконтинентальных в первую очередь и оперативно-тактических ракет, а также стратегических бомбардировщиков. К тому времени в США и в других капиталистических странах уже широко развернулись работы по созданию ракетного оружия на основе известного опыта фашистской Германии.

В 1954 году Министерство ВВС, Отдел баллистических ракет Управления исследований и разработок при главном штабе ВВС, "Комитет фон Неймана" и инженерная корпорация "Рэмо Фолдридж" начали совместную разработку межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) "Атлас", контракт на изготовление которой получила фирма "Конвэйр". В 1955-м было начато создание МБР "Титан" и баллистической ракеты средней дальности "Тор" (соответственно компаниями "Мартин Мариэтта" и "Дуглас Эйркрафт"). А в 1957-м фирма "Боинг" начала разработку МБР "Минитмен", которая в отличие от предыдущих МБР работала не на жидком, а на твердом топливе.

Управление специальных проектов при главном штабе ВМС занималось разработкой баллистических ракет "Поларис", предназначенных для применения с атомных подводных лодок. Контракт на эту систему получила фирма "Локхид Эйркрафт".
266

Продолжала разработку ракетного оружия и армия (сухопутные войска) США.

Командование армии, которая с принятием стратегии "массированного возмездия" была отодвинута на задний план,

увидело в ракетном оружии шанс сравняться по значению с ВВС и ВМС и предприняло в середине 50-х годов попытки принять участие в разработке управляемых ракет средней дальности. В связи с этим с 1955 года В. фон Браун под эгидой фирмы "Крайслер" начал на основе "Редстоуна" разрабатывать ракету средней дальности "Юпитер", которая в дальнейшем была передана в ведение ВВС.

Вот так сначала в стратегических бомбардировщиках, а потом в ракетах руководители США видели то "абсолютное оружие", которым они собирались поставить в зависимость от "национальных интересов" Америки все мировое сообщество.

Баллистическая ракета, писали американские специалисты по ракетной технике, "может пролетать мимо любого известного ныне средства перехвата. Она способна поразить любую цель"[15].

Одновременно с работой над баллистическими ракетами разрабатывалась модель крылатых ракет, которые в то время называли самолетами-снарядами. Крылатые ракеты, созданные на рубеже 40—50-х годов — "Матадор", "Регулус", "Навахо", — имели дальность полета в несколько сот километров. Они должны были существенно дополнить удары стратегической авиации, а крылатая ракета "Снарк" (дальность — до 10 тысяч километров) могла действовать уже прямо из США по территории СССР.

Однако ракетам того времени были присущи и явные недостатки. Одним из них была их малая техническая надежность. Так, даже в 1963 году надежность ракет"Атлас" и "Титан" составляла 70 процентов (то есть из 100 запусков лишь 70 были удачными). Другим крупным недостатком, особенно ракет стратегического назначения, продолжала, как и в годы войны, оставаться их низкая точность поражения целей. Увеличение дальности полета тре-

бовало надежных систем управления, а радионавигационные, астроинерциальные и корреляционные системы управления не нашли широкого применения из-за их малой помехозащищенности и других недостатков. Автономные инерциальные системы управления, установленные на борту самолета, не были подвержены воздействию помех, но с увеличением дальности полета при их применении возрастало круговое вероятное отклонение (КВО), то есть понижалась точность попадания в цель. (У крылатых ракет КВО достигало 0,5 процента дальности вплоть до середины 60-х годов.) Это, в частности, явилось одной из причин снятия с вооружения крылатой ракеты "Снарк".

Широкое распространение инерциальные системы управления получили на баллистических ракетах большой и средней дальности, поскольку их мощный ядерный заряд обеспечивал поражение цели даже при значительном отклонении, а также на крылатых ракетах с дальностью порядка 1000 километров ("Матадор" — 960 километров) и с КВО около 3 километров. Таким образом, это поколение ракет, так же как и оружие "Фау", могло действовать лишь по достаточно крупным целям с заранее

известными координатами. Однако при сравнении с баллистическими ракетами той же дальности крылатые ракеты имели ряд преимуществ. Они стоили намного дешевле, быстрее вводились в строй и обеспечивали значительные дальности полета при меньшем весе. А то, что крылатым ракетам могли противостоять средства ПВО, в те годы не считалось крупным недостатком. Полагалось, что при массированном применении крылатых ракет, оснащенных ядерными зарядами, и умелой тактике (как это было вначале с Фау-1) даже небольшое количество крылатых ракет, преодолевших ПВО противника, сможет выполнить задачу. В 1954 году на вооружение ВВС и ВМС США поступили оперативно-тактические крылатые ракеты "Матадор" и "Регулус". Уже на учениях вооруженных сил США и НАТО в 1953-1956 годы ("Карт Бланш", "Уипсоу", "Темп", "Дивиденд", "Корона" и др.) широко отрабатывались способы их боевого применения.
268

В 1957 году бомбардировщики В-47 были оснащены крылатой ракетой "Раскал" класса "воздух— земля" с дальностью действия 160 километров и скоростью 1700 км/ч. Завершались работы по созданию крылатой ракеты "Хаунд Дог", которая обладала сверхзвуковой скоростью, оснащалась термоядерной боевой частью и имела дальность полета 800—1000 километров. Она предназначалась для вооружения бомбардировщиков В-52. Новая авиационная и ракетная техника, поступавшая на вооружение ВВС и других видов вооруженных сил, вдохновила генералов из Пентагона на поиски новых способов глобальной войны против социалистического блока. Авиационный "ядерный меч" превращался в "ракетный меч".

Но, как показали события, это было обоюдоострым оружием: Советский Союз ведь тоже не стоял на месте.

2. Ракеты выходят на авансцену

Советский Союз, с начала "холодной войны" приняв военно-стратегический вызов США, а позднее и НАТО, решил противопоставить их мощи военную мощь стран социализма. В ответ на политику Вашингтона "с позиции силы" Москва стала проводить свою силовую политику. Новые виды боевой техники во всевозрастающих количествах стали поступать в армию и на флот. Создание блока НАТО привело к тому, что Советский Союз, сокративший в 1945—1948 годы свои вооруженные силы с 11 365 тысяч человек до 2874 тысяч, с 1949 года начал вновь их увеличивать[16]. В 1952—1953 годы завершилась полная моторизация и механизация Советской Армии, авиация была перевооружена реактивными самолетами, совершенствовался флот. В войска поступали новые образцы танков, зенитных орудий, радиолокационной техники, автоматического оружия. Крупные советские силы, находившиеся в странах Восточной Европы, в случае войны могли быстро овладеть значительными территориями к западу от Эльбы и выйти к Ла-Маншу.
269

Развивалось и ракетное оружие. Непосредственно к созданию ракеты с дальностью полета до 1200 километров (Р-5) отечественные конструкторы приступили лишь после успешных испытаний ракет Р-1 в 1951 году. Испытания, проведенные с 30 декабря 1954 года по 7 февраля 55-го, подтвердили, что ракета в основном отвечает заданным требованиям[17].

Здесь уместно вспомнить эпизод, приведенный академиком А. Д. Сахаровым в его воспоминаниях. На встрече Нового, 1955 года в высоких военно-промышленных и военных кругах Сахаров, говоря об успешных испытаниях Р-5, заметил: "Пусть эти снаряды так же успешно, как сегодня (речь, видимо, шла о пуске 30 декабря 1954 года. — *А. О.),* взрываются над полигонами, но никогда над городами". После его тоста, как вспоминает Сахаров, за столом "воцарилось молчание, как будто я сказал что-то неприличное". Неловкую паузу разрядил заместитель министра обороны Митрофан Неделин. Он рассказал анекдот: «Жена лежит в постели, а муж перед иконой молится: "Господи! Укрепи и направь". Она говорит: "Ты моли о том, чтобы укрепил, а направить я и сама смогу". Так выпьем же за то, чтобы укрепить!»[18].

Однако ракета Р-5 разрабатывалась только с неядерной головной частью. В связи с успехами ученых-атомщиков постановлением Совета Министров СССР № 674-292 от 10 апреля 1954 года было решено создать ракету, способную нести ядерный заряд. Ею стала ракета Р-5М. 2 февраля 1956 года были проведены зачетные испытания этой ракеты, оснащенной ядерным зарядом. Испытания прошли успешно. Постановлением СМ СССР № 842-464 от 21 июня 1956 года ракета Р-5М с дальностью полета от 500 до 1200 километров принимается на вооружение[19]. К 1 августа 1956 года было выпущено уже 30 ракет Р-5М, на 1957 год заказано 80, на 1958-й — 100 ракет.

Принятие на вооружение ракетно-ядерного оружия стратегического назначения потребовало коренного пересмотра роли средств вооруженной борьбы в современной войне.

270

И это было сделано. 1946—1959 годы отличались напряженной работой государственных и военных органов по созданию баллистических ракет стратегического назначения, оснащению ими боевых частей и разработке принципов, форм и способов их применения. В 1957—1958 годы на ракету Р-5 М были перевооружены практически все дивизионы инженерных бригад РВГК, в ВВС эту ракету осваивали 15 полков[20]. Согласно плану использования ракетных частей в случае военных действий, утвержденном в ноябре 1957 года, началось их перебазирование в приграничные районы. Два ракетных дивизиона 72-й инженерной бригады РВГК были размещены в декабре 1958 года на территории ГДР[21]. Такая дислокация позволяла нанести ракетно-ядерный удар на всю глубину Западного и Ближневосточного театра военных действий, где располагались основные группировки войск и военные базы США и стран НАТО.

Боевое применение частей с ракетами Р-5М в те годы

планировалось по аналогии с неядерными комплексами Р-1 и Р-2 и предусматривалось для обеспечения действий сухопутных войск во фронтовых наступательных и оборонительных операциях.

Это, конечно, не соответствовало требованиям к боевому применению частей ракет средней дальности (РСД), но в то время обусловливалось объективными факторами, а именно:

огромным влиянием опыта Великой Отечественной войны;

разработкой теории боевого применения РСД одновременно с освоением этого оружия в войсках;

включением ракетных частей в различные виды вооруженных сил;

строгой засекреченностью всей информации, относящейся к ракетно-ядерному оружию.

С принятием на вооружение ракеты Р-12 (постановление СМ СССР № 238-106 от 4 марта 1959 года[22] и успешными испытаниями ракеты Р-14[23] боевое применение РСД стало планироваться по заранее выбранным целям со стационарных позиций. Согласно проекту наставления по

271

боевому применению 1959 года ракетные части уже не передавались в случае агрессии в оперативное подчинение фронтам, а использовались только по решению Верховного Главнокомандования. Разработка для РСД шахтных пусковых установок отражала принципиально новый взгляд на их применение.

В те годы руководство СССР приобрело и первый опыт демонстрации РСД как средства военно-политического давления на вероятного противника. Об эффективности этого средства свидетельствует заявление советского правительства 5 ноября 1956 года о возможности применить ракетно-ядерное оружие против Англии и Франции, напавших на Египет, что привело к разрешению суэцкого кризиса. Ракеты стали действенным инструментом в политике эпохи "холодной войны". Появление современных вооружений (межконтинентальные баллистические ракеты, атомные подводные лодки-ракетоносцы, зенитные ракетные комплексы, стратегические бомбардировщики и т. д.), требующих небольшого, но высококвалифицированного персонала для их обслуживания, позволило советскому правительству пойти на сокращение очень больших и дорогостоящих сухопутных войск. В 1955 году СССР сократил численность своих вооруженных сил на 640 тысяч человек, в 1956-м — еще на 1 миллион 200 тысяч, в 1957-м — на 300 тысяч человек. Были расформированы 63 дивизии и бригады, часть военных училищ, 375 кораблей поставлено на консервацию. В заявлении советского правительства от 14 мая 1956 года в связи с крупнейшим (1200 тысяч человек) сокращением советских войск говорилось, что СССР "стремится содействовать делу практического осуществления программы разоружения".

Несмотря на идеологические различия двух блоков, были предприняты шаги к смягчению их позиций. В 1959 году Никита Хрущев с большой делегацией посетил США. Этот визит ослабил

напряженность между двумя сверхдержавами и противостоявшими блоками. На май 1960 года была назначена встреча глав правительств США, СССР, Великобритании и Франции в Париже, а Эйзенхауэр был приглашен посетить СССР.
272

Это потепление в отношениях между СССР и США сказалось и в военной сфере. Выступая 14 января 1960 года на заседании Верховного Совета СССР, Н. Хрущев, напомнив о том, что Советские Вооруженные Силы, насчитывавшие в 1955 году 5 миллионов 763 тысячи человек, были сокращены в 1955—1958 годах на 2 миллиона 140 тысяч человек, внес от имени правительства предложение сократить Вооруженные Силы СССР еще на 1 миллион 200 тысяч человек. Верховный Совет одобрил эту инициативу, что должно было продемонстрировать действительно миролюбивые настроения советского руководства в ту пору, стремление смягчить международную напряженность.

К этому времени американскому военно-политическому руководству становилось все более очевидно, что доктрина "массированного возмездия" не оправдывает возлагавшихся на нее надежд. Успех главного удара стратегической авиации того времени зависел от живучести передовых баз, а они легко могли быть выведены противником из строя. Кроме того, с каждым годом возрастала уязвимость бомбардировщиков от средств советской ПВО, которая непрерывно совершенствовалась.

В январе 1957 года начались полигонные испытания зенитного ракетного комплекса (ЗРК) С-75 "Двина". Он состоял из радиолокационной станции наведения, двухступенчатых зенитных управляемых ракет (стартовый двигатель на твердом топливе, маршевый — на жидком), 6 пусковых установок, бортового оборудования и средств электропитания. Технические характеристики и особенности конструкции комплекса позволяли осуществлять его свертывание за 4 часа, а развертывание и настройку за 4—5 часов. Скорость передвижения его на марше по дорогам — до 20 км/ч.

Этот ЗРК перекрывал возможности имевшихся на тот период самолетов на Западе и даже перспективных средств воздушного нападения, о которых сообщалось в иностранной печати. Эффективность С-75 просто поражала военных специалистов, особенно фронтовых зенитчиков. Уничтожались цели, идущие со скоростью 1500 километров в час на высоте 22 000 метров. В течение 10 минут один
273
дивизион уничтожал до 5 целей, идущих с интервалом в 1,5—2 минуты. На сбитый самолет уходило 2—3 ракеты. Такими характеристиками не обладала ни одна зенитная артиллерийская система. В ноябре 1957 года "Двина" поступила в войска. Вскоре появились его модификации "Десна" и "Волхов", а в 1961 году— ЗРК "Нева", позволявший уничтожить цели на встречных курсах на высотах от 200 метров до 10 километров на дальности от 6 до 10 километров — при скоростях полета цели до 1500 км/ч. Это уже понижало боевые возможности американских самолетов.

Но главное состояло в том, что стратегия "массированного

возмездия" оказалась непригодной для достижения политических целей США и НАТО.

Во-первых, Советский Союз не пошел по пути "зеркального" ответа Соединенным Штатам на их стратегию "массированного возмездия", а сделал ставку на ракетное оружие, стратегическая же авиация стала дополнительным средством воздушно-космических сил СССР. С середины 50-х годов Вооруженные силы СССР вступили в новый этап развития. Авиация была оснащена межконтинентальными бомбардировщиками, в массовом масштабе внедрялось ракетно-ядерное оружие в войска.

Во-вторых, англо-франко-израильская агрессия против Египта (1956), конфликт, связанный с Сирией (1957), события в Ливане и Ираке (1958), поражение французов в Индокитае, а англичан в Малайе — все говорило о том, что развязывание ядерной войны при любом конфликте в "третьем мире" было бы невозможным и крайне опасным. Стратегия "массированного возмездия" не смогла помешать распаду колониальной системы и росту влияния СССР несмотря на политические ошибки правительства Н. С. Хрущева в 50-е годы. Неадекватность "массированного возмездия" складывавшейся международной обстановке спутала карты Пентагона и в конце концов вынудила США отказаться от этой стратегии.

Советский Союз вступал в ракетно-ядерную эру. По ряду военно-стратегических показателей он опережал Со-

274

единенные Штаты, но был всегда готов к новым разоружениям во имя мирного сосуществования.

В то же время советская внешняя политика была далека от идеальной. Как правильно вести себя в новый ракетно-ядерный век — это осознавалось не сразу. Было много пропагандистских, широковещательных заявлений — не хватало взвешенных, серьезных инициатив. Вредила импровизация, во многом не продуманные акции, волюнтаристские, волевые подходы к решению важнейших проблем жизни в мировом сообществе.

3. 1956-й — год кризисов

В эти годы произошел и ряд кризисов в странах социалистического содружества. Секретный доклад Н. С. Хрущева "о культе личности", сообщенный после XX съезда КПСС (февраль 1956 года) стал известен во всем мире. В кругах мировой общественности он вызвал чрезвычайно громкий резонанс. Особенно остро он отразился на жизни стран недавно созданного (1955) Варшавского Договора. Подспудные ранее центробежные течения, инициируемые противниками СССР в странах социалистического лагеря, недовольство определенных слоев населения в этих государствах политикой Москвы сразу же после смерти Сталина начали проявляться открыто. Это выразилось в волнениях в Польше и ГДР (1953), но получило особенный размах в 1956 году в ходе политических кризисов в

Польше и Венгрии.
Признаки приближающегося кризиса в Польской Народной Республике начали проявляться еще до 1956 года. В марте 1954-го на XI съезде Польской Объединенной Рабочей партии (ПОРП) в докладе секретаря ЦК Болеслава Берута уже говорилось о необходимости демократизации партийной и политической жизни в стране. Из партийного аппарата были удалены наиболее скомпрометировавшие себя фигуры и освобожден из тюрем ряд политических заключенных, в том числе известный политический деятель

Владислав Гомулка. На III пленуме ЦК ПОРП в январе 1955 года раздались критические голоса в адрес высших партийных руководителей, которых обвиняли в нарушениях законности и просчетах в экономической политике. В польском обществе усилилось "брожение умов", и особенно среди интеллигенции[24]. Складывались различные общественные организации, дискуссионные клубы (например, "Клуб кривого колеса"), где остро ставились вопросы политической и общественной жизни. Ослабление цензуры позволило выносить на обсуждение широкой публики волновавшие общество проблемы идеологии, экономики и истории — рассматривались они в журналах "Нова культура", "Пшегленд Культуральный", "Попросту" и др. Все это будоражило сознание народа. Немалую роль играли антисоветские передачи зарубежных радиостанций, таких как "Голос Америки", "Свободная Европа" и др. Развитию свободомыслия в Польше способствовало и изменение обстановки в СССР: прекращение "дела врачей-вредителей", пересмотр "ленинградского дела", разоблачение Берии и его подручных, начало реабилитации политических заключенных и пр. Все это не могло не сказаться на внутриполитической обстановке и в Польше, порождало те политические сдвиги, которые в 1956 году привели к кризису советско-польских отношений.
Мощный толчок к политическим переменам дал XX съезд КПСС и доклад Н. С. Хрущева "О культе личности и его последствиях" в феврале 1956 года. В Польше узнали об этом из отчета делегации ПОРП о работе XX съезда КПСС, сообщенного на собрании партийного актива Варшавы 3—4 марта. Несмотря на секретность доклада Хрущева, он вскоре стал достоянием широкой общественности. Так, 10 марта центральный орган ПОРП "Трибуна люду" опубликовал редакционную статью с заголовком хрущевского доклада. Это стало сенсацией и вело к брожению в партии и обществе. 28—29 июня демонстрация рабочих крупных предприятий в Познани переросла в уличные беспорядки. Демонстранты выдвинули лозунги: "Свободы!", "Хлеба!", "Долой коммунизм!". Это была уже

очень серьезная акция. Произошли даже перестрелки демонстрантов с силами внутренней безопасности. Стихийный бунт был жестоко подавлен с помощью войск: 70 человек были убиты, около 500 — ранены[25].

Советские руководители, обеспокоенные тем, что произошло в Польше, искали способ "нормализовать" положение. Нужен был харизматический лидер для удержания польского народа в социалистическом содружестве и в организации Варшавского Договора, созданной всего год назад. Такого лидера Кремль, и прежде всего Хрущев, увидели в Владиславе Гомулке. Он как жертва сталинских репрессий и как человек, имевший свой взгляд на "польский путь к социализму", пользовался в стране и партии непререкаемым авторитетом, противостоял репрессивной политике последних лет.

Симпатии в ПОРП к Гомулке и поддержка его Н. С. Хрущевым привели к тому, что в августе он, а также ранее репрессированные члены партии М. Спыхальский и З. Клишко были реабилитированы и восстановлены в партии. 17 октября Гомулку включили в комиссию по подготовке нового состава политбюро. В то же день состоялось заседание политбюро. Было решено рекомендовать Гомулку на пост первого секретаря на пленуме ЦК ПОРП, который должен был открыться 19 октября.

С этого момента события начали развиваться с необычайной быстротой. Вот что писал Хрущев в заметках "XX съезд и Польша": "Мы узнали через своего посла (П. К. Пономаренко. — *А. О.),* что в Польше развернулись бурные события, поляки очень поносят Советский Союз и чуть ли не готовят переворот, в результате которого к власти придут настроенные антисоветски"[26].

В Кремле решили, что настал час решительных действий. 18 октября министр обороны СССР Г. К. Жуков отдает приказ о приведении в боевую готовность Северной группы войск в Польше и Балтийского флота.

19 октября в Варшаву прибыли члены советской делегации Н. С. Хрущев, В. М. Молотов, А. И. Микоян и Л. М. Каганович.

277

Встречи польских и советских представителей состоялись 19 октября и 20 октября. Как вспоминал Хрущев, "беседа была бурной. Прямо стоял вопрос: за Советы поляки или против? Разговор шел грубый, без дипломатии. Мы предъявляли свои претензии и требовали объяснения действий, которые были направлены против СССР"[27] .Делегация КПСС была не согласна и с тем, что политбюро не хотело включить в новый состав маршала К. Рокоссовского, бывшего в то время министром обороны Польши. В центре внимания оказалась проблема польско-советских отношений. При ее обсуждении Гомулка, охарактеризовав обстановку в стране, заявил о своей уверенности в том, что ПОРП сумеет успешно справиться с ситуацией и сохранить Польшу в социалистическом содружестве и Варшавском Договоре. Он потребовал уточнить статус советских войск в Польше, прекратить вмешательство официальных советских представителей во внутренние дела Польши[28].

Тем временем за стенами Бельведерского дворца события продолжали развиваться. Приведенные 18 октября в повышенную готовность советские части Северной группы войск

не бездействовали. По приказу главнокомандующего Объединенными войсками Варшавского Договора маршала Конева танковая дивизия с места дислокации двигалась к Варшаве. Обстановка была чрезвычайно тревожная. Когда Хрущев спросил Рокоссовского, насколько можно полагаться на польские войска, тот ответил: "Сейчас польские войска не все послушают моего приказа, хотя есть части (он назвал их), которые выполнят мой приказ"[29].

Пока шли бурные дебаты в Бельведере, советская танковая дивизия приближалась к Варшаве. Узнав об этом, польское руководство срочно создало два штаба — военный и гражданский. На военный штаб возлагалась задача следить за передвижением советских войск и информировать политбюро. "Гражданский штаб должен был обеспечить помощь военному штабу в случае необходимости. Его актив составляли студенты и рабочие автозавода, которые сформировали рабочую милицию. 800 человек были вооружены стрелковым оружием. На других заводах и фабриках создавались отряды самообороны[30].

278

О приближении танковой дивизии к Варшаве было объявлено участникам совещания. Как вспоминал Хрущев, в разгар горячего спора к нему подошел весьма взволнованный Гомулка. Он сказал: «Товарищ Хрущев, на Варшаву движется русская танковая дивизия. Я очень прошу вас дать приказ не вводить ее в город... Прошу вас остановить движение советских войск. Вы думаете, что только вы нуждаетесь в дружбе с польским народом? Я, как поляк и коммунист, клянусь, что Польша больше нуждается в дружбе с русскими, чем русские в дружбе с поляками. Разве мы не понимаем, что без вас мы не сможем просуществовать как независимое государство?» [31]

Советская делегация, посовещавшись с Рокоссовским, приняла решение остановить марш танковой дивизии. Обстановка разрядилась, когда польское руководство через свои каналы убедилось, что советские войска отведены от Варшавы[32].

20 октября советская делегация вернулась в Москву, предварительно договорившись о том, что переговоры продолжатся в ближайшее время в Москве[33].

В те октябрьские дни на улицах польских городов, особенно Варшавы, начались митинги, достигшие наибольшего накала 19—21 октября. Только после массового (300 тысяч человек) митинга в столице у Дворца культуры 24 октября, на котором с балкона выступил Гомулка, призвавший прекратить "митинговщину", жизнь страны стала входить в нормальное русло.

Решения, принятые на пленуме ЦК ПОРП, стали быстро осуществляться. Был освобожден от поста министра национальной обороны К. Рокоссовский (вскоре он вернулся в Москву), ликвидирован институт советских военных советников, заменены начальники политорганов в вооруженных силах, сменились партийные руководители в воеводствах, в высшие органы законодательной и исполнительной власти вошли представители Объединенной Крестьянской и Демократической

партий, повысилась роль сейма как законодательного органа, большую роль в общественной жизни начал играть костел"[34].
279

24 октября в Москве состоялось расширенное заседание Президиума ЦК КПСС с участием лидеров коммунистических и рабочих партий социалистических стран: В.Ульбрихта и О. Гротеволя (ГДР), Т. Живкова (НРБ), А. Новотного (ЧССР) и представителя КНР — Лю Шао-ци. На нем обсуждалось положение в Польше и Венгрии, где также нарастали народные волнения. Хрущев доложил о поездке в Варшаву советской делегации и новом составе политбюро ЦК ПОРП. Он рассказал об обстановке резких споров, в которой проходила дискуссия, о выступлении Гомулки, игравшем ключевую роль с польской стороны в Бельведерском дворце[35].

Принципы суверенности, равноправия в отношениях между социалистическими странами, невмешательства во внутренние дела друг друга нашли отражение в Декларации правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами. Она была принята 30 октября 1956 года и на следующий день опубликована в советской и польской печати.

В Декларации говорилось, что "страны великого содружества социалистических наций могут строить свои взаимоотношения только на принципах полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга"; провозглашалась "необходимость полного учета исторического прошлого и особенностей каждой страны, вставшей на путь строительства новой жизни", а также готовность принять "меры, обеспечивающие дальнейшее развитие и укрепление экономических связей между социалистическими странами с тем, чтобы устранить какие бы то ни было возможности нарушения принципа суверенитета, взаимной выгоды и равноправия в экономических отношениях"; выражалось согласие рассмотреть вопросы о статусе советских войск в Польше, находившихся там "на основании Потсдамского соглашения четырех держав и Варшавского Договора" и отзыве в СССР советских советников. Много места в Декларации отводилось событиям в Венгрии[36].
280

Второй раунд советско-польских переговоров состоялся в Москве 15—18 ноября 1956 года. Принятая на нем совместная декларация утверждала принцип полного равноправия, уважения территориальной целостности, независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела[37]. Декларация определяла статус советских войск в Польше, экономические отношения между двумя странами и порядок дальнейшей репатриации поляков, оказавшихся в СССР после 2-й мировой войны.

Итоги переговоров были встречены в Польше с энтузиазмом. Новое руководство страны набирало авторитет во всех слоях общества. Кризис советско-польских отношений был преодолен.

Польша первой из стран социалистического лагеря сумела добиться выгодного для страны компромисса со всемогущим патроном, причем добиться политическими средствами, что позволило руководству СССР воздержаться от применения силы. После совещаний в Варшаве и Москве правителям СССР казалось, что "польский вопрос" решен. В Польше действительно до конца 70-х годов сопротивление советской "модели социализма" (всегда подспудно существовавшее) не достигало такой степени накала как, например, в Чехословакии в 1968 году, однако демонстрация советской стороной полного взаимопонимания между СССР и Польшей хотя и способствовала в значительной мере укреплению польско-советских отношений, но не положила конец разногласиям. "Польский вопрос" как призрак, как "тень отца Гамлета" маячил на заднем плане во всех перипетиях противостояния СССР — США и НАТО — ОВД.

Польский кризис был разрешен политическими средствами, хотя Москва готова была применить силу и даже было предприняла шаги в этом направлении. Избежать насилия удалось потому, что политическое руководство СССР проявило благоразумие, способность пойти на компромисс, встретив конструктивную позицию польских лидеров в вопросе построения советско-польских отношений на новых принципах.

"Польский октябрь" показал возможность гуманного решения спорных вопросов между СССР и другими стра-

281

нами социалистического содружества. И хотя приемы силового давления не исчезли из арсенала политических средств СССР, в его внешней политике все большее место стало отводиться поискам иных политических методов, учитывающих интересы другой стороны.

По иному сценарию разыгрывались события в Венгрии. Как и в других странах Восточной Европы, большой резонанс в Венгрии получили решения XX съезда КПСС. Однако венгерское партийно-политическое руководство во главе с первым секретарем ЦК Венгерской партии трудящихся (ВПТ) М. Ракоши продолжало прежний политический курс, взятый еще в сталинские времена, что вызывало все большее недовольство в стране.

Летом 1956 года всеобщее недовольство в Венгрии достигло критической точки. В СССР это вызвало тревогу. В Будапешт была направлена высокопоставленная партийная делегация для выработки необходимых мер по стабилизации положения. Побывавший в Венгрии член Политбюро М. А. Суслов, однако, не увидел тогда особых причин для беспокойства. Сторонники Ракоши после этого визита предложили "разработать и осуществить мероприятия, обеспечивающие усиление партийной работы в МВД и его местных органах, а также принятие других необходимых мер для борьбы с подрывной деятельностью оппозиции и вражеской агентуры".

Однако начатая правительством кампания "по наведению порядка" взбудоражила и без того неспокойное венгерское общество. Возникла опасность взрыва народного гнева. Пленум

ЦК ВПТ, начавший свою работу 18 июля 1956 года с участием Микояна, прибывшего в Будапешт для выяснения обстановки, снял Ракоши с поста первого секретаря ЦК партии. Первым секретарем партии стал Эрне Гере. Он, по существу, продолжал прежний курс, который поддерживало абсолютное большинство политбюро, и только Янош Кадар, известный политический деятель, недавно выпущенный из тюрьмы, выступал за политические перемены[38]. Однако венгерское общество продолжало бурлить. Советское руководство осознавало сложность ситуа-

282

ции. После июньского совещания руководителей компартий в Москве Н. С. Хрущев писал И. Тито, что если венгерская ситуация будет ухудшаться, то не исключается использование любых средств для преодоления кризиса[39]. В Советском Союзе Венгрию считали "слабым звеном социалистического лагеря"[40]. К осени 1956 года действительно сложилась взрывоопасная ситуация, которую партийно-государственное руководство во главе с Э. Гере и премьером А. Хегедюшем не сумело предвидеть и разрядить.

22 октября 1956 года в Будапештском политехническом университете к сформулированным студентами обычным требованиям — созыв партийного съезда, удаление сталинистов из руководства, расширение социалистической демократии, возвращение на пост бывшего премьера И. Надя (снятого с этого поста еще в 1955 году за попытки проведения демократических реформ), отказ от чрезмерных для крестьянства госпоставок сельскохозяйственной продукции и др. — добавились требования, отражавшие национально-демократические устремления: предоставление гражданских прав, разрешение многопартийности, проведение свободных выборов, возвращение старой национальной символики. Студенты требовали нормализации советско-венгерских отношений на основе равноправия и принципа невмешательства во внутренние дела друг друга, а также вывода советских войск из Венгрии. На 23 октября 1956 года намечался митинг солидарности студентов с польскими трудящимися в борьбе против политики правительства.

Обстановка в стране вызывала беспокойство и у советского руководства. Были приведены в повышенную готовность воинские части, расквартированные в Венгрии. 23 октября глава КГБ СССР И. А. Серов и первый заместитель начальника Генштаба Советской Армии М. С. Малинин находились уже в Венгрии.

В этот день студенты и присоединившиеся к ним жители Будапешта вышли на демонстрацию, требуя удаления "символа сталинской тирании и политического подавления" — памятника Сталину, возвращения на родину Ракоши, на-

283

шедшего убежище в СССР, с тем чтобы тот предстал перед судом за свои антинародные действия и преступления[41].

Демонстрация и митинги 23 октября прошли мирно, но

вечером, после завершения трудового дня у здания парламента собрались сотни тысяч представителей разных социальных групп, включая рабочих крупнейших промышленных предприятий Будапешта. Они требовали, чтобы перед ними выступил опальный Имре Надь, настаивали на возвращении его на пост премьер-министра страны и продолжении его реформ. Демонстранты начали демонтировать памятник Сталину. Часть митингующих во главе со студентами отправилась к зданию радио, чтобы добиться передачи по радио своих требований. Руководство венгерского радио не пожелало разговаривать со студентами, на попытку студентов проникнуть в здание охрана ответила огнем. Пролилась кровь... Возмущенные демонстранты разоружили группу солдат, прибывших для поддержки охраны здания. Кровопролитие, жертвы среди мирных граждан привели к тому, что ряд милиционеров и военнослужащих встали на сторону масс. Началось восстание.

Ночью партийные власти Венгрии принимали срочные меры по пополнению высшего руководства страны людьми из демократического крыла партии в расчете на то, что с их помощью удастся успокоить восставших. И. Надь был срочно восстановлен в высшем руководстве и назначен президиумом ВПТ на пост председателя совмина. Но и это и то, что было введено чрезвычайное положение, уже не смогло переломить развитие событий.

В тот же день министр обороны СССР Г. К. Жуков сообщил Н. С. Хрущеву о срочной просьбе Гере оказать помощь в разгоне "демонстрации" небывалого масштаба[42]. Однако в Москве колебались. Только после нового обращения из Будапешта, где говорилось "об исключительно опасной ситуации и необходимости советского вмешательства", Президиум ЦК КПСС решился на военное вмешательство. Когда решение было принято, Жуков отдал приказ особому корпусу советских войск. 24 октября на рассвете советские части вступили в Будапешт.

284

Главные силы особого корпуса в Венгрии с 2 до 4 часов по местному времени, вступив в венгерскую столицу, взяли под свой контроль важнейшие объекты города и очистили район радиостанции от повстанцев. Следует отметить, что советские войска тогда не встретили сопротивления.

Демонстрация силы была призвана устрашить "мятежных венгров", но танки на улицах, разгон демонстрантов лишь усугубили положение в стране. Эти действия повели к выдвижению новых требований, в частности, выведения из страны советских войск, оказавших поддержку потерпевшему крах венгерскому партийному руководству. А оно все еще не осознавало масштаба опасности.

25 октября, вместо того чтобы попытаться мирно урегулировать обострившийся конфликт (в тех условиях это было вполне возможно), Гере стал угрожать. Это существенно осложнило положение в стране. После провокационного обстрела безоружных демонстрантов 25 октября на площади возле здания парламента (было много убитых и тысячи раненых)

начавшееся братание студентов и молодежи с советскими солдатами прекратилось.

В тот же день, 25 октября, пост Гере занял Я. Кадар. Избрание Кадара на пост лидера ВПТ позволило правительству Надя сделать конкретные шаги по ликвидации кризиса демократическим путем.

Однако присутствие советских войск, их участие в подавлении восстания способствовали тому, что наряду с требованием демократизации внутренней жизни страны повстанцами были выдвинуты вопросы национального суверенитета и вывода советских войск из Венгрии. И. Надь лишь под давлением масс в целях смягчения напряженности, в интересах прекращения вооруженных стычек в одном из своих выступлений по радио 25 октября был вынужден от имени правительства, с одобрения ЦК ВПТ заявить, что советские войска будут выведены "незамедлительно после восстановления мира и порядка"[43].

Заявление И. Надя было расценено в ЦК КПСС как самовольное, заранее не согласованное с Кремлем "обе-

285

щание начать переговоры с Советским Союзом о выводе советских войск из Венгрии".

После этого правительство И. Надя, уже не упоминая о выводе советских войск, начало урегулирование конфликта с повстанцами мирными средствами. Оно призвало к прекращению огня и объявило амнистию тем, кто сложит оружие.

Народ тем не менее продолжал оказывать давление на правительство, с тем чтобы оно выполнило три основных его требования: вывести советские войска; сформировать правительство на коалиционной основе; ликвидировать органы госбезопасности, повинные в массовом расстреле 25 октября у парламента. Союз писателей Венгрии выступил с требованием немедленно прекратить огонь и предложил объявить амнистию участникам боев и отвести советские войска в казармы. Но были и более радикальные требования: вывести советские войска из страны до начала 1957 года, а также вывести Венгрию из ОВД[44].

События последующих дней еще более накалили обстановку: произошли расстрелы мирных демонстрантов в Мишкольце, Дьере, Эстергоме, Кечкемете и других городах. Они показали, что силовые меры не достигают цели и национальное примирение возможно лишь в результате уступок и переговоров, удовлетворения хотя бы части требований восставшего народа. Были начаты переговоры с повстанцами в Будапеште. Вечером 28 октября премьер выступил по радио и пообещал удовлетворить часть требований повстанцев. Он изложил программу обновленного правительства, в которое вошли и представители бывшей некогда влиятельной партии мелких сельских хозяев. Было обнародовано распоряжение правительства о немедленном прекращении огня. Прекратили боевые действия соответственно и советские подразделения. По согласованию с представителями СССР правительством И. Надя органы госбезопасности были распущены. Получили признание

стихийно возникшие органы народного самоуправления — революционные и рабочие Советы. Были восстановлены национальный герб и национальный празд-
286
ник 15 марта — День памяти революции 1848 года. В заявлении Надя говорилось, что согласно достигнутой договоренности с правительством СССР начнется вывод советских войск из Будапешта.

Правительственное заявление вызвало облегчение и было встречено с одобрением со стороны населения: оно означало перелом в противостоянии между правительством и восставшим народом, начали складываться предпосылки для мирного диалога и преодоления противостояния, открывалась возможность мирного выхода из сложившейся ситуации.

Советские войска 30 октября были выведены из Будапешта. Но процесс обоюдного движения к мирному выходу из ситуации был омрачен новым серьезным инцидентом. 30 октября у Будапештского горкома партии группа повстанцев заметила солдат распущенных органов госбезопасности. Повстанцы полагали, что в подвале здания держат арестованных. Желая их освободить, собравшиеся на площади пытались проникнуть в здание. Направленная туда делегация была уничтожена, после чего началась перестрелка, которая завершилась штурмом здания и расстрелом его защитников[45].

Новое восстание в Будапеште оказалось неожиданным, и для венгерского, и для советского руководства, и для мирового сообщества. Еще 28 октября Совет безопасности ООН поставил на повестку дня вопрос о положении в Венгрии. Примерно в то же время московскому руководству стало известно о принципиальных позициях администрации США по венгерскому вопросу. Опасения окончательно порвать с принципами Ялтинских и Потсдамских соглашений (тем более что в Вашингтоне знали о готовящемся вторжении в Египет англо-франко-израильских сил) и нежелание возможного конфликта с СССР привели к тому, что вашингтонская администрация уже 27 октября провозгласила политику невмешательства, о чем посол США в Москве Ч. Болен 29 октября дополнительно уведомил советское руководство[46]. В тот же день Израиль, начав войну против Египта, вторгся в зону Суэцкого ка-
287
нала. В военный конфликт вмешались вооруженные силы Англии и Франции. Все эти факторы в итоге оказали решающее влияние на политику СССР, руководители которого изменили тактику поведения в отношении Венгрии[47].

Однако позиция Запада в отношении венгерских событий носила двойственный, противоречивый и в значительной мере подстрекательский характер. Венгерское население чрезвычайно будоражили передачи на Венгрию радиостанций "Голос Америки" и "Свободная Европа". Нередко в этих передачах содержалась, по существу, программа действий для людей, не согласных с порядками в Венгрии. К тому же материалы этих радиостанций были составлены таким образом, что создавали у

многих венгров иллюзию, что если развитие событий примет "чрезвычайный характер", то "Запад не оставит Венгрию в беде". Однако когда события действительно приобрели чрезвычайный характер, то все обернулось совсем по-другому. Как показывают исследования последних лет, западные державы и не собирались идти на помощь венгерским повстанцам[48].

В руководящих кругах США и НАТО считалось, что события в Венгрии являются внутренним делом советского блока. В этой связи красноречивы свидетельства бывшего в то время министром обороны ФРГ Ф.-Й. Штрауса:

«Сперва американцы внушают венграм надежду, а когда дело становится серьезным, они бросают венгерский народ на произвол судьбы. Не могло идти речи о военном вмешательстве со стороны НАТО. Подавление венгерского народного восстания Красной Армией не рассматривалось как акция, затрагивающая интересы НАТО...

Я и сегодня твердо убежден, что русские не осуществили бы вторжения, если бы американцы заранее позаботились о том, чтобы занять ясную позицию»[49].

Однако стечение обстоятельств, международные факторы (позиция Вашингтона, прогрессировавший Суэцкий кризис и др.) толкали большую часть советской правящей верхушки к решительным действиям. 1 ноября И. Надь по радио провозгласил нейтралитет ВНР и объявил о ее готовности жить в дружбе со всеми соседними странами,

288

включая СССР, на принципах равноправия и независимости[50]. Для советского правительства наступило время действий. Ситуация в мире была весьма сложной. В Египте продолжались военные действия. Только что был улажен политический кризис в Польше. Выход Венгрии из ОВД и социалистического содружества мог привести к непредсказуемым для мира социализма и престижа Советского Союза последствиям. И решение было принято.

4 ноября 1956 года, в 12 часов, маршал Жуков доложил в высшие партийные инстанции: "В 6 часов 15 минут 4 ноября с. г. советские войска приступили к проведению операции по наведению порядка и восстановлению народно-демократической власти в Венгрии"[51]. Было также доложено о занятии городов, в том числе венгерской столицы, важнейших мостов, железнодорожных узлов и других стратегических объектов страны. Обращалось внимание на то, что венгерские гарнизоны не оказывали советским войскам сопротивления.

И. Надь после активного наступления наших войск на Будапешт сообщил по радио народу страны и мировому сообществу об "очевидных намерениях свергнуть законное демократическое венгерское правительство"[52] и с остальными коммунистами-реформаторами из правительства нашел убежище в здании югославского посольства в Будапеште. Радио Будапешта на русском и венгерском языках непрестанно передавало сообщение: "Венгерское правительство просит офицеров и солдат Советской Армии не стрелять. Избегайте

кровопролития! Русские— наши друзья и останутся ими!"[53].

Рано утром 4 ноября, почти одновременно с началом военных операций, на волнах Солнокского радио прозвучало обращение нового, созданного в Солноке Революционного рабоче-крестьянского правительства Яноша Кадара. В нем говорилось, что это правительство обратилось с просьбой к командованию советских войск, чтобы оно "помогло нашему народу разбить черные силы реакции и контрреволюции, восстановить народный социалистический строй, восстановить порядок и спокойствие в

289

нашей стране"[54]. С появлением в Будапеште 7 ноября 1956 года Я. Кадара началась новая глава во взаимоотношениях Москвы и Будапешта.

Венгерские войска действительно не оказывали противодействия, но стихийное сопротивление повстанцев в ряде районов венгерской столицы продолжалось вплоть до 11 ноября. По венгерским данным, с 23 октября 1956 по январь 1957 года (до тех пор пока не прекратились отдельные вооруженные стычки повстанцев с венгерскими властями и советскими войсками) с венгерской стороны погибли 2502 и были ранены 19 226 человек[55]. С советской стороны были убиты, умерли от ран и пропали без вести 720, а ранены 1540 человек[56].

События в Венгрии надолго омрачили советско-венгерские отношения и стали для мира симптомом неблагополучия в лагере стран социализма. Они подлили масло в огонь "холодной войны", дали толчок творцам американской внешней политики усилить деятельность американских спецслужб и пропагандистских организаций по разложению изнутри государств ОВД и всего социалистического содружества, используя и нагнетая антисоветские настроения, поддерживая националистические элементы в этих странах.

Тем не менее, несмотря на промахи советской политики в ряде стран социалистического лагеря, возрастал авторитет Советского Союза и притягательность идей социализма в зоне национально-освободительного движения, в набирающем силу "третьем мире".

Стремление каждой из великих держав утвердить (СССР, США) или сохранить (Англия, Франция) свое влияние в "третьем мире" становилось актуальной чертой мирового противоборства. СССР, уже создавший вокруг себя пояс дружественных государств, всячески поддерживал борьбу народов Азии, Африки, Латинской Америки против бывших или еще остающихся колониальными держав, распространяя в этих странах идеи социализма.

Англия и Франция пытались удержать в своей орбите бывшие колонии, США стремились освоить эти страны

290

как рынки сбыта. Эти противоречия особенно наглядно проявились в 1956 году, который стал поистине годом кризисов.

Важнейшим из них в схватке за "третий мир" стал конфликт, вошедший в историю как Суэцкий кризис. На Ближнем Востоке с развалом колониальной системы образовался "вакуум власти".

Поэтому туда устремились и старые метрополии — Англия и Франция, и новые сверхдержавы — СССР и США.

До середины 50-х годов Египет, бывший с 1914 по 1921 год протекторатом Великобритании, став в 1922-м независимым Королевством, фактически оставался под контролем Британии. 15 октября 1951 года Египет расторг договор 1936 года, на основании которого на его территории дислоцировались английские войска. Но англичане не только не вывели войска, но и увеличили их численность до 120 тысяч человек. Ответом стали массовые митинги протеста и партизанская борьба против английских оккупантов[57].

23 июля 1952 года в Египте революционная организация "свободных офицеров" во главе с полковником Г. А. Насером свергла монархический режим и провозгласила страну республикой. Новое правительство во главе с Насером стремилось проводить независимую политику. Это привело к ухудшению отношений с Англией и обострило противостояние с Израилем. Несмотря на то, что в 1950 году Англия, США и Франция подписали соглашение, запрещавшее им продавать оружие как арабским странам, так и Израилю, Париж и Тель-Авив в 1954 году заключили секретный договор о поставке Израилю новейшего французского вооружения[58]. В 1953 году США предложили президенту Насеру военно-экономическую помощь Египту и замену английских войск силами НАТО, но получили отказ. Стремясь продлить свое присутствие в Египте, Великобритания подписала в 1954 году соглашение с Египтом о выводе своих войск в течение 20 месяцев и передаче правительству Насера всех военных объектов на территории страны. С созданием в 1955-м Багдадского пакта (Турция, Ирак, Иран, Пакистан, Великобритания) Египту

291

было предложено вступить в эту организацию, но Каир отказался. Положение на Ближнем Востоке осложнялось. Израиль и страны Багдадского пакта рассматривались Египтом как враждебное окружение. Народно-освободительная война в Алжире, обретение независимости Сирией, Суданом, Тунисом, Марокко — все это говорило о бурно развивающемся процессе распада колониальной системы Запада. Создавались благоприятные предпосылки для расширения советского влияния в этом регионе, что весьма беспокоило руководство НАТО. Их опасения строились не на песке. С 1955 года по просьбе Насера, после того как Запад отверг его предложение о поставках Египту оружия, Москва тайно, через Чехословакию, начала продавать Египту современные вооружения: танки, самолеты, артиллерию и т. д.[59].

В США, Великобритании и других странах Запада советско-египетская акция вызывала растущее беспокойство: там не хотели пускать русских на Ближний Восток, и без того охваченный революционным брожением. Президент Эйзенхауэр обещал Насеру американскую финансовую помощь в строительстве Асуанской плотины. Но когда египетский президент признал КНР и начал закупать оружие у ЧССР, США

21 июля 1956 года отказались от своего обещания. Это поставило Египет в безвыходное положение: крах грандиозного проекта грозил огромными неприятностями экономике страны. Тогда через 5 дней 26 июля Насер пошел на крайне дерзкий шаг: решил национализировать Суэцкий канал. На грандиозном митинге в Александрии он на следующий день объявил, что средства, вырученные от национализации канала, пойдут на строительство Асуанской плотины, и сообщил об обещании СССР оказать экономическую помощь Египту. (Согласие на это советское правительство дало в июне, во время визита министра иностранных дел Д. Г. Шепилова в Египет.)

Заявление Насера вызвало бурю в Лондоне и Париже. 27 июля премьер-министр Великобритании А. Идеи направил телеграмму Эйзенхауэру. Он писал, что Запад не может позволить Насеру захватить Суэц. Он требовал не-

292

медленных совместных англо-американских действий, считая, что в противном случае американо-английское влияние на Среднем Востоке будет "непоправимо подорвано". Он утверждал, что интересы морских государств оказались под угрозой, поскольку египтяне не обладают технической компетенцией, необходимой для эксплуатации канала. Идеи сообщал о подготовке в Англии плана военных действий против Египта, считая, что Запад должен "образумить Насера".

Эйзенхауэр не разделял взглядов британцев. Он полагал, что "власть суверенного государства — отчуждать частную собственность на своей собственной территории — вряд ли может быть подвергнута сомнению... Насер действовал в пределах своих прав". Но он был уверен и в другом: "... размышляя о нашей ситуации в Панаме, мы не должны допустить, чтобы эта акция сошла Насеру просто так"[60].

Однако англичане и французы вели свою игру. На встрече представителей США, Великобритании и США в конце июля позиции Лондона и Парижа совпадали: пресечь в зародыше попытку неповиновения Египта любым путем, не останавливаясь перед применением силы. США призывали их не спешить, рассчитывая своим миротворчеством получить политические дивиденды в арабском мире. Не будучи колониальной империей, Соединенные Штаты могли найти понимание арабов в их борьбе против колониализма и в конечном счете потеснить своих союзников-конкурентов в богатейшем нефтеносном регионе. Поэтому американские представители предложили интернационализировать канал, передав управление им под международную юрисдикцию. Дискуссия в течение недели не привела к согласию.

Тогда бывшая компания Суэцкого канала отозвала своих лоцманов, проводивших океанские корабли через узкий и сложный фарватер. Это был хорошо рассчитанный удар. Не готовое к такому обороту дела правительство Египта начало поиск новых лоцманов, но в условиях противодействия Лондона и Парижа эта задача была не из легких. Тогда на помощь Египту пришел Советский Союз.

293

По распоряжению Н. С. Хрущева, первого секретаря ЦК компартии, в Египет были направлены лоцманы из СССР. Они в большинстве имели высокую квалификацию и быстро могли освоить условия работы на Суэцком канале. Ехали в Египет лоцманы как "частные лица", нанятые администрацией канала[61]. Этим актом советское правительство демонстрировало нарождавшемуся "третьему миру" свою солидарность с народами, обретающими независимость, и показывало Западу, что СССР выходит на международную арену как активный участник мировой политики в "третьем мире".

Тенденция США отмежеваться от воинственной позиции Великобритании и Франции, акции СССР по оказанию помощи Египту еще более усилили напряженность на Ближнем Востоке. Правительства Англии и Франции начали готовить интервенцию в Египет. К разработке военных планов присоединился Израиль. Складывалась своеобразная коалиция, в которой каждый из участников преследовал свои цели. Англия и Франция стремились сохранить все военно-политические и экономические выгоды от владения Суэцким каналом. Кроме того, Великобритания надеялась укрепить свое пошатнувшееся политическое влияние на Ближнем и Среднем Востоке, а Франция — наказать Египет за его активную поддержку национально-освободительной борьбы в Алжире. Целью Израиля было расширить свою территорию[62].

В США с тревогой наблюдали за военными приготовлениями своих союзников. Американские разведслужбы отметили возросшую интенсивность радиообмена шифрованными посланиями между Лондоном и Парижем. Воздушная разведка докладывала, что Израиль проводит мобилизацию, на израильских авиабазах насчитывалось до 60 французских реактивных истребителей-бомбардировщиков типа "Мистэр". Узнав об этом, президент Эйзенхауэр пришел в ярость: мало того, что французы, несмотря на соглашение о запрете продажи оружия странам Среднего Востока, добились от США разрешения на продажу Израилю 24 "мистэров", так они еще за спиной США вмес-

294

то 24 поставили Израилю 60 таких самолетов. Через госсекретаря Д. Даллеса он передал израильскому премьеру Бен-Гуриону, что в долгосрочной перспективе агрессия Израиля "не может не привести к катастрофе и те его друзья, которые у него еще останутся в мире, не смогут ничем помочь ему, как бы сильны они ни были"[63].

Тем временем Англия, Франция и Израиль развернули планомерную подготовку к агрессии против Египта. В начале сентября было принято решение перебросить из Алжира на Мальту французские части: отсюда им ближе было действовать по Египту. Начать нападение должен был Израиль, которому гарантировалась финансовая и военно-техническая помощь. На подготовку к новой войне Израиль в 1956 году положил половину собственного бюджета[64]. Одновременно государства НАТО

поставляли Израилю танки, самолеты, орудия и стрелковое вооружение. В январе 1956 года из Англии было получено 100 танков, в феврале Канада поставила боеприпасы на 30 тысяч долларов, а в апреле начали поступать первые из 100 заказанных французских самолетов типа "Мистэр"[65]. Сотни израильских офицеров всех родов войск проходили подготовку в странах НАТО. Кроме того, офицерские кадры готовились в открытой в 1954 году в Израиле Академии генерального штаба[66].

Для войны против Египта в 1956 году Израиль мобилизовал 150 тысяч человек. Его сухопутные войска имели на вооружении 400 танков, более 400 орудий, около 500 бронетранспортеров. Военно-морские силы, пополненные тремя фрегатами, поставленными Канадой, и двумя эсминцами из Англии, имели 30 боевых кораблей[67]. ВВС насчитывали 360 самолетов, включая старые американские и английские, оснащенные новым вооружением. В целом Израиль обладал значительной военной мощью.

16 октября на англо-французской встрече в Париже было принято окончательное решение о нападении на Египет. 23 октября 1956 года генеральные штабы Англии, Франции и Израиля завершили разработку плана совместных действий. Объединенный англо-французский штаб,

295

руководивший вторжением, размещался на Кипре; израильский генштаб осуществлял руководство со своей территории.

В совместной воздушно-сухопутно-морской операции должны были принять участие 25 тысяч англичан и столько же французов. С учетом морских и вспомогательных сил численность англо-французского экспедиционного корпуса превышала 100 тысяч человек. Всего же для интервенции было сосредоточено 229 тысяч солдат и офицеров трех стран, 650 самолетов и свыше 130 боевых кораблей[68]. Египетская армия к тому времени располагала значительными вооружениями, приобретенными как на Западе, так и в социалистических странах. Однако Египет не обладал достаточным военным потенциалом, чтобы обеспечить оборону государства при одновременном нападении на него на суше, с воздуха и моря. При значительных людских ресурсах страна не имела возможности подготовить боеспособную армию, поскольку большая доля призывного контингента оказывалась непригодной к военной службе из-за болезней, неграмотности, а также из-за нехватки оружия. Кроме того, перед началом агрессии египетские вооруженные силы находились в стадии реорганизации, а новая боевая техника, полученная из социалистических стран, еще не была полностью освоена. В рядах сухопутных сил было 75 тысяч, в ВВС — 11 тысяч человек. Египетская 100-тысячная Национальная гвардия не прошла достаточной подготовки и не располагала необходимым вооружением. В общей сложности на вооружении сухопутных войск было около 600 танков и самоходно-артиллерийских орудий разного типа, 400 полевых, 200 зенитных орудий и 200 бронетранспортеров[69]. Часть этих танков и орудий до начала

военных действий находились преимущественно на базах, а не в войсках. Египетские ВВС имели в своем составе около 15 эскадрилий самолетов английского и советского производства, но до начала агрессии не все советские самолеты были приняты на вооружение. В целом из 128 современных самолетов в боеготовом состоянии находилось лишь 42[70]. Всей мощи совре-
296
менных флотов США и Англии Египет мог противопоставить лишь 4 эсминца, 7 фрегатов и несколько вспомогательных судов.

Тройственная агрессия против Египта шла в два этапа. На первом этапе Израиль осуществлял наступление на Синайском полуострове, а Англия и Франция — воздушные налеты на Египет; на втором — Англия и Франция планировали высадить морские и воздушные десанты в зоне Суэцкого канала. Израильское наступление должно было развернуться одновременно по трем направлениям: вдоль Средиземноморского побережья со вспомогательным маневром по окружению и уничтожению египетских войск в районе Газы; через перевал Митла на Суэц и на Исмаилию, а в ограниченных масштабах — вдоль побережий Суэцкого залива и залива Акаба.

29 октября израильские войска вторглись в Египет. Израиль стремился нанести военное поражение Египту, которое могло бы привести к падению насеровского режима; уничтожить базы палестинских боевиков на Синае; заставить Египет заключить мирный договор на выгодных для Тель-Авива условиях. Созданная для вторжения израильская группировка войск включала 10 бригад (около 100 тысяч человек), 200 танков, около 600 орудий и минометов, около 150 боевых самолетов и до 20 боевых кораблей[71]. Главной целью группировки было овладение сектором Газа на Синайском полуострове, а также выход и закрепление на побережье Акабского залива. Большое значение придавалось взаимодействию с англо-французскими войсками, согласованию с ними сроков боевых операций[72].

Египет выставил против Израиля две стрелковые дивизии, а также части местной самообороны, не представлявшие сколько-нибудь серьезной боевой силы. На наиболее угрожаемые направления была брошена часть резервов. Боевые действия в первый день агрессии велись главным образом на южном, суэцком, направлении. Войска израильской ударной группировки "Центр" при поддержке танков овладели рядом египетских населенных пунктов. На других направлениях они продвигались медленнее из-
297
за того, что техника вязла в песках. После высадки в районе перевала Митла израильского воздушного десанта французские самолеты начали доставлять ему боевую технику, боеприпасы, горючее, продовольствие и воду. Переброшенные в Израиль за день до начала вторжения 60 французских реактивных истребителей с французскими экипажами поддерживали действия израильских сухопутных войск. Одновременно к египетским берегам двигались корабли английских и французских ВМС[73].

30 октября Англия и Франция, разыгрывая роль "миротворцев", предъявили Египту и Израилю ультиматум с требованием к обеим сторонам отвести войска на 10 миль (16 километров) от Суэцкого канала. Одновременно они потребовали согласия Насера на оккупацию (конечно "временную") Порт-Саида, Исмаилии и Суэца. Этот ультиматум был демонстративным жестом, рассчитанным на мировую общественность. Он был направлен только против Египта, поскольку к этому времени израильские войска еще находились в 50 километрах от Суэца. Кроме того, ультиматум давал сторонам весьма жесткое время для обдумывания ответа: 12 часов — до 4.30.31 октября по Гринвичу[74]. (Это напоминало ультиматум Гитлера Польше 30 августа 1939 года, когда поляки просто не имели времени выполнить требования Германии в установленные сроки.) Докладывая президенту США об этом ультиматуме, госсекретарь Д. Ф. Даллес отметил, что "этот документ по своей грубости и жестокости превосходит все, чему он когда-либо был свидетелем"[75]. Представитель США в Организации Объединенных Наций Г. Лодж заявил на Генеральной Ассамблее ООН, что США намерены представить резолюцию, призывающую к прекращению военных действий между Израилем и Египтом, отводу израильской армии к первоначальной границе и отказу всех членов ООН от использования силы, а также к их участию в эмбарго на торговлю с Израилем до тех пор, пока войска не будут отведены. Это сообщение было встречено продолжительными аплодисментами. Страны "третьего мира" с энтузиазмом восприняли намерения США поддержать

Египет, восставший против держав, теснейшими узами связанных с Вашингтоном. Рейтинг США в мировом общественном мнении резко подскочил вверх. Еще более подняло авторитет США обращение Эйзенхауэра к конфликтующим сторонам и народам мира. Президент заявил, что Англия и Франция с США не консультировались, принимая решение о вооруженном вмешательстве, что США не примут участия в конфликте, что их целью является прекращение вспыхнувшей на Ближнем Востоке войны. Правда, он тут же оговорился, что такая позиция США не скажется на узах дружбы, связывающих Америку с Англией и Францией, равно как и с другими партнерами по НАТО[76].

Советское правительство, поглощенное событиями в Венгрии, выступило 1 ноября с трафаретным заявлением МИД. Только потом, прочитав заявление Эйзенхауэра и отклики на него в мире, Н. С. Хрущев понял, что американцы захватили инициативу, выступая миротворцами и не связывая при этом рук своим союзникам. Советский лидер понимал, что необходимо предпринять какой-то важный шаг, достойный могучей, но миролюбивой державы, однако, скованный венгерским восстанием, решил выждать несколько дней[77].

Тем временем события вокруг Египта приобретали все более зловещий характер. 31 октября израильские войска вышли на подступы к каналу в районе Суэца. В тот же день в боевые

действия включилась англо-французская авиация. Ее задачей было поддержание господства в воздухе, а также массированные налеты на египетские города и военные объекты. Бомбардировке подверглись Порт-Саид, Каир, Исмаилия, Суэц, Александрия и многие аэродромы. Разрушение половины египетских аэродромов в результате налетов и выведение из строя до 140 боевых самолетов египетских ВВС позволили агрессорам завоевать господство в воздухе и осуществить беспрепятственную высадку воздушных и морских десантов[78]. Корабельная артиллерия обстреливала береговые укрепления. Египетскому командованию все же удалось сохранить часть самоле-
299
тов советского производства. Советские и чехословацкие пилоты сумели перегнать все боеготовые МИГ-15, МИГ-17 и ИЛ-28 на безопасные аэродромы в Саудовской Аравии. Попытки египетской авиации противодействовать воздушному противнику и наземным войскам Израиля успеха не принесли: пилоты ВВС Египта не имели опыта современной воздушной войны.

Учитывая угрозу высадки англо-французских десантов, египетское командование отвело свои войска с Синайского полуострова и разместило их в зоне Суэцкого канала. 1 ноября израильским войскам удалось прорвать оборону египтян вдоль Средиземноморского побережья. 2 ноября при поддержке авиации и французской корабельной артиллерии они овладели г. Газа и на следующий день были в 15—20 километрах от Суэцкого канала. 5 ноября израильтяне овладели ключевым пунктом у входа в Акабский залив— Шарм-аш-Шейхом, а также принадлежащими Саудовской Аравии островами Тиран и Санафир. Весь Синайский полуостров оказался в руках Израиля.

В боях за Синай египтяне понесли большие потери, однако расчет агрессоров на то, что поражения на фронте приведут к свержению правительства Насера, не оправдался. Тогда Англия и Франция решили предпринять вторжение собственными силами. Оно началось с воздушных десантов, которые осуществляли англо-французские войска, находившиеся на Кипре. 5 ноября при поддержке авиации английская парашютная бригада захватила Порт-Саид, а французские бригады — Порт-Фуад. В ночь на 6 ноября на захваченных плацдармах началась высадка морского десанта, поддержанного прибывшими с Мальты и из Тулона 122 боевыми кораблями, среди которых было несколько линейных кораблей, 4 авианосца и 2 вертолетоносца. Объединенные англо-французские силы вторжения включали 80 тысяч человек, более 430 танков, 520 орудий и минометов. Их поддерживало около 600 самолетов[79].
Медленно продвигаясь на юг вдоль канала, англо-французские войска готовились к наступлению на Каир. Отличительной особенностью операции было широкое исполь-
300
зование воздушно-десантных войск. Отсутствие противовоздушной обороны у египтян позволило противнику использовать самолеты с небольшими скоростями и производить

десантирование с незначительной высоты. Для переброски морской пехоты впервые применялись вертолеты.

Военные действия шли под аккомпанемент решительных политических акций. 1 ноября Египет разорвал дипломатические отношения с Великобританией и Францией. Сирия последовала его примеру и передала свои вооруженные силы под египетское командование. Сирийцы подорвали нефтепроводы, проходившие из Ирака через Сирию к морю. 3 ноября А. Идеи отверг призыв Совета Безопасности ООН к прекращению огня. На следующий день Эйзенхауэр, узнав о позиции Великобритании и о том, что англо-французская эскадра, вышедшая из портов Кипра, приближается к египетскому побережью, предложил Идену возвратить корабли на Кипр. Иден ответил: "...Если мы сейчас повернем назад, то весь Средний Восток будет охвачен пламенем... Мы не можем допустить военный вакуум в то время, когда силы ООН только еще формируются"[80]. Вашингтону стало ясно, что Британия и Франция полны решимости добиться своих целей.

В Москве в эти дни ломали голову, как помочь Насеру. В октябре советское правительство не могло уделять достаточного внимания событиям, происходившим на Ближнем Востоке. В те дни социалистический мир потрясли антисоветские выступления в Польше и восстание в Венгрии, где дело дошло до вооруженного столкновения, в котором приняли участие и советские войска. Эти события приковывали к себе основное внимание советских руководителей. Но в конце октября — начале ноября Советскому Союзу удалось политически уладить вопрос с польским правительством, а восстание в Венгрии было подавлено новым венгерским правительством Я. Кадара с помощью советских войск. Теперь Хрущев мог переключиться на Египет. Объявленное американцами невмешательство упрощало принятие решения советскому лидеру: теперь, когда американцы отмежевались от англо-фран-

цузской авантюры, можно было выступить с заявлением, в котором наряду с призывом прекратить агрессию звучала бы угроза применить в противном случае силу. Американская же позиция исключала прямой вызов США в этом вопросе.

Но вставал другой вопрос: чем можно посильнее подкрепить свою угрозу, чтобы она убедительно прозвучала для Лондона и Парижа. Провели ряд политических акций. Министр иностранных дел Д. Г. Шепилов обратился к председателю Совета Безопасности Джелалу Абдоху с предложением предъявить агрессорам ультиматум с требованием прекратить военные действия в течение 12 часов, причем СССР выразил готовность предоставить в распоряжение ООН свои военно-воздушные и военно-морские силы. В Москве у посольств Великобритании, Франции и Израиля были проведены демонстрации протеста. Советский посол в Тель-Авиве покинул Израиль. Но чем повесомей подкрепить решимость СССР оказать действенную помощь? И тогда Хрущев решился применить прием, которым он потом неоднократно пользовался при

возникновении военно-политических кризисов и вооруженных конфликтов. Он решил пригрозить ракетно-ядерными ударами по Лондону и Парижу, чтобы заставить правительства Англии и Франции прекратить войну в Египте.

В то время в СССР было несколько ракет Р-5 с дальностью действия 1200 километров, что позволяло с территории СССР и его европейских союзников поражать цели в Англии и Франции. Они были испытаны на полигоне Капустина Яра. Боеготовых, а тем более развернутых на боевых позициях ракет этого класса, однако, не было[81]. Но во время визита советской правительственной делегации во главе с Булганиным и Хрущевым в Лондон весной 1956 года. Последний много говорил о создании в Советском Союзе ракет, по дальности достигавших Англии. Тогда это, как казалось, произвело впечатление. Тем более что Хрущев прямо говорил о переходе СССР с массовых армий на ракетно-ядерное оружие. Кроме того, в Москве было известно, что западные разведки знали о пусках ра-

302

кет в Капустином Яре, но, как полагали в Кремле, не знали степени готовности ракетного оружия к боевому применению. На этом и решил сыграть Хрущев.

5 ноября в Москве было опубликовано обращение советского премьера Н. А. Булганина к руководителям Англии, Франции и Израиля — Антони Идену, Ги Молле и Бен-Гуриону. Тон обращения был резкий. Советский Союз предостерегал, что локальный конфликт может перерасти в мировую войну, и предлагал США и другим государствам — членам ООН использовать совместно свои вооруженные силы для прекращения кровопролития. Советский Союз заявлял о своей "решимости применением силы сокрушить агрессоров и восстановить мир" на Ближнем Востоке. В ноте, направленной в Великобританию, в частности, говорилось:

«В каком положении оказалась бы сама Англия, если бы на нее напали более сильные государства, располагающие всеми видами современного истребительного оружия?А ведь такие страны могли бы в настоящее время и не высылать к берегам Англии военно-морского или военно-воздушного флотов, а использовать другие средства, например, ракетную технику. Если бы ракетное оружие было применено против Англии или Франции, вы, наверное, назвали бы это варварским действием»[82].

Это послание произвело в Лондоне и Париже впечатление разорвавшейся бомбы. Ги Молле подняли с постели. Прочитав советский ультиматум, французский премьер бросился звонить в Лондон. Там была такая же реакция. Всю ночь по телефону шли консультации между Иденом и Ги Молле: прикидывали, насколько реальна угроза. После прежнего заявления США о невмешательстве Англия и Франция оставались один на один с СССР. Иден вспоминал, как Хрущев весной, во время визита в Лондон, похвалялся советским ракетным могуществом. Утром 6 ноября оба правительства объявили о прекращении огня с 0 часов 7 ноября[83]. Москва ликовала: блеф удался. Но в Кремле не знали, что в те же дни шли интенсивные консультации Лондона с

Вашингтоном. Дело в том, что Бул-
303
ганин направил также письмо Эйзенхауэру с предложением, чтобы СССР и США объединили силы и совместно положили конец военным действиям:

«Советское правительство обращается к правительству Соединенных Штатов с предложением пресечь агрессию и прекратить дальнейшее кровопролитие. США располагают в Средиземном море сильным военно-морским флотом и могучей авиацией. Советский Союз таю/се обладает сильным военно-морским флотом и могучей авиацией. Совместное и безотлагательное использование этих средств со стороны Соединенных Штатов и Советского Союза явилось бы надежной гарантией прекращения агрессии... Если эта война не будет прекращена, то существует опасность, что она может перерасти в третью мировую войну»[84].

В этом советском предложении нарочито, не без умысла преувеличивались возможности советского флота и авиации. Мысль о том, чтобы направить на Ближний Восток советские войска, и прежде всего воздушно-десантные части, у Хрущева была, но министр обороны СССР Г. К. Жуков доложил правительству, что в Генеральном штабе проработали вариант воздушного десанта и пришли к неутешительным выводам. Даже если Турция и Иран не воспрепятствуют пролету самолетов, перебросить достаточное количество войск и вооружений, наладить их снабжение за недостатком самолетов не удастся. В столкновении с экспедиционными силами союзников, которые обеспечены всем необходимым, и при господстве в Средиземном море английского и французского флотов и авиации советские воздушно-десантные части были бы обречены на поражение[85].

Но в Вашингтоне об этом не знали. На совещании в Белом доме 5 ноября директор ЦРУ Аллен Даллес сообщил, что, по имеющимся разведывательным данным, Советы пообещали египтянам "сделать что-нибудь" на Среднем Востоке. Он предполагал, что СССР направит в Сирию военную авиацию. Было решено отклонить предложение советского премьера. Президент поручил директору ФБР Гуверу сделать заявление, в котором предупре-
304
дить русских, что, если они попытаются ввести войска на Ближний Восток, США будут противодействовать этому с использованием силы.

6 ноября Эйзенхауэр приказал Даллесу произвести разведывательные полеты авиации США над Сирией и Израилем, "избегая, однако, полетов над Россией", Их задачей было установить наличие советских войск или авиации на базах в Сирии. Если они будут обнаружены, полагал президент, "у англичан и французов будет повод их уничтожать". Он поинтересовался также, имеют ли силы флота США на Средиземном море атомное противолодочное оружие.

"Эти ребята, — говорил президент о советском руководстве, — одновременно и пребывают в ярости, и испытывают страх... Эта

комбинация — наиболее опасное состояние ума... И если эти парни что-либо предпримут, мы должны стукнуть их, и если необходимо — стукнуть всем, что мы имеем в корзине". Он считал, что письмо Булганина порождено страхом русских. Они, по мнению Эйзенхауэра, опасались, что события в Венгрии приведут к развалу Варшавского Договора, созданного год назад. В связи с этим Москва стремится продемонстрировать свою силу, чтобы, показывая Западу свои высокие военные возможности, удержать его от соблазна вмешиваться в дела стран ОВД. В то же время он заявил, что если Советы нападут на французов и англичан, то "мы вступим в войну и будем вправе предпринять военные действия". Но уже в тот же день ему доложили, что, по данным разведки, советских ВВС нет ни на авиабазах Сирии, ни на пути в Египет. Это, конечно, снижало угрозу расширения конфликта, но тем не менее в США были приняты меры по повышению боевой готовности: военнослужащие, бывшие в отпусках, были отозваны в свои части[86].

В телефонном разговоре Эйзенхауэра с Иденом, состоявшемся 6 ноября, британский премьер сообщил, что он только что объявил о готовности Англии согласиться на прекращение огня. "Я не могу выразить, как мы рады"[87], — так комментировал президент эту новость.

305

В Москве тем временем с тревогой наблюдали за развитием событий на Ближнем Востоке. Поскольку идея воздушного десанта отпадала, оставалось уповать на грозное заявление Булганина. В Кремле еще не знали о последней телефонной беседе Идена с Эйзенхауэром. Но вскоре пришло сообщение о выступлении Идена 6 ноября в палате общин, в котором он заявил, что английские войска выполнили свои задачи и с нуля часов 7 ноября прекращают военные действия в Египте. И хотя бои в Порт-Саиде продолжались, стало ясно, что война идет к концу. 8 ноября стрельба прекратилась. Израиль дал обещание отвести свои войска с Синайского полуострова и сектора из Газы. К концу ноября силы ООН заняли позиции на египетско-израильской границе. Англо-французские войска были выведены из Египта в декабре 1956 года, а израильские — в марте 1957-го. Так закончился Суэцкий кризис. Кремль расценил это как успех своей политики.

Сегодня, спустя много лет, этот кризис привлекает внимание историков не его военным аспектом (он достаточно характерен для многих локальных военных конфликтов того времени), а аспектом политическим. Одним из наиболее важных направлений того времени стало соперничество за обладание "сферами интересов" в нарождающемся "третьем мире".

В 1957—1964 годы руководители СССР побывали в Индии, Индонезии, Бирме, Афганистане, Иране и других странах. Советский Союз посетили лидеры Индии, Индонезии, Ганы, Гвинеи, Мали, Судана, Сомали, Сенегала, Лаоса, Камбоджи и ряда других государств. Было подписано более 20 соглашений о сотрудничестве и предоставлении кредитов странам Азии, Африки и Латинской Америки, в том числе Индии, Индонезии,

Бирме, Непалу, Цейлону, Афганистану, ОАР, Ираку, Йемену, Эфиопии, Гане, Гвинее, Мали. Размеры предоставляемой помощи были довольно значительны: ОАР за ее счет покрывала до 50 процентов ассигнований на экономическое развитие, Индия в ходе реализации второго пятилетнего плана — 15 процентов.
306

Активизация контактов СССР с освобождающимися странами, поддержка их национально-патриотических сил вызвали в странах Запада отрицательную реакцию. Советская внешняя политика воспринималась (некоторые заявления Хрущева и других советских руководителей давали на то основания) как попытка распространить советскую идеологическую систему на весь мир, отсечь развитые государства Запада от рынков и источников сырья.

В результате Запад усилил военное давление на СССР. После кризиса 1956 года страны НАТО провозгласили "доктрину взаимозависимости", взяв курс на более тесное согласование своих действий.

Значительно возросла готовность США и их союзников силой оружия противодействовать любым прокоммунистическим переменам в странах, где еще не было "советского влияния", пытаться свергнуть те правительства, которые проводили линию на союз с СССР.

Уже в 1957 году США провозгласили "доктрину Эйзенхауэра", согласно которой на Ближнем и Среднем Востоке образовался "вакуум влияния" в результате ослабления позиций Англии и Франции. Однако попытки США и Великобритании в 1957—1958 годах заполнить этот "вакуум", навязать Сирии и Ираку угодные Западу правительства встретили решительное противодействие СССР. Неудачи политики США на Ближнем и Среднем Востоке побудили Запад принять на сессии совета НАТО в декабре 1957 года решение о развертывании на территории стран — участниц блока баз ядерного оружия и площадок запуска ракет. После карибского кризиса Соединенные Штаты приняли программу создания стратегических ракет наземного базирования. Их число с 1962 по 1967 год возросло с 294 до 1054.

Советский Союз не скрывал своих симпатий к зоне национального освобождения и поддерживал силы, которые занимали наиболее радикальные, антиимпериалистические позиции. В программе КПСС, принятой ее XXI съездом, выдвигалось положение о том, что перед освободившимися странами стоит как лучшая из альтер-
307
натив: движение по пути некапиталистического развития как "пути народов к свободе и счастью", когда возможно "при жизни одного поколения" превратить отсталую страну в индустриальную, искоренить социальное неравенство, обеспечить высокий материальный и культурный уровень жизни рабочего класса и всех трудящихся. При этом подчеркивалось, что СССР и другие социалистические страны будут всячески помогать развивающимся странам, оказывать им поддержку, в том числе и вооружением.

Но и США намеревались добиваться своих целей политическими средствами, подкрепляемыми силовым давлением. "Если обращение к силе становится невозможным, дипломатия также может утратить свою эффективность", — писал известный американский политолог Г. Киссинджер[89]. Но для этого надо было обладать такой военной мощью, которая производила бы устрашающее впечатление не только на страны "третьего мира", но и на великие державы. Принятая в США в 1954 году стратегия "массированного возмездия" предусматривала ведение глобальной ядерной войны против СССР и его союзников "средствами и в районах по собственному выбору", являлась средством устрашения прежде всего Советского Союза[89]. США располагали силами, реально способными нанести сокрушительный удар: около 1200 стратегических бомбардировщиков с атомными бомбами. СССР тоже обладал атомным оружием, но не имел средств доставки до территории главной державы НАТО — США. Принимались самые интенсивные меры, чтобы догнать США по новейшим авиационным и ракетно-ядерным вооружениям. Но на это требовались годы, а время не ждало. И тогда Хрущев решил вновь применить тактику военно-политического блефа. Замысел состоял в том, чтобы устрашающей пропагандой в сочетании с демонстрацией имевшихся в весьма небольшом количестве дальних бомбардировщиков, а после 1957 года и ракет стратегического назначения создать преувеличенное впечатление о воздушной и ракетно-ядерной мощи Советских Вооруженных Сил. Впоследствии эту идею точно отразил Г. Киссинджер. Он писал: "...то, во что верит потенциальный агрессор, является более значимым,

чем то, что является объективной истиной"[90]. В 1955 году Хрущев "пугает" американцев бомбардировщиками ТУ-95, демонстрируя на воздушном параде в Москве буквально все имевшиеся в стране самолеты (менее 10) этого типа. Цель — убедить, что в СССР много ТУ-95, способных нанести удар по США. В ходе Суэцкого кризиса он применяет этот прием против Англии и Франции, устрашая их ракетами, которых еще нет на вооружении Советской Армии; позже утверждает, что в СССР ракеты делают, "как сосиски", хотя их тогда были единицы.

4. СССР: прорыв в Космос

Политический эффект советской атомной угрозы в ходе Суэцкого кризиса запал в душу Хрущева. Он стал ярым сторонником быстрейшего принятия на вооружение Советской Армии и Флота стратегического ракетно-ядерного оружия; преодолевая сопротивление высшего генералитета, большинство в котором с недоверием относилось к ракетам, он не жалеет средств на их развитие. Цель — устрашить Америку, отвадить ее от соблазна воздушно-атомного удара по СССР.

Но для этого недостаточно иметь ракеты только средней

дальности, даже если они могут действовать на 2000— 4000 километров. Нужна была межконтинентальная ракета (МКР), способная поражать объекты в Северной Америке на расстоянии от 8000 и более километров. Кроме того, она должна была нести достаточно мощный ядерный заряд. Создание межконтинентальной ракеты с термоядерной головкой, разработанной группой Андрея Дмитриевича Сахарова, началось еще в 1953 году. "Существенно, что вес заряда, а следовательно и весь масштаб ракеты, был принят на основании моей докладной записки. Это предопределило работу всей огромной конструкторско-производственной организации на многие годы, — писал Сахаров. — Именно эта ракета вывела на орбиту первый искусственный спутник Земли в 1957 году

и космический корабль с Юрием Гагариным на борту в 1961 году"[91]. Имя этой ракеты— Р-7. Именно над ней с середины 50-х годов работало конструкторское бюро Сергея Павловича Королева.

Но уже тогда, в середине 50-х годов, королевская ракета Р-5М впервые в истории пронесла через космос боеголовку с атомным зарядом, пролетев 1200 километров, поразила цель в пустыне Кара-Кум, недалеко от Аральского моря[92]. Однако главным направлением работы Королева и его КБ в то время стала Р-7. Завладев всеми помыслами разработчиков, она стала смыслом их жизни.

"Семерка" с ядерным зарядом в неведомое нам пока число мегатонн в нашем сознании представлялась некой прекрасной богиней, которая защитит и прикроет страну от страшного заокеанского врага", — пишет один из создателей этой ракеты Б. Е. Черток[93]. Для испытания Р-7 в пустыне Казахстана, близ станции Тюратам, был открыт в начале 1957 года новый ракетный полигон, вошедший позднее в историю под названием "Байконур". Почему нельзя было использовать уже оборудованный всем необходимым и обжитый Капустин Яр? Потому что весь маршрут полета ракеты должен был проходить над территорией Советского Союза. Чтобы он не вышел за пределы СССР, пришлось пускать ракеты на дальность не 8000, а 6314 километров, чтобы ракета упала на Камчатке, а не в Тихом океане[94]. Вдоль трассы полета были установлены 4 измерительных пункта: Сарышаган, Енисейск, Уссурийск, Елизово. Было изготовлено несколько опытных ракет Р-7, каждая из которых имела свой номер. 15 мая ракета № 5 стартовала, но неудачно. Управляемый полет длился 98 секунд. Затем на ракете начался пожар одного из двигателей, и на 103-й секунде ее по команде с земли ликвидировали.

Неудачно прошли и два последующих пуска: 6 июня и 12 июля. Только 19 августа ракетчики добились значительного успеха: ракета достигла заданного района. Но... боеголовка не упала на землю, она сгорела за 20 секунд до поражения цели. Тем не менее 27 августа ТАСС сообщило о создании в СССР межконтинентальной баллистической ракеты и ее

успешном испытании. В сообщении особо подчеркивалось, что теперь Вооруженные Силы Советского Союза способны достичь любой точки земного шара, не используя авиации, которая уязвима для средств противовоздушной обороны. В том сообщении говорилось об успешном завершении серии испытаний ядерных и термоядерных зарядов[95].

Американцы — Пентагон и ЦРУ, занимавшиеся в то время интенсивными испытаниями межконтинентальных баллистических ракет, не поверили сообщению ТАСС. Они допустили, что испытания советской МБР прошли успешно (им не было известно, что боеголовка не дошла до земли, но .сведения, полученные от разведывательных полетов, подтвердили, что СССР был близок к созданию МКР), но не верили, что такая ракета уже приспособлена для доставки водородного заряда[96]. Однако данные разведки показывали, что ракетная программа русских выполняется весьма успешно.
Так оно и было. Очередное испытание — 7 сентября 1957 года — показало, что, хотя головная часть снова разрушилась, не долетев до земли, ее осколки упали в районе цели. По ним определили, что перелет относительно точки прицеливания не превышал 3 километров, а отклонение — 1 километр[97]. Необходимо было довести Р-7 до такой кондиции, чтобы боеголовка точно поражала цель. Но это требовало времени. И тогда было решено, чтобы заполнить паузу и не нервировать Хрущева, которого волновал главным образом не только военный, но и политический, пропагандистский эффект советских МКР, осуществить запуски искусственных спутников Земли (ИСЗ). Спутник не требовал приземления в точно заданном месте земной поверхности, мощность ракеты была достаточной, чтобы забросить в Космос на орбиту с апогеем до 1000 километров аппарат весом до 80 килограммов, тогда как американцы планировали вывод в Космос спутника "Авангард" весом 10—15 килограммов[98]. Так Советский Союз вплотную подошел к запускам ИСЗ, опередив американцев в важнейшей области научно-технического прогресса — овладении Космосом.
311

Крупных успехов в тот период СССР достиг и в соревнованиях с США по испытаниям ядерных зарядов. В сентябре 1955 года вступил в строй новый советский ядерный полигон — на Новой Земле. 21 сентября того года там был произведен первый в СССР подводный ядерный взрыв. Полигон был приспособлен и для ядерных испытаний в атмосфере. Но и американцы вели напряженные ядерные испытания, причем с несколько большей интенсивностью, чем Советский Союз. Так, в 1958 году США произвели около 80 ядерных взрывов, а СССР — 72". Рекорд по мощности взорванного заряда также принадлежал Соединенным Штатам: 15 мгт (атолл Бикини, 1954 год).

Тем не менее Советский Союз неоднократно выступал на международных форумах с предложениями о прекращении ядерных испытаний. В январе 1960 года Верховный Совет СССР принял решение в одностороннем порядке прекратить испытания атомного и водородного оружия и заявил о своей

готовности не возобновлять их, если западные державы последуют примеру Советского Союза. Но Запад не откликнулся на этот призыв. В январе 1961 года США продолжили ядерные испытания. Тогда Советский Союз прервал мораторий и начал подготовку к новой серии ядерных взрывов. Наиболее мощные были проведены на Новозомельском полигоне в октябре 1961 года. Термоядерная бомба большой мощности — 30 мегатонн был взорвана в воздухе 23 октября. Эффект был впечатляющим: в зоне поражения были огромные разрушения, пострадали некоторые жилые дома и казармы в северной части Новоземельского архипелага (люди были заранее эвакуированы). В те же дни были произведены подводный и надводный взрывы, но гораздо меньшей мощности. Все испытания прошли удачно[100]. Тогда начали готовить испытния "супербомбы".

Были приняты все меры предосторожности. Местные власти и воинские гарнизоны на архипелаге и материке получили соответствующие предупреждения. Оленьи стада были отогнаны в глубь Архангельской области, на время испытания воспрещались полеты самолетов и движе-

ние судов в море. Рано утром 30 октября самолет-носитель ТУ-95 поднялся в воздух. К его фюзеляжу снизу на специальном креплении была подвешена "супербомба" мощностью 58 мегатонн (в бомбовый отсек она не поместилась). Самолет вышел в заданный район на высоте 12 километров. Взрыв был запрограммирован на высоте 5—6 километров. Чтобы уменьшить воздействие светового импульса, ТУ-95 был окрашен специальной краской в белый цвет. Перед сбрасыванием бомбы экипаж подал в эфир ложные сигналы с целью ввести в заблуждение воздушную и морскую разведку стран НАТО. И вот в 8.30 "супербомба", сброшенная на специальном парашюте, достигла заданной высоты — произошел взрыв.

Вот как описывал свои впечатления участник этих испытаний генерал-лейтенант Г. Г. Кудрявцев:

«Почти неожиданно для себя мы увидели яркую световую вспышку. И несмотря на большое расстояние от места взрыва (250 километров), были буквально ослеплены. Скоро мы почувствовали жар, словно рядом кто-то открыл заслонку мощной огнедышащей печи. Тепловое воздействие было намного сильнее, чем то, которое пришлось испытать нам 23 октября.

Клокочущий огненный шар быстро поднимался вверх. Он рос на глазах. Внутри его несколько секунд продолжались вспышки. Небольшой туман, окутавший в то утро Белушье и Рогачево, тотчас испарился. Так же мгновенно прервалась связь с кораблями, зонами, материком, самолетом-носителем и даже с Ил-14, с борта которого взрыв наблюдали министр Славский и маршал Москаленко. Нарушение связи отмечалось и после других взрывов ядерных бомб, но такого внезапного и продолжительного (более часа) ранее не бывало.

Огненный шар "разбухал ", поднимаясь ввысь. Но из-за гор, в районе Маточкина Шара, вырастал, принимая гигантские размеры, столб пыли. Он как бы пытался воссоединиться с

раскаленным шаром, однако расстояние между теми быстро увеличивалось. Шар с ядерным облаком, по оценке специалистов, поднялся до высоты 70 километров. Облако унеслось, как и пылевой столб, на север, что, соответственно, и прогнозировалось учеными. Через несколько минут до нас
313
докатилась ударная волна, а чуть раньше — сейсмическая. Мы почувствовали, как под ногами, словно живая, задрожала земля. Несколько позднее раздались сильные громоподобные раскаты взрыва, а затем мы услышали звуки, отраженные от новоземельских гор. Вскоре по телефону стали поступать донесения о результатах взрыва. Спустя час восстановилась и радиосвязь. С *самолета-носителя сообщили, что задачу выполнили, повреждений не имеют, но их "здорово тряхнуло»*[101].

Удар воздушной волны испытал на себе Ил-14, хотя он находился на удалении 200 километров от места взрыва. На полигоне и кораблях пострадавших не было. Однако в северной зоне, в радиусе 100 километров, в домах выбило двери, оконные рамы, вышел из строя отражатель РЛС ПВО. Взрыв "супербомбы" был виден на островах Вайгач и Колгуев и на северном побережье материка. На Диксоне (в 700 километрах от места взрыва) отчетливо ощущалась ударная волна, в некоторых домах были разбиты оконные стекла.

Испытания советской "супербомбы" имели широкий резонанс в мире, но не остановили ядерную гонку. В то же время в США и НАТО понимали, что Советский Союз, не следуя в фарватере США, идет своим путем, отвечая адекватно, но не идентично, а, так сказать, асимметрично на вызовы Запада.

Американские стратеги отмечали, что СССР оказался чуть впереди их по испытанию ядерного оружия и созданию некоторых мощных стратегических ракет, но — только в испытаниях! До массового производства и развертывания ракет на позициях было еще далеко. А соперничество толкало обе сверхдержавы к дальнейшей конфронтации.

Гонка вооружений возрастала. Она велась и раньше, но ракетная угроза в заявлении советского правительства в дни Суэцкого кризиса, -испытания Р-7 и "супербомба" дали новый толчок к наращиванию ракетных арсеналов обеими сторонами.

4 октября 1957 года в советском посольстве в Вашингтоне был устроен прием для советских и американских
314
ученых — участников совместных переговоров о проведении Международного геофизического года.

В разгар приема к телефону срочно вызвали председателя американского Национального комитета по проведению Международного геофизического года доктора Беркнера. Через несколько минут он торопливо вбежал в зал и захлопал в ладоши: "Прошу внимания, господа! Леди и джентльмены! Сейчас над нами, на высоте 900 километров, пролетает советский искусственный спутник Земли!"

Трудно вообразить впечатление, произведенное его словами. В первое мгновение все будто оцепенели. "Словно шок после

взрыва бомбы!" — воскликнул кто-то из присутствовавших. Придя в себя, гости ринулись к советским ученым: все хотели получить информацию именно от представителей страны, в которой рождено великое чудо — первый спутник Земли. Вся пресса Вашингтона была возбуждена. Американские газеты в октябре 1957 года пестрели крупными заголовками: "Потрясающая новость", "Триумф Москвы".

"Нью-Йорк тайме" писала: "Уже сейчас ясно, что 4 октября 1957 года навеки войдет в анналы истории как день одного из величайших достижений человечества... Этот конкретный символ будущего освобождения человечества из-под власти сил, приковавших его к Земле, создан и запущен советскими учеными и техническими специалистами. Все человечество должно быть благодарно им..."[102]

Не прошло и месяца, в Космос поднялся второй советский спутник. Вес его возрос более чем в шесть раз и превышал 500 килограммов. На борту спутника находилось живое существо — собака Лайка. Всему миру стало ясно, какими гигантскими шагами идет вперед Советский Союз в мирном освоении Космоса.

"Запуск Советским Союзом двух искусственных спутников Земли, — писал тогда известный американский ученый Р. Стеббинс, — ...явился крупным поворотным пунктом в международных отношениях...", вызвал "серьезные сомнения относительно адекватности военных, политических и экономических приготовлений, на которые за-

падные державы до сих пор полагались"[103]. "Советские спутники, — писал американский военный специалист профессор Б. Броди, — нанесли удар по самодовольству американцев, впервые показав, что русские способны опередить нас в технических достижениях большого военного значения"[104].

Стратегия "массированного возмездия", базировавшаяся на внезапном ударе стратегической авиации и предполагавшая преимущества США перед СССР в средствах доставки (свыше 1500 стратегических бомбардировщиков В-47 и В-52), оказалась несостоятельной. Запуск баллистических ракет в СССР показал, что неуязвимость территории США отошла в безвозвратное прошлое, а стратегическая авиация как средство доставки ядерных бомб к цели потеряла свое былое первостепенное значение, так как в случае внезапного нападения на СССР силами стратегической авиации ответный ракетно-ядерный удар настигал агрессора раньше, чем его бомбардировщики подлетали к цели.

Действительно, испытания первых советских межконтинентальных ракет, запуск искусственных спутников Земли — все говорило о том, что в Союзе появились мощные, принципиально новые средства вооруженной борьбы. А это означало, что вынашиваемый Пентагоном план воздушно-ядерной войны против СССР не сможет быть выполнен безнаказанно: агрессор тотчас получит сокрушающий ответный ракетно-ядерный удар. Это был адекватный, но асимметричный,

сугубо свой ответ на вызов Вашингтона, строившего в 50-х годах всю свою стратегию на воздушно-ядерной мощи. Создавая огромную дорогостоящую армаду стратегических бомбардировщиков, сжимая кольцо авиабаз вокруг СССР, Пентагон полагал, что, разрабатывая ответные меры, Советский Союз пойдет по тому же пути (казалось, воздушный парад 1955 года в Москве подтверждал это). Американские стратеги рассчитывали, что в дорогостоящем соревновании в области стратегической авиации Советский Союз всегда будет в роли догоняющего, а бремя расходов на создание громадного
316
парка стратегических бомбардировщиков вынудит СССР все время увеличивать военный бюджет и тем самым сокращать расход на гражданские отрасли экономики страны, снижать жизненный уровень населения СССР.

Однако Советский Союз тогда пошел другим, менее дорогостоящим, однако более эффективным путем. Межконтинентальные баллистические ракеты были более грозным, надежным и быстродействующим оружием, чем стратегические бомбардировщики. Они к тому же не требовали чрезвычайно дорогостоящих заморских баз, ибо действовали с территории самой страны. Вот это и делало американскую стратегическую авиацию оружием уже вчерашнего дня.

Хотя имевшиеся в ЦРУ и Пентагоне сведения свидетельствовали о том, что Советский Союз не стремился к "превосходству" над США в ракетно-ядерных вооружениях, а только хотел обеспечить возможность адекватного эффективного ответного удара в условиях гонки вооружений, развязанной странами НАТО, и прежде всего США, и обезопасить себя от воздушно-ядерной агрессии. В США набирала обороты пропагандистская кампания о "ракетном отставании" Америки. Дело дошло до того, что в конгрессе было проведено "расследование" причин ракетного отставания США от СССР. Но начавшие заниматься в 1959 году этим вопросом сенаторы "оставались в неведении" о том, что сведения разведки, которые были у президента и руководства ЦРУ, не давали каких-либо оснований думать, что "русские приступили к массовому производству и размещению межконтинентальных баллистических ракет". А между тем сотрудники ЦРУ все твердили о "ракетной опасности", утверждая даже, что СССР якобы производит по 15 ракет в месяц. Спецслужбы, словно не зная об истинном положении дел, составляли прогнозы, согласно которым Советский Союз уже в 1960 году может иметь до 500 пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет (МБР). Руководитель ЦРУ А. Даллес, публично выступая в конгрессе, заявил, что СССР достиг "ядерного превосходства" для того, чтобы,
317
"угрожая США своими межконтинентальными баллистическими ракетами с ядерными боезарядами, заняться спокойно консолидацией своих позиций в ряде нестабильных регионов некоммунистического мира".

В обстановке умышленно раздуваемой антисоветской истерии

заправилы военно-промышленного комплекса горячо выступали за всемерное наращивание гонки вооружений, дабы "вновь обрести ядерное превосходство", и явно использовали шумиху о "ракетном отставании" в своих корыстных интересах. Они применили прием большого обмана, который был сформулирован одним из боссов крупнейшей военной монополии "Дженерал дайнэмикс": "Нужно, чтобы люди верили в существование долговременной опасности". Миф о "ракетном отставании" использовал и боровшийся за кресло в Белом доме Джон Кеннеди. Но, придя к власти, его правительство обнаружило, что разафишированное "отставание" — фикция. Об этом говорил журналистам ставший в 60-х годах министром обороны Р. Макнамара еще в феврале 1961 года. А в 80-х он откровенно рассказал корреспонденту "Лос-Анджелес таймс" о подоплеке того большого обмана: "Ракетное отставание 1960 года было изобретено теми силами в министерства обороны, которые... старались протолкнуть свою особую программу, в данном случае — расширение производства ракет в США, преувеличив советскую силу"[105].

Под крики о "ракетном отставании" принимается решение развернуть американские баллистические ракеты средней дальности по всему миру. Для поддержания мифа об "угрозе" администрация пошла даже на организацию круглосуточного дежурства в воздухе стратегических бомбардировщиков, которые, как потом оказалось, — вот уж действительно угроза! — имели на борту по 4—5 водородных бомб мощностью в 24 мегатонны каждая! "Многие сотрудники в ВВС и Пентагоне очень гордились фальсификацией ракетного отставания. Они говорили, что не было другого способа получить достаточные финансовые средства, чтобы создать системы оружия, необходимые для

сохранения нашего превосходства, что было настоящей проблемой", — констатировал известный общественный деятель США Д. Эллсберг[106].

Начались лихорадочные поиски подходящего оружия. Выбор пал на ракеты средней дальности "Тор" и "Юпитер", разрабатывавшиеся для военно-воздушных сил США. Были приняты меры к скорейшему их вводу в строй. Однако потребовалась еще весьма длительная работа до принятия их на вооружение. Достаточно сказать, что ракета "Тор" начала разрабатываться в 1956 году, а 25 января 1957 года состоялся первый, притом неудачный ее испытательный запуск. Только пятые по счету испытания в сентябре 1957 года принесли успешный результат. Тем не менее уже в конце года ракета была передана в серийное производство и в 1958 году принята на вооружение. Поспешность эта была вызвана стремлением Пентагона как можно скорее привести "Тор" и "Юпитер" в боевую готовность и поставить на боевое дежурство в Западной Европе[107].

Правда, специалистов Пентагона несколько беспокоил вопрос о том, что при размещении ракет средней дальности в странах

Европы часть персонала ракетных баз, комплектуемая из европейцев, получит доступ к американским ракетно-ядерным секретам, но воинственное желание поскорее окружить Советский Союз ракетными площадками пересилило эти опасения. Одновременно было решено изучить возможность применения ракеты средней дальности, в частности "Юпитера", со специально оборудованных кораблей типа "Либерти". Для этого требовалось постоянно держать на борту, а то и производить прямо на корабле большое количество жидкого кислорода, служащего окислителем в двигателе ракеты. Кроме того, чтобы не быть уязвимым для подводных лодок, нужно было сохранить свободу маневра, особенно при подготовке к пуску ракеты, что было весьма затруднительным. Требовала совершенствования и система наведения ракет, и навигационная система корабля. В конце концов работа над "Юпитером" была прекращена, но совместная работа армии и ВМС над системой наведения ракет привела к

созданию новых систем наведения, которые в последующем были использованы в "поларисах", "посейдонах" и "трайдентах", запускаемых с атомных подводных лодок.

Размещением ракет "Тор" и "Юпитер" (дальность действия — 3000 километров и 3500 километров) на европейских базах Вашингтон преследовал две цели: поражать в случае войны объекты в СССР в кратчайшее время и с меньших расстояний, а следовательно, с большей точностью; рассредоточить средства ядерного нападения, чтобы отвлечь на них побольше советских ракет при ответном ударе, подставляя под него европейские страны НАТО.

Разместить ракеты средней дальности в европейских странах НАТО предложил на сессии совета НАТО в декабре 1957 года государственный секретарь США Д. Даллес. Он убеждал партнеров по блоку, что ракеты будут использоваться только с согласия страны, на территории которой они размещены. Сессия приняла решение "предоставить в распоряжение верховного главнокомандующего вооруженными силами союзников в Европе баллистические снаряды среднего радиуса действия" и создать в Европе "запасы ядерных боевых зарядов".

Но только три страны НАТО пошли на это: Англия, Турция и позднее Италия. В результате в 1959—1960 годы в Англии было размещено четыре эскадрильи (60 пусковых установок) ракет "Тор", в Италии — две эскадрильи (30 пусковых установок) "Юпитер" и в Турции — одна эскадрилья (15 пусковых установок) "Юпитер". Эскадрильи ракет "Тор" вошли в состав английских королевских ВВС, а эскадрильи ракет "Юпитер" имели двойное подчинение: итальянскому и турецкому командованию и командованию НАТО в Европе. Ядерные же боевые части для всех этих ракет остались в ведении американского командования.

Характеризуя назначение новых ракетных баз в Европе, американский журнал "Форчун" писал, что "для США это критически важная дута во всемирной системе баз, которая

позволяет нашей стране расположить всю свою ядерную ударную мощь в пределах досягаемости территории советской державы"[108].
320

Так в Европе впервые появились ракеты средней дальности. Однако если американцы не относили ракеты "Тор" и "Юпитер" к стратегическому оружию, ссылаясь на их меньшую по сравнению с МБР дальность, то для Советского Союза, на который они были нацелены, этот вид оружия представлял собой стратегическую угрозу. В самом деле, будучи запущены со стартовых позиций в Англии, Италии, Турции, ракеты могли за считанные минуты (8—12 минут) поразить объекты на европейской части СССР и в других странах Варшавского Договора. "Тор" и "Юпитер" могли быть использованы только как оружие внезапного первого удара, для чего они как раз и предназначались. Иначе они сами становились мишенью. Ракеты размещались на незащищенных стартовых площадках и требовали длительной подготовки к пуску. Так, для подготовки к старту ракеты "Тор" требовалось не менее 20 минут. Ракетная эскадрилья (15 ракет) была рассредоточена на пяти стартовых позициях, каждая из которых имела три стартовые площадки. Как отмечал американский военный теоретик Р. Осгуд, эти ракеты были "фактически бесполезны для чего-либо другого, кроме как для первого удара". А следовательно, территории, где они дислоцировались, становились первоочередной целью для ответного удара подвергавшейся ядерному нападению стороны. Осознание опасности остановило в 1957 году правительства других стран НАТО последовать примеру Англии, Италии и Турции. То, что для американцев являлось стратегически "важной дугой", для народов Западной Европы имело весьма опасные последствия.
"Вашингтон распоряжался обороной, а следовательно политикой и даже территорией своих союзников", — писал впоследствии Шарль де Голль[109]. И писал не без оснований. Еще в 1955 году офицеры и генералы западногерманского бундесвера, впервые участвовавшие в натовском военно-штабном учении "Карт-бланш", ужаснулись тому, с какой легкостью их американские коллеги планируют атомные взрывы на немецкой земле. Посчитав возможные людские потери, некоторые из них прослезились.
321

Тем не менее на декабрьской сессии совета НАТО в 1957 году представителям США удалось добиться одобрения американского плана размещения в ряде европейских стран НАТО запасов американских ядерных бомб и боеголовок для ракет стратегического и тактического назначения. Эти запасы находились в ведении верховного главнокомандующего силами НАТО в Европе — американского генерала.

Таким образом, Западная Европа все более превращалась в ядерный арсенал. Наряду с американскими ракетами и самолетами в ядерный "клуб" вошли еще две европейские капиталистические державы — Англия, имевшая ядерное, а затем, с 1957 года, и термоядерное оружие, и Франция,

создавшая это оружие в 1960 году. Не оставалась в стороне и ФРГ. На декабрьской сессии совета НАТО была принята директива МС-70, которая предусматривала подготовку к 1964 году 30 боеготовых дивизий стран НАТО, оснащенных ядерным оружием. После утверждения этой директивы в мае 1958 года западногерманское военное ведомство начало оснащать бундесвер носителями ядерного оружия. Поскольку планом НАТО предусматривалась передача союзникам ядерных боеприпасов сразу же с началом войны, руководство бундесвера объявило, что необходимо уже в мирное время располагать соответствующими боевыми средствами и обученными для их применения командами. 150 западногерманских военных специалистов были отправлены на обучение в США, а в ноябре 1958 года на вооружение бундесвера поступила американская тактическая ракета "Онест Джон". Дивизион, оснащенный этими ракетами, имелся в каждом корпусе. В ВВС ФРГ была сформирована эскадрилья крылатых ракет "Матадор" (дальность действия — до 1000 километров), а также 6 батальонов зенитных ракет "Найк-Геркулес".
Важнейшей целью американского правящего класса была подготовка к ядерной войне против стран социалистического содружества в новых, изменившихся условиях, когда стратегическая неуязвимость Соединенных Штатов безвозвратно отошла в прошлое. Американские поли-

тики и стратеги стремились не допустить или, по крайней мере, отодвинуть саму возможность достижения Советским Союзом паритета в ядерном оружии. С той же целью военно-политическое руководство систематически отвергало или тормозило советские предложения о контроле над вооружениями. Пентагон изыскивал способы "надежного" сдерживания Советской державы. Однако страх перед возросшими наступательными возможностями СССР заставил военное руководство США отказаться от уже изжившей себя стратегии "массированного возмездия". Причем это был не добровольный отход от тотального способа достижения цели, присущего американскому государству, а вынужденный маневр, новая попытка найти выход из необычного для него положения, когда оно уже не могло применением неограниченной военной силы решать стоящие перед ним задачи, не рискуя при этом быть уничтоженным.

В связи с этим взамен стратегии "массированного возмездия", с ее ставкой на безнаказанное ядерное нападение, была принята стратегия "гибкого реагирования". "Стратегическая доктрина, — писал один из ее творцов, начальник штаба армии США во второй половине 50-х годов, генерал М. Тэйлор, — которую я мог бы предложить взамен массированного ответного удара, называется стратегией "гибкого реагирования". Это название указывает на то, что мы должны быть способны реагировать на любой возможный вызов и успешно действовать в любой ситуации"[110].

Под "любой ситуацией" понималось, что США наряду с

подготовкой к глобальной ракетно-ядерной войне должны использовать в своих интересах все другие виды вооруженных конфликтов — от локальных войн с применением или без применения тактического ядерного оружия до разного рода инцидентов, осуществляемых небольшими военно-диверсионными группами.

В начале 60-х годов новая американская администрация президента Дж. Ф. Кеннеди завершила разработку военной стратегии "гибкого реагирования". Разъясняя ее

323

сущность в послании конгрессу США от 28 марта 1961 года, Кеннеди говорил, что "стратегия США должна быть одновременно гибкой и решительной, предусматривать подготовку и ведение любых войн — мировых или локальных, ядерных или обычных..."[111] Развивая мысль президента, министр обороны США Р. Макнамара в своей речи 16 июня 1962 года признал, что стратегическая неуязвимость США исчезла и их территория стала досягаемой для советского ракетно-ядерного оружия.

Смысл стратегической концепции "гибкого реагирования" состоял в применении вооруженных сил и средств США и НАТО в зависимости от сложившихся обстоятельств. Для этого Пентагон должен был обладать такой военной машиной, которая обеспечивала бы США выбор военных средств борьбы при любых обстоятельствах всевозможной конфронтации с Советским Союзом. Военные теоретики США изменили свои взгляды и на роль вооруженных сил блока НАТО. По-новому была сформулирована старая натовская концепция "щита и меча". Выступая на сессии совета НАТО в Париже в декабре 1962 года, министр обороны США Р. Макнамара заявил, что теперь "мечом" НАТО должны стать армии западноевропейских членов НАТО и войска США, размещенные в Европе, а американские стратегические силы (стратегические бомбардировщики и МБР) станут ядерным "щитом" НАТО[112]. Таким образом, если в 50-х годах "щитом" были обычные вооружения, а "мечом" — стратегическая авиация, несущая атомные бомбы, то в 60-х годах они поменялись ролями. Это была попытка показать союзникам, что их роль в планах будущей войны возрастает. На самом же деле американские ядерные ракеты и стратегические бомбардировщики продолжали оставаться главным наступательным оружием в арсенале Пентагона.

При стратегии "гибкого реагирования" и в условиях возросших возможностей СССР по нанесению неотвратимого сокрушительного ответного удара, а также при снижении способности стратегических бомбардировщиков по прорыву ПВО войну против СССР и других стран Вар-

324

шавского Договора планировалось вести вначале обычным оружием стран НАТО, затем — с использованием тактических, а в критической обстановке — и стратегических ядерных средств. Однако уже в 1962 году президент Дж. Кеннеди о возможном решении руководителей Соединенных Штатов не нанести первый

удар, если их жизненные интересы окажутся под угрозой". При этом под "угрозой национальным интересам" он понимал любое противодействие внешней политике США[113].

Стратегия "гибкого реагирования" не исключала применения ядерного оружия вплоть до всеобщей ядерной войны. Эта стратегия таила в себе опасность превращения каждого военного конфликта в ядерную войну и стимулировала подготовку к ядерной войне против стран социализма. "Концепция гибкого реагирования не означает, — отмечали западные исследователи, — отмены массированного возмездия, которое является ее дополнением"[114]. "Массированное возмездие" как военно-стратегическая концепция и инструмент дипломатии не было отменено, а только отошло на второй план, ибо стратегия "гибкого реагирования" исходила из того, что при определении форм использования вооруженной силы для осуществления глобальной стратегии, учитывая сложившееся соотношение сил, нужна определенная сдержанность. В этой связи возросла роль "ограниченных", "локальных" войн как средства достижения каких-либо частных целей в борьбе с силами социализма, международным рабочим и национально-освободительным движением в различных регионах земного шара. Сдерживание коммунизма определяло и на этот раз содержание военной стратегии "гибкого реагирования". Оно ясно вырисовывалось в ее основных принципах.

Так, один из них — принцип "гарантированного уничтожения" — предусматривал достижение количественного и качественного превосходства США над СССР по стратегическому ракетно-ядерному и обычному оружию. Это должно было расширить сферу внешнеполитического и военно-политического влияния США и еще более изменить со-

отношение военных сил в их пользу. Другой принцип — 2,5 войн — должен был обеспечить такое развитие вооруженных сил США, которое бы давало возможность американским правящим кругам во имя достижения внешнеполитических целей их глобальной стратегии вести две крупные войны в Европе и Азии, в том числе с применением тактического ядерного оружия, а также осуществлять "малые интервенции" в Африке, на Ближнем Востоке или в Латинской Америке. Принцип "передового базирования" вооруженных сил предусматривал расширение глобальной системы американских опорных пунктов. На военных базах и в оперативных группировках военно-морских сил в определенных зонах морского пространства планировалось иметь стратегическую и тактическую бомбардировочную авиацию, а также атомные подводные лодки с ракетами и интервенционистские войска. Эти силы должны были принять активное участие в нанесении внезапного ядерного удара по Советскому Союзу или в ограниченной войне — на периферии мировой социалистической системы.

Особое место отводилось Европе как возможному театру военных действий. Предусматривалось подготовить в составе блока к 1964 году 30 боеготовых дивизий, оснащенных ядерным

оружием. Вооруженные силы европейских стран НАТО и войска США, расположенные в Европе, насыщались ракетами тактического и оперативно-тактического назначения, самолетами тактической авиации, способными нести ядерные боеприпасы, атомной артиллерией. Уже к середине 1963 года ракетные части НАТО в Европе включали 2 дивизиона ракет "Редстоун", 2 дивизиона "Сержант", 8 дивизионов "Капрал", 3 дивизиона тактических крылатых ракет "Лакросс", 25 дивизионов неуправляемых ракет "Онест Джон". Американские ВВС в ФРГ имели 6 эскадрилий крылатых ракет "Мейс". Атомная артиллерия калибра 280 и 203,2 насчитывала 26 дивизионов.

Особенно бурно шло внедрение ракетного оружия в войска западногерманского бундесвера. В 1963—1964 годы в нем были сформированы 3 дивизиона ракет "Сержант". В дальнейшем их число удвоилось. Было сформировано

14 дивизионов ракет "Онест Джон", которые в 1966— 1967 годы были заменены американскими управляемыми ракетами "Ланс" с дальностью действия до 75 километров. Все эти типы ракет могли нести ядерные боеприпасы. Да это и предусматривалось "стратегическим принципом" бундесвера. Тогдашний военный министр ФРГ фон Хассель заявил, что руководство бундесвера предусматривает применение "атомного оружия как на поле боя, так и в оперативном и стратегическом районах".

В качестве носителей ядерного оружия могла применяться и тактическая авиация ФРГ. Основной упор делался на оснащение большинства авиационных эскадр истребителями-бомбардировщиками F-104C. Уже в 1964 году 60 процентов всех средств доставки ядерного оружия бундесвера приходилось на западногерманские ВВС. В 1964— 1965 годы крылатые ракеты "Матадор" в ВВС бундесвера были заменены крылатыми ракетами "Мейс", которые поступили на вооружение двух эскадр. Самолетами 104C вооружалась и военно-морская авиация[115].

Военное руководство США и НАТО приняли меры и к тому, чтобы передать значительную часть средств ядерного нападения непосредственно в распоряжение командования вооруженных сил блока.

В 1963 году в распоряжение верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе были переданы 3 американские подводные лодки с ракетами "Поларис", часть английских стратегических бомбардировщиков "Вулкан" и "Виктор", вооруженных крылатыми ракетами "Блюстил" класса "воздух — земля". Канада, ФРГ, Бельгия, Голландия, Италия передали в НАТО несколько эскадрилий тактических истребителей, способных нести ядерные бомбы. К НАТО также были приписаны самолеты — носители ядерных бомб из состава французской тактической авиации, размещенной в Западной Германии. Большая часть этих средств воздушного нападения составила в дальнейшем костяк так называемых "мобильных сил НАТО". Эти силы, по мысли военного командования НАТО, должны были обладать высокой бое-

способностью и находиться в постоянной готовности к переброске в район, где могли начаться военные действия. Предполагалось, что они явятся для НАТО "Интегрированной силой, оснащенной ядерным оружием". В 1965 году мобильные силы включали выделенные контингенты сухопутных войск Бельгии, Канады, ФРГ, Италии, Англии, США, а также части ВВС этих стран (без Канады) и ВВС Голландии. В середине 60-х годов мобильные силы участвовали в крупных учениях НАТО, особенно тех, что проводились у границ стран социалистического содружества[116].

Таким образом, тактическим и оперативно-тактическим силам НАТО отводилась немалая роль в войне на Европейском континенте. Однако главное место и в новой стратегаи отводилось стратегическим средствам нападения.

В новых условиях, когда расчет на безнаказанность внезапного ядерного удара по СССР отошел в прошлое, специалисты из Пентагона внесли коррективы в свои планы. Если раньше уверенное в своей безнаказанности американское командование рассчитывало ядерными бомбами и ракетами в первом же ударе уничтожить крупные советские города, военно-промышленные и административно-политические центры, то теперь упор делался на уничтожение советского военного потенциала.

Предполагалось внезапным ударом уничтожить основную часть советских средств доставки ядерных боеприпасов и лишить СССР возможности ответного удара, а затем угрозой ракетно-ядерной бомбардировки советских городов и уничтожения населения "попытаться закончить войну на выгодных для себя условиях".

Эта концепция под названием "контрсила" была выдвинута Р. Макнамарой в первой половине 60-х годов. Так, в феврале 1962 года, выступая в Чикаго, он заявил, что США могут использовать свои стратегические силы для уничтожения "баз противника, прежде чем он успеет сделать вторые залпы". В январе 1963 года он предлагал нанести "удар сначала по советским базам бомбардировщиков, ракетным пусковым площадкам и другим военным установкам, связанным с их ядерными силами дальнего

радиуса действия, для того, чтобы уменьшить силу любой последующей атаки с их стороны, а затем в случае необходимости ударить в ответ по советскому городскому и промышленному комплексу"[117].

Здесь стоит остановиться на характеристике личности Роберта Макнамары, безусловно выдающегося министра обороны США в череде бесцветных лиц, занимавших этот пост до него (кроме Дж. Форрестола). Начать с того, что Макнамара, когда только что избранный президент Джон Кеннеди пригласил его на этот пост, потребовал от него письменных гарантий на то, что он лично подберет себе помощников по собственному выбору. И такие гарантии он получил. Далее, заняв свой пост в Пентагоне, он сразу же заявил, что "управление Министерством обороны требует не только сильного, ответственного гражданского

контроля, но такой деятельности министра, которая включала бы в себя активное, содержательное и решительное руководство Пентагоном, а не просто пассивную практику простого рассмотрения разногласий между традиционными и заинтересованными фракциями". Наконец, он внедрил в практику Министерства обороны системный анализ, который вели приглашенные им для работы в министерстве гражданские специалисты. Именно они стали доминировать в Пентагоне в ущерб профессиональным военным, предложения которых впервые (!) стали объектом технической экспертизы. Макнамара поставил во главу угла принцип "стоимость — эффективность". Такая линия, по существу, выбила инициативу в формулировании военной политики из рук военных, и в первую очередь командующих видами вооруженных сил.
Министр обороны в своей практической работе опирался главным образом на им же созданный аналитический аппарат, укомплектованный гражданскими специалистами. Центром Пентагона стали не оперативные органы, как было всегда, а исследовательское и инженерное бюро. На основе их выводов принимались решения по новым видам оружия и обосновывалась необходимость принятия их на вооружение.
329

Больше того, Макнамара оказывал порой решающее влияние на разработку стратегии страны. Фактически он играл роль главного внешнеполитического советника президента Кеннеди. Все эти особенности линии нового министра обороны породили его противоречия с ОКНШ и конгрессом. Он разработал теорию "контрсилового удара", предусматривающую втягивание СССР в количественную гонку вооружений (при неизменном превосходстве США в качестве). И, к сожалению, в 60-х годах СССР принял этот вызов и ответил на сей раз идентично, хотя имел возможности развивать свои оригинальные передовые технологии и достижения в освоении Космоса, перспективных ракет и др. Но к 1967 году и сам Макнамара разочаровался в своих теориях противостояния. Он осознал (и впоследствии говорил об этом), что теория "контрсилы" дестабилизировала стратегический баланс. И тогда же он (один из первых) предложил стратегию сдерживания, на основе страха. Но все это было позднее, а тогда стратегия "контрсилы" стала важным компонентом военно-политической "доктрины сдерживания коммунизма". Эта стратегия предусматривала три варианта действий в период, когда что-либо в мире идет вопреки американской внешней политике:

применение силы, включая стратегические средства воздушно-космического нападения, для устранения препятствий политике США во внешнем мире, то есть право первым нанести удар по втратегическим силам противостоящей стороны (контрсиловой удар);

нанесение "неприемлемого ущерба" экономическому потенциалу противника в ходе ответного или ответно-встречного удара по территории США (контрценностный удар);

демонстративное военное давление на противостоящую

сторону в период обострения международной обстановки.

Все эти положения получили развитие в военной политике администрации президента Кеннеди и были продолжены после его гибели министром обороны Макнамарой и его преемниками. Поскольку территория США ста-

330

ла досягаемой для советских ракет, которые в считанные минуты могли разрушить многие американские города, часть стратегических средств воздушно-космического нападения требовалось перенацелить с городов СССР на ракетные и авиационные базы, с тем чтобы свести до минимума силу советского ракетного удара. "Сделать неуязвимой, не уступающей никому ядерную мощь возмездия" — так сформулировал Дж. Кеннеди задачи военного строительства в области стратегического оружия.

Но теперь уже стояли две задачи: первая — вывести из строя стратегические СВН СССР до того, как они нанесут удар по городам США (контрсиловой удар); вторая — нанести сокрушающий удар по культурно-политическим центрам и народно-хозяйственному потенциалу СССР. Такая постановка вопроса требовала количественного наращивания стратегических ракет; размещения их части (ракет средней дальности) на передовых базах, чтобы сократить подлетное время по сравнению с МКР СССР, находившихся на советской территории; повышения живучести ракетных средств первого удара. Все эти задачи решала принятая правительством Кеннеди программа развертывания стратегических вооружений, основу которой составляли следующие положения:

форсированный ввод в строй межконтинентальных ракет и ракет на подводных лодках, а также стратегических бомбардировщиков (стратегическая триада);

качественное совершенствование ракетного оружия (повышение точности поражения целей и технической надежности);

повышение боевой эффективности при сравнительно небольших затратах за счет оснащения ракет разделяющими головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН), которые позволяли увеличить число боеголовок, поражающих объекты;

создание дополнительной стратегической угрозы развертыванием ракет средней дальности в Европе ("Тор", "Юпитер") и подводными лодками с ракетами "Пола-рис", что позволяет сократить подлетное время.

331

По сценариям Макнамары, стратегические ракеты США могли нанести мощный контрсиловой удар, а затем, после ослабленного советского ответного удара по американским городам, нанести второй удар по городам и военно-промышленным центрам СССР. Если же первый удар по стратегическим силам США наносил Советский Союз, то Соединенные Штаты должны быть в готовности сохранить такое количество стратегических средств нападения, чтобы в

контрценностном ударе по СССР нанести ему "неприемлемый ущерб" (то есть уничтожить 25 процентов населения, 50—70 процентов экономического потенциала). Расчеты ведомства Макнамары показывали, что при ударе советских ракет по городам США они теряют около 100 миллионов людей, но либо выигрывают войну, либо склоняют противника к переговорам и заключению мира на американских условиях[118]. Вариант первого удара по СССР был, видимо, наиболее предпочтительным. Во всяком случае, в 1962 году Кеннеди говорил о том, что Советский Союз "не должен быть уверен, что Соединенные Штаты не нанесут первый удар, если их жизненные интересы окажутся под угрозой". В дальнейшем он пошел еще дальше, сказав, что "при определенных условиях мы должны быть готовыми к применению ядерного оружия первым[119]. Такого рода высказывания были рассчитаны на психологическое устрашение советского руководства: США, используя свой огромный экономический потенциал и технологическое превосходство, не остановятся перед развязыванием ядерной войны, если сочтут это необходимым. "Мы даем нашему возможному противнику наисильнейший побудительный мотив... чтобы воздержаться от удара по нашим городам", — подчеркивал Макнамара в речи, произнесенной в Мичиганском университете 16 июня 1962 года[120].

К концу 50-х годов в Европе уже имелось свыше 130 крупных американских военно-воздушных, военно-морских и ракетных баз, а также несколько сот других военных объектов. Сеть этих баз охватывала ФРГ, Англию, Италию, Турцию, Грецию, Испанию, Португалию, Бельгию, Ни-

дерланды, Люксембург и другие страны. К системе баз примыкал и 6-й американский флот в Средиземном море. Его авианосцы непрерывно патрулировали у южных берегов Европы, чтобы "иметь возможность, — как писала американская пресса, — в случае развязывания войны посылать свои самолеты с атомными бомбами в сердце России"[121].

Все большее втягивание в процесс ракетно-ядерного вооружения стран Западной Европы вызывало растущее беспокойство мирового сообщества, и прежде всего народов Европы. Борьба против угрозы ядерной войны, развернувшаяся в европейских странах, охватила десятки миллионов людей различных национальностей, осознавших смертельную опасность, грозящую человечеству в случае ядерной катастрофы.

Соревнование в гонке вооружений, в которую все больше втягивались обе сверхдержавы, а вслед за ними и поддерживавшие их страны, затрагивало жизненно важные интересы не только противостоящих сторон, но и всех народов планеты. Пути к коллективной безопасности, намеченные ООН (для этого она и была создана), были перекрыты взаимным недоверием военно-политических блоков.

Рост оборонного могущества Советского Союза, возрастание его возможностей сорвать воздушно-ядерное нападение США и НАТО, нанести сокрушающий ответный ракетно-ядерный удар —

вот что тревожило Вашингтон, и тревожило давно. Стремление заглянуть за "железный занавес" владело разведывательными организациями США с первых послевоенных лет. Требовались строго достоверные, документальные данные. Опыт 2-й мировой войны, так же как и предвоенных лет, показывал, что агентурная разведка не всегда обеспечивала правительство и военное командование точными сведениями. Было немало агентов-двойников, поставлявших своим хозяевам дезинформацию, приводившую порой к весьма печальным последствиям. Да и "надежные источники" часто создавали недостоверную картину событий. А вот получившая значительное развитие аэрофотосъемка, а в последние годы войны и радиотехническая разведка, которую вела авиа-

ция, позволяли получать достоверные, вне всяких сомнений, сведения. Поэтому именно на воздушную разведку объектов в СССР ЦРУ и Пентагон возлагали большие надежды.

Примечания

[1] Цит. по: Военно-исторический журнал. 1971. № 1. С. 42.

[2] Там же.

[3] Department of State Bulletin 30. 1954. January 25.

[4] См.: Военно-блоковая политика империализма. М., 1980. С. 247-248.

[5] Цит. по: Правда. 1985. 6 августа.

[6] Там же.

[7] *Dulles A.* The Craft of Intelligence. London, 1963. P. 161.

[8] См.: *Хрущев С. Н.* Никита Хрущев: кризисы и ракеты. Т. 1. С. 50-51.

[9] *Horelick A:* and *Rush M.* Strategic Power and Soviet Foreign Policy. Chicago — London, 1966. P. 28.

[10] *Dulles A.* Op. cit. P. 161.

[11] Цит. по: *Трофименко Г. А.* Стратегия глобальной войны. М., 1968. С. 182.

[12] *Spanier J. W.* American Foreign Policy since World War II. N. Y., 1960. P. 152.

[13] См.: *Трофименко Г. А.* Указ. соч. С. 182.

[14] См.: *Kahn H.* On Thermonuclear War. L., 1960. P. 131-132.

[15] Цит. по: Управляемые снаряды. М., I960. С. 7.

[16] Архив Ракетных войск стратегического назначения (Далее РВСН). Ф. 18, оп. 108, д. 5, л. 53.

[17] Там же. Д. 51, л. 5-7.

[18] *SakharovA.* Memoirs. N. Y., 1990. P. 192-195.

[19] Архив РВСН. Ф. 19,оп. 1111,д. 13,л. 171.

[20] ЦАМО. Ф. 10, оп. 739807, д. 224, л. 100-103.

[21] Там же. Д. 21, л. 131-132.

[22] Архив РВСН.Ф. 19, оn. 114, д. 12, л. 140.

[23] Там же. Д. 7, л. 61-64.

[24] *Rykowski* Z, *Wtadyka W.* Polska Proba: Pazdziernik 56. Krakow, 1989. S. 85-89.

[25] Poznanski Czerwiec 1956. Wyd. 2. Poznan, 1990. S. 122—123.

[26] Цит. по: *Хрущев С. Н.* Никита Хрущев: кризисы и ракеты. М., 1994. Т. 1.С. 221.

[27] Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева (далее— Мемуары...),// Вопросы истории. 1999. № 4. С. 75.

[28] Архив Президента РФ. Особая папка. Запись беседы Хрущева в Варшаве. С. 233.

[29] Мемуары... С. 75.

[30] *Toranska T.* Oni Wazszawa, 1989. S. 386.

[31] Цит. по: Мемуары... С. 76.
[32] См.: Правда. 1956. 21 окт.
[33] АВП РФ. Ф. 1022, оп. 40 (1956 г.), п. 336, д. 10, л. 108.
[34] Bulletin. Issue 5/ Washington D. C. Spring 1995. P. 16 (далее — Bulletin).
[35] Ibid. P. 53.
[36] См.: Известия. 1956. 31 окт.
[37] См.: Правда. 1956. 19 нояб.
[38] *Вепко Р.* Adalekok a politikai rendszer restauraciojahoz Magyarorszagon 1956 es 1958 kozott // Multunk. 1990. 1 sz. 113 old.
[39] *Litvan Gy.* A Nagy Imre — per politikai hattere. Vilagossag. 1992. 10SZ - 745 old.
[40] A "Jelkin-dosszie". Szoiet documentumek 1956-rol. Budapest. 1993. 31-41 old.
[41] A forradalom hangia. Magyarorszagi radioadasok 1956. Oktober 23 — November Budapest, 1989. 15 old.
[42] *Hajdu T.* Az 1956. Oktober 24-i moszkvai ertekezlet // 1956-os Intezet Evkonyve, I. 1992. Budapest, 1992. 152—153 old.
[43] A forradalom hangia... 72 old.
[44] Irodalimi Ujsag. 1956. Okt. 26.
[45] См.: Венгрия 1956 года— Очерки истории кризиса. М., 1993. С. 11-12,94.
[46] См.: Политические кризисы и конфликты 50—60-х годов в Восточной Европе. М., 1993. С. 85, 89.
[47] *Hajdu T.* 1956 nemzetkozi hattere //Tarsadalmi Szemle. 1989. 8— 9 sz. 41-43 old.
335
[48] Jalta es Szuez kozott. Budapest, 1989; 1956-os Intezet Evkonyve, I. 1993. Budapest, 1993. 40—41 old.
[49] *Штраус Ф.-Й.* Воспоминания. М., 1991. С. 302—303.
[50] Nepszabadsag. 1956. Nov. 2.
[51] A "Jelkin-dosszie"... 73 old.
[52] 1956 sajtoja... 482 old.
[53] A Magyar Forradalmi Munkas-Paraszt Kormany kozerdeku rendelete. Budapest, 1956. 1—3 old.
[54] L. A. Ch. Fry taviratai a brit kulugyminiszteriunmak // Tarsadalmi Szemle. 1991. lsz. 71-72 old.
[55] См.: Политические кризисы и конфликты 50—60-х годов в Восточной Европе. С. 76.
[56] См.: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 397.
[я] См.: Вооруженная борьба народов Африки за свободу и независимость. М., 1974. С. 206.
* См.: Государства НАТО и военные конфликты. М., 1987. С. 167.
[я] См.: *Хрущев С. Н.* Указ. соч. С. 142.
[60] См.: *Амброз Стивен.* Эйзенхауэр: солдат и президент. М., 1993. С. 384-385.
[61] См.: *Хрущев С. Н.* Указ. соч. С. 219.
[62] См.: Государства НАТО и военные конфликты. С. 170.
[63] *Амброз Стивен.* Указ соч. С. 390.
[64] The Ierusalem Post. 1957. September 1.
[65] См.: Государства НАТО и военные конфликты. С. 169.
[66] См. там же.
[ет] Wehrkunde. 1957. С. 13-14.
[68] См.: Вооруженная борьба народов Африки... С. 384.
[69] *Love K.* Suez. The Twice-Fought War. N. Y., 1969. P. 492.
[70] См.: Вооруженная борьба народов Африки... С. 214.
[71] *Marshall S.* Sinai Victory. N. Y., 1968. P. 25-28.
[72] См.: Государства НАТО и военные конфликты. С. 171.
[73] Intervia; 1967. № 4; Медведко Л. И. К Востоку и Западу от Суэца. М„ 1980. С. 30.
[74] *Ovendale R.* The origin of the Arab-Israeli Wars. London, 1983. P. 160.
[75] *Амброз Стивен.* Указ. соч. С. 395.

336

[76] См. там же.

[77] См.: *Хрущев С. Н.* Указ. соч. С. 265.

[78] La Revue Maritime. 1959. № 1.

[79] См.: Государства НАТО и военные конфликты. С. 172.

[80] *Eisenhower D.* Waging Peace 1956—1961. Harward City. N. Y., 1965. P. 86-88.

[81] См.: *Хрущев С. Н.* Указ. соч. С. 99, 266.

[82] Известия. 1956. 6 ноября.

[83] См.: *Хрущев С. Н.* Указ. соч. С. 271, 272, 28.

[84] Известия 1956. 6 ноября.

[85] См.: *Хрущев С. Н.* Указ. соч. С. 270.

[86] *Амброз Стивен.* Указ. соч. С. 400, 401.

[87] См. там же.

[88] *Kissinger H.* Nuclear Weapons and Foreign Policy. N. Y., 1957. P. 12.

[89] См.: *Орлов А. С.* В поисках "абсолютного" оружия. М., 1989. С. 141.

[90] *Kissinger H.* American Foreign Policy // Three Assays. № 9. 1969. P. 15.

[91] *Сахаров А.* Воспоминания. 1953 год// Знамя. 1990. N° 12.

[92] *Черток Б. Е.* Ракеты и люди. М., 1995. С. 390.

[93] *Черток Б. Е.* Ракеты и люди: Фили, Подлипки, Тюратам. М., 1996. С. 143.

[94] См. там же. С. 156.

[95] См.: Правда. 1957. 28 августа.

[96] См.: *Черток Б. Е.* Указ. соч. С. 190.

[97] См. там же. С. 192.

[98] См. там же. С. 193.

[99] См.: Военно-исторический журнал. 1993. № 3. С. 72.

[100] См. там же. С. 75.

[101] См. там же. С. 75, 76.

[102] New York Times. 1957. October 5.

[103] *Stebbins R.* The United States in World Affairs. N. Y., 1958. P. 1.

[104] *Броди Б.* Стратегия в век ядерного оружия. М., 1961. С. 261.

[105] Цит. по: Правда. 1983. 30 мая.

[106] Nuclear Department. An Interview with Dr. Daniel Ellsberg. Conversation Press. N. Y., 1980. P. 7.

[107] См.: Ракетное оружие капиталистических стран. М., 1967. С. 38.

337

[108] Цит. по: *Кузнецов В.* Европа безъядерная или сверхъядерная. М., 1984. С. 10.

[109] См. там же. С. 11.

[110] Цит. по: Военно-исторический журнал. 1971. № 1. С. 45.

[111] Цит. по: Военно-блоковая политика империализма. С. 250.

[112] См. там же. С. 254.

[113] Цит. по: Правда. 1983. 30 мая.

[114] Цит. по: Военно-блоковая политика империализма.-С 250-.

[115] См.: Бундесвер — армия реванша. М., 1969. С. 250.

[116] См.: *Трофименко Г. А.* Стратегия глобальной войны. М., 1968. С. 265.

[117] *Kaufmann* IK The Menamara Strategy. N. Y., 1964. P. 92.

[118] *Fryklund R.* 100 millions Lives. Maximum Survival in a Nuclear War.N.Y., 1962. P. 16.

[119] Цит. по: Правда. 1983. 30 мая.

[120] New York Times. 1962. June 16.

[121] Цит. по: *Кузнецов В.* Указ соч. С. 11

338

ГЛАВА V
США:
ПРОНИКНУТЬ ЗА "ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС

24 июня 1956 года в Москве состоялся очередной воздушный парад в честь Дня воздушного флота СССР. На него были

приглашены 28 иностранных военно-авиационных делегаций, в том числе и американская, возглавляемая начальником штаба ВВС США генералом Н. Туайнингом. Иностранным делегациям, находившимся на правительственной трибуне вместе с членами Президиума ЦК КПСС, и многочисленным зрителям были продемонстрированы новейшие реактивные истребители, созданные в конструкторском бюро известных советских конструкторов: А. С. Яковлева, А. И. Микояна, П. О. Сухого. Было показано 7 новых образцов, имевшихся в тот период лишь в количестве нескольких экземпляров. Показ новых истребителей вызвал оживленные отклики среди гостей. Отмечалось пилотажное мастерство наших летчиков, четкость

339

организации парада, высоко оценивались характеристики показанных самолетов.

Во второй половине того же дня в Центральном Доме Советской Армии министром обороны Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым был устроен большой прием. После приема все присутствовавшие на нем члены Президиума ЦК КПСС во главе с Н. С. Хрущевым, главы американской, английской и французской делегаций и послы этих стран, а также ведущие авиаконструкторы идут в парк, где под деревьями накрыт праздничный стол. Хрущев произносит один из своих затяжных тостов "в защиту мира" и обращается к генералу Туайнингу. "Сегодня мы показали вам свою авиацию. Хотите посмотреть наши ракеты?" "Да", — следует быстрый ответ. "Так мы вам их не покажем, — продолжал Хрущев под хохот присутствующих. — Сначала покажите свои самолеты и прекратите засылать в наше воздушное пространство нарушителей. Непрошеных гостей мы будем сбивать".

Посол США Ч. Болен был взвинчен. Инцидент постарались загладить в последующие дни русским гостеприимством при поездке по стране. 1 июля, в день отлета делегаций, Н. Туайнинга подчеркнуто торжественно провожали высшие военачальники Советского Союза[1].

Но чем было вызвано раздражение Хрущева? О каких нарушителях он говорил? Почему на воздушный парад 1956 года приехало доселе невиданное число иностранных военных делегаций? Ответы на эти вопросы находим в происходившем в СССР в 40—50-х годах. Как уже говорилось, в те годы в Советском Союзе велись интенсивные работы по созданию эффективной системы ПВО и испытаниям ядерного и ракетного оружия.

1. Пентагон: секреты электронной войны
2.

С конца 40-х годов, когда в США вынашивались планы воздушно-атомного нападения на СССР, перед американской разведкой встал вопрос, какова эффективность

340

советской ПВО, а в середине 50-х годов в ЦРУ и Пентагон начали поступать сведения о том, что в СССР развернуты работы по

созданию ракетного оружия различных классов и назначения. Вставали вопросы: каковы состояние и перспективы разработок в Советском Союзе различных видов новейшего вооружения; что является приоритетным: ракеты или бомбардировщики; насколько развита и надежна советская система ПВО. На первых порах знание возможностей противовоздушной обороны СССР было крайне необходимо для успешных действий американской стратегической авиации в случае глобальной ядерной войны.

Но еще до этого, сразу же по окончании 2-й мировой войны, начались нарушения советских границ американскими самолетами-разведчиками. Так, в апреле 1946 года, когда Советский Союз выводил свои войска из Иранского Азербайджана, американцы стремились держать ход вывода под "своим контролем". 5 апреля этого года два американских самолета нарушили советско-иранскую границу в районе Астара и вторглись в воздушное пространство СССР на 6 километров. Советское правительство по дипломатическим каналам направило ноту протеста посольству США в Москве. Посол Беделл Смит обещал разобраться в инциденте и не допускать подобного впредь. В прессе обеих стран о случившемся не сообщалось, чтобы не возбуждать общественное мнение по поводу недружественного акта в период, когда союзнические отношения еще не прерывались.

Но нарушения советских границ продолжались и в последующие годы. 25 февраля 1947 года было отмечено нарушение советской границы близ острова Ратманова (Берингов пролив), 23 декабря того же года— в районе Чукотского полуострова. Советские протесты по этим случаям возымели действие. Американским разведывательным самолетам было рекомендовано в зависимости от начертания границ СССР и стран Восточной Европы не приближаться к ним соответственно на 3,12,20 и даже 50 миль от берегов или границ социалистического лагеря[2].

341

Так продолжалось до тех пор, пока в 1949 году Советский Союз не стал обладателем атомной бомбы. В том же году в СССР начались исследования верхних слоев атмосферы с помощью ракет. С 1953 года успешно испытывались зенитные ракеты по самолетам, летающим на высоте 7 километров. В 1955-м на вооружение ПВО Советской Армии поступил зенитный комплекс С-25, способный поражать цели на высоте 18 километров. В 1954-м на воздушном параде в Москве демонстрировался межконтинентальный бомбардировщик М-4. В июле 1955-го впервые был продемонстрирован на параде в Тушине новый межконтинентальный бомбардировщик ТУ-95. Этот турбовинтовой самолет по дальности действия намного превосходил М-4. В странах НАТО считали, что в СССР развернуто массовое производство двух стратегических бомбардировщиков ТУ-16 ("Бэджер") и ТУ-95 ("Биар") — аналоги В-47 и В-52. Появились новые советские истребители-перехватчики, радиолокационные станции обнаружения воздушных целей и наведения истребителей на цель, на Запад просачивались сведения об интенсивных работах СССР над

программами создания ракет стратегического назначения.

Рост оборонного могущества Советского Союза, возрастание его возможностей сорвать воздушно-атомное нападение США и НАТО, нанести сокрушающий ответный удар — вот что беспокоило американские правящие круги. Поэтому разведка советских ПВО и ВВС, ВМФ, а также атомных заводов и ракетных полигонов становилась приоритетной задачей соответствующих органов ВВС, ЦРУ и других заинтересованных организаций США и ряда других стран НАТО. Кроме традиционных средств (агентура, аэрофоторазведка, промышленный шпионаж и др.), новые условия высокой насыщенности флотов и армий радиоэлектронной аппаратурой требовали организации и систематического ведения радиотехнической разведки для контроля за работой радиолокационной сети обнаружения воздушных целей, испытательных полигонов различного назначения (атомных, ракетных, морских, авиаци-

342

онных) и других важных объектов. Тогда-то и начались интенсивные разведывательные полеты у границ СССР с целью сбора необходимых данных.

Соответственно ужесточалась и советская реакция. Уже в течение 1949 года и в начале 1950-го разведывательные самолеты США сопровождались советскими истребителями-перехватчиками. Они не сбивали американских разведчиков, но демонстрировали готовность к этому. Так, 22 октября 1949 года два истребителя Ла-7 совершили четыре захода на RB-29 над территориальными водами СССР и дали предупредительные пулеметные очереди, показывая нарушителю необходимость покинуть опасный для него район[3]. Американская пресса возмущалась враждебными действиями советских истребителей против "безоружных самолетов". Однако наиболее объективно мыслящие журналисты — например, Уолтер Липпман — отмечали, что Советы просто демонстрируют свою решительность и возможность "противостоять американской стратегической воздушной мощи"[4].

Надо сказать, что аналогичной деятельностью занимались и разведывательные организации Советского Союза, но с меньшей агрессивностью. Военные корабли и рыболовные траулеры, самолеты и океанские лайнеры, оборудованные специальной аппаратурой, вели радиоэлектронную разведку системы ПВО Американского континента, исследовательских центров и полигонов, где испытывались авиационная и ракетная техника, станций обнаружения и разведки.

Для американской разведки первоочередной задачей в конце 40-х годов стала советская ПВО и приграничные аэродромы ВВС. *«Мы ведем разведку русских радиолокационных станций, слушаем, анализируем и записываем их сигналы. Таким образом мы узнаем о достижениях русских в области радиолокации и одновременно изучаем средства ведения радиолокационной войны с Россией. Мы должны обеспечить нашим бомбардировщикам и снарядам возможность пролетать вне пределов видимости радиолокационных средств ПВО про-*

тивника и в то оке время быть в состоянии задержать русские бомбардировщики с помощью наших систем ПВО. Для нас это вопрос жизни и смерти».

Так определил американский журнал "Попьюлар сайенс" в январе 1961 года в статье под названием "Наша тайная радиолокационная война с Россией" то, что творилось в воздушном пространстве у границ СССР в 50-е годы. Позднее это явление получило название "тайная радиоэлектронная война", которая с разной степенью интенсивности продолжалась до последних лет.

«В этом состязании интеллектов главным оружием служат безобидные на первый взгляд черные контейнеры с аппаратурой и острота ума. Радиолокационная война, держится в строжайшем секрете, — только иногда газетные аншлаги сообщают о сбитых разведывательных самолетах. Военнослужащие умолкают, когда их спрашивают об этом. Запрещено называть номера частей и подразделений, ведущих радиолокационную разведку»[5].

Военнослужащие не зря умолкали. Они-то знали, что самолеты -разведчики часто умышленно нарушали воздушное пространство СССР, чтобы заставить работать как можно больше советских РЛС и выявить возможности радиолокационной сети приграничных районов СССР.

Для этого была разработана специальная тактика действий воздушных разведчиков в зависимости от типа разведывательного самолета. Авторы упомянутой статьи растолковывали и это:

«С самолета RB-47, который идет с крейсерской скоростью 850— 900 километров на высоте 12 300 метров, горизонт отстоит более чем на 320 километров. Таким образом, этот самолет может безнаказанно летать вдоль границ Советского Союза и изучать работу радиолокаторов, расположенных на территории России на удалении 320 километров».

«Не раз, — вспоминает оператор бортовой электронной аппаратуры Брюс Бейли, участвовавший в более чем 400 разведывательных полетах, — в ходе выполнения задания мы делали ложные маневры в сторону советской

границы, чтобы заставить Советы включить дополнительные радиолокаторы»[6]. Обычно самолеты-разведчики летели ниже горизонта видимости РЛС, затем у границ СССР резко набирали высоту.

С какой целью? Ответ на это дал уже цитировавшийся журнал "Попьюлар сайенс":

«Несомненно, что локаторы русских не работают все время. Зачем раскрывать свои карты? Поэтому самолеты радиоэлектронной разведки обманывают операторов радиолокаторов — умышленно летают на близком расстоянии в надежде, что подключаются другие радиолокаторы. Радиолокаторщики уже не попадаются на этот обман, как раньше. Опытный бортовой оператор-разведчик изучает не только сигналы РЛС. Он может перехватить данные секретной

радиосвязи. Однако основным назначением самолета радиолокационной разведки является изучение данных, с помощью которых определяются методы подавления радиолокаторов противника»[7].

Интенсивная разведывательная деятельность американской авиации в приграничном воздушном пространстве СССР началась в 1949 году, одновременно с принятием плана "Дропшот" и определялась специальной директивой ОКНШ. Вот текст препроводительной к этой директиве, направленной в штаб стратегического авиационного командования ВВС США за подписью начальника разведки ВВС:

«Совершенно секретно

Управление воздушной разведки

подполковнику Таулеру

Программа электронной разведки ВВС США

1. Комитет начальников штабов отдал распоряжение видам вооруженных сил приступить к осуществлению "агрессивной программы ведения разведки с целью получения максимума сведений об электронном вооружении иностранных государств ".
2. Опыт показывает, что наиболее эффективным методом сбора разведывательных данных является воздушная разведка..

345

3. В результате проведенных двух конференций — одна между представителями стратегического авиационного командования и штаба ВВС США, другая между начальниками заинтересованных подразделений штаба ВВС — была разработана программа по сосредоточению усилий электронной разведки.

4. Прилагаемая директива информирует Командующего стратегическим авиакомандованием о силах и средствах, которые должны быть выведены для осуществления этой программы, и содержит указания и требования, необходимые для наиболее успешного выполнения поставленной задачи.

Рекомендация:

5. Заместителю начальника штаба — начальнику оперативного управления изучить, подписать и разослать соответствующим инстанциям прилагаемую директиву.

С. П. Кейбелл, генерал-майор ВВС США начальник разведки

3 июня 1949 г.»[1].

Выполнение этой директивы привело в последующие годы к интенсивным полетам разведывательных самолетов вдоль границ Советского Союза, нередко с вторжением в его воздушное пространство. Журнал "Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт" пишет:

«Как показывают документы и интервью участников событий, с 1950 года до конца 60-х годов Соединенные Штаты произвели более чем 10 тысяч и, может быть, до 20 тысяч шпионских полетов вдоль границ Советского Союза и Китая в целях выявления сил и средств системы ПВО... Их задачей было установить дислокацию и расположение радиолокационных станций в советских приграничных районах. Из-за режима секретности, до сих пор соблюдаемого ВВС, ВМФ, ЦРУ и Агентством национальной безопасности — организаций, которые играли ключевую роль в воздушном шпионаже, — точное

количество разведывательных полетов, возможно, никогда не будет выяснено»[9].

Естественно, в Советском Союзе организации и люди, связанные с обороной страны, с первых дней появления воздушных разведчиков у границ страны остро реагирова-

346

ли на полеты американских самолетов. Неоднократно заявлялись ноты протеста, не имевшие, как правило, положительного результата. С 1950 года начался перехват самолетов-разведчиков с целью принуждения их к посадке на советской территории или уничтожения.

За время с 1950 по 1970 год, по признанию "Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт", "по меньшей мере 252 американских летчика были сбиты в ходе шпионских воздушных операций, из них 24 погибли, 90 остались в живых, а судьба 138 авиаторов не выяснена до сих пор"[10]. Первой жертвой этой тайной воздушной войны стал самолет RB-29, сбитый советскими истребителями над Балтийским морем в районе города Лиепая. Вот как описывается этот эпизод в советских документах:

«Из журнала нарушений государственной границы. От 8 апреля 1950 года.

"8.04 в 17.30 нарушение границы южнее Лиепая. Американский самолет В-29 углубился на территорию СССР на 21 километр. Требованию наших истребителей следовать за ними не подчинился и открыл огонь. После ответного огня ведущего истребителя самолет повернул в сторону моря и скрылся"»[11].

А вот рапорт ведущего группы истребителей-перехватчиков (были подняты две пары истребителей Ла-11), командира звена старшего лейтенанта Б. Докина командиру части:

«Будучи в дежурном звене в первой готовности в 17.22, получил команду на взлет. После взлета принял команду набрать высоту 4000 метров и взять курс 360 градусов... В 17.30 встретил четырехмоторный самолет с американскими опознавательными знаками южнее Лиепаи 8 километров (на береговой черте. — *А. О.), который шел курсом 135 градусов. Увидев самолет, я парой подошел к нему справа сзади и передал второй паре — старшего лейтенанта Герасимова — принудить нарушителя к посадке. Герасимов вышел вперед, и делая глубокое покачивание, развернулся влево. Нарушитель взял курс 270 градусов — и в море и за парой старшего лейтенанта Герасимова не пошел. Тогда я дал предуп-*

347

редительную очередь — 12 снарядов. Нарушитель стал вести огонь по мне. Ведомый лейтенант Тезяев, видя это, дал по нарушителю очередь, который пошел с большим снижением и вошел в облака на Н — 500 метров. Предположительно самолет упал в 5—10 километрах от берега»[12].

И в Советском Союзе, и в США этому инциденту было уделено немало внимания. В середине апреля военно-морской министр СССР И. С. Юмашев докладывал заместителю Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганину о мерах, принимаемых командованием ВМФ по поиску сбитого самолета, следующее:

«Товарищу Булганину Н. А.

Докладываю:

После гибели 8 апреля американского самолета В-29 (по данным иностранной прессы, это был не В-29, а самолет военно-морской разведки США "Прайвитер". — А. *О.) американцы предприняли активные меры по его поиску, обследовав Балтийское море между островами Готланд и Борнхольм. Поиск указанного самолета в течение нескольких дней большим количеством самолетов дает основание полагать, что погибший самолет имел для американцев особую ценность. Не исключена возможность нахождения па самолете важных секретных документов и ценного секретного оборудования.*

Учитывая указанные обстоятельства, полагаю целесообразным провести поиск затонувшего американского самолета и подъем его с целью изъятия документов и секретного оборудования, если таковые будут обнаружены.

Ориентировочные координаты места падения самолета В-29 установлены самолетом-истребителем 4-го истребительного авиаполка. Подполковник Филанович через два часа после падения самолета наблюдал в районе падения — в Ш-56°30'0, Д-20°28'0 большое масляное пятно и в трех милях к северу от него неопознанный плавающий предмет. Можно предполагать, что обнаруженное масляное пятно показывало место затонувшего американского самолета.

Для поиска затонувшего самолета будет произведено обследование водолазами одновременно с двух водолазных

станций предполагаемого места падения самолета в районе обнаруженного масляного пятна на глубинах моря 50 и 65 метров.

При неудовлетворительном результате водолазного обследования будет проведено траление придонным тралом и поиск металлоискателями в районе предполагаемого падения самолета, общей площадью 130 квадратных миль, как указано в схеме.

Для производства траления будет выделено 4 тральщика из состава 4-го военно-морского флота.

В случае обнаружения затонувшего самолета будет произведено обследование его на грунте с целью изъятия и подъема на поверхность в первую очередь документов и ценного оборудования, а затем и самого самолета.

Ориентировочный срок траления района — один месяц.

20 апреля 1950 года. Юмашев»[13].

Остается добавить, что поиски положительных результатов не принесли ни в 1950 году, ни в более поздние периоды, включая конец 90-х годов.

Однако тогда, в 50-м, американцы поняли, что с ПВО СССР шутить опасно, надо быть осторожнее. 5 мая 1950 года ОКНШ сформулировал цели и порядок проведения воздушных разведывательных операций. Главный упор делался на радиотехническую разведку, которая должна была выявить количество и возможности по обнаружению воздушных целей

советскими РЛС. Генерал О. Брэдли, в то время председатель ОКНШ, предложил назвать эти операции "проектом воздушной электронной разведки" (ПВЭР) и поставил разведке ВВС задачу: "добывать максимум сведений об электронных средствах противника". Был определен и порядок проведения этих операций:

не приближаться ближе чем на 20 миль к территории СССР или контролируемым им странам;

самолеты-разведчики, как правило, не должны иметь какое-либо вооружение[14].

Так начались полеты самолетов радиотехнической разведки ВВС США, продолжавшиеся много лет.

349

В ходе выполнения разведывательных воздушных операций было немало драматических инцидентов, схваток в воздухе, сбитых самолетов-разведчиков. Однако не всегда воздушные схватки заканчивались победой советской стороны. 4 сентября 1950 года в нейтральных водах Японского моря, у берегов Северной Кореи, истребителями ВМС США был сбит советский бомбардировщик. 2 члена экипажа погибли сразу, третий, лейтенант Геннадий Мишин, был подобран американцами, но скончался от ран. Его останки были переданы в СССР в 1956 году.

18 ноября 1952 года в районе мыса Гамова на Дальнем Востоке произошел настоящий бой между американскими палубными истребителями с авианосца ВМС США, находившимися в 100 километрах от советского побережья, и советскими истребителями МИГ-15 5-го военно-морского флота ВМС СССР. В донесении говорилось:

«В 14 часов 17 минут была обнаружена группа неизвестных самолетов южнее мыса Гамова. В 14 часов 38 минут эта группа самолетов начала движение курсом на север, в сторону нашей территории.

В 14 часов 48 минут командир авиазвена капитан Беляков доложил с воздуха, что два самолета заходят в хвост и что вступаем с ними в бой. После этого связь с истребителями прекратилась.

Как установлено, воздушный бой произошел на высоте 8 тысяч метров над морем в 30—35 километрах от побережья мыса Гамова и в 10—15 километрах от нашей морской границы.

Из четырех истребителей на аэродром возвратился один, который во время боя оторвался от своих самолетов. Другой вследствие отказа двигателя упал в море в районе мыса Льва и в воздушном бою не участвовал. Летчик погиб. Остальные два самолета предположительно сбиты американцами»^.

Это подтвердили впоследствии и американцы. Правда, и американский самолет, предположительно Р-2 ("Нептун"), по американским данным, не вернулся на свою базу. В 1952 году американцы потеряли 2 RB-29 вместе с

350

экипажами[16]. Наиболее известным случаем в 1952 году была катастрофа (или уничтожение?) самолета RB-29, вылетевшего с

авиабазы Иокота в Японии 13 июня в 10.07 по японскому времени; с ним была потеряна связь, когда по докладу экипажа самолет находился над Японским морем близ советских берегов. После этого RB-29 исчез. Посольство США в Москве направило запрос советскому правительству о возможности наличия в СССР каких-либо сведений о пропавшем самолете, но не получило ответа. Развивать эту щекотливую тему правительство США не стало. В Токио было передано, что госдепартамент не проводил специального расследования, а родственникам сообщили, что самолет пропал без вести. Позднее стало известно, что 25 июня в донесении с Дальнего Востока в Москву указывалось, что 13 июня в 180 километрах от Владивостока был обнаружен американский самолет RB-29, который был сбит советским истребителем МИГ-15 над советскими территориальными водами Японского моря южнее Владивостока[17].

Главной задачей американцев, как уже говорилось, была разведка радиолокационной сети советских войск ПВО. Выполняя разведывательные задания, самолеты-разведчики на Дальнем Востоке действовали с аэродромов Аляски (Айэльсон, Эльмендорф) и из Японии. Их интересовали районы Владивостока, Хабаровска, Сахалина, Советской Гавани. Дальневосточные районы СССР интересовали американцев прежде всего потому, что здесь границы СССР и США (Аляска) вплотную подходили друг к другу. В связи с этим Пентагон интересовали не только РЛС, но и советские аэродромы на Чукотке и Камчатке, откуда могли взлетать советские бомбардировщики, как поршневой ТУ-4, так и реактивный ИЛ-28. С июля 1953 года разведывательные полеты над Сибирью начали выполняться новыми реактивными самолетами RB-47 на высоте порядка 14 тысяч метров. Они фотографировали аэродромы. Советские истребители ПВО, вылетавшие им на перехват, не могли долго держаться на такой высоте и, как правило, их не доставали. RB-29 и RB-50, обладая

большой дальностью действия, но меньшей скоростью и высотой, вели разведку вдоль советских границ на севере.

Если на Дальнем Востоке при проведении разведывательных полетов американским самолетам постоянно приходилось иметь дело с противодействием советских истребителей ПВО, то на северных границах СССР дело обстояло по-другому. Разведчики ВВС США, действовавшие в начале 50-х годов в районе Советского Заполярья, обнаруживали немногочисленные радиолокационные посты на северных рубежах СССР, расположенные на большом удалении друг от друга. Это наводило командование ВВС США и Пентагон на мысль, что именно северный маршрут, кратчайшим путем выводящий в жизненно важные районы Советского Союза, будет наиболее благоприятным для действия стратегических бомбардировщиков в случае возникновения 3-й мировой войны. Генерал Гудпейстер, военный советник президента Эйзенхауэра, считал, что отсутствие советских РЛС на огромных просторах северной Сибири, вплоть до полюса, является наиболее важной

оперативной информацией в случае вступления США в конфликте СССР. "Это было одним из важнейших секретов "холодной войны", — отмечал один из руководителей электронной разведки США. — Мы могли предпринять воздушное нападение стратегическими бомбардировщиками через Северный полюс, и русские не имели возможности узнать об этом"[18]. Только во второй половине 50-х годов началось строительство сети советских РЛС дальнего обнаружения в северных районах Сибири. Однако, как считали в США, ее эффективность на пространстве между Мурманском и Чукоткой была невелика.

Интенсивность американской воздушной радиолокационной разведки с каждым годом нарастала. К середине 50-х годов более 100 самолетов-разведчиков привлекалось к решению этих задач, расширялась и география полетов. На севере и северо-востоке разведку вело 55-е крыло стратегической разведки, базировавшееся на авиабазе Топекс в Канаде, около 30—40 самолетов. Совершенствовалась авиационная техника, радиоэлектронное и фотографичес-

кое оборудование самолетов-разведчиков. Если в конце 40 — начале 50-х годов основными самолетами были RB-29 и RB-50, то уже в середине 50-х широко использовались реактивные разведчики RB-47 и RC-135. Разведка ВМС применяла для этих же целей самолеты типа Р-4М "Меркатор", Р-2 "Нептун" и другие. Самолеты имели на борту 100-дюймовые длиннофокусные аппараты для фотографирования портов, заводов, верфей, авиабаз, ракетных позиций; электронная аппаратура позволяла засекать частоты советских и китайских радиолокаторов во всем диапазоне применяемых ими частот, определять их дислокацию. Ежегодное количество разведывательных полетов возросло с 1000 в начале и до 3000 в конце 50-х годов[19].

Время от времени самолеты-разведчики совершали полеты над территориальными водами СССР или вторгались в его воздушное пространство. Советские истребители взлетали на перехват, стремились принудить нарушителей к посадке или, если те не выполняли команд, сбить их; завязывались воздушные бои, сбивались самолеты, гибли люди. Так, 27 июля 1953 года советский военно-транспортный самолет Ил-12 во время перелета из Порт-Артура во Владивосток был атакован 4 американскими истребителями. Нужно сказать, что в этот день было подписано перемирие между сторонами, воевавшими в Корее, и положен конец этой войне. Советский самолет следовал по установленной трассе, которая проходила над территорией КНР на значительном удалении, до 300 километров, от китайско-корейской границы. Приблизившись к ИЛ-12, американские летчики убедились, что это военно-транспортный самолет, "летящий на восток". Об этом свидетельствуют доклады капитана Пирра и старшего лейтенанта Скарори, чьи истребители атаковали ИЛ-12. Тем не менее американские истребители сбили безоружный самолет в 130 километрах юго-западнее города Дуньхуа. Экипаж и пассажиры — всего 21 человек— погибли[20].

Через два дня, 29 июля, RB-50, вылетевший из Иокоты (Япония), прошел вдоль Корейского полуострова и пошел вдоль советской границы на север от Владивостока.
353

На борту самолета-разведчика было 17 человек: экипаж и специалисты. Советские РЛС обнаружили самолет на траверсе Владивостока и вели его. В донесении главнокомандующего ВМФ СССР адмирала Н. Г. Кузнецова министру обороны СССР по этому происшествию говорилось:

«Радиолокационные станции флота, продолжая следить за движением неизвестного самолета, в 7.01 обнаружили его в наших территориальных водах — самолет-нарушитель шел в направлении на остров Аскольд на высоте 10 000 метров. Для выяснения принадлежности самолета-нарушителя и цели его появления в наших водах в 7.06 наши два самолета-истребителя были направлены на встречу с ним.

В 7.11 ведущий в паре истребитель (летчик капитан Рыбаков) обнаружил на расстоянии 10 километров к югу от острова Аскольд самолет-нарушитель, оказавшийся американским самолетом RB-50 с красными полосами на киле и 4 опознавательными знаками ВВС США. При сближении для опознания наши истребители были обстреляны самолетом-нарушителем, на ведущем самолете-истребителе были повреждены левая лопасть и передняя часть фюзеляжа»[21].

Американская версия разительно отличалась от советской. По свидетельству второго пилота капитана Джона Роче, их самолет внезапно был обстрелян советским истребителем МИ Г-15, который огнем поразил два двигателя RB-50, после чего тот упал в море. Роче был подобран спасательным судном спустя 18 часов после катастрофы. Он оказался единственным, кто остался в живых из экипажа[22].

Сегодня трудно сказать, кто первым открыл огонь. Обстановка тех дней на Дальнем Востоке была очень нервозной. Только что (27 июля 1953 года) завершилась перемирием Корейская война. В этих условиях события могли принять любой оборот. В данном случае и советские и американские свидетельства показывают меру враждебности обеих сторон и их стремление обвинить в инциденте противника.

Родственникам погибших членов экипажей американских разведывательных самолетов сообщили, что самолеты потерпели катастрофу. Даже много лет спустя власти
354
США скрывали от родных правду. Жена капитана Сэма Буша, члена экипажа RB-29, пропавшего без вести у берегов СССР в Японском море в ходе разведывательного полета, вспоминала: "Мне сказали, что задачей экипажа была разведка погоды". А вот что говорил Гордон Берг, брат Элди Рэя, также погибшего вместе со всем экипажем RB-29: "Элди писал, что они вылетают на серьезное задание и ему страшно... Нам было сообщено, что нет никаких сведений о самолете и о летчиках, оставшихся в живых. Представители ВВС сказали моей маме, что надо примириться с тем, что случилось"[23].

Но радиолокационная разведка была лишь одним из направлений воздушного шпионажа. Вскоре после ее начала появилось и другое.

После утверждения Трумэном в 1950 году плана проведения разведполетов с проникновением в глубинные районы СССР американские самолеты (и не только разведчики) стали все чаще совершать глубокие вторжения в воздушное пространство СССР. Были случаи, когда их маршруты проходили через несколько регионов. Привлекали и союзников.

В середине 50-х годов самолеты-разведчики RB-47 (или более ранняя модель — RB-45) действовали с аэродромов Великобритании с опознавательными знаками британских ВВС. Так, 17—18 апреля 1952 года три пилотируемых английскими и американскими летчиками RB-45, стартовав из Англии, вторглись в воздушное пространство СССР и прошли по трем маршрутам: через Прибалтику, Белоруссию и Украину. Полеты проходили на высоте 12 тысяч метров, до рубежа Псков, Смоленск, Харьков[24]. Советские РЛС вели эти самолеты, но истребители и зенитная артиллерия не могли их сбить. По мере совершенствования системы ПВО СССР риск подобных полетов все более возрастал, потери росли. Если в 1950 году был сбит лишь один нарушитель, то в 1951 и 1952-м — по два, а в 1953-м — три.

Тем временем в США накапливалось все больше сведений о развертывании в СССР обширной программы

строительства новых самолетов, ракет, подводных лодок. Каково состояние и перспективы советских стратегических вооружений, где находятся авиабазы и развертываются ракетные позиции — вот такие вопросы стали главными для политиков и военных в Вашингтоне.

Уже было известно, что на полигоне Капустин Яр, расположенном в низовьях Волги, проводятся экспериментальные пуски ракет. Но каких? Насколько они сопоставимы с межконтинентальными ракетами, которые испытываются в США? Необходимо было проникнуть за "железный занавес". Но как? Зимой 1954—1955 года в Турции, в горном районе близ города Диарбекир, с согласия турецкого правительства была построена специальная радиолокационная станция с большой дальностью действия. В начале лета 1955 года эта станция вошла в строй. Ее данные позволяли получать информацию о том, что происходило в Капустином Яре. К концу 1955 года американцы с помощью РЛС в Диарбекире уже знали, что в Капустином Яре испытываются ракеты, что испытания ведутся интенсивно и достаточно успешно. Американские специалисты считали, что русские вырвались далеко вперед в деле создания стратегического ракетного оружия по сравнению с американцами. Американское общественное мнение все больше приходило к убеждению, что Соединенные Штаты отстают от СССР на важнейших направлениях научно-технического прогресса.

В Белом доме и Пентагоне пришли к выводу о необходимости

немедленно приступить к сбору данных о советских программах разработок стратегических средств воздушного нападения. Было решено организовать систематические полеты над территорией СССР в целях сбора сведений о советских вооружениях и вооруженных силах путем аэрофотосъемки и радиотехнической разведки.

В эти годы англичане приняли на вооружение весьма совершенный по тому времени бомбардировщик "Канберра". Поскольку по мере совершенствования советской системы ПВО потери устаревших самолетов-разведчиков росли, было решено использовать для разведки "Канбер-

356

ру". Черчилль дал разрешение, но при условии, что вылет будет не из Англии. В августе 1953 года "Канберра" стартовала с аэродрома Гибельштадт (ФРГ) по маршруту: ФРГ — Чехословакия — Киев — Харьков — Капустин Яр (район Волгограда) — Иран. На пути следования самолет был неоднократно атакован советскими истребителями и обстрелян зенитной артиллерией. От зенитного огня в зоне Капустина Яра "Канберра" испытала такую вибрацию, что фотоснимки получились крайне низкого качества. Получив множество пробоин и вмятин, самолет все же дотянул до Ирана, где и приземлился. Но командир экипажа Б. Амори сказал: "Больше никогда!" С этим согласился и Черчилль[25]. Он опасался контрмер со стороны СССР. И не зря. Риск был немалый.

Командование войск ПВО СССР считало в то время самолет "Канберра" весьма трудной целью для советских истребителей-перехватчиков. Летчикам, вылетавшим на перехват, ставилась задача сбить "Канберру" любой ценой, вплоть до тарана. Полковник Николай Сысоев, командир истребительного авиаполка Бакинского округа ПВО, с которым автору этих строк довелось вместе служить в те годы, вспоминал:

«По идее нам не приказывали таранить "Канберру" в лоб, но рекомендовали, если необходимо, применять таран по наиболее уязвимым местам бомбардировщика, чтобы, повредив его, не погибнуть самому. Но несмотря на стремление командования наводить истребители на цель с помощью РЛС, в ночное время МИГи не перехватывали воздушного противника»[26].

Другой мой сослуживец, генерал Михаил Шульга, вспоминал, как он, летчик-истребитель, служивший в Грозном в 1954 году, получил задачу на перехват "Канберры", которая совершала пролет из Ирана через Капустин Яр и Грозный с возвращением в Иран:

«Я набрал высоту 16 000 метров и даже поднялся на 16 500 метров. С земли мне скомандовали искать противника выше и правее. И я его увидел, но выше себя. Я пытался увеличить высоту, приготовил оружие к бою, Но наруши-

357

тель был на 1,5—2 километра выше. Я пытался еще набрать высоту, но характеристики моего истребителя не позволяли этого. "Попробуй еще один рывок вверх", — командовали с аэродрома. Я сделал еще одну попытку, но без

успеха».[27]

Тайная воздушная война в воздушном пространстве СССР и на его границах продолжалась.

С принятием в США стратегии "массированного возмездия" американцам необходимо было установить объекты нанесения ударов на территории СССР, определить порядок их уничтожения, убедиться на практике в реальных возможностях советской авиации и ПВО. С этой целью продолжались систематические разведывательные полеты. Часть самолетов согласно плану, утвержденному Трумэном, предпринимала глубокие вторжения в воздушное пространство СССР. Так, 28—29 апреля 1954 года три американских разведчика (на этот раз это были RB-47) с опознавательными знаками Великобритании, вылетев из Англии (авиабаза Скалторп), повторили маршрут через Прибалтику, Белоруссию и Украину, имея целью разведку аэродромов советских межконтинентальных бомбардировщиков М-4. Однако к тому времени советская ПВО уже получила на вооружение более совершенные средства борьбы с воздушным противником. Самолет, приближавшийся к Киеву, был встречен сильным огнем зенитной артиллерии и, опасаясь быть сбитым, повернул назад. Два других разведчика были атакованы истребителями и вынуждены были повернуть назад, чтобы не подвергать себя дальнейшему риску[28].

8 мая того же года другие три RB-47, также из Англии, вылетели на фотографирование советских военных объектов в районе Мурманск, Архангельск, Онежское озеро. Им предписывалось, соблюдая радиомолчание, выйти в район Мурманска. Два экипажа после фотосъемок объектов вокруг Мурманска должны были вернуться на базу. Третий экипаж (командир Г. Остин) имел задачу сфотографировать 9 аэродромов на Кольском полуострове, затем выйти в район Архангельска и далее Онежского

358

озера и совершить посадку в Норвегии. В районе Мурманска американский разведчик был встречен тремя советскими МИГ-17. Это был серьезный противник: МИГ-17 мог действовать на тех же высотах и скоростях, что и B-47. Маневрируя, экипаж Остина вынужден был отклоняться от заданного маршрута, что затрудняло выполнение задачи. Близ Архангельска на перехват воздушного разведчика были подняты уже 6 истребителей. RB-47 предпочел покинуть воздушное пространство СССР и направиться в небо Финляндии. Советские истребители открыли огонь, американцы дали ответную очередь, но поспешили пересечь финляндскую границу. Единственно, что они могли тогда доложить своему командованию, — это то, что тяжелых советских бомбардировщиков на северных аэродромах не обнаружено[29].

Но американская авиация продолжала глубокую разведку для возможного ядерного удара по основным городам нашей страны. Бомбардировщики B-47, стартовав с аэродромов Европы, не раз выходили на рубеж Новгород, Смоленск, Киев. По заключению советских специалистов того времени, не исключалось, что на

борту B-47 могло быть и ядерное оружие. Это само по себе уже было опасно, поскольку известны случаи, когда происходил случайный сброс ядерных бомб. Такие случаи тщательно скрывали. Так, 20 февраля 1950 года бомбардировщик B-36 вынужден был сбросить атомную бомбу над Тихим океаном, у берегов Канады. Она была подорвана в 100 метрах над поверхностью океана. Подобный случай повторился в ноябре 1950 года[30].

Советские РЛС обнаруживали и наблюдали многие полеты, но боевые средства ПВО были еще не в состоянии успешно противодействовать реактивным бомбардировщикам, следовавшим на больших высотах и скоростях. Это еще более укрепляло стремление военно-политического руководства СССР к совершенствованию и усилению советских вооружений. В широком масштабе внедрялись в Войска ПВО страны новые РЛС, разрабатывались подвижные зенитные ракетные комплексы, способные

359

поражать цели на больших высотах; строились новые бомбардировщики, подводные лодки, сверхзвуковые истребители-перехватчики. А это в свою очередь подталкивало американское военно-политическое руководство к еще более интенсивному ведению разведки новых видов оружия в СССР.

Здесь уместно сказать, что руководство США полностью отдавало себе отчет в том, что нелегальное вторжение в воздушное пространство СССР представляет собой нарушение международного права. В этом отношении показателен инцидент 7 ноября 1954 года. В этот день советские истребители сбили американский разведчик RB-29, совершивший разведывательный полет вдоль береговой черты Советского Дальнего Востока в Японском море. 10 летчиков из экипажа выпрыгнули на парашютах и были спасены американскими аварийно-спасательными службами, один человек погиб[31].

В США началась в прессе кампания, обвинявшая советских летчиков в расстреле ни в чем неповинного самолета. Лидер республиканцев в сенате Уильям Ноуленд явился к президенту Эйзенхауэру с требованием "разорвать дипломатические отношения с Советским Союзом", ссылаясь на требование общественности. Эйзенхауэр осторожно дал понять сенатору, что самолет выполнял задачу отнюдь не "невинного" характера:

«В международных отношениях случаются такие вещи, которые нельзя объяснить словами широкой публике... Мы порой ведем себя весьма агрессивно, но вы ничего не знаете об этом... Я знаю такие вещи, которые не могу позволить себе рассказывать даже жене... Наша разведка действует весьма активно и часто рискованно. Так что всякое может случиться».

Он сказал, что ему известны аргументы тех, кто хочет разорвать дипломатические отношения с СССР, но ведь это будет "шаг к войне", и закончил:

«И если это сделать, то возникнет следующий вопрос: вы готовы к нападению? Что касается меня, то я лично не готов к нападению. Необходимо понять, что может насту-

пить день, когда нам придется вступить в войну. И если народ узнает, что мы ее как-то спровоцировали..,»[п]

Тем не менее, несмотря на полное понимание опасности нарушения советских границ, американская разведка не только не прекращала их, но и продумывала все новые ходы в этом направлении, рассчитанные на увеличение объема разведывательной информации и в то же время снижение риска провала и гибели людей.

В 1956 году на вооружение разведывательной авиации США поступила более совершенная фото- и радиоэлектронная аппаратура. Ею были оснащены самолеты В-47Е и В-47Н. В марте — мае такие самолеты действовали с авиабазы в Туле (Гренландия), совершая полеты над Северным полюсом и Кольским полуостровом, Новой Землей, Беринговым проливом. Каждый день в светлое время вылетали 4—5 экипажей. Их маршруты предусматривали вторжение в советское воздушное пространство. Эти разведполеты подтвердили первоначальные данные, что северные районы СССР имеют слаборазвитую радиолокационную сеть и мало активных средств ПВО". В том же году была проведена операция "Генетрикс": массированный запуск аэростатов из ФРГ и Турции, маршруты которых проходили через СССР и заканчивались в Тихом океане,, где контейнеры с фотоаппаратурой сбрасывались в назначенном районе, где их подбирали специальные команды. Однако эта операция не принесла успеха. Из 516 запущенных аэростатов только 44 дошли до Японского моря. Остальные были сбиты советскими истребителями или не долетели до назначенного района по техническим причинам[34]. Поскольку запуск аэростатов в воздушное пространство СССР не дал сколько-нибудь ощутимых результатов, ВВС США продолжали и глубокую авиационную разведку приграничных регионов Советского Союза. В марте 1955 года три RB-45 под командованием майора Дж. Андерсона произвели разведывательный полет в ночное время с задачей установить дислокацию и возможности РЛС социалистического блока на территории Чехословакии, Польши и прибалтийских республик СССР. Ночь была выб-

рана специально, чтобы затруднить перехват разведчиков советскими истребителями, которые противодействовали самолетам-шпионам. Все три RB-45 благополучно вернулись на свои базы.

В апреле и начале мая того же года САК ВВС США осуществляло "проект Сишор" (морское побережье) по специальному заданию ОКНШ. Четыре RB-47Е, оборудованные 100-дюймовыми длиннофокусными фотоаппаратами, выполняли разведывательные полеты над районами Северной и Восточной Сибири. Они действовали с авиабазы Айельсон (Аляска). Главная задача этих полетов состояла в том, чтобы разведать систему ПВО и ВВС на северном, главном для стратегической авиации США, маршруте, выводящем в глубинные военно-промышленные регионы Советского Союза кратчайшими маршрутами.

В марте — мае 1956 года командование САК провело еще одну разведывательную операцию — "проект Хоумран". В течение 7 недель новые самолеты-разведчики RB-47E и RB-47H, действуя через Северный полюс, вылетали на задания практически ежедневно и вели разведку прилегающей к СССР акватории Северного Ледовитого океана и северосибирских районов СССР на пространстве от Кольского полуострова до Берингова пролива. Эту операцию осуществляло специальное подразделение САК в составе 16 RB-47E 10-й эскадрильи стратегической разведки, а также 5 самолетов RB-47H 343-й эскадрильи стратегической разведки. Их обслуживали две эскадрильи самолетов-заправщиков (28 КС-97). Полеты производились с авиабазы Туле (Гренландия) и велись почти в полном радиомолчании.

Руководство разведкой ВВС разделило советское арктическое пространство на три базовых сектора: от Кольского полуострова до острова Диксон (Карское море); от Диксона до бухты Тикси (море Лаптевых); от Тикси до Берингова пролива. Как правило, B-47 вылетали парами на фото- (E) или электронную (H) разведку, в зависимости от предназначения самолета. В ходе ежедневных полетов, проводившихся в дневное время американским раз-

ведчиком, удалось получить фотографии советского новоземельского ядерного полигона; установить, что радиолокационные станции на севере СССР немногочисленны и удалены друг от друга на значительные расстояния. Аэродромная сеть в этих районах явно не обеспечивала базирования необходимого количества перехватчиков. За все время операции только в трех или четырех случаях RB-47 приходилось уходить от преследования советских истребителей.

Отсутствие эффективной ПВО на севере СССР позволило американцам перейти к более активным действиям. 6 и 7 мая 1956 года по шесть RB-47, взлетев с аэродрома Туле, пересекли Северный полюс и вторглись в светлое время суток в воздушное пространство Советского Союза в районе города Амбарчик. Им удалось беспрепятственно сфотографировать территорию от Анадыря до Берингова пролива, после чего приземлиться на авиабазе Айельсон (Аляска). Всего из Туле за этот период было совершено 156 разведывательных полетов у советских северных границ".

Советские радиолокаторы наблюдали и отслеживали эти полеты, но малое количество истребителей, причем, как правило, устаревших типов, не позволяло вести борьбу с нарушителями хоть сколько-нибудь эффективно. Но правительство СССР не оставило без внимания деятельность американской авиации у северных рубежей нашей страны. Посольству США в Москве была вручена нота протеста, датированная 14 мая. 28 мая президент Эйзенхауэр пригласил на совещание по поводу советской ноты высшее руководство вооруженных сил США и ЦРУ. Было решено прекратить полеты воздушных разведчиков на севере СССР. На следующий день госдепартамент вручил советскому послу в Вашингтоне ноту, в которой выражалось

сожаление по поводу того, что навигационные трудности в Арктике могли стать причиной нарушения американскими самолетами воздушного пространства СССР, если таковые и были"[36].

Таким образом, до второй половины 50-х годов авиация США и стран НАТО вела главным образом разведку

приграничных районов СССР, пытаясь получить сведения о противовоздушной обороне и близлежащих аэродромах. Но с течением времени накапливалось все больше информации о работе в СССР по созданию ядерного и ракетного оружия. Однако основные объекты этих программ (испытательные полигоны, позиции для развертывания новых видов оружия и т. д.) находились в глубине советской территории, куда становилось все сложнее проникать воздушным разведчикам Запада. Парад в Москве 1955 года показал, что и в области создания стратегической авиации Советский Союз достиг значительных успехов. Американское общественное мнение все больше приходило к убеждению, что Соединенные Штаты отстают от СССР на важнейших направлениях научно-технического прогресса.

В Пентагоне и ЦРУ пришли к выводу о необходимости немедленно приступить к сбору данных о советских программах разработок стратегических средств воздушного нападения.

Таким средством стал специально сконструированный для ведения фото- и радиоэлектронной разведки с больших высот, недосягаемый для истребителей и зенитной артиллерии того времени самолет, созданный талантливым инженером Кларенсом Джонсоном, вице-президентом самолетостроительной фирмы "Локхид", и его сотрудниками Эдвином Лэндом и Эдвардом Парселлом. Они назвали свое детище "Ангел", а официально У-2 (от английского слова *utility*— практичный).

Поиск варианта высотного разведчика начался еще в 1951 году, когда американская фирма "Мартин" пробовала приспособить для этой цели усовершенствованный вариант "Канберры". Однако специалисты разведки в ВВС США пришли к выводу, что двухдвигательный самолет никогда не сможет набрать требуемую высоту. Тогда к делу приступила фирма "Локхид". Осенью 1954 года создатели проекта У-2 обратились к директору ЦРУ А. Даллесу с предложением финансировать и принять на вооружение их проект. Даллес вначале был против. Рыцарь "плаща и кинжа-

ла", он считал разведывательную авиацию чисто военным средством. Однако Джонсон и Лэнд убедили его. 24 ноября изобретатели У-2 встретились с президентом Д. Эйзенхауэром. Они аргументированно убеждали его в том, что только такой самолет может обеспечить получение необходимых сведений о продемонстрированном в мае того года на параде в Москве советском бомбардировщике М-4 (по терминологии НАТО — "Бизон"), не рискуя быть сбитым советской ПВО. Президент дал согласие на то, чтобы самолет этот использовался под эгидой

ЦРУ, а не ВВС[37].

Командующий же стратегическим авиакомандованием генерал Лимэй недооценил возможности У-2, о чем впоследствии сожалел. А тогда он сказал офицеру, который характеризовал У-2 как очень эффективное средство фоторазведки: "Молодой человек, если мне понадобится получить фотографии объектов в СССР, я пошлю В-29"[38].

ЦРУ между тем ставило задачи высотным самолетам-разведчикам. Они должны были в первую очередь проводить полеты над территорией СССР и добывать сведения о советских вооружениях и вооруженных силах. У-2 представлял собой одноместный самолет-разведчик с турбореактивным двигателем J-57 фирмы "Пратт—Уитни". Он был способен совершать полет на высотах до 20 километров, производить аэрофотосъемку с этих высот и вести радиотехническую разведку. Такая высота обеспечивала недосягаемость самолета для советских средств ПВО того времени. Самолет мог пролетать расстояние 4750 миль (8800 километров) без дозаправки и находиться в воздухе около 11 часов.

Конструкторы самолета в феврале 1955 года закончили экспериментальную модель. ЦРУ разработало программы предстоящих разведывательных полетов в интересах заинтересованных ведомств. Руководил программой заместитель А. Даллеса Ричард Биссел.

Первый испытательный полет У-2 состоялся в августе 1955 года, а в мае следующего года был сформирован первый отряд этих самолетов (подразделение "10—10"), который стал дислоцироваться в Англии. Однако вскоре бри-

танское правительство, опасаясь осложнения отношений с Советским союзом, потребовало убрать разведывательный отряд из Англии. Он был переброшен в Западную Германию, на авиабазу Висбаден (близ Франкфурта-на-Майне), где готовился к предстоящим разведывательным полетам.

Директор ЦРУ в ту весну был доволен работой своего ведомства. В Западной Германии с помощью немецкой разведки американские разведчики тайно прорыли туннель из Западного Берлина в Восточную Германию, который вывел их к подземным линиям секретной связи между Москвой и Восточным Берлином. Это позволяло прослушивать секретные переговоры с Группой советских войск в Германии и руководством ГДР.

Докладывая Эйзенхауэру о завершении работ над проектом У-2 и в берлинском туннеле, Аллен Даллес сказал президенту: "Я пришел доложить вам о двух наиболее оригинальных проектах: одном очень высоком и другом очень глубоком"[39]. Здесь уместно отметить, что если "высокий проект" — У-2 действовал успешно 4 года, то "глубокий" — тоннель под Берлином — провалился через год: он был раскрыт советской контрразведкой в апреле 1956 года.

Командование ВВС США, отвергшее проект У-2, настаивало перед президентом на том, чтобы для САК был принят на вооружение самолет-разведчик RB-57D. Это был

разведывательный вариант английской "Канберры", который по лицензии купили США. Этот одноместный самолет имел два двигателя J-57 фирмы "Пратт—Уитни", поэтому развивал большую, чем У-2 скорость (до 900 км/ч), но по главному параметру — высоте — уступал последнему. Тем не менее Эйзенхауэр разрешил ВВС использовать этот самолет для разведки районов Советского Дальнего Востока. Три RB-57D были дислоцированы в конце 1956 года в Японии, на авиабазе Йокота. 11 декабря они произвели вылеты в район Владивостока. Однако вопреки надеждам американских разведчиков на то, что советские РЛС не смогут увидеть RB-57 на значительной высоте (более 17 километров), их обнаружили. Были подняты советские истребители.

366

Американские летчики предпочли держаться подальше от них, за пределами территориальных вод СССР. Нота протеста советского правительства от 14 декабря подтвердила обнаружение попытки нарушить советское воздушное пространство. В ней говорилось:

«11 декабря 1956 года в 13.07—13.21 (время владивостокское) три американских реактивных самолета типа В-57, появившись со стороны Японского моря южнее Владивостока, нарушили воздушное пространство Советского Союза... Ясная погода в районе нарушения и хорошая видимость исключали возможность потери ориентировки летчиками входе полета... Правительство Советского Союза настаивает на том, чтобы правительство США приняло меры к наказанию виновных экипажей и в будущем не допускало нарушений государственных границ СССР американскими самолетами»[40].

Правительство США принесло извинения. Эйзенхауэр запретил самолетам ВВС при разведывательных полетах вторгаться в пределы СССР, но для ЦРУ и его У-2 сделал исключение. Однако каждый их полет проводился только с его санкции. Он одобрил программу У-2 еще в конце 1954 года, рассчитывая на то, что большая высота полета не даст обнаружить их советским РЛС и не будет осложнений с Советским Союзом. Но через год, когда уже шла подготовка к практическому выполнению программы, он сказал ее руководителям: "Все это хорошо, ребята. Я думаю, что страна нуждается в такой информации, и я готов утвердить вашу программу. Но должен сказать вам одну вещь: наступит день, когда одна из этих машин попадется, мы получим бурю"[41]. Он оказался провидцем: через 5 лет У-2, пилотируемый летчиком Ф. Пауэрсом, рухнул с 20-километровой высоты на землю под Свердловском (Екатеринбург), сбитый советской зенитной ракетой.

Но все это будет позднее, а тогда, в 1954—1956 годы, отобранные Р. Бисселом летчики осваивали новую технику. Надо сказать, что эта задача была не из легких. В ходе испытательных полетов только в эти годы погибло 5 пилотов, до 1960 года (полет Ф. Пауэрса) — 15, а всего (до 1974 года) - 25[42].

367

В 1956 году Эйзенхауэр санкционировал операции по полетам У-2 в воздушном пространстве СССР и других стран социалистического содружества. Намеревались начать их в июне, но погода в западных районах СССР мешала проведению таких полетов. Поэтому 20 июня летчик Карл Оверстрит совершил полет над Польшей и Восточной Германией: был над Варшавой, Берлином и Потсдамом. Полет прошел успешно. В конце июня погода в СССР улучшилась, но полеты У-2 были отложены в связи с пребыванием в СССР Н. Туайнинга — на воздушном параде в Тушино и в поездке по стране.

2. ЦРУ: что там, за Уралом?

Наконец 2 июля 1956 года Эйзенхауэр утвердил пять глубоких вторжений в воздушное пространство СССР Б течение июля в зависимости от метеорологических условий. [43] Первый полет состоялся в День Независимости США — 4 июля. Поскольку это было через несколько дней после отлета Н. Туайнинга из Москвы и хвастливой речи Хрущева на банкете 24 июня, то в Кремле сочли этот полет как акт мести начальника штаба ВВС США. Но это было просто совпадение: решение было принято раньше.

В течение 10 дней отряд У-2 из Западной Германии произвел эти пять глубоких вторжений в воздушное пространство СССР на высоте 20 километров. Один из самолетов прошел над Москвой, в окрестностях которой обнаружил аэродромы базирования бомбардировщиков М-4. Другой сфотографировал в районе Ленинграда верфь, где строились подводные лодки. Фотографии, сделанные фотокамерами с фокусным расстоянием 36 дюймов (90 сантиметров), были исключительно высокого качества. Как вспоминал Биссел, "детали были видны настолько четко, что можно было прочесть хвостовые номера на бомбардировщиках". Успешными были и другие полеты.

Для советской военной разведки эти полеты с самого начала не являлись секретом. Уже первые полеты высот-

368

ных разведчиков наблюдались советскими радиолокаторными станциями. Так, 4 июля было установлено, что У-2, обнаруженный над Франкфуртом-на-Майне, проследовал через Дрезден и Белосток и в 8 часов 18 минут пересек советскую границу на высоте около 17 километров. Он прошел на этой высоте со скоростью 800—1000 км/ч (с учетом попутного ветра) по маршруту: Бобруйск, Вильнюс, Калининград и ушел в сторону Балтийского моря. Полет над территорией СССР продолжался более 2,5 часа. На следующий день такой же полет был обнаружен по маршруту: Франкфурт-на-Майне, Пинск, Вильнюс, Калининград, Росток, Гамбург. Над территорией СССР самолет находился почти 3,5 часа, углубился на 1000 километров в наше воздушное пространство, совершая полет на высоте 18 километров при скорости 800 км/ч.

9 июня выявлены сразу три глубоких вторжения в воздушное

пространство Советского Союза. Самолеты на высоте 16—20 километров появлялись со стороны Западной Германии (Франкфурт-на-Майне, Нюрнберг). Один из них пролетел по маршруту. Прага, Сегед, Львов, Житомир, Киев, Гомель, Бобруйск, Барановичи, Брест, Мюнхен; второй— Щецин, Калининград, Лиепая, Рига, Каунас, Минск, Демблин, Эрфурт; третий— Минден, Щецин, Калининград, Лиепая, Рига, Каунас, Белосток, Лодзь, Берлин, Ганновер. Над территорией СССР они находились 3—4,5 часа, углубились на 700—1400 километров при скорости 800 км/[4.] На другой день был засечен еще один высотный разведчик, который на высоте 20 километров при скорости 900—1100 км/ч следовал из Франкфурта-на-Майне через Дрезден, Черновцы, Одессу, Николаев, Керчь, Севастополь, Измаил, Варну, Мишкольц и ушел, в ФРГ. На этом первая серия полетов высотных американских разведчиков завершилась[44].
РЛС Советского Союза и стран Варшавского Договора следили за каждым из них (с некоторыми перерывами) на всем протяжении маршрута, истребители ПВО уходили на цель, но их потолок был ниже высот У-2 на несколько километров, что не позволяло действовать эффективно.
369

Принимались меры и по дипломатическим каналам. 10 июня 1956 года советское правительство направило ноту протеста правительству США, в которой говорилось, что нарушения воздушных границ СССР американскими самолетами представляют собой "преднамеренное действие определенных кругов США, рассчитанное на обострение отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки". В этой ноте, как и в нотах прежних лет, в связи с вторжением американских военных самолетов в воздушное пространство СССР подчеркивалось, что подобные действия являются нарушением норм международного права.

В советской ноте говорилось, что нарушение производят "двухдвигательные самолеты ВВС", и американцам стало известно, что руководители Вооруженных Сил и КГБ СССР не имеют точных данных о самолетах-нарушителях, поскольку на У-2 один двигатель. Самолет не имел опознавательных знаков ВВС США, поэтому государственный департамент, отрицая причастность США к фактам вторжения, не опасался быть пойманным с поличным.

Но после июльской серии разведывательных полетов в 1956 году наступила пауза. Это было связано с тем, что президент Эйзенхауэр запретил операции У-2 над СССР до особого распоряжения, чему способствовали события осени этого года, связанные с вторжением англо-франко-израильских войск в Египет, и восстание в Венгрии, подавленное советскими войсками. Правительство США опасалось каких-либо инцидентов в отношениях с Советским Союзом и не хотело давать поводов к этому.

Тем временем зоны действий высотных разведывательных полетов расширялись. Осенью 1956 года одно из подразделений У-2 было переброшено в Турцию, на авиабазу Адана. Оттуда в

сентябре — октябре этого года Фрэнсис Пауэре и его коллеги совершили свои первые полеты на У-2. В дни Суэцкого кризиса они вели разведку Египта, Израиля, Иордании, Саудовской Аравии и Кипра. Руководитель этих операций Ричард Биссел добивался от правительства США разрешения на возобновление полетов
370
над СССР. ЦРУ и стратегическое авиакомандование интересовали полигон Капустин Яр, оборонные предприятия и авиабазы на Украине, Кавказе, в Поволжье. Но президент не соглашался на полеты, ссылаясь на напряженность ситуации в мире. Он разрешил лишь неглубокие вторжения в страны Восточной Европы и только в январе 1957 года дал разрешение на полеты над СССР.

Началась новая серия разведывательных полетов. Но теперь они охватывали все более глубинные районы СССР. Самолеты-разведчики проникали в Казахстан и Сибирь, где испытывались новые виды советских стратегических . вооружений. С марта по октябрь 1957 года советские РЛС системы ПВО отметили 5 пролетов У-2: 1 — в марте, 2 — в августе, по одному в сентябре и октябре. В отличие от полетов предыдущего года, самолеты У-2 вели теперь разведку районов Закавказья (март, август), Казахстана, Средней Азии, Сибири (август — сентябрь), советского Севера (октябрь). Они заходили в воздушное пространство СССР на 150—1650 километров на высотах 19—21 километр при скорости 700—900 км/ч. И по-прежнему для активных средств войск ПВО СССР (истребительная авиация, зенитная артиллерия) они были недосягаемы.

Между тем 1957-й год стал годом прорыва СССР в Космос. Успехи советских ракетчиков сопровождались шумной пропагандистской кампанией, широко развернутой правительством Н. С. Хрущева. Это еще больше побуждало американцев усилить нелегальное проникновение за "железный занавес" с целью собрать достоверную информацию. Полеты У-2, обеспечивая получение документальных данных, были одним из важнейших источников сведений о советских программах вооружения. В 1960 году "Нью-Йорк геральд трибюн" писала, что с помощью У-2 США стали получать "более надежные (чем раньше. — *А. О.)* данные для государственной оценки"[45]. Поэтому в 1958—1959 годы разведчики У-2 сосредоточили свои усилия на разведке районов советской Средней Азии, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Подразделения У-2 стали базироваться в Японии (аэродром Ацуги) и на Аляске. По-
371
скольку произведенные и в этот период четыре полета (по советским данным) прошли безнаказанно, американцы все более укреплялись в мысли, что Советский Союз не располагает достаточно эффективными средствами ПВО, а следовательно, и в случае войны массированные удары американской стратегической авиации не встретят серьезного противодействия, особенно на северном направлении. Разведка советского ракетного оружия стратегического назначения

показала, что в 1957—1958 годы в СССР было произведено 6 запусков межконтинентальных ракет, а это позволяло сделать вывод о малой вероятности ввода в строй в 1959—1960 годы более чем 100 МБР[4]*.

Все это происходило на фоне участившихся случаев обострения международной обстановки. В 1957 году разгорелся турецко-сирийский конфликт, в следующем году американская морская пехоты высадилась в Ливане, обострилась обстановка на Дальнем Востоке вокруг Тайваня. Советский Союз неоднократно требовал прекратить "империалистическое вмешательство", заявляя при этом, что в противном случае СССР вынужден будет применить силу. Однако США не реагировали на эти протесты.

С начала выполнения программы полетов У-2 до 1 мая 1960 года, когда был сбит близ Свердловска Ф. Пауэрс, было произведено около 20 вылетов самолетов-разведчиков. Каждый из них заблаговременно, тщательно готовился группой Биссела с участием представителей Белого дома, ЦРУ, министерства обороны, комиссии по атомной энергии, госдепартамента и других заинтересованных ведомств.

Для создания наиболее выгодных условий для разведки объектов в глубинных районах СССР было решено часть разведывательных полетов проводить, используя авиабазы Турции и Пакистана — в частности, Пешавар. Это объяснялось тем, что, по американским данным, радиолокационное прикрытие советского воздушного пространства на границе с Афганистаном, на участке, ближайшем к Западному Пакистану, было весьма слабым. Кроме того, стартуя из Пакистана, самолеты-разведчики могли быстро выходить к самым важным для американской разведки

советским объектам — полигонам для испытаний ракетного и ядерного оружия.

Для проведения разведывательных полетов из Пакистана использовали самолеты У-2, в свое время переброшенные из ФРГ в Турцию на авиабазу Адана, расположенную в малонаселенной местности, где легче было скрыть самолеты-разведчики от посторонних глаз. К тому же на юге Турции были благоприятные метеоусловия, позволявшие совершать полеты в любое время годы.

К тому времени советская разведка уже имела достаточно много сведений о технологии программы полетов У-2. Было известно и то, что советские военные объекты фотографировались самолетами-разведчиками, вылетавшими не только из Пакистана и Японии, а также с аэродромов Аляски.

Полученные в результате полетов У-2 аэрофотоснимки тщательно изучались специалистами ЦРУ. Эти снимки, по мнению американских разведчиков, представляли собой большую ценность. Они позволили вскрыть многие узлы системы советской ПВО, установить местонахождение аэродромов истребителей-перехватчиков, позиции зенитных ракет, многих радиолокационных станций и другие компоненты противовоздушной обороны, особенно вокруг крупных городов СССР. Снимки с У-2 показали, что в СССР развернуто широкое

строительство атомных подводных лодок, способных нести баллистические ракеты. В то же время воздушная разведка документально показала, что в СССР не ведется сколько-нибудь значительного строительства стратегических бомбардировщиков. Снимки, выявив места расположения авиационных заводов, позволили сделать выводы о возможностях производства стратегических бомбардировщиков (они, по американским меркам, оказались весьма скромными), получить сведения о примерной численности стратегической авиации и аэродромах ее базирования.

Получение данных о ракетной программе СССР потребовало больших усилий и времени. Только через несколько лет после начала полетов У-2 американское руководство располагало обширной информацией о совет-

373

ских ракетах стратегического назначения. Удалось установить, что на полигоне Капустин Яр испытываются ракеты средней дальности (900—4600 километров), предназначенные главным образом для действий на Европейском театре войны. Испытательный полигон для межконтинентальных ракет был обнаружен летом 1957 года, вскоре после того как У-2 стали производить полеты из Пакистана. Он находился близ населенного пункта Тюратам (Байконур), расположенного на железнодорожной магистрали возле Аральского моря. Отсюда ракеты запускались в восточном направлении по учебным целям на Камчатке, а позднее в Тихом океане. По своему оборудованию и размаху работ Тюратам был сопоставим с американским полигоном на мысе Канаверал, где испытывались межконтинентальные ракеты США. При фотографировании объектов в Тюратаме камера У-2 запечатлела советскую МБР на пусковой установке. Там же было обнаружено оборудование для запусков искусственных спутников Земли.

Вскоре достоверность разведывательных сведений стала подтверждаться на практике. В августе 1957 года с полигона Тюратам была успешно запущена межконтинентальная ракета, а в октябре и ноябре того же года — первые советские ИСЗ. Сомнений в том, что Советский Союз обладает межконтинентальными ракетами, больше не было. Более того, разведка США пришла к выводу, что советские ракеты этого класса по размерам и мощности двигателей превосходят американские МБР.

Сопоставив это с рядом успешных испытаний ядерных бомб, которые были проведены на Новой Земле в последние годы, американцы пришли к выводу, что в области ракетно-ядерного оружия СССР обгоняет Соединенные Штаты.

Вообще в те годы политическим и военным деятелям в Вашингтоне казалось, что экономика СССР развивается весьма успешно: ежегодное увеличение капиталовложений в промышленность составляло 12 процентов, повышался жизненный уровень населения, большие успехи были достигнуты в системе образования и т. д.

Одновременно с 1958 года, по данным разведки США, начали возрастать военные расходы СССР. Развернулось массовое производство ракетного оружия и принятие его на вооружение Советской Армии и Флота. По расчетам Пентагона, к середине 60-х годов СССР мог поставить на боевое дежурство до 500 МБР. Этого, как полагали, было бы достаточно, чтобы внезапным ударом уничтожить основные силы авиации и ракет американского Стратегического Авиационного Командования, которые могли быть на вооружении к тому времени, и разрушить основные города США. Накапливались и сведения о развертывании в СССР работ по созданию зенитного ракетного оружия. У-2 обнаружили полигон ПВО в Сары-Шагане, недалеко от озера Балхаш. Там, как было установлено, велись, и успешно, испытательные пуски зенитных ракет.

Все это очень тревожило Белый дом и Пентагон. В американской прессе поднялась шумиха об отставании США от СССР в ракетных программах. Однако к началу 1960 года американская разведка установила два знаменательных, с ее точки зрения, факта: во-первых, развертывание ракетных позиций в СССР шло весьма медленным темпом; во-вторых, почти все боевые позиции размещались вдоль Транссибирской магистрали. Американцы объясняли это тем, что первые советские МБР были слишком тяжелы и громоздки, поэтому могли перемещаться только по железной дороге, а на позиции доставляться по железнодорожным веткам. Гигантские размеры этих ракет затрудняли их помещение в шахты, и пусковые установки размещались на поверхности. Крупным недостатком советских МБР первого поколения было крайне нестойкое жидкое топливо, которое надо было менять через короткие промежутки времени, что также затрудняло поддержание ракет в постоянной боевой готовности. Эти сведения были добыты в ходе полетов У-2, что, конечно, было большим успехом американской разведки, но не столь полным, как старается представить его американская историография. Безусловно, разведывательные полеты американских военных самолетов У-2, продолжавшиеся в те-

чение нескольких лет, стали сложной проблемой для советской ПВО и ВВС и постоянной, что называется, головной болью для советского высшего командования и политического руководства. Дело в том, что эти полеты проводились как раз в то время, когда советская ПВО была относительно слабой, находилась в стадии перевооружения на современные средства противовоздушной обороны: новые РЛС, высотные самолеты-перехватчики, зенитные ракетные комплексы (ЗРК), средства разведки.

В те годы автор этой книги служил в органах разведки Войск ПВО страны, вначале — в штабе Бакинского округа ПВО, а затем — на Центральном командном пункте и в Главном штабе Войск ПВО страны в Москве. Разведка и радиотехнические войска ВВС и ПВО прослеживали, как уже говорилось, все операции У-2 с самого первого полета 4 июля 1956 года.

Надо сказать, что первые полеты У-2 на такой высоте вызывали сомнения, потому что велись РЛС со значительными

перерывами — провалами, поскольку многие РЛС того времени — П-8, П-10 и др. — не имели высотомеров, а определяли только азимут и дальность до цели. Более совершенные РЛС— П-12, П-30, П-35 — могли обнаружить цели на высоте двадцать и более километров, но их было еще недостаточно, и поэтому уверенно, без провалов сопровождать высотную цель не всегда удавалось. Всего за 4 года мы отметили и провели 18 У-2, хотя, по американским данным, их было более двадцати.

Что касается тактико-технических характеристик У-2, то в первые годы мы имели весьма смутное представление об этом самолете. Специалисты и крупные военачальники полагали, что самолет (даже высотный) не может в течение 7—8 часов идти на высоте 20 тысяч метров. Только А. Н. Туполев допускал, что есть такой самолет, и нарисовал его схему, близкую к У-2. Другие полагали, что У-2 может на такой высоте идти только часть маршрута, а остальное время следует на меньших высотах, а следовательно, в досягаемости для наших истребителей. Поэтому везде, где имелись такие истребители, особенно МИГ-19

376

(потолок — 18 километров), их поднимали на перехват У-2, когда они пролетали в районах базирования.

Случались и курьезы. Так, в феврале 1959 года летчик из Туркестанского корпуса ПВО на МИГ-17 за счет "динамической горки" поднялся на высоту 17—18 тысяч метров и увидел выше, в 3—4 километрах над собой, странный крестообразной формы самолет. Вернувшись на аэродром, он описал его, однако прибывший в полк командующий истребительной авиацией Е. Савицкий посчитал его доклад не соответствующим действительности. "Нет таких самолетов", — сказал он.

Тем временем разведывательные сведения об У-2 накапливались и у нас. Мы уже знали, что У-2 может совершать длительные полеты на 8500—8800 километров без дозаправки и находиться в воздухе 8—10 часов. Были установлены и аэродромы базирования У-2 в ФРГ, Турции, Японии, на Аляске, в Пакистане. К концу 50-х годов стала ясна и схема подготовки У-2 к заданию. Как правило, за несколько дней до боевого вылета У-2 и сопровождавший его С-130 вылетали из Адана (Турция) в Пешавар (Пакистан), где пилот У-2 находился 1—3 дня, выжидая хорошие метеоусловия, а затем вылетал на задание. Выбор Пешавара как аэродрома старта тоже был не случаен. Во-первых, в ТуркВО была слабая радиолокационная сеть, позволявшая пройти через нее незамеченным, во-вторых, этот маршрут кратчайшим путем выводил разведчика в район важнейших полигонов Тюратам (Байконур), Сары-Шаган, Семипалатинск, Капустин Яр и к другим важным объектам.

К 1960 году, с образованием в Советском Союзе РВСН, а также учитывая районы, которые уже были разведаны У-2, становилось все более ясно, по каким маршрутам следует ожидать новых высотных полетов. К концу 1957 года на вооружение ПВО стали поступать подвижные зенитные ракетные комплексы (ЗРК) С-75. Их тактико-технические данные позволяли поражать воздушные цели на высоте 25 километров при скорости 1500 км/ч на

дальности 30—40 километров. К 1960 году С-75 имелись уже в ряде соединений ПВО. Петля вокруг У-2 сжималась.
377

Советское руководство крайне нервно воспринимало полеты У-2, которые добывали сведения, дававшие достаточно верную картину развертывания стратегических вооружений в СССР. И это подрывало шумную пропагандистскую кампанию Хрущева о количестве и точности советских ракет. Ноты советского правительства (а их было три — 10 июля 1956-го, 8 марта 1958-го, 21 апреля 1958-го года) игнорировались США.

Полеты У-2 вскрыли количественное состояние советских стратегических вооружений, однако преувеличили количество боеготовых стартов и не давали качественной картины советских военных усилий и их перспектив. В развернувшейся гонке вооружений СССР создал мощные МБР, способные нести крупные ядерные боезаряды. Воздушные разведчики У-2 засекли первые запуски Р-7, но не обнаружили, что боеголовки, разрываясь в воздухе, до подхода к цели, не поражали ее. Они не смогли установить места дислокации советских ЗУР и их возможности, что привело к инциденту с Пауэрсом. Не были раскрыты и работы по созданию советских стратегических крылатых ракет, работы в области противоракетной обороны и ряда элементов космической программы Советского Сгюоза[47]. В дальнейшем, несмотря на имевшиеся в США данные о ракетно-ядерных вооружениях СССР, к 70-м годам он смог добиться стратегического паритета с Соединенными Штатами, что обусловило разрядку политической напряженности.

Успехи Советского Союза в освоении Космоса свидетельствовали о том, что он уверенно шел к статусу сверхдержавы. В мае 1958 года СССР вывел на орбиту еще один ИСЗ — целую лабораторию с комплексом исследовательской аппаратуры. В 1958—1959 годы были созданы автоматические межпланетные станции для исследования Луны, полным ходом шли работы над пилотируемым космическим кораблем.

Все это болезненно воспринималось американским общественным, мнением. За океаном складывалось впечатление, что СССР обгоняет США на весьма важных направлениях технического прогресса. Впечатляющими были рост
378
влияния СССР на страны "третьего мира" и темпы развития стран "социалистического лагеря". По прогнозам американских специалистов, экономический потенциал США и стран Западной Европы в 1960—1970 годах мог возрасти на 40 процентов, Японии — на 55, тогда как СССР — на 70, Африки и Латинской Америки — на 60 процентов[48].

Особенно беспокоили руководителей военного ведомства и спецслужб программы создания современных вооружений в СССР. Как показали полеты У-2 и сведения, добываемые другими путями, в Советском Союзе развертывались все новые позиции стратегических ракет, строились атомные подводные лодки, начали поступать на вооружение зенитные ракеты, скоростные истребители-перехватчики, войска ПВО широко оснащались

средствами радиолокации и радиотехническим оборудованием. Но безнаказанность полетов У-2 свидетельствовала о том, что в СССР еще не было средств для борьбы с высотными самолетами, что советская пропаганда растущего военного могущества Советского Союза явно преувеличивает успехи науки и техники в»этой области, хотя высотные разведывательные полеты и показывали интенсивное поступление новых видов оружия в войска.

Руководство ЦРУ отдавало себе отчет в том, что в условиях постоянного совершенствования советской ПВО риск глубоких вторжений в воздушное пространство СССР все более возрастает. Поэтому принимались меры по повышению безопасности полетов У-2. В 1958 году высотные разведчики были оборудованы аппаратурой постановки пассивных помех, чтобы затруднить советским ВВС и ПВО наведение истребителей и зенитных ракет на высотную цель. На следующий год на У-2 был установлен двигатель повышенной мощности J-75 фирмы "Пратт—Уитни", позволивший поднять практический потолок самолета до 22 километров. Маршруты самолетов-разведчиков выбирались в стороне от позиций зенитных ракет, которые были уже известны американцам.

Настораживали и донесения, поступавшие от агентуры из СССР, о том, что советская разведка накапливает все

379

больше сведений о полетах У-2. Ричард Хелмс, один из руководителей высотных разведывательных операций против СССР, вспоминал: "Когда в начале 1959 года я узнал из донесения одного из лучших агентов ЦРУ, внедренных в советскую военную разведку, Петра Попова, что ГРУ располагает разведданными об У-2, я чуть не упал со стула"[49].

Особенный переполох в Вашингтоне вызвал инцидент с самолетом С-118 летом 1958 года. Этот военно-транспортный самолет (один из двух, которыми пользовался директор ЦРУ Ален Даллес) 27 июня совершал перелет из Висбадена (ФРГ) в Пакистан, на аэродром Пешавар, откуда совершались полеты У-2. На борту самолета, имевшего опознавательные знаки ВВС США, находилось девять офицеров и солдат, трое из которых были сотрудниками ЦРУ. При них были секретные документы, связанные с программой разведывательных полетов над СССР. Перед вылетом самолета из Западной Германии в Висбадене с него сошел заместитель Даллеса генерал С. Кейбелл. На участке маршрута полета из Аданы (Турция) в Тегеран самолет С-118 нарушил границу СССР над территорией Армении.

Автор этих строк служил в то время в разведотделе штаба Бакинского округа ПВО. Вечером того дня меня срочно вызвали на командный пункт округа. Над Арменией шел самолет-нарушитель. Судя по скорости и высоте, это был транспортный самолет. Поднятая на перехват пара истребителей (помнится, это были Як-25) легко "вышла на цель. Время было около 22 часов, светила луна. Ведущий пары доложил: "Цель вижу — американский военно-транспортный самолет, на наши сигналы — следуй за мной на посадку— не реагирует, стремится уйти за

кордон, в Турцию. Что делать?"
Вопрос этот задавался потому, что тогда, в 50-е годы, приказы министра обороны о действиях по нарушителям часто менялись. В некоторых из них указывалось, что в случае невыполнения требований истребителей цель следует сбивать, в другим — предписывалось только принуждать к посадке, а о дальнейших действиях не говорилось. В
380
тот период как раз предусматривалось лишь принуждение к посадке.

Обстановка, однако, требовала принять решительные меры.

Командующий округом генерал-полковник В. Д. Иванов, находившийся на КП, запросил Центральный командный пункт Войск ПВО страны в Москве: как быть, цель уходит в сторону Турции? Оттуда ответ: действуйте в соответствии с обстановкой. И тогда Иванов принял решение: сбить.

Истребители задачу выполнили. Самолет загорелся и начал терять высоту. Пять членов экипажа выбросились с парашютами. Но в это время пилот майор Лалл удачным маневром сбил пламя и сопровождаемый истребителями посадил самолет на военный полевой аэродром Гиндарх на территории Армении. В самолете находились еще четыре человека. Они были арестованы, самолет взят под охрану.

Местное население, приняв выбросившихся на парашютах американских летчиков за диверсантов, задержало парашютистов и передало их милиции. После первичного допроса в районных отделах КГБ американцев передали в руки межведомственной комиссии (КГБ, МО, погранвойска), прилетевшей из Баку.

Как только об этом стало известно, группа офицеров штаба нашего округа, в том числе и я, а также сотрудники КГБ Азербайджана вылетели на место происшествия. В течение ночи члены экипажа, остававшиеся в самолете, а также задержанные местным населением, были доставлены в Кировабад (ныне Гянджа), а оттуда — в Баку. Разместили американцев в здании КГБ (не в тюрьме) по двое в комнате. В течение девяти дней мы выясняли обстоятельства инцидента. Обращались с ними корректно. Заменили порванную и обгоревшую одежду, оказали необходимую медицинскую помощь, организовали хорошее питание. Даже поздравили с национальным праздником США — Днем Независимости 4 июля.
Все американцы имели удостоверения военнослужащих ВВС США. Согласно их версии, самолет выполнял
381
обычный рейс по обслуживанию американского посольства в Иране и следовал в Тегеран, но, обходя над Турцией грозовой фронт, принял озеро Севан в Армении за находившееся в Турции озеро Ван.

В ходе расследования мы поняли, что не все американцы, находившиеся на борту С-118, являются "офицерами ВВС", а факты свидетельствовали, что в самолете уничтожались какие-то бумаги. Однако прямых доказательств не было. Только много лет

спустя выяснилось, что это был самолет ЦРУ, на котором летели в Пешавар три его сотрудника. Старший офицер из числа экипажа полковник Дейл Бреннер уже в 90-х годах рассказал журналистам, что они успели во время захода на посадку уничтожить важные документы по предстоящим разведывательным операциям. Офицер ЦРУ майор Бенни Шуп утверждал в одном из интервью, что он лично успел порвать на клочки и проглотить документ, касавшийся полетов У-2.

Возможно, при более длительном расследовании этого инцидента мы и смогли, бы получить все необходимые сведения от экипажа С-118 и задачах, которые он выполнял. Но политическое руководство СССР в тот период не было, видимо, заинтересовано в раздувании этого инцидента. После выяснения обстоятельств нарушения воздушной границы СССР экипаж самолета С-118 был передан на советско-иранской границе представителям США. Секретные документы ЦРУ по программе полетов У-2 только волею случая не попали в руки советской контрразведки.

После этого эпизода, когда выяснилось, что имевшиеся инструкции о действиях по самолетам-нарушителям недостаточно четки, был издан приказ МО СССР № 0049 от 4 июля 1958 года, предписывавший сбивать нарушите -' ля в случае необходимости.

По поводу этого инцидента произошел также обмен нотами между СССР и США. Советское правительство в ноте от 28 июня 1958 года (опубликована в "Известиях" 29 июня) сообщало:

«27 июня 1958 года в 18.30 (время московское) 4-мотор-ный военный самолет с опознавательными знаками ВВС США

382

нарушил государственную границу СССР в районе южнее г. Ереван и углубился в воздушное пространство СССР до 170 километров. Сигналам 2-х истребителей следовать за ними не подчинился. Истребители вынудили самолет пойти на посадку. Он приземлился в 240 километрах от места нарушения границы и сгорел. Девять человек, одетых в форму ВВС США — все военнослужащие ВВС США, — находятся на территории СССР. Имело место преднамеренное нарушение. Советское правительство требует от США принять эффективные меры к недопущению нарушений воздушных границ СССР».

Правительство США 30 июня прислало памятную записку ("Известия", 4 июля) следующего содержания: "Военно-транспортный самолет ДС-6 следовал из Висбадена (ФРГ) в Тегеран. Последний раз отмечен на связи в Никосии (остров Кипр. — *А. О.)* в 13.20. Погода была облачная, горы. Самолет заблудился. Нарушение непреднамеренное. Просьба вернуть экипаж и самолет, если можно, или оставшиеся его части".

4 июля правительство СССР пояснило правительству США: преднамеренность нарушения в том, что самолет не подчинился сигналам истребителей.

Через 4 дня, 8 июля, "Известия" опубликовали такую информацию: "7 июля 1958 года в г. Астара состоялась передача представителю армии США экипажа американского военного

самолета, нарушившего границу СССР 27 июня 1958 года в районе южнее г. Еревана". Далее шел список экипажа.
Казалось бы, все завершилось наилучшим образом. Но через 2 месяца, 2 сентября, в том же районе произошел новый инцидент. Вновь американский самолет-разведчик С-130 оказался в воздушном пространстве СССР. Вот что рассказывали командир корпуса ПВО, в зоне которого был сбит С-130, генерал В. Д. Созинов (мы работали с ним в штабе Ким Ир Сена во время войны в Корее) и летчик, сбивший самолет, Виктор Лопатков. Четыре истребителя МИГ-17 были подняты на перехват американского разведчика. Два перехватчика слева и справа от С-130
383
подавали ему сигнал: "Следуй за нами". Он же уходил от них к границе на скорости 300 *км/ч.* Ведущий истребитель второй пары старший лейтенант Лопатков после предупредительной очереди, на которую нарушитель не отреагировал, открыл огонь на поражение. Самолет, охваченный пламенем, упал на землю. Он продолжал гореть еще около двух часов. Подойти к самолету не представлялось возможным. Генерал Созинов выставил охрану, чтобы избежать жертв среди населения. Были приняты все меры к тушению пожара. Все 17 человек, находившиеся на борту С-130, погибли. Через несколько дней американцам были переданы останки семи тел. Из них смогли опознать только четырех. (Через 35 лет российско-американская комиссия по военнопленным и пропавшим без вести, членом которой являлся и автор книги, еще раз расследовала этот инцидент. Были произведены раскопки, снят телефильм. Все данные 1958 года подтвердились: экипаж погиб.)

Вот что по этому поводу докладывали в 1958 году в ЦК КПСС главнокомандующий сухопутными войсками Маршал Советского Союза И. С. Конев и главнокомандующий Войсками ПВО страны Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов:

«2 сентября 1958 года в 15 часов 6 минут была нарушена государственная граница Союза ССР в районе 15 километров юго-западнее Ленинакана.

Самолет-нарушитель на высоте до 10 000 метров со скоростью 650—720 км/ч со стороны Турции углубился на территорию СССР до 45 километров. Поднятый летчик-истребитель старший лейтенант Лопатков в 15.10 перехватил нарушителя и в 15.12 сбил его.

По предварительному докладу летчика, четырехмоторный самолет-нарушитель имел американские опознавательные знаки. Горящий самолет упал на нашей территории в районе Мастара, 20 километров юго-восточнее Ленинакана. Приняты меры к отысканию сбитого самолета. Подробный доклад будет представлен дополнительно».
384

В советской печати появилось заявление ТАСС:

«Государственный департамент США опубликовал заявление относительно самолета военно-воздушных сил США, нарушившего 2 сентября 1958 года государственную границу

СССР и упавшего в районе г. Ереван. В этом заявлении утверждается, что указанный американский военный самолет будто бы был "перехвачен и атакован советскими истребителями в районе советско-турецкой границы, близ Карса (Турция), что вызвало его гибель в Советской Армении ". Доя подтверждения этих провокационных домыслов госдепартамент ссылается на сфабрикованную американской разведкой "запись"радиопереговоров между летчиками советских истребителей, которые якобы участвовали в нападении на американский самолет <...>»

Подробности воздушного инцидента, которые исследовала специальная комиссия, созданная по этому случаю, были изложены в "Акте расследования...", представленном врио командующего войсками Закавказского военного округа генерал-лейтенантом Иваном Павловским главкому Войск ПВО страны Маршалу Советского Союза С. С. Бирюзову. В нем говорилось:

«2 сентября 1958 года в 14 часов 32 минуты на территории Турции, в 50 километрах южнее Ризе, радиолокационными средствами Закавказского корпуса ПВО была обнаружена воздушная цель номер 7845 — одиночный иностранный самолет на высоте 7500 метров. Из указанного района цель проследовала в северо-восточном направлении, в 20 километрах южнее Батуми развернулась и с набором высоты начала совершать полет вдоль государственной границы Союза ССР<...>

В 15 часов 06 минут иностранный самолет на высоте 10 000 метров нарушил государственную границу в районе 20 километров южнее Ленинакана, и следуя курсом 120 градусов, углубился на территорию СССР до 45 километров.

При подходе истребителей к иностранному самолету последний с резким снижением и разворотом вправо стал уходить в сторону государственной границы. Ведущий первой пары истребителей старший лейтенант Л<... >ов подо-

385

шел к иностранному самолету и дал две предупредительные очереди огнем, на что он не реагировал и продолжал со снижением уходить в направлении государственной границы. После этого, руководствуясь приказом Министерства обороны СССР номер 0049 от 4 июля 1958 года, по команде врио Командующего иад самолет-нарушитель был атакован истребителями, которые последовательно произвели по одной-две атаки. В результате атак истребителей самолет-нарушитель загорелся, начал разрушаться и упал в районе <...> 44 километра южнее г. Ленинакана.

Личным осмотром на месте падения самолета комиссия установила:

— по опознавательным знакам, табличкам на агрегатах и снимкам из фотопулемета, самолет-нарушитель является военно-транспортным самолетом ВВС США типа С-130А "Геркулес". <...>;

— на самолете обнаружены обгоревшие и деформированные останки аппаратуры разведки радиотехнических средств <...>;

— на месте падения самолета обнаружены обгоревшие

останки 7 человеческих тел. <... > Возможно, что кроме семи установленных трупов были и другие, но полностью сгорели или перемешались с другими <...>»[so].

Комиссия пришла к следующим выводам: *«1. Самолет ВВС США С-130А, бортовой номер 60528 преднамеренно нарушил государственную границу СССР и производил разведывательный полет над территорией Советского Союза, о чем свидетельствует наличие на борту самолета разведывательной радиотехнической аппаратуры, маршрут самолета вдоль советской границы и его вторжение в пределы Советского Союза, а также наличие приказа на выполнение оперативного задания.*

2. Наличие хорошего линейного ориентира — р. Ариа-Чай с каньоном, обозначающей государственную границу, и других хорошо видимых крупных площадных ориентиров и хорошей визуальной видимости в момент нарушения, при наличии на борту самолета современного радионавигационного оборудования полностью исключает непреднамеренное

386

нарушение государственной границы Союза ССР указанным иностранным самолетом.

3. Действие командования 236 иад и 29 ртп ПВО при перехвате иностранного самолета-нарушителя были правильными и соответствовали требованиям приказов по охране воздушных границ Союза ССР»[51]

После этих двух инцидентов американские самолеты радиотехнической разведки стали действовать более осторожно при полетах вдоль советских границ, но операции У-2 продолжались. Пилоты высотных самолетов-разведчиков все чаще доставляли в ЦРУ и стратегическому авиакомандованию аэрофотоснимки, раскрывавшие высокий темп насыщения советских частей ВВС и ПВО новой боевой техникой и электронным оборудованием. Действительно, в конце 50-х годов на вооружение войск ПВО начали поступать радиолокационные станции П-30, обнаруживающие воздушные цели на высотах свыше 20 километров; с 1959 года авиаполки получили на вооружение высотные перехватчики Т-3 со сверхзвуковой скоростью и потолком свыше 20 километров; в зенитных ракетных войсках появился весьма эффективный ракетный комплекс С-75 с дальностью действия 30 километров и высотой поражения целей — 25 километров при скорости целей до 1500 км/ч.

Решающим этапом необъявленной "воздушной войны" стала весна 1960 года. К этому времени произошел ряд знаменательных событий. В сентябре 1959 года Н. С. Хрущев был с визитом в США. В течение 12 дней он встречался с президентом Д. Эйзехауэром, высшими политическими и государственными деятелями, видными экономистами, высокопоставленными военными, а также с представитетлями всех слоев американского общества. Визит прошел в атмосфере согласия и дружелюбия. В совместном советско-американском коммюнике, в частности, говорилось: "...Председатель Совета Министров СССР и Президент Соединенных Штатов согласились,

что все неурегулированные международные вопросы должны быть решены не путем применения силы, а мирными средствами, путем переговоров"[52].

387

В ходе визита Хрущев и Эйзенхауэр имели несколько конфиденциальных бесед с глазу на глаз. Как стало известно впоследствии, они обсуждали состояние советско-китайских отношений, вопрос о Берлине, проблемы взаимного сокращения вооружений. Но Хрущев не затронул ни разу щекотливый вопрос о высотных полетах американских самолетов над территорией СССР. Президент США был приглашен посетить СССР в 1960 году. Улучшение советско-американских отношений сказалось и на общем международном климате: на 16 мая 1960 года было запланировано совещание глав правительств — США, СССР, Англии и Франции. Совещание, как полагали, должно было разрешить многие разногласия между Западом и Востоком.

Казалось, близится разрядка международной напряженности. Но события, происшедшие в апреле — мае, опрокинули надежды мировой общественности. И в центре этих событий оказались разведывательные полеты самолетов У-2.

В начале 1960 года советское правительство объявило, что в СССР создан новый вид вооруженных сил — Ракетные войска стратегического назначения. Это сообщение влило новое вино в старые мехи: высотные разведывательные операции американских спецслужб возобновились. Где развертываются стратегические ракеты СССР? Какие образцы приняты на вооружение? Каковы их боевые возможности и количество? Эти вопросы волновали Пентагон и сводились, в сущности, к одному: насколько ПВО СССР способна противодействовать современной американской стратегической авиации— основы военного могущества США? Дать ответ на этот вопрос должны были новые вторжения У-2 в советское воздушное пространство.

9 апреля 1960 года в 4 часа 47 минут советские РЛС Туркестанского военного округа обнаружили воздушную цель. По первым докладам, цель находилась в воздушном пространстве СССР в 430 километрах южнее города Андижана, на расстоянии 250 километров от советско-афганской границы. Следуя на высоте 19—21 километр, У-2

388

на скорости 780 км/ч двигался в сторону Семипалатинска. Достигнув Семипалатинского ядерного полигона, самолет-разведчик сделал несколько галсов над ним (наши РЛС устойчиво вели цель); затем пролетел в район озера Балхаш, где находился полигон зенитных ракетных войск — Сары-Шаган, а оттуда проследовал к полигону стратегических ракет — Тюратам и через город Мары ушел в Иран. Весь полет продолжался более 6 часов.

Как же случилось, что нарушитель, находившийся столь длительное время в советском небе, не был уничтожен, хотя, как уже говорилось, и в войсках ПВО, и в ВВС имелись силы и средства, способные сбить этот У-2?

То, что происходило в тот день, напоминало театр абсурда. Когда

самолет-нарушитель приближался к Семипалатинску, на аэродроме истребительного авиаполка ПВО, ближайшего к Семипалатинскому полигону, находились два самолета Т-3, оснащенные ракетами "воздух — воздух", и летчики, имевшие некоторый опыт в управлении этими истребителями. Но, для того чтобы осуществить перехват, им необходимо было совершить посадку на другом аэродроме, так как на возвращение на свой аэродром не хватило бы топлива. И такой аэродром был при Семипалатинском полигоне. Но режим секретности не позволял садиться на него летчикам, не имевшим специальных допусков, а пилоты Т-3 В. Назаров и Б. Старовойтов таких допусков не имели. Самолет-нарушитель галсировал над сверхсекретным полигоном, а советские асы ждали результатов переговоров командования Войск ПВО страны с правительством СССР о получении пресловутых допусков. Только в 7 часов по московскому времени было получено разрешение на взлет, но было уже поздно. Когда истребители Т-3 прибыли в район Семипалатинска, У-2 был уже в недосягаемости: он летел к другому секретному объекту — Сары-Шаган. У командования войск ПВО появилась надежда: ведь там, в Сары-Шагане, был развернут новейший зенитный ракетный комплекс С-75, тактико-технические данные которого позволяли поражать цели на такой высоте. Но волей случая У-2 вновь избежал угрозы уничтожения. В тот день не планировались стрельбы,

и ракет на позиции не было. А техническая площадка, где они хранились, находилась в 100 километрах от позиции ЗРК. Но и там не оказалось подготовленных к боевому применению ракет. Были приняты экстренные меры, и вскоре оснащенные ракеты уже перебрасывались к боевой позиции, но У-2, закончив фотографирование полигона Сары-Шаган, направлялся к полигону Тюратам. К этому времени в высшую степень боевой готовности были приведены значительные силы ПВО и ВВС. Но воинское счастье не сопутствовало в тот день советским авиаторам. Вражеский разведчик был уже над Тюратамом, и выполнив задачу, уходил через Мары в сторону иранской границы. В ближайшем авиаполку ВВС были истребители Т-3, но летчики не имели опыта полетов на этом самолете, и к тому же не было ракет "воздух — воздух": они еще не поступили на склад. И все-таки Т-3 старшего лейтенанта Кудели взлетел с ракетами от МИГ-19. Но поскольку У-2 уже находился на значительном расстоянии, управление перехватчиком было передано на командный пункт другой дивизии, где не имели опыта управления высотными самолетами: наведение на цель не состоялось. Другой летчик, капитан Дорошенко, на Т-3 поднялся на высоту 17 500 метров и увидел вражеского разведчика, но... выше себя на 3 километра. Подняться выше летчик, по существу, только-только осваивавший новый самолет, не смог. Так закончился этот полный нелепых и драматических событий день.

Для разбирательства причин неудачных действий войск ПВО по самолету-нарушителю воздушного пространства СССР была назначена комиссия, в состав которой входил и автор этих строк,

в то время служивший в Главном штабе Войск ПВО страны. Были вскрыты серьезные недостатки в боевой подготовке и управлении силами и средствами ПВО и ВВС. Помнится, что в ходе разбора событий того дня обнаружились немалые упущения в работе радио- и радиотехнических средств. В частности, радиоразведка в Закавказье вскрыла перелет У-2 и С-130 из Аданы (Турция) в Пешавар (Пакистан) за несколько дней до разведывательного полета, однако эти данные из-за
390
ряда случайностей не были доложены командованию. Поистине рок преследовал нашу ПВО в тот день".

Многие генералы и офицеры получили строгие взыскания. Хрущев был возмущен: реальность опрокинула его неоднократные заявления о высокой степени боевой готовности Советской Армии. В Главном штабе Войск ПВО страны были спрогнозированы вероятные маршруты ожидаемых новых полетов У-2 (автор принимал участие в их разработке). Да, урок 9 апреля был тяжелым. Но он не прошел даром. Выводы, сделанные из неудачи, вскоре привели к успеху. Случилось это через три недели — 1 мая 1960 года. Летчик Фрэнсис Гэри Пауэрс, которому суждено было совершить роковой для всей программы У-2 полет 1 мая, был одним из наиболее опытных пилотов команды Ричарда Биссела. Он летал на У-2 с 1956 года. Теперь для выполнения очередного боевого задания он прибыл в Пешавар из Турции 27 апреля. Было известно, что президент Эйзенхауэр распорядился, чтобы полет был совершен 28 апреля. Однако в связи с плохой погодой в районах предполагаемого маршрута А. Даллес просил президента отложить полет на несколько дней. Тот согласился, но с условием, что задание будет выполняться не позднее 1 мая. Эйзенхауэр не хотел получать каких-либо новых протестов от Советского Союза накануне намеченной на 16 мая "встречи в верхах" в Париже. О том, что самолет У-2 может быть сбит, в Вашингтоне и не помышляли. И президент и его окружение были уверены, что в крайнем случае самолет взорвется, а летчик погибнет.

Но все последние дни апреля погода не улучшалась, а уже приближался последний срок. Пауэрс и его начальники нервничали. Наконец в первый день мая метеоусловия позволили произвести планируемую разведывательную операцию.

До начала Первомайского парада оставались считанные часы, когда юго-восточнее Кировабада Таджикской ССР была обнаружена высотная цель. Это был У-2, пилотируемый Фрэнсисом Гэри Пауэрсом. Он имел задание пролететь над территорией СССР на предельной высоте
391
по маршруту: Пешавар (Пакистан), Аральское море, Свердловск, Киров, Плесецк и совершить посадку на аэродроме Буде (Норвегия). Пролетая над пунктами, указанными на специальной карте, летчик должен был включать аппаратуру для аэрофотосъемки и фиксации работы советских РЛС.

...Сигнал тревоги, по которому офицеры Главного штаба Войск ПВО страны должны были прибыть на КП, немедленно был

сообщен им по телефону еще до 6 утра. Первые засечки высотной цели, приближавшейся к границе Советского Союза в районе южнее города Душанбе (она летела прямо на север на высоте более 19 километров при скорости 750 км/ч), были получены в 5 часов 36 минут (время московское). Дежурный генерал КП немедленно доложил о нарушении Главнокомандующему Войсками ПВО страны Маршалу Советского Союза С. С. Бирюзову, его первому заместителю Маршалу артиллерии Н. Д. Яковлеву, начальнику Главного штаба генералу П. К. Демидову, командующим истребительной авиацией генералу Е. Я. Савицкому и зенитными ракетными войсками генералу К. П. Казакову.

Когда в начале седьмого все командование Войск ПВО страны и мы, офицеры, входившие в боевой расчет, заняли свои рабочие места на Центральном командном пункте (в то время он находился во дворе дома № 3 Министерства обороны на Фрунзенской набережной), обстановка складывалась достаточно нервозная. Не следует забывать, что это было утро Первого мая. В 10.00 на Красной площади должен был начаться парад, а затем демонстрация. Руководство партии, правительства и Советских Вооруженных Сил, включая С. С. Бирюзова, должно было находиться на трибуне Мавзолея.

К 8.00 утра на КП Войск ПВО страны сделан вывод, что маршрут полета пройдет через район Свердловска, далее — к Белому морю, а аэродром посадки, вероятно, будет в Норвегии.

С земли напряженно следят за неизвестным самолетом. Нервы у всех, кто на аэродромах, ракетных позици-

ях, пунктах управления, штабах Войск ПВО страны и ВВС, на пределе. О полете уже доложено министру обороны, членам Политбюро, Н. С. Хрущеву.

Телефонные звонки от министра обороны Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского из Кремля и лично от Н. С. Хрущева следуют один за другим. Тональность их примерно была следующей: "Позор! Страна обеспечила ПВО всем необходимым, а вы дозвуковой самолет сбить не можете..." На это маршал Бирюзов эмоционально парирует: "Если бы я мог стать ракетой, то сам полетел бы и сбил этого проклятого нарушителя...".

Как часто бывает в критические минуты, различные случайности мешают сбить его то на одном, то на другом участке пути. То ракетный дивизион, зону которого он задевает, в этот день не на боевом дежурстве, то маршрут проходит вне пределов зоны обстрела или в таком створе, когда пуск ракеты невозможен. Истребители его вообще не достают. Все необходимые средства радиолокации и радиоразведки включены. Но самолет молчит. По-видимому, он не использует дальней радиосвязи. В связи с подъемом в воздух нескольких пар истребителей и необходимостью расчистить небо от других летательных аппаратов, дается сигнал для посадки на ближайшие аэродромы всех самолетов, не задействованных в борьбе с нарушителем. Это позволяет радиолокационным станциям надежнее вести цель, летящую уже на высоте более 21

километра при скорости 750—800 км/ч.

Хрущев требует любой ценой сбить самолет. Звонки от правительства то и дело раздаются в накаленной атмосфере Центрального командного пункта Войск ПВО страны. Еще бы! В день всенародного праздника, за две недели до Парижского совещания в верхах в небе СССР летит иностранный самолет-разведчик! Хрущев и его окружение расценили это как политическую провокацию. А что такое У-2 — это уже было известно советской разведке.

Между тем американский самолет-разведчик уверенно идет на север: вот он минует Тюратам, летит вдоль Аральского моря, проходит Магнитогорск, Челябинск.

393

Нарушитель мог быть сбит только высотными перехватчиками или зенитными ракетами, но для этого было необходимо, чтобы У-2 пролетел через районы, где такие средства имелись. Пауэрс приближался к Свердловску. С аэродрома Кольцове (Свердловск) на перехват пошел высотный истребитель Т-3, случайно оказавшийся там в ходе перегона самолета с завода в часть. Его пилот капитан Игорь Ментюков не имел компенсирующего высотного костюма, кислородной маски, самолет не был вооружен. Летчик получает задачу сблизиться с нарушителем и таранить его. Риск был огромным, шансы на успех ничтожны. Ведь надо было точно навести скоростной сверхзвуковой истребитель на цель, шедшую на дозвуковой скорости, и совершить это в считанные секунды, так как дольше действовать на предельной высоте Т-3 не мог. Ментюков набрал нужную высоту, но цели не увидел: наведение не состоялось.

Вот как об этом позднее рассказывал сам летчик:

«Разворачиваюсь, ухожу из зоны огня, — а затем спрашиваю о местонахождении цели. Мне с КП: "Цель сзади". Предпринимаю новый разворот, но чувствую, что падаю. Шел ведь без форсажа, не заметил, как скорость понизилась до 300 км/ч. Свалился на 15 тысяч метров. А с КП: "Включите форсаж". Зло взяло, кричу: "Надо знать, как и на каких скоростях он включается ". Разогнал самолет до 450 километров, пробую включить форсаж, хотя он включается при 550 километрах. В это время загорается лампочка — аварийный остаток топлива. Становится ясно — наведение сорвалось. Дают указание — тяните до Кольцово».

(В 1998 году он опубликовал, однако, статью, где утверждал, что именно он сбил Пауэрса...)

Идет уже девятый час утра, на Красной площади вскоре начнется военный парад, а неизвестный самолет летит через центр страны. Каков будет эффект демонстраций советского военного могущества, когда над страной социализма безнаказанно летит разведчик, а советская ПВО не в состоянии его сбить? Это понимали все — от Хрущева до операторов РЛС, следивших за полетом.

394

Тем временем У-2 входит в зону действия зенитного ракетного дивизиона близ Свердловска. Командующий боевым расчетом начальник штаба дивизиона майор М. Воронов

(командир находился в командировке) отдает приказ: "Цель уничтожить". Первая ракета взмывает вверх навстречу нарушителю. За ней должны последовать вторая и третья. Но они не сходят с направляющих. Почему? Произошел крайне редкий случай: кабина наведения оказалась между ними и целью. Причину задержки быстро устраняют. А тем временем первая ракета взрывается позади У-2, и ее осколки пробивают хвостовое оперение и крылья, не затронув кабины. Это случилось в 8 часов 53 минуты. Но падающие обломки У-2, фиксируемые на экране РЛС, воспринимаются как цель. Для нас, находившийся 1 мая 1960 года на КП в Москве, запомнились доклады о пуске ракеты и сообщение, что цель "замигала", то ли применяя помехи, то ли разваливаясь. Нервозность не снижалась.
Между тем там, в небе близ Свердловска, Пауэрс, поняв по вспышке сзади и потере управления, что следует покинуть падающий самолет, был вынужден сбросить "фонарь" и с трудом, уже на высоте менее 10 километров вылез из кабины. Другим способом воспользоваться он не мог, так как взрывом его кресло сдвинулось вперед и ноги оказались под приборной доской. При катапультировании ему могло оторвать ноги. (Такое случалось даже при неповрежденном самолете в прошлые годы.) Как он впоследствии вспоминал, его У-2, потеряв крылья, вертикально падал хвостом вниз. Когда он сбросил "фонарь", гравитация прижала его к сиденью. Преодолевая огромные перегрузки, он пытался покинуть падающий самолет, но был привязан к кабине кислородными шлангами. Наконец он разорвал их и выбросился на парашюте. К этому моменту высота была уже сравнительно небольшой. Едва он оторвался от самолета — еще одна ракета прямым попаданием поразила У-2[54]. При падении фюзеляж, двигатель, крылья и кабина самолета оказались разбросанными по земле на удалении в несколько километров друг от друга.
395

Но об этом в Свердловске и Москве еще никто не знал. Напротив, в районе исчезновения нарушителя вновь появилась отметка от цели.

Откуда же появилась новая цель? А дело было в том, что после неудачного наведения И. Ментюкова на перехват У-2 была поднята еще пара истребителей МИГ-19 — капитана Бориса Айвазяна и старшего лейтенанта Сергея Сафронова. Вот как вспоминал эти незабываемые минуты Б. Айвазян:

«Взлетели. Пауэрс над нами, но где? Кручу головой — вокруг никого. В те секунды заметил взрыв и пять уходящих к земле точек. Эх, угадать бы тогда, что это был разваливающийся У-2. Я принял взрыв за самоликвидацию ракеты, тут же сообщил на КП. Самолет Пауэрса, понятно, не обнаружили, ведь его уже уничтожили ракетчики».

Но ракетчики и операторы РЛС все еще принимали обломки У-2 за пассивные помехи, примененные летчиком-шпионом. Поэтому для пары Айвазяна задача была все та же: при обнаружении атаковать противника. На очередном вираже, вспоминал Айвазян, вдруг оборвалась связь с ведомым. Сергей Сафронов замолчал. Айвазян увидел в чистом небе необычное

облачко и резко спикировал. Это спасло ему жизнь.

В дивизионе, которым командовал майор А. Шугаев, восприняли появившуюся отметку от истребителей за вражескую цель, которая снизилась до 11 тысяч метров. Через считанные секунды она была сбита (по приказу с КП армии ПВО). Увы! Это был истребитель старшего лейтенанта С. Сафронова, поднятый на перехват У-2. Экраны мониторов расчистились. Наступила пауза — стало ясно, что нарушитель сбит. На самом деле прошло уже полчаса после того, как сбили Пауэрса, но майор Воронов и его боевой расчет приняли обломки У-2, которые забили экран, за пассивные помехи, примененные самолетом-шпионом, и майор промедлил с докладом до выяснения обстановки.

Маршал Бирюзов снял трубку правительственного телефона и доложил Хрущеву. Хрущев выразил сомнение, но сказал: "Приезжайте и доложите подробно". Бирюзов

немедленно приказал группе из нескольких офицеров войск ПВО вылететь в Свердловск, разобраться во всем на месте, обеспечить сохранность обломков самолета и сообщить подробности. Сам он отправился к Кремлю на парад". Когда маршал прибыл на Красную площадь, трибуна на Мавзолее уже была заполнена государственными деятелями, военачальниками, гостями. Его прибытие не прошло незамеченным. В отличие от других военных, он был не в парадной, а в повседневной форме и не занял сразу своего места среди других генералов, а сначала прямо на трибуне подошел к Хрущеву и на ухо доложил ему результат. Тот удовлетворенно кивнул. После этого Бирюзов занял свое место среди военных.

Вылет спецсамолета ТУ-104 в Свердловск (аэродром Кольцово) состоялся около 12 часов. Это был первый самолет, вылетевший из Внукова после запрета на полеты самолетов гражданской авиации, введенного около 8 часов утра 1 мая. Самолет был полон. На нем летели группы аппарата ЦК, военной контрразведки, КГБ, Генерального штаба и Войск ПВО страны. Все они входили в комиссию по расследованию инцидента.

Через два часа были на месте. Пауэрса отправили в Москву. Оставалось найти и собрать разбросанные по полям и перелескам части самолета, позаботиться об их охране, особенно аппаратуры и больших, широких (24 см) рулонов отснятой пленки. Ее тщательно обернули солдатскими одеялами, что потом помогло почти без потерь проявить ее и убедиться в том, сколь важные объекты и с каким высоким качеством были сфотографированы. Двигатель нашли в болоте и с трудом подняли его краном.

Произошел и такой казус: в одной из близлежащих деревень, где народ по-уральски с общим застольем праздновал 1 мая, после взрывов ракет и падения плоскости сбитого самолета люди стали бить ее ломами, разливая имевшееся внутри горючее, которое представляло большой интерес для военных экспертов.

Обеспечив сбор, сохранность и отправку в Москву всех остатков У-2, группа ПВО вернулась в столицу, чтобы

готовить выставку трофеев в Парке культуры и отдыха имени Горького.

Комиссия составила первый доклад о тактико-технических данных и оборудовании самолета, целях и задачах, которые решались им в ходе разведывательных полетов. Началось следствие по делу Пауэрса.

Было установлено, то У-2 имел на борту широкозахватный длиннофокусный аэрофотоаппарат "73-В". Он осуществлял семимаршрутное фотографирование последовательно через семь остекленных люков. Это обеспечивало захват местности шириной 160—200 километров, протяженность фотографируемой полосы — 3500 километров. Объектив с фокусным расстоянием 915—944,7 миллиметра позволял с больших высот получать снимки масштаба 220—230 метров в 1 сантиметр. С помощью радиоэлектронной разведывательной аппаратуры, установленной на самолете, можно было получать сведения о системах радиотехнического обеспечения ПВО СССР.

В Вашингтоне Р. Биссел и другие причастные к программе У-2 лица ломали голову по поводу исчезновения Пауэрса. Удивляло молчание Москвы: никакой информации. Через два дня, 3 мая, было обнародовано сообщение НАСА, сфабрикованное в ЦРУ и тайно одобренное президентом. В сообщении говорилось, что с 1956 года по программе изучения метеоусловий верхних слоев атмосферы НАСА использует самолеты фирмы "Локхид" — У-2; один из таких самолетов, выполнявший задание 1 мая 1968 года в воздушном пространстве Турции, пропал без вести около 9 часов утра — возможно, потерпел катастрофу в районе озера Ван: пилот, вылетевший с аэродрома Адана, находясь в районе Восточной Турции, докладывал, дескать, о неисправности кислородного оборудования.

Сообщение это 4 мая появилось в газетах, но особого внимания не привлекло. Руководство ЦРУ напряженно ждало реакции СССР на сообщение, но Москва безмолвствовала. На пресс-конференции в Вашингтоне представители НАСА не дали сколько-нибудь вразумительных ответов на вопросы журналистов.

На следующий день в Москве открылась очередная сессия Верховного Совета СССР. Хрущев в своем докладе на ней обнародовал подробности инцидента с самолетом-разведчиком, умолчав, однако, о том, что летчик жив, а части самолета и оборудование позволяют сделать выводы о характере задач, которые он выполнял.

В тот же день представитель госдепартамента США выступил перед журналистами с заявлением, в котором повторялась версия НАСА, дополненная, правда, тем, что самолет, выполнявший исследовательский полет по программе НАСА, по всей вероятности, случайно пересек советско-турецкую границу и оказался в пределах СССР.

Через час с небольшим после заявления госдепартамента снова выступил руководитель отдела информации НАСА с уточняющим заявлением, что У-2 имел фотокамеры для

фотографирования облачности, что это невооруженный гражданский самолет. Он сказал также, что если об этом самолете что-либо известно в СССР, то просит русских сообщить об этом, чтобы не продлевать поиски.

Но в то время, когда в Вашингтоне пытались завуалировать миссию Пауэрса, из американского посольства в Москве поступил сигнал, отбросивший все ложные версии. Он произвел эффект разорвавшейся бомбы. Дело в том, что вечером 5 мая на приеме в посольстве Эфиопии в Москве посол США Л. Томпсон случайно услышал разговор между заместителем министра иностранных дел СССР Я. Маликом и шведским послом. Швед спрашивал, как правительство СССР будет квалифицировать инцидент с У-2. "Не знаю, — сказал Малик, — еще продолжаются допросы пилота". "Допросы пилота..." — эти слова как молния, поразили Томпсона. Он бросился в свое посольство и дал телефонограмму с грифом "Вне всякой очереди" в Вашингтон. Она опоздала на 4 минуты: второе заявление НАСА уже передавалось прессе[56].

Заявления, сделанные в Вашингтоне, только подлили масла в огонь. 7 мая Хрущев вновь выступил перед депутатами и сообщил, что летчик жив и находится в СССР, американские официальные круги признали факт пред-

399

намеренного вторжения в воздушное пространство Советского Союза. Президент Д. Эйзенхауэр подтвердил на пресс-конференции 11 мая, что полеты американских самолетов-разведчиков над территорией СССР являются одним из элементов системы сбора информации о Советском Союзе и проводились планомерно в течение ряда лет. Он заявил, что "отдавал приказы о сборе любыми возможными способами информации, необходимой для защиты Соединенных Штатов и свободного мира от внезапного нападения и для того, чтобы дать им возможность провести эффективные приготовления к обороне". Он заявил также, что эти мероприятия необходимы, так как в "Советском Союзе секретность и тайны стали фетишем". На следующий день он отдал распоряжение прекратить полеты У-2 над Советским Союзом[57].

Инцидент с У-2 имел весьма серьезные последствия: намеченное на 16 мая в Париже совещание в верхах не состоялось, хотя главы правительств США, СССР и Великобритании прибыли в Париж; визит Эйзенхауэра в СССР, запланированный на 10 июня, был отменен, отношения СССР с США ухудшились. Что касается разведывательных полетов американской авиации над СССР, то они были прекращены.

Так закончился первый этап попыток США "открыть небо" над Советским Союзом, проникнуть в тайны программ его вооружения, тщательно охраняемые при развернувшемся состязании в военном могуществе двух сверхдержав.

Небезынтересна судьба самого Пауэрса. Она сложилась достаточно трагично. В августе 1960 года в течение трех дней в Колонном зале Дома Союзов в Москве проходил открытый судебный процесс, на котором он был осужден Военной

коллегией Верховного суда СССР на 10 лет... На суде присутствовали его родители и жена Барбара. В феврале 1962 года Пауэрса обменяли на арестованного в США советского разведчика-нелегала Р. Абеля.

По возвращении в США Ф. Г. Пауэрс в 1963 году развелся с женой и в том же году женился на сотруднице

ЦРУ Сью Дауни, с которой ранее был связан по службе. Отношение соотечественников к нему вначале было весьма негативным. Его обвиняли в том, что он не взорвал свой самолет после его поражения, не покончил жизнь самоубийством с помощью данной ему иголки с ядом, признал себя виновным на суде.

Однако главное, что волновало ЦРУ и руководство Пентагона, был вопрос, на какой высоте произошло первое попадание ракеты в самолет Пауэрса. На суде в Москве (и раньше, на допросах в КГБ) он говорил, что это произошло на высоте 68 тысяч футов (около 20 тысяч метров). По возвращении в США он продолжал утверждать то же самое, но добавлял, что он специально ввел советское следствие в заблуждение, подчеркивая эту высоту как максимальную для У-2, хотя истинный потолок У-2 — 22 тысячи метров. Он говорил, что сделал такое признание советскому суду для того, чтобы не подвергать опасности своих товарищей, которые должны были выполнять разведывательные задания после него[58]. Однако военные специалисты в США не хотели ему верить. Они ссылались на то, что У-2 № 360, на котором он летел, до его полета проходил капитальный ремонт и не был столь надежен, как новые самолеты, а поэтому его приборы могли дать погрешность. Некоторые коллеги Пауэрса утверждали, что в разговорах с ними он называл высоту, на которой его поразила ракета, равной 45 тысячам футов (15 тысяч метров).

Конструктор У-2 К. Джонсон, который специально приезжал (инкогнито) в Москву посмотреть на обломки У-2 в парке имени Горького, пришел к выводу, что самолет был сбит на меньшей, чем говорил Пауэрс, высоте. Высота поражения У-2 — 68 тысяч футов — подверглась сомнению и комиссией Сената, которой Пауэрс давал показания[59]. Этот вопрос обсуждался и десятилетия спустя на конференции "У-2: революция в разведке", проведенной в Вашингтоне в 1998 году[60]. В ней принял участие и автор настоящей книги. Там я познакомился с вдовой Пауэрса, а еще раньше — с его сыном Ф. Г. Пауэрсом во время его приезда в Москву.

Однако еще тогда, в 60-е, ЦРУ вскоре выступило с заявлением о добросовестном выполнении Пауэрсом своих обязанностей в соответствии с контрактом и своим долгом гражданина США. Он был принят на работу, реабилитирован в глазах общественного мнения. Он получил все причитающиеся ему от ЦРУ деньги (2500 долларов в месяц за время нахождения в заключении и по 1000 долларов за месяц службы в подразделении "10—10" с лета 1956 года по май 1960 года, недополученных в соответствии с

контрактом). В 1970 году он написал книгу о своем полете. Руководство ЦРУ требовало ознакомить его с рукописью. Но издательство было против. Получив отказ Пауэрса, ЦРУ осталось крайне недовольно содержанием этой книги после ее выхода в свет. Пауэрсу пришлось уволиться из НАСА, где он работал. С 1971 года он работал в телевизионной компании в Калифорнии.

Пауэрс погиб 1 августа 1977 года во время катастрофы вертолета при полете в районе Лос-Анджелеса по служебным делам, при довольно странных (и окончательно не установленных до сих пор) обстоятельствах. Он не дожил до 48 лет. Он был объявлен заслуженным ветераном и с согласия президента США Картера похоронен с подобающими почестями в столице США Вашингтоне, на Арлингтонском кладбище, недалеко от могилы президента Кеннеди...

После международного скандала, вызванного инцидентом с Пауэрсом, программа систематических разведывательных полетов над СССР была прекращена. Но самолеты-разведчики продолжали выполнять задания по разведке Советских Вооруженных Сил без нарушения границ СССР, хотя и это случалось.

Так, 1 июля 1960 года, ровно через два месяца после провала миссии Пауэрса, в Баренцевом море, у побережья Кольского полуострова был сбит самолет-разведчик ВВС США RB-47. На борту его было шесть человек. Вылетев из Англии, самолет вышел на секретный маршрут "Бостон Кэспер", выводящий к советской границе в районе мыса Святой Нос. В 17.28 RB-47 вошел в воздушное

пространство СССР. Через несколько минут к нему приблизился советский истребитель МИГ-17. Летчик капитан Василий Поляков дал сигнал "следуй за мной", но RB-47 продолжал движение по своему маршруту. На предупредительные выстрелы Полякова второй пилот RB-47 капитан Брюс Олмстед ответил огнем 20-миллиметровой пушки. В следующую минуту два спаренных левых двигателя самолета-разведчика были поражены очередью Полякова. Самолет потерял управляемость и начал падать в море. Штурман капитан Джон Маккоун и Олмстед катапультировались. Через 6 часов их спас советский траулер. Был также подобран труп командира экипажа майора Уиларда Палма. Остальные члены экипажа погибли.

Маккоун и Олмстед были доставлены в Москву. Началось следствие. Американские летчики утверждали, что их самолет не нарушал границу СССР. Однако, по данным советских РЛС, последняя часть его маршрута проходила над территориальными водами СССР. Американских разведчиков ждал суд. Труп майора Палма в цинковом гробу был отправлен в США. В октябре того же года советский траулер подобрал в Баренцевом море кусок фюзеляжа RB-47 и тело майора Юджина Позы, оператора радиотехнической станции разведки. Он был захоронен на советской территории. (С образованием в 1992 году совместной российско-американой Комиссии при Президентах России и США по военнопленным и пропавшим без вести, членом которой

является и автор книги, поиски могилы майора Позы возобновились и ведутся до настоящего времени).
По этому инциденту правительство США вначале объявило, что самолет имел научно-исследовательскую задачу, но дальнейшее расследование установило, что RB-47 вел радиотехническую разведку и находился над территориальными водами СССР. В связи с этим глава советского правительства подчеркнул, что обещания администрации США прекратить разведывательные полеты в небе СССР "гроша ломаного не стоят". Он предупредил правительство Великобритании, откуда вылетел самолет,
403
что подобные "агрессивные акции могу стать опасными для английского народа. По американским данным, RB-47 был сбит над нейтральными водами. На эту мысль наводила и фраза в заявлении Хрущева, что самолет ушел в сторону моря и упал за пределами границ СССР. Но поскольку американские разведчики летали вокруг СССР ежедневно — резкая реакция США на этот инцидент могла осложнить и без того напряженную международную обстановку. Более того, когда в августе 1960 года советник президента по безопасности Гордон Грей предложил Эйзенхауэру спровоцировать захват советского самолета или корабля независимо от места его истинного нахождения, объявить его "нарушителем границ" и развернуть антисоветскую пропагандистскую кампанию, президент отклонил это предложение*[1]. Вскоре американский транспортный самолет С-47 нарушил границу в районе Курильских островов. Взаимное раздражение нарастало.

Но все же в январе 1961 года, сразу же по вступлении Джона Кеннеди в должность президента США, двое летчиков сбитого самолета RB-47 были переданы американским властям в знак доброй воли Советского Союза и его стремления улучшить отношения с Соединенными Штатами при новом их правительстве.

Подобные случаи происходили и в дальнейшем. Например, в августе 1962 года У-2 пролетел над Сахалином. На советскую ноту протеста США ответили официальным извинением.
И хотя эпизодические нарушения советских границ американскими самолетами имели место и позднее, такой целенаправленной программы систематической воздушной разведки СССР, какой была программа полетов У-2 или предшествовавшие ей полеты самолетов-разведчиков RB-45, RB-47, "Канберры", после инцидента с Пауэрсом уже не было. Да и необходимость в этом с появлением разведывательных искусственных спутников Земли (американские "Мидас", "Самос", "Феррет" и Др.) отпала. Более совершенные средства разведки потеснили авиацию, хотя и сегодня она играет немалую роль.
404

Так закончилась наиболее интенсивная и полная драматизма тайная воздушная война, которую вели США и Советский Союз в жестком соревновании за превосходство в новейших видах вооружения. Но впереди еще были схватки гораздо более

опасные...

Примечания

[1] См.: *Михайлов Г. А., Орлов А. С.* Тайны "закрытого" неба // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 100.

[2] *Lashmar P.* Spy flights of the Cold War. Gloucestershire, 1998. P. 41.

[3] Ibid. P. 41

[4] *Lippman W.* The Baltic Affair // Washington Post. 1950. April 24. [s] Popular Science. 1961. January. P. 68—69.

[6] U. S. News and World Report. 1993. March 15. P. 46.

[7] Popular Science. 1961. January. P. 69.

[8] Национальный архив США NND. № 813055. (Копия находится в личном архиве автора.)

' U. S. News and World Report. 1993. March 15. P. 33-34.

[10] Ibidem.

[11] Цит. по: Красная звезда. 1993. 13 февр. [°] Там же.

[u] Центральный военно-морской архив. Ф. 14, оп. 52, д. 254, л. 27-28.

[14] *Lashmar P.* Op.cit. P. 45.

[15] Цит. по: Известия. 1994. 5 янв.

[16] U. S. News and World Report. 1993. March 15. P. 32.

[17] Ibid. P. 43. [14] Ibidem.

[и] Ibid. P. 41

[20] См.: Известия. 1994. 5 мая.

[21] Цит. по: Красная звезда. 1993. 13 февр.

[22] U. S-News and World Report. 1993. March IS. P. 45.

405

[23] Ibid. P. 35.

[24] *LashmarP.* Op. cit. P. 70-71.

[25] The Quarterly Journal of Military History. Spring 1997. N° 3. P. 29-30.

[26] *LashmarP.* Op. cit. P. 74.

[27] Ibid. P. 82.

[28] The Quarterly Journal... P. 34.

[29] Ibid. P. 35.

[30] См.: Известия. 1997.4 февр.

[31] U. S. News and World Report. 1993. March 15. P. 32.

[32] *Beschloss M.* Mayday. The U-2 Affair. N. Y.. 1986. P. 83-84.

[33] The Quarterly Journal... P. 38—39. ,

[34] Ibid. P. 36.

[35] Ibid. P. 37-38.

[36] Ibidem.

[37] *LashmarP.* Op. cit. P. 140.

[38] Ibid. P. 143.

[39] *Beschloss M.* Op. cit. P. 92—94.

[40] The Quarterly Journal... P. 39.

[41] *Lashmar P.* Op. cit. P. 145.

[42] *Pocock Chris.* Dragon Lady. The History of the U-2 Spyplane. Shrewsbury. 1989. P. 204-205.

[43] Ibid. P. 26-27.

[44] *Орлов А. С.* "Горячий" фронт "холодной войны" // Геополитика и безопасность. 1994. № 2. С. 18.

[45] New York Gerald Tribune. 1960. May 11.

[46] *Beschloss M.* Op. cit. P. 152.

[47] *Orlov Alexander.* The U-2 Propram: A Russian Officer Remembers. Studies intelligence. Winter 1998—1999- Washington. 1999. P. 5—14.

[48] Goals for Americans. N. Y, 1960. P. 369.

[49] *Beschloss M.* Op. cit. P. 236.

[50] Цит. по: Известия. 1958. 4 сент.

[51] Материалы совместной российско-американской Комиссии при Президентах России и США по военнопленным и пропавшим без вести. 1994. IFR— 137—10.

[52] Лицом к лицу с Америкой. М., 1960. С. 440. [и] См.: *Орлов А С.* Указ. соч. С. 22.

[54] *Beschloss M.Op. cit.P. 26.*

406

[55] См.: *Орлов А. С.* Указ. соч. С. 23.

[56] *Beschloss M. Op.* cit. P. 52, 54.

[я] Prologue. Quarterly of the National Archives Spring 1995. Vol. 27.№ 1. P. 66.

[а] *Pocock Chris.* Op. cit. P. 50.

[59] Ibid. P. 54.

[60] Studies in intelligence. 1998—1999. Wash., 1999. P. 1—14.

[61] *Beschloss M.* Op. cit. P. 322.

407

ГЛАВА VI
БЕГ К АРМАГЕДДОНУ

В феврале 1960 года, возвратись после визита в СССР, представитель США в ООН Генри Кэбот Лодж сообщил правительству США, что русские продолжают лидировать в ракетной гонке. И хотя Хрущев в частном разговоре с Лоджем сказал, что в действительности это не так, да и полеты У-2 подтверждали это, в Америке продолжалась шумиха о "ракетном отставании" Соединенных Штатов от Советского Союза[1]. В то время военно-промышленный комплекс США набирал силу и вместе с министерством обороны требовал многомиллиардных ассигнований на заказы новейших видов вооружений, и особенно ядерных ракет. Когда в 1961 году в Белом Доме утверждалась программа твердотопливных межконтинентальных ракет "Минитмен", советники президента считали, что интересы национальной безопасности страны не требуют принятия на вооружение такого количества (950) ракет "Минитмен". В один из тех дней между президентом Кеннеди и министром обороны Робертом Макнамарой произошел любопытный диалог

408

— Как твое мнение, Боб? — спросил президент Роберта Макнамару, сообщив ему о точке зрения своих советников.

— Что ж, они правы.

— Но почему же тогда нам нужно девятьсот пятьдесят ракет?

— Потому что это наименьшая цифра, которую мы можем предложить на Капитолийском холме. Иначе нас там убьют[2].

Министр имел в виду мощную агентуру военно-промышленных корпораций в конгрессе, которая лоббировала заказы для оружейных магнатов.

Угрожающий рост влияния на политические дела в государстве военных монополий, тесно связанных с генералами и конгрессменами, представляющими военно-промышленные круги, и контролируемые ими средства массовой информации начал пугать даже крупных политических деятелей Америки. Покидая пост президента в январе 1961 года, Д. Эйзенхауэр в своем прощальном послании обратил внимание на то, что влияние военно-промышленного комплекса "экономическое, политическое и даже духовное чувствуется в каждом городе, каждой резиденции губернатора штата, в каждом учреждении федерального правительства". Указывая на опасность такой политики, он подчеркивал, что "в деятельности правительства

мы должны остерегаться распространения неограниченного влияния военно-промышленного комплекса, независимо от того, осуществляется ли оно намеренно или стихийно. Потенциальная возможность для опасного увеличения власти такого комплекса существует и будет существовать"[3]. Это предупреждение президента-республиканца прозвучало весьма актуально.

1. Испытание на прочность: Берлин и Куба

В начале 60-х годов важнейшей целью американского правящего класса было стремление сохранить и по возможности усилить военное превосходство над Советским
409
Союзом и странами социалистического лагеря в новых, изменившихся условиях, когда стратегическая неуязвимость Соединенных Штатов безвозвратно отошла в прошлое. Американские сторонники жесткой политики по отношению к СССР прилагали все усилия, чтобы не допустить или, по крайней мере, отодвинуть какую-либо возможность достижения Советским Союзом паритета в стратегическом оружии. В конце 1979 году, выступая в Лондонском институте стратегических исследований, Г. Киссинджер откровенно признал: "Наша стратегическая доктрина основывалась в очень большой степени, а может быть, даже исключительно на нашей превосходящей стратегической мощи. Советский Союз никогда не опирался на превосходящую стратегическую мощь"[4].

Это признание свидетельствует о том, что и в те годы государственные деятели, стоявшие на капитанском мостике Америки, знали, что достижения научно-технической мысли в СССР и состояние его вооружений не представляют серьезной угрозы для США. Тем не менее Пентагон изыскивал "надежные" способы уничтожения Советского государства в случае ядерной войны. Нагнетанию страха перед возросшими возможностями СССР по нанесению эффективного ответного удара в немалой степени способствовала и политика советского руководства, которое всячески подчеркивало огромные боевые возможности советского ракетного оружия. В то же время СССР во второй половине 50-х годов последовательно сокращал войска и силы флота общего назначения. Были расформированы 63 дивизии и бригады, часть военных училищ, поставлено на консервацию 375 кораблей. Если в 1955 году Советские Вооруженные Силы насчитывали 5 миллионов 763 тысячи человек, то к 1959 году они сократились на 2 миллиона 140 тысяч человек, а в 1960 году планировалось новое сокращение на 1 тысячу 200 человек[5].

В США это рассматривалось как возрастающая угроза ракетно-ядерной войны. Считалось, что СССР, который, как и царская Россия, всегда полагался на свои сухопутные войска, ныне стремится достичь превосходства над
410
США в стратегическом ракетно-ядерном оружии. Для американцев, в течение столетий привыкших к тому, что их территория неуязвима для любого противника, такая

перспектива выглядела весьма угрожающей. Тем более что Хрущев не скупился на рекламирование советской ракетно-ядерной мощи. В ноябре 1959 года он, например, заявил: "Мы теперь накопили так много ракет, так много атомных и водородных боеголовок, что, если на нас нападут, мы сможем стереть с лица земли всех наших вероятных противников".

Такие заявления русских пугали американского обывателя. Истинную картину соотношения ракетно-ядерных сил знали только несколько лиц в США, но они, как уже говорилось выше, не могли раскрыть это для широкой общественности. В американских городах начали строить атомные бомбоубежища, в школах и университетах проводились атомные тревоги. Было хорошо известно, что ракеты того времени, особенно дальнего действия, имеют очень низкую точность попадания. Это компенсировалось мощностью боевого заряда, достигавшего 10 мегатонн и более. Поэтому и целью для ударов таких ракет могли быть только крупноплощадные цели, и прежде всего крупные города-мегаполисы.

В связи с этим Макнамара в 1961 году выдвинул концепцию "городов-заложников". Она предусматривала объявление определенных' городов в США и СССР, которые в случае ядерной войны подвергнуться ракетным ударам. Эта мера мыслилась как некая гарантия, согласованная с Советским Союзом и призванная удержать СССР от ракетно-ядерного удара по США. В 1962 году министр обороны США выдвинул новую концепцию — "контрсилы". Она предусматривала, как уже говорилось выше, внезапным ударом уничтожить основную часть советских средств доставки ядерных боеприпасов и лишить СССР возможности ответного удара, а затем угрозой ракетно-ядерной бомбардировки советских городов и уничтожения населения "попытаться закончить войну на выгодных для себя условиях". Первой целью становились теперь не военно-промышленные и ад-

411

министративно-политические центры, а позиции советских ракет, аэродромы авиации, средства ПВО. Их уничтожение делало беззащитными города.

Таким образом, угроза удара по городам и массовое уничтожение мирных жителей (что было краеугольным камнем фашистских взглядов на применение оружия фау в 40-х годах) явилась неотъемлемой частью и новой стратегии Вашингтона. И хотя ставка на внезапный удар прикрывалась оборонительной фразеологией, ее устрашающая суть была настолько явна, что это признавали даже сами американские теоретики ядерной войны. "Главная трудность с идеей стратегии контрсилы заключается в том, — писал Г. Киссинджер, — что ее почти невозможно примирить с занятием позиции стратегической обороны"[6]. "Стратегия контрсилы, — отмечал А. Уоскоу, — почти неизбежно отдает преимущество той стороне, которая первой нанесет удар"[7]. Демагогическим было и утверждение творцов новой стратегии о том, что она направлена главным образом против "военного потенциала" противника. Ракеты того времени,

с их все еще невысокой точностью попадания, не могли действовать достаточно точно, надежно по компактным целям, какими являлись военные объекты. Так, например, ракеты "Поларис", устанавливавшиеся на первых подводных лодках и запускавшиеся из подводного положения, по признанию американских специалистов, в силу их малой точности предназначались для ударов по крупноплощадным целям — по городам. По расчетам Пентагона, уцелевшие после ответного удара средства американских сил ядерного нападения должны были во втором ударе уничтожить 25 процентов населения противника и 70 процентов его промышленности.

Д. Эллсберг, занимавшийся стратегическим планированием в Пентагоне и составлением политических директив для Комитета начальников штабов, по этому поводу замечает:

«Наши планы предусматривали в случае, если войска США завязывали боевые действия с русскими войсками в любом районе земного шара, и независимо от того, как это случилось, нанесение полномасштабного ядерного удара по

Советскому Союзу всем ядерным оружием, имеющимся в нашем распоряжении, и как можно быстрее, поражая все города в России и Китае, наряду с военными целями. Другими словами, я видел в 1960 и 1961 гг. военные планы, нацеленные на развязывание Соединенными Штатами всеобщей ядерной войны и нанесение первого ядерного удара по СССР... Начальники штабов подсчитали, что это может привести к 325 миллионам убитых в России и Китае... А если вы добавите русский удар возмездия, и европейское оружие, можно говорить о войне, в которой погибнет не менее 500 миллионов человек. Таковы были американские планы всеобщего уничтожения».*

Советский Союз тоже не был ангелом, хотя угрозы Хрущева имели целью не запугать Америку, а внушить ей, что в сферу интересов Советского Союза ей, Америке, вторгаться не стоит.

Кризисы в социалистическом лагере, происходившие в 1956 году (а волнения и беспорядки и раньше и позже), неоднократно свидетельствовали не только об ошибках власти, но и о провоцирующей роли западных держав, выступавших в поддержку антисоветских и антисоциалистических выступлений в странах Восточной Европы. И это естественно при противоборстве в биполярном мире вызывало ответную реакцию противоположной стороны.

В конце 50-х годов одним из самых острых вопросов в отношениях между двумя военно-политическими блоками — НАТО и ОВД — стала германская проблема. Немалую роль в этом играли и личностные качества лидеров — Эйзенхауэра, Кеннеди и особенно Хрущева и Ульбрихта, руководителя ГДР.

После кризисов 1956 года в стане социалистического содружества советское правительство и лидеры союзных стран прилагали все усилия, чтобы укрепить лагерь социализма, усилить влияние Советского Союза в "третьем мире".

В Европе главным политическим раздражителем был статус Западного Берлина. В центре Германской Демократической

Республики (ГДР) находился контролируемый

413

державами антигитлеровской коалиции Западный Берлин — витрина процветания Запада, реклама западного образа жизни, весьма соблазнительная для немцев ГДР. Кроме того, Западный Берлин был средоточием спецслужб НАТО. Все это крайне нервозно воспринималось как правительством ГДР, так и руководством СССР.

В связи с этим усиление и удержание ГДР в социалистическом содружестве приобретало первостепенное значение. Тем более что из ГДР все чаще поступали сигналы, тревожившие Кремль. Так, 24 февраля 1958 года в Москву было направлено советским посольством в Германии послание "О положении в Западном Берлине". В нем говорилось:

«В течение ряда лет Западный Берлин служит центром подрывной деятельности западных держав против Германской Демократической Республики. Именно в Берлине... происходит открытая борьба между капиталистической и социалистической системами. Западный Берлин используется врагом для организации различного рода политических провокаций и экономических диверсий против ГДР, а также в качестве своеобразной пропагандистской витрины западного мира. Перед немецкими друзьями стоит задача нейтрализовать эту деятельность... усилением собственного влияния на эту часть города»[4].

Посольство исходило из предположения, что "берлинский вопрос можно решать независимо от урегулирования германской проблемы в целом путем постепенного экономического и политического завоевания Западного Берлина"[10]. Посольство полагало, что вопреки Потсдамским соглашениям и другим переговорам берлинская проблема рассматривается Западом в отрыве от общеевропейских и общегерманских дел.

Немаловажным фактом, требовавшим принятия каких-то радикальных мер, стали участившиеся случаи бегства восточных немцев в Западный Берлин, с перемещением их в страны капиталистического мира, чаще всего в ФРГ. Секретарь ЦК КПСС Ю. Андропов 21 августа 1958 года в докладе членам Центрального Комитета партии говорил:

414

«За последнее время значительно усилился уход интеллигенции из ГДР в Западную Германию. Количество переходов по сравнению с прошлым годом увеличилось на пятьдесят процентов. За первые шесть месяцев этого года из республики ушло 1000 учителей, 518 врачей, 796 человек из числа технической интеллигенции, а также ряд видных ученых и специалистов. Как видно из ряда немецких сообщений, основная причина ухода интеллигенции на Запад заключается в том, что многие организации зачастую неправильно относятся к работникам умственногд труда».

Выход из этой ситуации виделся в том, чтобы СССР увеличил помощь Социалистической единой партии Германии в усилении коммунистического влияния на немецкую интеллигенцию. В

результате было решено "устранить оккупационный статус" Берлина. Об этом и сделал заявление Хрущев в форме ультиматума западным державам 27 ноября того же года: провести за 6 месяцев переговоры о мирном договоре с Германией, в противном случае управление советской зоной оккупации будет передано ГДР, с которой будет заключен мирный договор, а статус Западного Берлина будет ликвидирован.

Военный представитель в Восточном Берлине генерал Шалин еще до выступления Хрущева по германскому вопросу доносил 19 ноября 1958 года в ЦК КПСС: "Есть мнение, что Англия и Франция в случае решительных действий правительств СССР и ГДР могли бы согласиться на вывод войск из Западного Берлина, но США окажут противодействие этому"[11].

Но желаемое явно выдавалось за действительное. 14 декабря 1958 года в Париже министры иностранных дел трех западных держав и ФРГ подтвердили "решимость своих правительств обеспечить свои позиции и права относительно Берлина". Через два дня собравшийся срочно там же Совет НАТО по берлинскому вопросу заявил:

«Ни одно государство не имеет права односторонне разрывать международные соглашения. Действия Советского Союза относительно Берлина и его методы разрушают доверие между нациями, которое составляет основу мира

415

Требования Советского Союза создали серьезное положение, которому надо решительно противодействовать[12].*

Ключевую роль в дальнейшем развитии кризиса играло руководство Социалистической единой партии Германии и лично В. Ульбрихт, опасавшийся "чрезмерного сближения" Москвы и ФРГ. Советский посол М. Первухин после беседы с Ульбрихтом 5 декабря 1958 года доносил в Москву:

«В. Ульбрихт сказал, что ГДР будет продолжать свою активную борьбу против Бонна как по политической, так и по экономической линиям... Ульбрихт подчеркнул, что основной национальной позицией, с которой можно разбить Аденауэра, является показ возрождения германского милитаризма и фашизма, разоблачение агрессивных планов германского империализма. Этому моменту будет в дальнейшем уделено решающее значение в политике ГДР»[13].

В беседе с советским послом Ульбрихт сказал, что настоящий момент является поворотным пунктом в вопросе признания ГДР. "До сих пор население Западной Германии верило, что ГДР в один прекрасный день будет присоединена к ФРГ. Теперь этот взгляд меняется. Факт существования ГДР, прочность ее позиций доходит до сознания все более широких слоев населения"[14]. Кроме того, Ульбрихт заявил советскому послу, что "располагает документами, в которых изложены агрессивные планы НАТО, где предусматривается возможность продвижения западнонемецких войск до Одера". Этот нажим Ульбрихта на Москву, нагнетание страхов как среди советского руководства, так и собственного народа, преследовали вполне очевидные цели сохранения ГДР

как суверенного государства, укрепления внутреннего положения ГДР и СЕПГ.

Тем временем бегство на Запад через Берлин усиливалось. "В прошлом году через Западный Берлин ушло свыше 90% всех беженцев, тогда как в 1957 г. — менее 44%, — сообщало посольство. — Население ГДР с 1950 по 1958 г. сократилось на 997,5 тысячи человек"[15].

Все более обнаруживалась неспособность властей Восточного Берлина определить истинные причины разверты-

вавшихся событий. 15 сентября 1959 г. член политбюро и секретарь ЦК СЕПГ А. Нойман говорил советнику-посланнику В. В. Кочемасову, что "усиление враждебной деятельности в ГДР за последнее время, несомненно, объясняется страхом правящих кругов ФРГ перед разрядкой международной напряженности и стремлением путем провокаций на территории ГДР воспрепятствовать этому процессу"[16].

Ни в Восточном Берлине, ни в Москве не находили достаточно политически гибких выходов из складывающейся критической ситуации. Делался сугубо идеологический вывод: "остановить империалистов" в Германии, Берлине. Идея стены в Берлине, которая препятствовала бы потоку беженцев, вынашивалась еще во второй половине 50-х годов в Восточном Берлине и в Москве. Но только на заседании Политического консультативного комитета ОВД 3—5 августа 1961 года она получила оформление. Ульбрихт требовал радикальных решений. Хрущев колебался. Он хотел более гибких подходов, но в сочетании с давлением на Запад. Он, как говорилось выше, уже предъявлял западным державам 27 ноября 1958 года ультиматум: покинуть в течение 6 месяцев Западный Берлин, чтобы сделать его свободным городом, но фактически подчиненным ГДР. Характерен разговор Хрущева с Кеннеди во время их первой встречи в Вене в июле 1961 г. Хрущев заявил: "Мирный договор с ГДР со всеми вытекающими отсюда последствиями будет подписан к декабрю нынешнего года". — "Если это так, то наступит холодная зима", — таков был ответ президента США[17].

Главы сверхдержав расстались холодно. И шанс, который давала встреча в Вене по нормализации отношений между СССР и США к потеплению политического климата в мире, был упущен. Хрущев недооценил твердость и волю Кеннеди, полагая, что с молодым президентом возможна политика давления. Он поставил американского президента перед выбором: или совместно подписать соглашение, признающее существование двух германских государств (ГДР и ФРГ)» или СССР подпишет сепаратный договор с ГДР не позже декабря 1961 года, после

чего оккупационные права западных держав в Берлине и свободный доступ к городу прекратятся, а коммуникации с Западным Берлином будут контролироваться правительством Восточной Германии.

Такой подход насторожил Кеннеди. Хрущев прибегнул к тому

блефу, который сработал во время суэцкого кризиса, но теперь он не учел характера Кеннеди. Хрущев, как и все политбюро, не собирался вступать с США в конфронтацию или тем более ввязываться с ними в войну из-за Германии. Но его показная напористость и решительность, которой он хотел принудить Кеннеди принять его условия, произвели обратный эффект: Кеннеди по возвращении стал готовиться к принятию военных контрмер.

Несмотря на негативное отношение американцев к изменению статуса Западного Берлина и заключению мирного договора с двумя германскими государствами, Хрущев не отступился от идеи отгородить Западный Берлин от Восточного надежной преградой. Он полагал, что если "закрыть все входы и выходы", ведущие на Запад, то восточные немцы станут работать лучше, экономика будет улучшаться и достигнет такого уровня, что при социальных гарантиях для трудящихся в ГДР она станет даже привлекательной для западных немцев.

Однако надо было как-то предупредить США и Англию, Францию и ФРГ о намерениях ОВД в отношении Западного Берлина. 7 августа Хрущев выступил по Московскому телевидению. Касаясь вопроса о Берлине, он сказал, что нет и мысли о блокаде западной части города, но заявил, что планировавшееся сокращение вооруженных сил будет отменено, и более того, намечается дополнительный призыв в армию резервистов и передислокация ряда дивизий из глубины страны к западным границам. Это было предупреждением. В ночь с 12 на 13 августа 1961 года, между Восточным и Западным Берлином была воздвигнута печально знаменитая стена.

С тревогой ожидали в Кремле реакции США. Но ничего страшного не случилось. 13 августа несколько американских джипов совершили поездку по Восточному Бер-

лину. Их пропустили беспрепятственно, хотя во время поездки сопровождали машины служб безопасности СССР и ГДР. Вскоре стала известна оценка событий американским президентом. Он сказал, что "режим Ульбрихта, по всей вероятности, обладает законным правом закрыть свои границы, и никто не может вообразить, что мы должны начать из-за этого войну"[18].

Надо сказать, что об этом высказывании Кеннеди знали лишь очень немногие. Что касается официального Вашингтона, то его реакция была бурной. В Западный Берлин прибыл вице-президент США Л. Джонсон. Он заявил, что защита жителей города является делом "священной чести" народа Соединенных Штатов. Гарнизон американских войск в городе был увеличен на 1500 человек. Генерал, командовавший американскими войсками в Германии, и Дин Ачесон, бывший глава госдепартамента, требовали применения силы. В США были приведены в повышенную готовность части тактической авиации, объявлен призыв в армию более 75 тысяч резервистов. Аналогичные меры были приняты в Англии.

Наибольшей остроты берлинский кризис достиг 28 октября. На этот день американцы запланировали акцию по уничтожению

части стены у одного из пропускных пунктов. Для ее проведения привлекались несколько джипов с пехотой и журналистами, бульдозеры и несколько танков. Привлеченные силы были выстроены в боевой порядок: впереди шли джипы, за ними бульдозеры, которые должны были разрушить заграждения, а замыкали колонну десять танков. Полагали, что немецкие пограничники не рискнут стрелять по колонне армии, победительницы во Второй мировой войне.

Однако советское командование заблаговременно узнало о готовившейся операции. Было решено предпринять контрмеры. В ночь перед акцией в переулках, примыкающих к пропускному пункту, скрытно разместились танковый полк и стрелковый батальон. Рано утром к пропускному пункту у Брандербургских ворот подошли три джипа, за ними грохотали бульдозеры, прикрываемые танками с зак-

рытыми люками и расчехленными пушками. Джипы были беспрепятственно пропущены в Восточный Берлин. А вот когда к контрольному пункту подошли бульдозеры, из прилегающих переулков вышли советские танки и начали разворачиваться навстречу бульдозерам. Грохот двигателей многократно усиливали динамики, помещенные на крышах зданий. Бульдозеры остановились, не дойдя до КПП. Советские танки встали на своей половине улицы. За ними видны были машины с пехотой. Джипы, вошедшие в Восточный Берлин, были окружены полицией ГДР. Они развернулись и двинулись в обратный путь. Им никто не препятствовал. Бульдозеры и танки обеих сторон стояли друг против друга. Двигатели были заглушены. Противостояние продолжалось до вечера. С наступлением темноты советские части получили приказ отойти в те же переулки, где они сосредоточивались утром. Через 20 минут после того, как замолк рев моторов на восточной стороне КПП, американская колонна развернулась и двинулась в глубь Западного Берлина. Инцидент закончился. После него напряженность в Берлине стала спадать, но советско-американские отношения продолжали ухудшаться.

Этому способствовал не только берлинский кризис. Продолжалась в весьма острых формах борьба за "третий мир", шло набиравшее силу соревнование сверхдержав в области ракетно-ядерных вооружений. Принятие в США стратегии "гибкого реагирования" в том же 1961 году и высокий темп ввода в строй стратегических ракет, как наземных, так и морских, болезненно воспринимался руководством Советского Союза.

Еще одним яблоком раздора становилась Куба. После победы в 1959 году революции на Кубе антиимпериалистический, антиамериканский режим Ф. Кастро, установленный на острове, сблизил кубинское правительство с Кремлем, обеспечил ему всестороннюю помощь СССР. Это вызывало растущее раздражение в Вашингтоне, где расценивали провозглашенное Ф. Кастро построение социализма на Кубе и его сближение с СССР как угрозу национальным интересам США. В апреле 1961 года кубин-

ские эмигранты, обосновавшиеся в США, с помощью Пентагона пытались организовать интервенцию на Кубу, но были разгромлены революционными войсками Кастро. После провала вооруженного вторжения на Кубу США организовали экономическую блокаду Кубы, проводили поблизости крупные учения, всячески демонстрировали военную угрозу "острову Свободы".

Выступая с докладом на XXII съезде КПСС в октябре 1961 года, Хрущев заявил, что "в обстановке обострения международного положения" советское правительство "вынуждено было приостановить сокращение вооруженных сил, запланированное на 1961 год, увеличить расходы на оборону, отсрочить увольнение в запас солдат и матросов, возобновить испытания новых, более мощных видов оружия"[19]. Как раз в 1961 году, как уже говорилось, СССР после трехлетнего перерыва возобновил ядерные испытания на Новой Земле: проведены были пуски ракет стратегического назначения с ядерными зарядами.

Обострение отношений между сверхдержавами, провал венской встречи между Хрущевым и Кеннеди, после которой Хрущев усилил политико-пропагандистский нажим на США, а Кеннеди, восприняв декларации Хрущева как реальную угрозу и готовность СССР пойти на глобальную войну, привели обоих лидеров к решительным действиям. США стали форсированным темпом размещать ракеты средней дальности "Тор" и "Юпитер" в ряде европейских стран (Англия, Италия, Турция). Это серьезно изменяло соотношение ракетно-ядерных стратегических сил между противостоящими блоками.

Дислокация ракет "Тор" и "Юпитер" (дальность — 3500 км) на базах Европы давала Вашингтону ряд преимуществ в случае всеобщей ядерной войны. До развертывания американских ракет средней дальности в Европе США и СССР, имея межконтинентальные ракеты на своих территориях, находились в равном положении (время полета МБР до территории противника — 30 минут, время предупреждения о пуске ракет — 15 минут). Это означало, что произойдет встречный удар, поскольку каждая

из сторон, в случае, если она подвергнется ракетному нападению, имела возможность запустить свои ракеты по объектам противника до того, как его ракеты достигнут назначенных объектов. Действовал принцип: "умри ты первым, а я вторым".

Теперь же, с появлением ракет "Тор" и "Юпитер" в Европе, положение менялось. Американские ракеты, стартуя из Англии, Италии, Турции, могли поразить цели на территории СССР и стран Варшавского Договора за 10— 12 минут, т.е. до того, как их могли бы обнаружить радиотехнические системы этих стран. Таким образом, увеличивался фактор внезапности. Кроме того, поражая избранные на территории противника объекты с меньших расстояний, американцы могли поразить их с большей точностью. И наконец, рассредоточив свои силы первого удара

по территориям нескольких стран, США имели возможность отвлечь часть советских ракет ответного удара на европейские страны, где находились их ракеты средней дальности, и уменьшить потери для США.

Для СССР, против которого были нацелены ракеты "Тор" и "Юпитер", этот вид оружия представлял стратегическую угрозу. Американцы изменили баланс сил первого удара в свою пользу. Нужны были ответные адекватные меры. Но какие? Удары по Аляске с советской территории не решали проблему. Морские ракетные атомные подводные лодки СССР еще не были готовы к вводу в строй, тем более в адекватном масштабе для парирования американской ракетно-ядерной угрозы.

Нужно было найти такой плацдарм, с которого советские ракеты средней дальности Р-12 и Р-14 могли бы создавать равную угрозу для США и тем самым восстановить статус-кво сторон в возможностях ракетно-ядерных средств по нанесению "неприемлемого ущерба потенциальному противнику" во встречно-ответном ударе. И здесь Куба вышла на первый план. Именно отсюда можно было угрожать ракетами средней дальности (Р-12 — дальность 2000 км, Р-14 — 4000 км) значительной части территории США, особенно ее восточным районам со многими мега-

422

полисами и развитой промышленностью. Но для этого требовалось сохранить политически ориентированную на СССР Республику Кубу, оградить ее от угрозы ликвидации режима Ф. Кастро со стороны США. А угроза сохранялась. После провала попытки высадки на Кубе эмигрантских противников Кастро, за которыми стоял Вашингтон, продолжалась экономическая блокада "острова Свободы", была постоянная опасность нового вторжения, находившихся в США эмигрантских формирований или непосредственно американских войск.

Поэтому эти вопросы постоянно витали в кремлевских кабинетах в начале 1962 года. В центре всей этой проблемы находился вопрос о незамедлительном размещении Советским Союзом на Кубе по согласованию с руководством этой страны ядерных ракет. Делалось это тогда во имя укрепления обороноспособности "острова Свободы". Действительно, советское военное присутствие на Кубе, тем более развертывание там ракетной группировки, было возможно только в условиях сохранения режима Кастро.

Вот как описывал развитие событий А. А. Громыко, в то время министр иностранных дел Советского Союза:

"20 мая 1962 года Н. С. Хрущев возвращался в Москву из Болгарии, где находился с дружественным визитом. Я сопровождал его в поездке и потому летел с ним обратно в том же самолете.

Когда мы уже некоторое время находились в полете,

Хрущев вдруг обратился ко мне:

— Я хотел бы поговорить с вами наедине по важному вопросу.

Никого рядом не было. И я понял, что речь пойдет о чем-то действительно очень важном. Хрущев не любил "узких" бесед на

политические темы и нечасто их проводил. О чем же он будет говорить со мной? Я решил, что у него созрела или созревает какая-то новая мысль, которой ему необходимо поделиться с человеком, занимающимся по долгу службы внешними делами...

— Ситуация, сложившаяся сейчас вокруг Кубы, — сказал Хрущев, — является опасной. Для спасения ее как независимого

423

государства необходимо разместить там некоторое количество наших ядерных ракет. Только это может спасти страну. Вашингтон не остановит прошлогодняя неудача вторжения на Плая-Хирон. Что вы думаете на этот счет?

Он ожидал ответа. Вопрос был неожиданным и нелегким. Подумав, я сказал:

— Операция на Плая-Хирон, конечно, представляла собой агрессивную, организованную США акцию против Кубы. Но я знаком с обстановкой в США, где провел восемь лет. В том числе был там, как вы знаете, и послом. Должен откровенно сказать, что завоз на Кубу наших ядерных ракет вызовет в Соединенных Штатах политический взрыв. В этом я абсолютно уверен, и это следует учитывать.Помолчали. А потом он вдруг сказал:

— Ядерная война нам не нужна, и мы воевать не собираемся.

Я молчал. А Хрущев после некоторого раздумья в заключение разговора сказал:

— Вопрос о завозе советских ракет на Кубу я поставлю в ближайшие дни па заседании Президиума ЦК КПСС.

Он это вскорости и сделал"[20].

Громыко пишет "вскорости", хотя заседание Президиума ЦК состоялось сразу же по приезде Хрущева, 20 мая. Хрущев поведал соратникам суть вопроса, но предложил немедленно это не решать, а собраться через неделю. Однако собрались раньше — 24 мая. Это было оформлено как заседание Совета обороны совместно с президиумом ЦК. К этому времени группа работников Генштаба под руководством генералов С.П. Иванова и А.И. Грибкова подготовила план военной операции по оказанию помощи Республике Куба под кодовым наименованием "Анадырь".

Прежде чем ознакомить членов президиума ЦК с подготовленным планом, Хрущев спросил: "Ну как, товарищи, думали?" Слово взял О. Куусинен. Он сказал: "Товарищ Хрущев, я думал. Если вы вносите такое предложение и считаете, что нужно принять такое решение, я вам верю и голосую вместе с вами. Давайте делать". Микоян

424

выразил сомнение, назвав это опасным шагом. Тем не менее решение было принято[21].

Но еще за два дня до этого в Москву был вызван А. Алексеев (резидент КГБ на Кубе). В беседе с ним Хрущев сказал: "Мы назначаем вас послом на Кубе. Ваше назначение связано с тем, что мы приняли решение разместить на Кубе ракеты с ядерными боеголовками. Только это может оградить Кубу от прямого американского вторжения. Как вы думаете, согласится ли Кастро На такой шаг?"[22]. Алексеев выразил сомнение, поскольку

советское военное присутствие на Кубе будет использовано американцами для полной изоляции острова. Это, полагал он, нанесет удар политике Кастро, основанной на укреплении солидарности Кубы с латиноамериканскими странами. (Кстати назначение Алексеева послом было вызвано тем, что у него были прекрасные отношения с Ф. Кастро, чем не мог похвастаться посол С. Кудрявцев.)

Поэтому на заседании Военного совета 24 мая Хрущев рассказал о назначении Алексеева и его сомнениях. В то же время он заявил, что "для спасения Кубинской революции требуется смелый шаг". Далее он сказал: "Поскольку в этом регионе мира соотношение сил не в нашу пользу (если бы только в этом регионе: общее соотношение в ядерных ракетах было 5000 : 300 в пользу США. — *А.О.)...* ракеты необходимо и размещать незаметно, с соблюдением предосторожности, чтобы поставить американцев перед свершившимся фактом". И добавил: "Ведь мы же вынуждены мириться с американскими ракетами, размещенными вблизи наших границ в Турции"[23].

Как свидетельствуют участники и документы событий, Ф. Кастро воспринял советские предложения положительно. "Это очень смелый шаг, — сказал он, — и чтобы сделать его, мне необходимо посоветоваться с моими ближайшими соратниками. Но если принятие такого решения необходимо социалистическому лагерю, я думаю, мы дадим свое согласие на размещение советских ракет на нашем острове. Пусть мы будем первыми жертвами в схватке с американским империализмом"[24].

425

В Москве же не думали доводить дело до ядерной войны. Хрущев считал, что американцы, разместившие свои ракеты в Европе, имеющие военную базу Гуантанамо, непосредственно на Кубе, должны смириться с тем, что на том же острове появятся и советские военные базы. Этот ответ на их ракеты в Италии, и особенно в Турции, они, по мнению Хрущева, должны были воспринять как ответный ход СССР с целью восстановить такое равновесие, которое существовало до развертывания "Тор" и "Юпитер" в Европе. Речь конечно же шла не об угрозе ракетного нападения на США, а о том, чтобы американцы поняли на собственном опыте, какие чувства испытывают народы СССР, находясь под угрозой удара американских ракет, расположенных вокруг Советского Союза.

Но Кремль не учитывал одного важного психологического фактора. США и НАТО приняли решение о размещении американских ракет средней дальности еще в 1957 году. Приняли открыто на сессии НАТО. Весь ход подготовки к их развертыванию не являлся секретом для мировой общественности. Было широкое движение протеста европейских народов, развертывание ракет освещалось в прессе. А Советский Союз делал это скрытно, тайно от мирового сообщества, что потом дорого обошлось Советскому Союзу в морально-психологическом аспекте, подорвало его престиж в мире.

А тем временем в конце мая на Кубу отправилась делегация в составе первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Ш.

Рашидова, главкома Ракетных войск стратегического назначения С. Бирюзова, секретаря Совета обороны С. Иванова. Делегация должна была тщательно изучить возможности предстоящей дислокации ракетных частей, выявить оптимальные условия для их скрытного размещения, обеспечить маскировку, продумать, как избежать утечки секретной информации. Это была задача прежде всего военных — Бирюзова и Иванова.

Однако Рашидов торопился в Москву, чтобы скорее доложить о согласии Ф. Кастро принять советское предложение. Времени для детальной рекогносцировки местнос-

426

ти, условий дислокации ракетных частей, их позиций Бирюзову и Иванову он не дал. Поэтому глубокого анализа и обоснованных предложений по размещению ракетных позиций и их маскировке не получилось. Впоследствии эта спешка дорого обошлась советским ракетным частям на Кубе. По приезде в Москву делегация доложила свои соображения: начинать операцию "Анадырь" можно.

Министр обороны Р. Малиновский принял решение создать на Кубе группу советских войск в составе ракетной дивизии (ракеты Р-12 и Р-14 и ядерные боеголовки к ним). Ракетную группировку должны были прикрывать с воздуха тактические бомбардировщики Ил-28, части истребителей-перехватчиков МИГ-21, зенитных ракет С-75, а с моря— ракеты береговой обороны "Комета", тактические ракетные комплексы "Луна" и быстроходные катера, вооруженные ракетами П-15[25].

В августе в Москву прибыл Че Гевара для окончательного согласования договора о поставке советских ракет на Кубу. Кастро предлагал немедленно опубликовать текст договора, считая, что это поднимет престиж Кубы как суверенного государства, заключившего договор с другим суверенным государством — СССР на основе международного права. Но в Москве это посчитали наивным. Хрущев сказал, что американцы найдут тысячи способов, чтобы не допустить доставку советских ракет на Кубу. Поэтому реален только необъявленный, тайный завоз советских ракет на "остров Свободы". Кубинцы согласились[26].

Одновременно вставал вопрос, как всю эту столь большую группировку скрытно доставить за несколько тысяч километров на Кубу. Пришлось кардинально изменить весь план перевозок советского Министерства морского флота, зафрахтовать массу иностранных судов, причем вести дело так, чтобы хозяева и их экипажи не знали о содержании и конечном пункте назначения груза на их борту.

О конечных целях перемещения частей на начальном этапе не сообщалось даже офицерам, занимавшим высокие должности. Корабли выходили из различных портов европейской части страны. Поскольку для обороны ракет-

427

ных позиций от нападения с воздуха требовались средства борьбы с воздушным противником, подразделения противовоздушной обороны отправлялись одними из первых.

Уходили из Николаева. Прибывший в порт маршал авиации Судец, в то время главком Войск ПВО страны, вручил в день отплытия 12 июля старшему начальнику, возглавлявшему подразделение ПВО на крупнотоннажном судне "Хабаровск", пакет, скрепленный подписями министра обороны и министра морского флота, с указанием: "Вскрыть после Гибралтара. Для всех ваш корабль — судно, перевозящее специалистов-аграрников".

Так началась переброска советских войск на Кубу. Перевозка личного состава и техники производилась морем на пассажирских и сухогрузных судах торгового флота из портов Балтийского, Черного и Баренцева морей (Кронштадт, Лиепая, Балтийск, Севастополь, Феодосия, Николаев, Поти, Мурманск). Суда приходили на разгрузку в 11 портов Кубы. Первым транспортом с техникой и людьми, прибывшим на остров 26 июля, был теплоход "Мария Ульянова". За ним 27—31 июля прибыли еще 9 судов. Транспорты с оружием и специалистами продолжали прибывать. Всего было запланировано 35 транспортов. С 9 сентября по 22 октября успело прибыть 24 судна. В сентябре на Кубе начала формироваться советская 51-я ракетная дивизия (командир — генерал-майор И. Стаценко). Выгрузка производилась только ночью, в условиях полного затемнения судов и портов. Все подступы к местам выгрузки охранялись советскими подразделениями, а с моря — сторожевыми катерами. Только ночью доставлялась и ракетная техника в районы постоянной дислокации. Личный состав, участвовавший в этих операциях, носил кубинскую военную форму[27].

К 22 октября на острове были развернуты подразделения ракетных войск, ВВС, ПВО, мотострелковые части. Возглавлял группировку советских войск на Кубе генерал армии И. А. Плиев. Всего на острове дислоцировалось 40 тысяч солдат и офицеров, а также бомбардировщики Ил-28, тактические ракеты "Луна", истребители-перехват-

чики, зенитные ракеты и другие средства ПВО. Главной ударной силой являлись 42 стратегические ракеты Р-12 с дальностью действия до 2000 км и 36 ядерных боеголовок к ним[28].

Эти ракеты, способные поражать объекты на территории США до рубежа Вашингтон, Даллас, и создавали для США стратегическую угрозу, равную той, что представляли для СССР американские ракеты средней дальности "Тор" и "Юпитер", развернутые в Европе. Появление советских ракет на Кубе создавало возможность начать переговоры о выводе американских ракет из Европы на взаимной основе. Но вначале необходимо было скрытно развернуть ракетные части.

Были проведены необходимые мероприятия по маскировке ракетных площадок и безопасности хранения ракет и боеголовок. Они содержались раздельно: ракеты — на укрытых площадках, боеголовки — в пещерах на расстоянии километра от ракетных позиций в специальных фургонах. Для присоединения головки к ракете требовалось 3 часа, а для приведения уже полностью

собранной ракеты в боевую готовность — 15 минут. Однако в боевую готовность стратегические ракеты не приводились ни разу за все время их пребывания на Кубе.

Естественно, что, несмотря на меры маскировки, скрыть переброску такого масштаба боевой техники и войсковых контингентов не удалось. Первый сигнал американцы получили от западногерманской разведки: данные о движении кораблей с оружием через балтийские проливы. Они на всю мощность задействовали космическую систему, спутники "Самос". Аэрофотосъемку кубинской территории начали вести высотные У-2.

К сожалению, тот факт, что, доставив на Кубу свои первые ракеты, советские официальные представители в соответствующих международных организациях не сделали об этом официального заявления, сыграл в развязывании кризиса немалую роль. Именно секретность этой акции вызвала особо решительное неприятие ее со стороны администрации Кеннеди. Как отметил на советско-аме-
429
риканском симпозиуме по карибскому кризису, проведенному в 1989 году в Москве, один из американских участников, "острота нашей реакции объяснялась, в частности, тем, что нас обманули, что это был заведомый и сознательный обман". Другой напомнил, что американские ракеты в Турции размещались открыто, о них знала американская и мировая общественность.

Именно секретность предпринятого Москвой шага сработала в Америке в пользу "ястребов" на оправдание и усиление образа врага, который готов на все ради поражения Соединенных Штатов, главного препятствия на пути к своей исторической цели — мировому коммунистическому господству. Именно советская секретность во многом обусловила ультимативность американской линии в преодолении кризиса. Наше молчание не было оправданным. Но, с другой стороны, оно было как бы ответом на действия США во время разведывательных операций У-2 в 1956—1960 годы. Тогда на все ноты протеста со стороны СССР в отношении шпионских полетов американцы либо заявляли, что они к этому непричастны, либо вообще игнорировали советские протесты! Нарушение норм международного права, конечно, ни в какой степени не оправдывает ни ту, ни другую сторону. Но тогда, в 1962 году этим воспользовались США. В американской прессе была развязана антисоветская и антикубинская кампания.

Однако ей предшествовала скрытая фаза. Дело в том, что с 27 августа высшему руководству США начали ежедневно поступать разведывательные сведения относительно событий, происходящих на Кубе. 2 сентября правительство США отдает приказ своим вооруженным силам открывать "ответный" огонь по кубинским кораблям и самолетам в нейтральных водах в "случае необходимости" и одновременно информирует Организацию американских государств о том, что "в ближайшее время в Карибском бассейне произойдут серьезные события, если Кастро не образумится"[29]. В те же дни госдепартамент выступает с

заявлением о том, что появление "организованных воо-
430
руженных сил на Кубе из любой страны советского блока или с русских военных баз" будет иметь серьезные последствия[30] .

13 сентября американский конгресс разрешает президенту мобилизовать 150 тысяч резервистов в регулярную армию на год в связи с его обращением от 7 сентября о необходимости этой меры для защиты Западного Берлина. Но, по сути, эта резолюция относится не столько к берлинскому кризису, сколько к событиям на Кубе. Во всяком случае, 26 сентября в другой резолюции конгресса указывается, что "США намерены... помешать созданию или использованию на Кубе военного потенциала извне, представляющего угрозу безопасности Соединенных Штатов; совместно с Организацией американских государств и свободолюбивыми кубинцами поддержать стремление кубинского народа к самоопределению"[31].

Принимаются меры и в военном плане. К 19 сентября завершена подготовка к ежегодным маневрам НАТО "Фо-лекс-62". Эти учения имеют целью отработку боевых действий в условиях обмена сторон массированными ядерными ударами. Под этим предлогом объединенное командование США в зоне Атлантического океана получает 1 октября указание сосредоточить к 20 октября силы и средства для реализации оперативного плана 312-62. 3 октября начинается усиленное воздушное патрулирование прибрежных вод США. Задача — обнаружение советских подводных лодок, а также — и это главное — развертывание оперативного соединения американских ВМС для осуществления морской блокады Кубы. Усиление военных мер США в Атлантике нарастает с каждым днем. 6 октября командующий военно-морскими силами США в зоне Атлантического океана получает приказ быть в готовности к выполнению оперативных планов 314-62 и 316-62[32]. В бассейне Карибского моря на октябрь планируются учения по отработке задач, связанных с морской десантной операцией.
Все это на фоне прошлогодней интервенции на Кубу и экономической блокады "острова Свободы" выглядит весьма зловеще.
431

Военные мероприятия Вашингтона и шумиха в прессе США не оставались без внимания в СССР. В Кремле видели, что американцы испытывают какую-то тревогу, но полагали, что те вряд ли разгадали замысел Москвы.

В начале сентября Хрущев в беседе с министром внутренних дел США заявил: "Но ведь вы направляете в Японию ракеты и ядерные боеголовки. Зачем это делается? Это же направлено против нас. Вы угрожаете Фиделю Кастро, и мы даем ему современную оборонную технику. Кубинцы не знают, как обращаться с этой техникой, и мы направляем к ним наших специалистов для обучения" [33]. 11 сентября 1962 года Советский Союз обратился к правительству США с призывом "проявить благоразумие, не терять самообладания и трезво оценить, к чему могут привести его действия, если оно развяжет войну"[34]. В

заявлении ТАСС в тот же день сообщалось: "Советское правительство считает своим долгом проявить в создавшейся обстановке бдительность и поручить министру обороны Советского Союза принять все меры к тому, чтобы наши Вооруженные Силы были приведены в наивысшую боевую готовность"[35].

Страны Варшавского Договора также предпринимают ряд действий, демонстрирующих военную готовность блока. В первой декаде октября на территории Польши и ГДР под руководством польского министра обороны проводится войсковое учение. На нем присутствует главнокомандующий вооруженными силами ОВД А. А. Гречко. Одновременно проводится учение советских, восточногерманских и чехословацких войск на территории Чехословакии. В мире уже ощущается дыхание большой войны.

2. У порога ядерной войны

Тем временем события развивающегося кризиса нарастают. 14 октября У-2, пилотируемый майором Ричардом Хейсером, фотографирует подозрительные объекты близ Гаваны. Проявленные на следующий день, снимки

показывают, что обширный район у Сан-Кристобаля закрыт маскировочными тентами, чего не было при фотографировании этого же района 29 августа. Кроме того, фотографии показывают и находящиеся без какой-либо маскировки заправщики ракет, трейлеры, под тентами угадываются конфигурации стартовых установок. Сомнений быть не может: на Кубе находятся баллистические ракеты класса "земля — земля".

16 октября все это было доложено президенту. Кеннеди был поражен. Предыдущие донесения спецслужб по этому вопросу давали повод к сомнениям, но советские представители заверяли и Госдепартамент США и ООН, что никакого наступательного ракетного оружия на Кубе нет. И вот теперь перед ним лежали неопровержимые доказательства: фотографии советских ракет.

В 11.45 того же дня Джон Кеннеди собрал ближайших советников и специалистов. Стали сопоставлять имевшиеся данные: трейлеры, расчищенная площадка, ведущие к ней разъезженные дороги — все подтверждало сведения разведчиков. Да, на Кубе советские ракеты, способные поражать объекты в США. Встал вопрос: что делать? С одной стороны, суверенное государство (СССР) ведет сооружения военной базы на территории другого суверенного государства. Вроде бы это их дело. Но какова должна быть реакция США? Все присутствующие сошлись на том, что жизненно важно остановить эту деятельность СССР и Кубы. Но как? Мнения разделились. Профессиональные военные — представители ОКНШ высказались за силовое решение: нанести удары с воздуха, а затем высадить на Кубу американский десант. Министр обороны Р. Макнамара предлагал в качестве первого шага установить морскую блокаду. Его поддержал брат президента, министр

юстиции Роберт Кеннеди.
Но морская блокада в условиях, когда на Кубу шли десятки советских судов, тоже рискованна. Какова будет реакция СССР на задержку и обыск (или досмотр) его судов? Возможны и контрдействия Советского Союза в Европе, в частности в германском вопросе. Окончатель-
433
ного решения тогда принято не было. Но с каждым днем появлялись новые доказательства.

На поступавших фотодокументах явственно просматривались контуры стартовых позиций — то ли 16-ти, то ли 32-х (если они спарены). Имевшиеся сведения, весьма неточные, дополнялись сообщениями американского агента в СССР Олега Пеньковского. Он информировал Вашингтон о том, что не менее 50 МБР, не считая ракет средней дальности на Кубе, находятся в боевой готовности на территории Советского Союза. (На самом деле в СССР было боеготовых 20 ракетных комплексов Р-16 и 6 ракет Р-7)[36].

В этой сложной и чреватой самыми серьезными последствиями обстановке президент Кеннеди решил пригласить на беседу советского посла А. Громыко. Аудиенция состоялась 18 октября. Вот как об этом вспоминал А. Громыко:

«В целом беседа в политическом отношении была напряженной. Мы, конечно, не стучали кулаками по столу. Необходимая корректность соблюдалась.

Большая часть времени оказалась отведенной для обсуждения других важных международных проблем. Кубинский вопрос в беседе я поставил по своей инициативе и изложил президенту позицию СССР, подчеркнув, что безудержная антикубинская кампания, которую ведет американская сторона, ее попытки блокировать торговлю Кубы с другими государствами, призывы к прямой агрессии против этой страны могут привести к тяжелым последствиям для всего человечества.

В свою очередь Кеннеди сказал:

— Нынешний режим на Кубе не подходит США, и было бы лучше, если бы там существовало другое правительство.

Заявление звучало остро. Я обратил внимание на то, что он вовсе не искал каких-то выражений, которые могли бы как-то сгладить то впечатление, которое произвела резкая формулировка в адрес новой Кубы.

Тогда я задал вопрос:

— А, собственно, на каком основании американское руководство считает, что кубинцы должны решать свои внут-
434
ренние дела не по собственному усмотрению, а по усмотрению Вашингтона?Куба принадлежит кубинскому народу, и ни США, ни какая-либо другая держава не имеют права вмешиваться в ее внутренние дела. Всякие заявления, которые мы слышим от президента и других официальных лиц, в том смысле, что Куба будто бы представляет угрозу для безопасности США, необоснованны. Достаточно лишь сравнить размеры и ресурсы этих двух стран — гиганта и малютки, как станет очевидной вся

беспочвенность обвинений по адресу Кубы.

Сославшись на позицию Кубы, которая не раз заявляла, что никому не намерена навязывать свои порядки и что она твердо стоит за невмешательство государств во внутренние дела друг друга, стремится путем переговоров урегулировать с правительством США все спорные вопросы, я отметил:

— Решение подавляющего большинства международных проблем является результатом переговоров между государствами.

Американскому президенту тем самым ясно давалось понять, что если у США есть какие-либо претензии к Кубе или Советскому Союзу, то их необходимо разрешить мирными средствами.

В то же время от имени советского руководства я заявил Кеннеди:

— В условиях, когда США предпринимают враждебные действия против Кубы, а заодно и против государств, которые поддерживают с ней добрые отношения, уважают ее независимость и оказывают ей в трудный для нее час помощь, Советский Союз не будет играть роль стороннего наблюдателя. СССР — великая держава, и он не будет просто зрителем, когда возникает угроза развязывания большой войны в связи ли с вопросом о Кубе или в связи с положением в каком-либо другом районе мира.

— У моей администрации, — утверждал в ответ Кеннеди, — нет планов нападения на Кубу, и Советский Союз может исходить из того, что никакой угрозы Кубе не существует.

435

Тогда я сослался на агрессивную акцию против Кубы на Плая-Хирон.

— Ведь это США ее организовали, — сказал я. — Это продукт их политики.

— Действия в районе Плая-Хирон были ошибкой, — признал президент. —Я сдерживаю те круги, которые являются сторонниками вторжения, и стремлюсь не допустить действий, которые привели бы к войне. Не отрицаю, — сказал он далее, — что кубинский вопрос стал действительно серьезным. Неизвестно, чем все это может кончиться.

Он стал пространно рассуждать о размещаемом на Кубе советском "наступательном оружии". Слово "ракеты" он не употреблял. Не могу объяснить, почему так поступил президент. Но тем самым он в какой-то мере облегчил мое положение. Мне тоже не представлялось необходимым говорить прямо о ракетах».

Во время этой беседы у Кеннеди в столе лежали фотографии стартовых площадок советских ракет. Но он не стал их показывать Министру иностранных дел СССР, хотя тот (не зная об этом факте) был готов к ответу. Далее президент сказал, что советское наступательное оружие, размещенное на Кубе, представляет собой угрозу для Соединенных Штатов. Он объявил послу, что США устанавливают морскую блокаду вокруг Кубы. Громыко возразил:

«Советский Союз настоятельно призывает правительство США и лично президента не допускать каких-либо шагов, несовместимых с интересами мира и разрядки, с принципами Устава ООН... Советская помощь Кубе направлена исключительно на укрепление ее обороноспособности и развитие мирной экономики. Обучение советскими специалистами кубинцев обращению с оружием, предназначенным для обороны, никак не может расцениваться в качестве угрозы для кого бы то ни было. СССР откликнулся на призыв Кубы о помощи потому, что этот призыв преследует цель устранить нависшую над ней опасность... Советский Союз доставил на Кубу небольшое количество ракет оборонительного характера. Никому и никогда они не будут угрожать» [37].

В конце беседы Кеннеди изложил позицию США;

«Во-первых, — сказал он, — США не имеют в виду и не будут предпринимать вооруженное вторжение на Кубу. Во-вторых, я официально заявляю, что акция на Плая-Хирон представляла собой ошибку. В-третьих, советское "наступательное оружие ", конечно, должно быть с Кубы удалено. С учетом всего этого соответствующие вопросы могут быть урегулированы»[38].

Хотя Кеннеди достаточно четко изложил позицию своего правительства, немедленной реакции из Москвы на его доводы не последовало. Хрущев все еще надеялся протянуть время, с тем чтобы советские ракеты на Кубе были приведены в боевую готовность, и тогда начать переговоры с Вашингтоном, выдвинув свои условия.

Советские дипломаты в США оказались в сложном положении. Большинство из них, включая недавно назначенного посла А. Ф.Добрынина, просто ничего не знали об операции "Анадырь". Тем временем в американских газетах появились снимки советских ракет на Кубе, но советские дипломаты были вынуждены отрицать, отвергать и даже опровергать подобного рода публикации, "доказывая" американцам, что это совсем не ракеты или совсем не на Кубе, что это фальсификация и провокация.

Отрицание завоза советских ракет на Кубу, когда секрет операции "Анадырь" был уже во многом раскрыт, означало потерю доверия к нашим представителям со стороны американцев, что, в свою очередь, наносило нашей стране немалый государственный ущерб.

На одном из заседаний Совета Безопасности сотрудники представителя США при ООН Эдлая Стивенсона принесли в зал и расставили щиты с разоблачительными фотографиями. Э. Стивенсон спрашивал советского представителя В. А. Зорина: "Г-н посол, скажите, есть ли на Кубе советские ракеты среднего и промежуточного радиуса действия, скажите, не дожидаясь перевода: да или нет?" Зорин отвечал: "Я не в американском суде, г-н Стивенсон".

В советских газетах в те дни писали: «В. А. Зорин разоблачил извлеченные из кучи всякого хлама сотрудника-

ми государственного департамента США утверждения о так называемом "установлении советских ракетных баз" на Кубе» [39].

17 и 19 октября американская воздушная разведка получила новые фотоснимки, которые показывали, что обустройство ракетных позиций на Кубе идет полным ходом. Как выяснилось впоследствии, действительно к 10 октября советская ракетная дивизия на острове имела уже 10 боеготовых ракет, а к 20 октября — 20[40].

Вот такая складывалась обстановка к тому времени, когда в понедельник, 22 октября, президент Кеннеди, выступив по радио, официально объявил об установлении морской блокады Кубы, или, как он предпочел уклончиво выразиться, "карантина". В Карибское море были стянуты крупные военно-морские силы США— 183 корабля. Командиры получили указание обыскивать суда, следовавшие с грузами на Кубу. Это было уже нарушением норм международного права.

Но морской блокадой дело не ограничилось. Сразу же после выступления президента Пентагон начал готовить десант для вторжения на Кубу. В его первом эшелоне предполагалось высадить на остров 17 тысяч американских солдат и офицеров, в том числе 14 тысяч из воздушно-десантных войск. Их должны были поддержать 750 боевых самолетов, в том числе 430 тактических истребителей и до 140 кораблей. В морской десантной операции (кодовое наименование "Мангуста") должны были принять участие 82-я и 101-я воздушно-десантные дивизии, 1-я и 2-я пехотные, 1-я бронетанковая дивизия и 2-я дивизия морской пехоты. В резерве находились 4-я, 5-я пехотные и 2-я бронетанковая дивизии. Эта группировка насчитывала 600 танков, 2000 артиллерийских орудий, 12 неуправляемых тактических ракет "Онест Джон"[41].

Сразу же после речи Кеннеди (а автор этой книги слушал его выступление, находясь в составе вызванного по тревоге боевого расчета на Центральном командном пункте войск ПВО страны) резко увеличилось количество постоянно дежуривших в воздухе стратегических бомбарди-

ровщиков В-52 с ядерными бомбами на борту. Если в обычное время их патрулирования по программе "Хромовый купол" не превышало 18—20 самолетов, то с объявлением президентом морской блокады группировка патрулирующих бомбардировщиков возросла до 80—100 самолетов.

Это уже само по себе было опасно, так как увеличивало возможность несанкционированного, случайного сброса ядерных бомб. Такие случаи, как уже говорилось, имели место в 50-х годах, а последний из известных к тому времени произошел за 5 лет до описываемых событий.

Это случилось 22 мая 1957 года неподалеку от города Альбукерк (штат Нью-Мексико). Завершавший перелет с базы Биггс (штат Техас) стратегический бомбардировщик В-36 готовился совершить посадку на авиабазе Киртленд. Один из членов экипажа, штурман, находился в бомбо-люке, где при помощи специального устройства пытался закрепить перед

посадкой находившуюся на борту водородную бомбу. Внезапно самолет тряхнуло, и штурман, потеряв равновесие, схватился за первый попавшийся под руку предмет. Им оказалась ручка механизма, используемого для бомбометания. Бомба мощностью свыше 10 мегатонн рухнула вниз. Только благодаря чистейшей случайности не произошел ядерный взрыв, и Альбукерк вместе с близлежащими населенными пунктами не постигла участь Хиросимы и Нагасаки[42].

Итак, морская блокада, подготовка к десантной операции на Кубу, усиление группировки стратегической авиации, находившейся в степени наивысшей боевой готовности, — все говорило за то, что кризис вступает в опасную стадию, чреватую мировой ядерной войной. Это был уже бег к армагеддону — концу света.

Президент Кеннеди не ограничился обращением к американскому народу об установлении "карантина на все виды наступательного оружия, перевозимого на Кубу". В личном письме Хрущеву он напоминал, что, как и в берлинском вопросе, он в свое время прямо заявлял, что если события вокруг Кубы примут определенную направленность, то США сделают все необходимое для защиты

439

своей безопасности и своих сотрудников. Тем не менее быстрое развертывание ракет средней дальности на Кубе и другого наступательного оружия произошло. "Я должен Вам заявить, — писал президент, — что США полны решимости устранить угрозу безопасности нашему полушарию". Кеннеди сообщал, что принимаемые им меры составляют лишь "необходимый минимум", и выразил надежду, что советское правительство воздержится от любых акций, могущих лишь углубить этот опасный кризис[43].

В Кремле не ожидали такой жесткости. Возведение стены в Берлине и инцидент с попыткой прорыва в Восточный Берлин американских частей в октябре 1961 года, казалось, не давали повода рассчитывать на столь резкую реакцию Вашингтона. Начались импровизации Хрущева о том, что считать "наступательным оружием", которые в нарастающей кризисной ситуации не выглядели достаточно убедительными и сильно подорвали престиж СССР и лично Хрущева в глазах мировой общественности.

К тому же в это время произошел еще один эпизод, который, хотя и случайно, мог оказать существенное влияние на ход событий. 22 октября в Москве был арестован полковник Советской Армии Олег Пеньковский. Официально он работал в Комитете по делам науки и техники, но в то же время был сотрудником Главного разведывательного управления Генерального штаба. Он имел доступ к важнейшим военным и государственным секретам СССР, был в доверительных отношениях с несколькими высокопоставленными военачальниками. К началу кубинского кризиса Пеньковский уже чувствовал, что попал в поле зрения советской контрразведки и кольцо неумолимо сжималось. Он ничего не

знал об операции "Анадырь", но от ЦРУ имел на случай чрезвычайных обстоятельств два сигнала: один — в случае угрозы ареста, другой — о подготовке внезапного удара советских ядерных ракет по США. И вот в день ареста, в последнюю минуту он посылает условленный сигнал в ЦРУ, но не о неминуемом аресте, а о подготовленном превентивном ядерном ударе советских межконтинентальных ракет по США.
440

К счастью, сотрудники ЦРУ, работавшие несколько лет с Пеньковским, в тот день, 22 октября, сочли это предупреждение ошибочным и доложили директору Маккоуну лишь о факте ареста ценного агента, но умолчали о характере его сигнала. И правильно сделали, так как в той крайне напряженной обстановке, когда стратегические силы США были приведены в наивысшую готовность, сигнал о начале войны Советским Союзом мог привести к непредсказуемым последствиям.

24 октября Хрущеву было, вручено новое послание Кеннеди. Президент выражал надежду, что советские суда будут соблюдать условия "карантина". Ответ поступил в Вашингтон в тот же день и был весьма угрожающим. Хрущев расценивал американскую акцию "как акт агрессии, толкающий человечество на грань пропасти мировой ракетно-ядерной войны", и сообщал, что советское правительство не может дать указание капитанам своих судов подчиняться приказам американских ВМС, блокирующих остров Кубы. "Мы не будем только наблюдать за пиратскими действиями американских судов в море, — подчеркивал советский лидер, — мы будем вынуждены со своей стороны принять необходимые меры для защиты наших прав. Для этого у нее есть все необходимое"[44].
Такой обмен посланиями не предвещал ничего хорошего, а тем временем советские суда приближались к линии "карантина", где дежурили американские корабли. Какой будет встреча? Этот вопрос волновал и Вашингтон и Москву. Президент Кеннеди попросил министра обороны передать адмиралу Андерсену, командующему силами "карантина", его приказ: "огонь открывать только с санкции президента". Макнамара связался с адмиралом. Выяснилось, что тот собирается действовать в соответствии с военно-морским уставом: предупредительный выстрел впереди по курсу, а в случае неподчинения вести огонь на поражение. Министр пришел в ужас: ведь так можно было начать третью мировую войну! Он в жесткой форме передал адмиралу приказ президента: огонь только после получения подтверждения Белого дома.
441

24 октября напряжение нарастало. Два советских судна — "Комилес" и "Гагарин" подходили к позициям американских боевых кораблей. Америка наблюдала эту сцену по телевизору. Мы в Москве на Центральном командном пункте войск ПВО страны также видели на планшете, как происходит сближение. Отсчет шел на единицы километров: пять, четыре, три. Нервы всех наблюдавших эту картину по обе стороны океана были на пределе.

Но в это время (это было видно на планшете) советские суда остановились, а затем, развернувшись, легли на обратный курс. А произошло вот что. Когда осталось несколько километров до точки встречи, капитаны "Гагарина" и "Комилеса" получили шифрограмму из Москвы. Она предписывала не пересекать линию "карантина", а отойти на безопасное расстояние, лечь в дрейф и ожидать дальнейших распоряжений.

В Белом доме вздохнули с облегчением. "Не будет ни задержания, ни досмотра", — произнес Кеннеди. Повернули назад и следующие 14 советских сухогрузов. Но танкеры продолжали путь. Первым к злополучной линии подошел танкер "Бухарест". Произошел ритуал опознания, но танкер был пропущен, правда, в сопровождении эсминца. За ним таким же порядком прошли и следующие танкеры. Но в последующие дни советские суда не подходили к линии "карантина" во избежание инцидентов[45].

Казалось, вопрос с "карантином" разрешился без эксцессов, но напряжение не спадало. Теперь с морского пространства оно перенеслось в воздушное. В американской прессе появились сообщения о возможности массированных воздушных ударов по строящимся ракетным площадкам на Кубе. Советское посольство в Вашингтоне докладывало в Москву, что весьма вероятны бомбардировки советских военных объектов на острове. Не исключается и высадка десанта. В очередном письме американского президента Хрущеву, датированном 25 октября, Кеннеди упрекал советского премьера в том, что оружие, прибывшее из СССР на Кубу, которое русские называют оборонительным, на самом деле является "наступательным" — ракета-

442

ми. Он призывал Москву вернуться к "прежней ситуации", т.е. убрать с Кубы советские ракеты. В американской прессе продолжалось нагнетание тревожной ситуации, все чаще раздавались голоса, призывающие нанести воздушные удары по ракетным позициям на Кубе.

Встревоженный угрожающим развитием событий, Ф. Кастро предлагал Хрущеву выступить с заявлением о том, что СССР применит ядерное оружие, если США не откажутся от бомбардировки Кубы. Нарастание угрожающей обстановки воспринималось в Москве с возрастающей тревогой. Хрущев направил 26 октября письмо Кеннеди. Он отрицал "наступательный" характер направленного на Кубу оружия, утверждал, что это оружие послано Ф. Кастро по его просьбе для обороны острова. "Нападать на США, — писал он, — советское руководство не собирается. Война между СССР и США была бы самоубийством. Давайте нормализовывать отношения". Он предложил компромисс: советская сторона объявляет, что суда, идущие на Кубу, не будут осуществлять каких-либо военных поставок; американская сторона принимает обязательство в том, что США не будут осуществлять интервенцию на Кубу и не будут поддерживать силы, которые имеют такое намерение[46]. Начались по обычным дипломатическим каналам переговоры, но

привлекались и сотрудники спецслужб, а также лица, "близкие к высшему руководству США и СССР. Был обмен посланиями между Белым домом и Кремлем. Все это происходило в крайне накаленной обстановке. Некоторые инциденты в то время, казалось, вызовут войну неизбежно. Дело в том, что над Кубой ежедневно совершали разведывательные полеты самолеты американских ВВС. Советские зенитные ракетные части, которые обладали высокими боевыми возможностями по поражению воздушных целей, имели приказ не открывать огня по американцам.

Последние, узнав об этом, решили использовать ситуацию. Еще со времени инцидента с Пауэрсом американских военных очень интересовала советская зенитная ракета С-75. Было известно из данных воздушной разведки, что

443

ракеты этого типа завезены на Кубу. Попытки захватить С-75 путем операции специальных частей успеха не имели. Тогда решили провести воздушную операцию. Один из грузовых вертолетов был оборудован специальным приспособлением, с помощью которого можно было на лету зацепить лежащую на земле ракету и доставить ее по воздуху на базу Гуантанамо. Тренировались во Флориде на металлических трубах. Но советские зенитчики узнали о планах американцев и предусмотрительно связали свои ракеты веревками. Поднять их вертолету оказалось не по силам[47].

Кульминация кризиса наступила 27 октября. В этот день произошло несколько знаменательных событий как на дипломатическом, так и на военном фронте. К этому времени в Москве накапливалось все больше данных о возможном американском вторжении на Кубу. Ф. Кастро писал о готовности кубинского народа сражаться с интервентами под лозунгом: "Родина или смерть". Он отдал приказ кубинским войскам сбивать американские самолеты, нарушившие воздушное пространство Кубы. Такое развитие событий беспокоило Кремль. В планы Хрущева никак не входило ввязываться в войну с американцами. Поэтому нужно было спешить уладить конфликт политическими мерами. Опасаясь худшего, Хрущев, не дожидаясь ответа Кеннеди на свое письмо от 26 октября, в субботу, 27-го, открытым текстом по радио передал президенту США новое послание. Это, конечно, было небывалым нарушением дипломатических правил в отношениях между главами государств, но важнее всего был выигрыш во времени: надо было упредить американцев, удержать их от вторжения на Кубу.

Хрущев извещал американского президента о готовности СССР убрать "те средства с Кубы, которые Вы считаете наступательными" (т.е. ракеты Р-12), но требовал от США публично объявленного обязательства воздерживаться от нападения на Кубу и "вывести аналогичные американские средства из Турции". Так впервые в открытых СМИ прозвучало предложение убрать американские ракеты из Турции в обмен на вывоз советских ракет с Кубы.

Президент США, и без того с трудом сдерживавший давление "ястребов", требующих бомбардировок советских ракетных объектов и вторжения на остров, крайне не хотел публично связывать карибский кризис с выводом американских ракет из Турции (хотя внутренне он был готов к этому, так как появление подводных атомных ракетоносцев с ракетами "Поларис" уже делали ненужными устаревшие и дорогостоящие ракеты типа "Тор" и "Юпитер"). В связи с этим в ответном тоже публичном послании он умолчал о ракетах в Турции, но предложил разрешить кризис на следующих условиях: СССР убирает с Кубы ракеты и другое "наступательное" оружие, а США отменяют "карантин" и дают заверения в том, что Куба не подвергнется нападению ни со стороны США, ни со стороны других стран Западного полушария[48].

Но как же быть с советским предложением о ракетах в Турции? В ход вступила тайная дипломатия. Вечером 27 октября брат президента министр юстиции Роберт Кеннеди пригласил к себе советского посла на конфиденциальную беседу. Он сообщил, что президенту с большим трудом удается удерживать военных, настаивающих на проведении операций по бомбардировкам и вторжению на Кубу. Он повторил предложение президента Хрущеву, но также обошел молчанием проблему вывода ракет из Турции. На вопрос Добрынина об этом Р. Кеннеди сказал, что здесь нет непреодолимых препятствий, но президент не может говорить об этом публично, поскольку размещение американских ракет в Европе, в том числе в Турции, было оформлено как решение НАТО. Президент готов негласно договориться о свертывании ракетных баз в Турции через 4—5 месяцев. Р. Кеннеди предупредил посла, что разговор этот конфиденциальный и о нем знают всего несколько человек. Президент, по словам его брата, просил срочно передать это Хрущеву и попросить того как можно быстрее дать ответ, желательно в течение суток[49].

В день, когда шли эти непростые конфиденциальные переговоры, случились события, которые еще больше обострили обстановку. Как уже говорилось, Ф. Кастро, глав-

нокомандующий кубинскими вооруженными силами, приказал своим войскам ПВО с 27 октября открывать огонь по самолетам США, нарушающим воздушное пространство Кубы, и объявил об этом в официальном правительственном заявлении. Однако средства ПВО Кубы не могли сбивать, высотные цели, и потому самолеты У-2, действовавшие на высоте двадцати и более километров, были недосягаемы для кубинских зенитчиков. Экипажи У-2 узнали об этом и продолжали разведывательные полеты над Кубой.

27 октября, когда кризис достиг апогея, высотные разведчики У-2 вновь оказались в центре внимания. В Москве было известно, что Пентагон требует от президента принять решительные меры. Войска, ВВС и силы флота уже были в полной готовности к вторжению на Кубу. В Вашингтоне обстановка также была

накалена до предела, о чем свидетельствовала тайная беседа между А. Добрыниным и Р. Кеннеди.

И вот в такой обстановке министр обороны США Роберт Макнамара получает донесение: в 11.20 (время вашингтонское) самолет У-2, управляемый майором Ч. Маултби, нарушил границу СССР и находится над Чукоткой. Когда министр узнал об этом, вспоминал присутствовавший в комнате генерал ВВС Д. Бэргинал, он «стал совершенно белым и закричал: "Это означает войну с Советским Союзом! Президент должен немедленно связаться с Москвой". И в крайнем возбуждении покинул кабинет». Президент отнесся к этому более спокойно. Он лишь сказал ставшую потом знаменитой фразу: "Всегда найдется сукин сын, способный испортить все дело"[50].

А произошло вот что. Чарльз Маултби вылетел на У-2 с авиабазы Айельсон (Аляска) в район Северного полюса. Его задачей было взять пробы воздуха, чтобы определить, проводились ли в последнее время ядерные испытания на Новой Земле. В ходе полета из-за неисправности навигационного оборудования самолет отклонился от курса и оказался над Чукоткой. Он был обнаружен советскими РЛС. Навстречу ему взлетели два истребителя. Но он уже понял ошибку и обратился за помощью на свой аэродром. Ему

на помощь вылетели два перехватчика F-102. Поскольку это были дежурные истребители, они имели ракеты "воздух — воздух", снабженные ядерными зарядами. Их задача была вывести Маултби на свой аэродром.

Таким образом, в воздушном пространстве СССР было уже три американских самолета, а навстречу им шли два советских истребителя. И это в пик карибского кризиса. К тому же Маултби находился в воздухе уже 10 часов, и у него кончалось топливо. Совершить посадку на советский аэродром он не имел права, так как самолет был буквально набит секретной аппаратурой различного назначения. Значит, в случае встречи предстоял бой и, возможно, с применением ядерного оружия. К счастью, наведение не состоялось. Советские истребители вернулись на свою базу. У-2 и F-102 ушли на Аляску. В Москве этот эпизод расценили реалистично: скорее всего У-2 заблудился.

Но на этом испытания того дня не кончились. Буквально через 2 часа над Кубой советской зенитной ракетой был сбит У-2 Рудольфа Андерсона, который проводил фотографирование ракетных позиций. Летчик погиб. Вот как описывает этот эпизод генерал-лейтенант Л. Гарбуз, заместитель по боевой подготовке И.А. Плиева: "Принимал решение на уничтожение самолета-разведчика генерал-лейтенант Гречко, заместитель командующего группой войск по ПВО". Оба генерала были на КП группы войск, они должны были руководствоваться приказом Плиева: "огонь открывать только в случае явного нападения". Но как это понимать? В течение 30 минут, пока У-2 летел над Кубой, их, как и подчиненных им командиров, терзали сомнения: считать этот полет "явным нападением" или нет. Несколько раз

звонили Плиеву, но тот был где-то в войсках. Тем временем Р. Андерсон, выполнив задачу, уходил из воздушного пространства острова. Что делать? Гарбуз, получив сведения, что все позиции ракетчиков "засвечены", а самолет уходит, начал настаивать: "Надо действовать, Степан Наумович". Сбить самолет в той напряженной ситуации — значит взять ответственность на себя. Гречко еще и еще раз звонит коман-
447
дующему, но трубка молчит. И тогда был отдан приказ: сбить. Дивизион майора И. Герченова справился с задачей. Если говорить официальным языком, то решение на пресечение полета определялось "оперативно-стратегической необходимостью не допустить получения руководством США сводных разведданных о ракетной группировке". Это, конечно, было весьма рискованное решение, но в обстановке того дня оно было объяснимо. Почему советские генералы решились на это? Потому что пункт приказа о том, что комплексам С-75 "Десна" "огонь открывать только в случае явного нападения" был сформулирован достаточно расплывчато. Отсюда и колебания в принятии решения. Вот как дополняет рассказ генерала Гарбуза майор Николай Серовой, возглавлявший в тот день сокращенный боевой расчет на КП 27-й дивизии ПВО: "Вечером по телефону со мной связался командир дивизии полковник Георгий Воронков. Он передал мне следующее: "Николай Федорович (на Кубе советские военнослужащие носили гражданскую одежду и обращались друг к другу по имени и отчеству. — *А.О.),* получена шифровка — завтра с рассветом война. США официально предупредили наше правительство о своем решении нанести удар по Кубе. Приводи части дивизии в боевую готовность, но скрытно. Я выезжаю на командный пункт (КП)". Через несколько минут офицеры направлений доложили о готовности частей к ведению боевых действий — включены были все средства ПВО. Вскоре на КП прибыл полковник Воронков с офицерами полного боевого расчета". По версии Н. Серового, именно Воронков, а не Гречко отдал приказ сбить У-2.

Генерал армии Плиев воспринял доклад об уничтожении самолета-разведчика в общем спокойно. Он только отдал приказ ускорить сбор данных и подготовить шифрограмму министру обороны. На основе ее Малиновский 28 октября в 10.45 отправит официальный доклад Хрущеву. Вот его текст:

«Сов. секретно. Товарищу Хрущеву Н.С. Докладываю. 27.10.1962 года самолет У-2 на высоте 16.000 м в 17 часов московского времени вторгся на территорию Кубы с целью
448
фотографирования боевых порядков войск и в течение 1 часа 21 минуты прошел по маршруту Ягуахай, Сьего-Деавила, Камагуэй, Мансанильо, Сан-Луис, Гуантанамо, Престон.

В целях недопущения попадания фотодокументов в США в 18.20 московского времени этот самолет был сбит двумя зенитными ракетами 507-го зенрап на высоте 21.000м. Самолет упал в районе Антилья. Организованы поиски.

В этот день было 8 нарушений самолетами США воздушного

пространства Кубы. Р. Малиновский. 28 октября 1962 года 10.45м».[51]

Вскоре из Москвы в группу войск на Кубе пришла телеграмма: "Вы поторопились. Наметились пути урегулирования".

Риск был и в самом деле огромным. Когда У-2 был сбит, руководство Пентагона предложило президенту Дж. Кеннеди немедленно нанести удар по Кубе, но он не дал согласия. Степень риска понимали и в Советском Союзе. Потому Москва и упрекнула зенитчиков: ведь этот инцидент произошел в тот момент, когда перед Советским Союзом со всей остротой встал вопрос, как предотвратить развязывание глобального ракетно-ядерного конфликта, найти оптимальные пути скорейшего урегулирования кризиса.

Ожидали ответа на письмо Хрущева президенту Кеннеди. И вдруг две такие новости. Что это значит? Полет над Чукоткой теперь выглядел как последний разведполет перед нападением, а сбитый У-2 над Кубой мог только укрепить американцев в уверенности, что СССР тоже готов начать ядерную войну. И в Белом доме и в Кремле настроения были близки к панике. Хрущев, узнав о гибели Андерсона, обрушился на министра обороны Р. Малиновского: "В чьей армии служит генерал — советской или кубинской?"[52] Он запретил открывать огонь по американским разведчикам, а также приказал никого не подпускать к нашим ракетам на Кубе.

Напряжение достигло предела. Но голос разума все же победил. С советской стороны были проявлены должное самообладание, выдержка и чувство ответственности, готовность к взаимоприемлемым компромиссам и раз-

449

вязкам в высших интересах сохранения мира на Земле. Это было отмечено и с американской стороны. О советской сдержанности и стремлении не допустить неуправляемой эскалации конфликта говорили также ежедневные доклады шефа ЦРУ Дж. Маккоуна высшему руководству США. Так, в документах ЦРУ за 24, 25 и 27 октября в самый пик кризиса отмечалось, что меры, предпринимаемые СССР к повышению боеготовности своих Вооруженных Сил, не носят вызывающего и провокационного характера.

В то же время в Вашингтоне достаточно трезво оценивали военную мощь Советского Союза, потенциал ответного ракетного удара и по мере углубления кризиса все больше считались с его крайне опасными последствиями для самих Соединенных Штатов. Президент Кеннеди в ходе одного из совещаний говорил: "Я думаю, что риск для нас увеличивается. Да, я так думаю. Какая тут разница? Во всяком случае, у них (у Советского Союза. — *А.О.)* имеется вполне достаточно средств для того, чтобы мы взлетели на воздух. Считаю, что это всего лишь вопрос... В конце концов, это столь же политическая борьба, сколь и военная"[53]. Это был шаг к реализму, к пониманию объективной действительности.

Для американского руководства был совершенно ясен

пугающий тупик силовой политики. Перспектива термоядерной войны заставила содрогнуться многих деятелей вашингтонской администрации. Несмотря на то что американцы имели значительное превосходство в ракетах, они не могли использовать свою ядерную мощь для достижения своих целей без риска получить в ответ встречный ракетно-ядерный удар. О возможной силе такого удара свидетельствовали испытания советской "супербомбы" на Новой Земле в 1961 году.

В те тревожные дни, когда казалось, что вот-вот грянет война, у обеих сторон хватило и мудрости и мужества пойти на взаимные уступки. 28 октября советское правительство известило Вашингтон о том, что оно готово демонтировать советские ракеты на Кубе и эвакуировать их в обмен на отмену правительством США планов вторжения на Кубу[54]. В отношении советского обязательного ус-

ловия убрать американские ракеты "Юпитер" из Турции действовала достигнутая между Р. Кеннеди и А. Добрыниным договоренность о том, что в открытых официальных заявлениях и публикациях это не будет отражено. Хрущев согласился с этим, хотя в конфиденциальном послании президенту особо подчеркнул, что договоренность между США и СССР по Кубе достигнута с учетом согласия Джона Кеннеди на решение вопроса об американских ракетных базах в Турции[55].

То, что Хрущев не потребовал от президента Кеннеди, чтобы тот дал не конфиденциальное, а публичное обязательство о выводе ракет "Юпитер", было грубой политической ошибкой советского лидера. Средства массовой информации Запада провозгласили США победителем в опаснейшем кризисе. Поскольку о секретном соглашении относительно американских ракет в Турции никто не знал, а советские ракеты с Кубы начали вывозиться и об этом знал весь мир, то это выглядело как унижение Советского Союза и лично Хрущева.

Командующий группой советских войск на Кубе получил в те дни приказ из Москвы об отмене боевой готовности и свертывании ракетных частей. 30 октября генеральный секретарь ООН У. Тан встретился на Кубе с командиром ракетной дивизии генерал-майором И. Д.Стаценко. Тот информировал У. Тана о ходе демонтажа ракет и сроках их вывоза в Советский Союз.

Дальнейшие переговоры между советскими и американскими руководителями, а также переговоры в рамках ООН дали возможность выйти из смертельно опасного тупика. 20 ноября правительство США отменило свой "карантин". Соединенные Штаты объявили как обязательство, что Куба не подвергнется нападению или вторжению, причем не только со стороны США, но и со стороны других государств Западного полушария. Советские ракеты были вывезены с Кубы.

Однако последовавшие за всем этим длительные переговоры не привели к подписанию какого-либо официального совместного документа. Американская сторона отказа-

лась документально закрепить свое обязательство не нападать на Кубу, взятое в ходе переговоров в октябре 1962 года, хотя в последующие годы не нарушало его. США добились того, чтобы к категории "наступательного" оружия, подлежащего эвакуации с Кубы, были отнесены не только ракеты Р-12, но и бомбардировщики Ил-28. Вывоз советских ракет и бомбардировщиков проходил под визуальным контролем американской авиации, совершавшей облет судов, следующих с Кубы. Кризис формально завершился 7 января 1963 года, когда представители СССР и США, участвовавшие в переговорах, обратились с совместным письмом к Генеральному секретарю ООН. В нем говорилось, что, хотя обоим правительствам не удалось решить все проблемы, обе стороны считают достигнутую степень согласия между ними достаточной, чтобы исключить из повестки дня Совета безопасности ООН вопрос о карибском кризисе[56].

В отношении американских ракетных баз в Турции Белый дом сдержал данное им обещание. Уже 29 октября 1962 года Макнамара отдал распоряжение о ликвидации установок ракет "Юпитер" до 1 апреля 1963 года. Позднее в том же году все американские ракеты средней дальности были вывезены из Европы.

Карибский кризис был порождением "холодной войны" и растущего противостояния двух сверхдержав за влияние в мире. В этом глобальном противоборстве любой локальный или региональный конфликт мог привести к всеобщей войне. А в реалиях тех лет это могло привести к третьей мировой войне с применением ядерных вооружений как решающего оружия победы. И именно карибский кризис показал, что ракетно-ядерная война не принесет победы ни одной из сторон: в ней не может быть победителя.

Через много лет, в 1989 году в Москве состоялся трехсторонний симпозиум (СССР, США, Республика Куба) по карибскому кризису. Вот как вспоминал дни кризиса участвовавший в работе симпозиума Р. Макнамара, с 1988 г. один из директоров Международного фонда за выживание и развитие человечества:

452

«Вечером 27 октября я выходил из Белого дома от президента. Был яркий осенний вечер. И я подумал: "Возможно, я никогда уже не увижу такого прекрасного субботнего вечера ". Должен сказать вам, что это ощущение отражало уровень кризиса, уровень напряжения в то время.

...Здесь, в Москве, мы узнали от кубинских представителей, что именно в субботу 27 октября вечером они были убеждены, что через два-три дня, либо в понедельник 29-го, либо во вторник 30 октября, будет совершено американское воздушное нападение на Кубу и начнется наземное вторжение на территорию их страны. Они также сказали, что были полны решимости сражаться до последнего солдата или до последней пули и что советские военнослужащие, находившиеся там, — сорок тысяч человек — тоже были готовы биться до последнего. По их оценкам, потери Кубы в живой силе составили бы 100 тысяч

человек.

Но задумайтесь на минутку, даже если они правы в оценке возможных потерь, что само по себе было бы ужасно, задумайтесь над тем, закончилось бы все на этом? Конечно, нет! Конечно, Советский Союз ответил бы военными шагами где-то в мире и, конечно, Соединенные Штаты ответили бы военными мерами на советский военный ответ. И кто знает, до какой ступени продолжалась бы эскалация?

Я считаю, что именно в этом заключается опасность подобных ситуаций. В этом один из уроков карибского кризиса. В ядерную эпоху кризисное урегулирование стало опасным, трудным и непредсказуемым»[57].

В то же время карибский кризис не только показал полную неприемлемость всеобщей ядерной войны, но и сыграл большую роль в дальнейшем развитии советско-американских отношений. Он убедительно высветил опасность прямого военного столкновения двух великих держав, которая была предотвращена — на грани войны — осознанием обеими сторонами катастрофических последствий такого столкновения. Именно в силу этого главный упор был сделан на политическое решение конфликта, чему (как подчеркивал в своих воспоминаниях А.Ф. Доб-

453

рынин) в немалой степени помог прямой, сугубо конфиденциальный контакт между Хрущевым и Джоном Кеннеди через их доверенных лиц. Только после беседы Роберта Кеннеди и Анатолия Добрынина стало ясно, что войны можно избежать.

Ракетный кризис, как его именуют в США, способствовал пониманию руководителями США и СССР необходимости, во-первых, постоянного прямого канала связи между ними, так называемой "горячей линии", во-вторых, подписания ряда соглашений, направленных на ослабление международной напряженности. После октября 1962 года уже не возникало опасных ситуаций, подобных берлинскому (1961 г.) или Карибскому кризису, когда обе сверхдержавы были бы вовлечены в прямую конфронтацию.

Но были и негативные последствия. Советские правящие круги, особенно военные, крайне болезненно восприняли эвакуацию советских ракет с Кубы под американским контролем. Это расценивалось как унижение национального достоинства советской державы. Военно-промышленный комплекс и силовые ведомства СССР начали добиваться принятия новой программы наращивания ракетно-ядерных вооружений, стремясь уравнять их с Соединенными Штатами.

Карибский кризис ознаменовал собой апогей вооруженного противостояния СССР и США, Варшавского Договора и НАТО. Стало ясно, что надежды любой из противоборствующих сторон на победу в глобальной ядерной войне иллюзорны, что она грозит гибелью и победителю, вслед за побежденным. Но раскрученные маховики военно-промышленных комплексов обеих сторон, стремление Вашингтона и Москвы иметь возможность осуществлять силовое давление на политического

противника привели к тому, что гонка вооружений не прекратилась, а продолжилась в нарастающем темпе. США ежегодно вводили в строй новые атомные подводные лодки-ракетоносцы, твердотопливные МБР "Минитмен", поддерживали в боевой готовности тяжелые жидкостные ракеты первого поколения "Титан-2", стратегические бомбардировщики

454

В-52. Советский Союз, еще в 1959 году создавший новый вид вооруженных сил — Ракетные войска стратегического назначения (РВСН), спускавший на воду первые подводные ракетоносцы, стремился не отстать от США. Развернулся новый этап гонки вооружений. Его отличительной от 50-х годов чертой было то, что хотя и продолжалось количественное накопление стратегического оружия, но теперь цель была другая — не выиграть этим оружием войну, а запугать противника превосходством в силах, заставить его поверить в то, что он слабее, и тем лишить его соблазна нанести первым ядерный удар по противостоящей стороне.

Так ракетно-ядерные вооружения становились уже не "оружием победы", а средством сдерживания противника. Таким образом, в 60-х годах борьба за равновесие в силах, недопущение превосходства в них противостоящего стала приоритетной целью. Развернулась борьба за стратегический паритет.

3. От устрашения — к сдерживанию

Когда стало ясно, что карибский кризис может завершиться компромиссом сторон, всемирно известный ученый, великий британец Бертран Рассел писал Хрущеву 28 октября 1962 года: "Я хочу выразить Вам свою искреннюю признательность за ту величайшую осторожность, которую Вы продемонстрировали в условиях тяжелого кризиса"[58]. Это письмо Рассела отражало общее настроение, царившее тогда в мире. Действительно, карибский кризис был расценен мировой общественностью как крайне опасный прецедент: возникновение даже, казалось бы, локального конфликта между ядерными державами при нагнетании обстановки и угрозах применить новейшие вооружения чуть не закончилось глобальной ядерной войной. Он показал, что на международной арене складывается новое соотношение сил, что процесс этот принял необратимый характер, что стратегические

455

ракеты стали уже не военным, а политическим оружием особого рода. После 1962 года США и Советский Союз перестали прибегать к взаимным угрозам применить ядерное оружие, стали избегать создания конфликтных ситуаций в отношениях между собой. Руководству обеих сверхдержав стало ясно, что обстановка в мире настоятельно требует реальных мер по снижению опасности всеобщей ядерной войны. Была установлена прямая бесперебойная связь между главами правительств СССР и США на случай создания кризисных ситуаций. Мировое сообщество с удовлетворением встретило Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, Космосе и под водой, заключенный в 1963 году между США,

СССР и Англией. Появились и другие признаки взаимопонимания Востока и Запада, снижения напряженности их отношений.

В те дни казалось, что горячее дыхание близкой ядерной войны, которой едва удалось избежать, отрезвляюще подействует на политиков и стратегов, откроет дорогу к прекращению дальнейшей гонки вооружений. Но этого не произошло. Милитаристское мышление не было изжито и продолжало доминировать в политике. Оно выступило на первый план в Юго-Восточной Азии. Соединенные Штаты начали войну во Вьетнаме, спровоцировав так называемый "тонкинский инцидент" в августе 1964 года. Война, где США и СССР оказывали помощь противоборствующим сторонам, а войска США непосредственно участвовали в боевых действиях, во многом заблокировала возможности диалога между ними и нами. В США рассматривали вьетнамскую войну как форму подрывной деятельности мирового коммунизма против стран Запада. Не проявило готовности к пересмотру своего политического миропонимания и советское руководство.

Советское руководство отрицательно отнеслось к вмешательству США в гражданскую войну во Вьетнаме, которая велась между прокоммунистической Демократической Республикой Вьетнам (ДРВ) и проамериканской Республикой Вьетнам (РВ) с 1960 года. Участие американ-

ских войск на стороне РВ было грубым нарушением международного права. Эта война длилась 15 лет. Она закончилась победой коммунистических сил в 1975 году и провозглашением 2 июля 1976 года Социалистической Республики Вьетнам. Американские сухопутные войска, авиация и военно-морской флот участвовали в этой войне до января 1973 года.

Война во Вьетнаме вошла в историю как "грязная война", она породила так называемый "вьетнамский синдром" в американском обществе, который выражался в росте антивоенных настроений. Это вызывало растущую озабоченность правительства США. Стремление Вашингтона навязать свои условия перемирия лидерам ДРВ, а позднее — прокоммунистической Республике Южный Вьетнам (РЮВ), образовавшейся на юге страны в противовес сайгонскому режиму, окончилось неудачей.

В ходе переговоров между воюющими сторонами важным военно-политическим фактором были отношения между Москвой и Вашингтоном.

С одной стороны, СССР помогал ДРВ оружием и боевой техникой, имел возможность проверять новые виды вооружения в ходе боев, получал доступ к новейшим образцам американских вооружений, взятых северовьетнамцами в качестве трофеев. Все это укрепляло связи СССР и ДРВ, что было особенно важным в годы обостренных советско-американских отношений. Интервенция США во Вьетнам восстанавливала мировое общественное мнение против агрессора, а огромные затраты на

войну ослабляли военно-экономический потенциал США. К тому же неудачи американо-сайгонских действий во Вьетнаме ослабляли морально-психологическую стойкость солдат и офицеров США, породили активное антивоенное движение в стране и многочисленные отказы от службы в вооруженных силах США.

Но, с другой стороны, и СССР был заинтересован в скорейшем прекращении войны, так как неудачи США все больше создавали опасность применения ими во Вьетнаме ядерного оружия. А это было чревато мировой ракет-

457

но-ядерной войной, чего не хотела ни одна из сверхдержав, — тут их интересы совпадали.

Правительство США, убедившись уже в первые годы в бесперспективности для его страны дальнейшей эскалации вьетнамской войны, искало выхода из нее. Но необходимо было "сохранить лицо". Вьетнамский народ всеми своими действиями показывал готовность к бескомпромиссной борьбе, не считаясь с потерями, проявлял неколебимую волю к победе, а руководство ДРВ, единственное государственное образование во Вьетнаме (кроме союзника США— сайгонского режима), с которым можно было вести переговоры, не проявляло готовности к ним, требуя, чтобы прежде США прекратили бомбардировки объектов на территории ДРВ.

Тогда-то США и обратились к СССР, чтобы он выступил в качестве посредника и помог воюющим сторонам достичь разумного компромисса. В Вашингтоне полагали, что страна, которая поставляет огромное количество оружия Вьетнаму, имеет реальные рычаги давления на него[51]. Но в Белом доме ошибались: поставляя 75—80 процентов помощи ДРВ, Советский Союз не имел сколько-нибудь значительного политического влияния на руководство ДРВ. Это объяснялось воздействием Пекина на Ханой, которое в тот период, несмотря на серьезное разногласие между КНР и ДРВ, было решающим. И потому СССР, чьи поставки вооружения во Вьетнам во многом зависели от коммуникаций, проходивших через Китай, не имел особого влияния на ДРВ, хотя мог бы и рассчитывать на это.

Тем не менее правительство СССР, понимая угрозу, которую таила в себе война во Вьетнаме, пошло навстречу США. Американские эмиссары (Дж. Фитцжеральд, М. Мэжфильд, А. Гарриман) добивались того, чтобы Москва уговорила Ханой сесть за стол переговоров, а также допустить представителей Красного Креста к американским пленным во Вьетнаме. Этим вопросам была посвящена встреча председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с президентом США Л. Джонсоном в Глассборо (США) в июне 1967 года.

458

Однако только после длительных переговоров советских представителей с государственными деятелями США и ДРВ удалось организовать предварительные американо-вьетнамские встречи, которые состоялись в мае 1968 года, а с января 1969-го начались официальные четырехсторонние (США, РВ, ДРВ, РЮВ)

переговоры по Вьетнаму. Советский Союз на переговорах в Париже все время играл весьма важную роль, хотя не был их участником. Важным итогом переговоров стало соглашение сторон о прекращении войны во Вьетнаме, подписанное 27 января 1973 года. Оно было достигнуто в значительной степени благодаря усилиям Москвы. СССР и США, народ Вьетнама приложили много сил к тому, чтобы положить конец войне в Юго-Восточной Азии, обеспечить мир и стабильность в этом регионе.

Но мир во Вьетнаме был восстановлен только в середине 70-х годов, когда международная обстановке на планете значительно изменилась в сравнении с 60-ми. А тогда втягивание США во вьетнамскую войну, когда, казалось бы, только-только начали улучшаться отношения между Западом и Востоком и появилась надежда на разрядку международной напряженности, нанесло серьезный ущерб стабилизации существования мирового сообщества.

Однако Вьетнам был лишь одним из факторов усиления милитаристского мышления в ту пору. Были и другие. Резко обострились и все более ухудшались отношения между СССР и КНР. Это не сразу поняли за океаном. И вмешательство США во вьетнамскую войну было поддержано на первых порах американским обществом. Считалось, что там, во Вьетнаме, американские парни будут сражаться против сил "мирового коммунизма", поскольку полагали, что за спиной ДРВ стоят СССР и Китай. Но когда выяснилось, что два социалистических гиганта противостоят друг другу, а США, по существу, воюют с маленькой, слаборазвитой страной, да еще и несут большие потери, — американское общество выступило против этой войны.

Официальный Вашингтон основными своими противниками считал СССР и КНР — ведь Китай вот-вот дол-

459

жен был стать ядерной державой — и стремился всеми мерами поддержать и усилить свой статус сильнейшей ядерной державы мира. И хотя карибский кризис показал, что ядерное оружие не может быть "оружием победы", что только компромисс, взаимные уступки, понимание интересов друг друга и глобальных интересов всего человечества являются действенным средством урегулирования конфликтов в наше время, стереотипы "холодной войны" вновь восторжествовали. Америка вновь устремилась в борьбу за сохранение и наращивание своего ядерного превосходства. Советскому Союзу не оставалось ничего другого, как продолжать добиваться военно-стратегического паритета. В результате гонка вооружений получила новый импульс. В 1963—1964 годы в США были введены в строй 4 ракетные базы, на каждой из которых имелось по крылу ракет "Минитмен" (150—200 ракет). Ракеты размещались в бетонированных шахтах глубиной 30 метров рассредоточен но. Время подготовки к пуску составляло 30 секунд. На вооружение поступили тяжелые МБР "Титан-2"[60]. В отличие от МБР первого поколения, которые запускались с поверхности земли, новые ракеты могли взлетать непосредственно из шахт. Полным ходом

велось и строительство атомных подводных лодок с ракетами "Поларис". Ежемесячно на воду спускался один атомный ракетоносец. И если правительство Эйзенхауэра планировало построить 45 атомных ракетоносцев к 1970 году, то теперь программа предусматривала ввести в строй уже к 1964 году 41 лодку[61]. Даже по оценкам специалистов Пентагона, такой ядерный арсенал в пять раз превышал те боезапасы, которые ведомство Макнамары считало достаточными для "гарантированного уничтожения" намеченных на территории СССР объектов. Сам Макнамара признавал, что "с теми силами, которые мы предлагаем поддерживать, мы будем иметь даже излишек ядерной мощи сверх наших потребностей"[62].

Пересмотр стратегии "первого удара" сказался и на планах применения ракет средней дальности с передовых баз, прежде всего в Западной Европе. Устаревшие громоз-

дкие ракеты "Тор" и "Юпитер", развернутые на открытых, незащищенных позициях, требовавшие длительной подготовки к пуску, были сняты с вооружения в 1963 году и выведены из европейских стран, где они были развернуты. Их должны были заменить патрулировавшие в прибрежных акваториях Европы атомные подводные лодки с ракетами средней дальности "Поларис". В отличие от МБР, полет которых до объектов поражения занимал около 30 минут, "Поларисы", запускаемые с более близких к Советскому Союзу расстояний, могли быстрее достичь его территории и поразить намеченные цели. «После 1963 года, когда Соединенные Штаты обдуманно убрали с континента свои ракеты "Тор" и "Юпитер", НАТО не стало развертывать каких-либо ракет промежуточной дальности, — писала в 1983 году газета "Нью-Йорк таймс". — НАТО полагалось на межконтинентальные ракеты, развернутые в Северной Америке, на подводные лодки-ракетоносцы в европейских водах, на целый ряд самолетов, способных обрушить ядерное оружие на Советский Союз из Западной Европы, а также на французские и английские ядерные силы»[63].

Упоминание о французских и английских ядерных силах здесь не случайно. В начале 60-х годов Англия и Франция уже имели свое собственное ядерное оружие. Англия, впервые испытав в 1957 году на острове Рождества водородную бомбу и увидев в "ядерном факторе" основу могущества своих вооруженных сил, построила и уже к 1963 году приняла на вооружение 180 реактивных стратегических бомбардировщиков типа "Вулкан" и "Виктор" (дальность действия соответственно 9000 и 11 000 км), вооруженных ядерными бомбами и крылатыми ракетами "Блю Стал" для поражения наземных целей (дальность 160 километров). Франция, начав с 1955 года самостоятельное создание ядерного оружия, в 1960 году испытала в Сахаре атомную бомбу и сформировала затем "французские национальные ударные силы" в виде стратегических бомбардировщиков "Мираж IV", способных нести атомное "оружие (к 1968 году — 62 бомбардировщика).

В дальнейшем Франция планировала оснастить свою стратегическую авиацию ракетами собственного производства и построить 5 атомных подводных лодок, вооруженных ракетами "Поларис", Первая лодка — "Ла Редутабль" — была спущена на воду 6 1967 году.

Для увеличения размаха военных приготовлений США и их союзники по НАТО создавали психологическую обстановку для все новых рывков в производстве и совершенствовании оружия, заявляя, будто Советский Союз лидирует в гонке вооружений. Это была фальсификация, которую позднее признали крупнейшие американские ученые и политики. Так, Г. Йорк в книге "Гонка к забвению" (1971) писал:

«Мы снова и снова предпринимали односторонние действия, которые без необходимости ускоряли гонку вооружений... Я разделяю ответственность за некоторые из них и знаю детальные подробности... Наши односторонние решения определяют темпы и масштабы большинства конкретных шагов в гонке стратегических вооружений. Во многих случаях мы начали разработки раньше, чем русские, и легко достигали крупных и долговременных преимуществ по числу развернутых видов вооружений»[64].

Участник американских ядерных программ известный американский ученый Дж. Кистяковский констатировал: "Я убедился, что гонку вооружений подстегивают США, а не СССР"[65].

Эту истину правители США и других стран сознавали и в 60-е годы. Однако даже имевшееся у них превосходство в силах и средствах ядерной войны не стало сдерживающим фактором в гонке вооружений, продолженной странами Североатлантического блока. Наоборот, она продолжалась с нарастающей силой. С 1962 по 1965 год государства НАТО увеличили свои военные бюджеты в среднем на 30 процентов[66]. Лидирующую роль играли США, чей военный бюджет рос с каждым годом. Если в 1964/65 финансовом году военные расходы США составили 51,9 миллиарда долларов, то в 1967/68-м они возросли до 76,5, а в следующем году— до 79,8 миллиарда

долларов. Все больше разрастался военно-промышленный комплекс. Количество только первичных фирм-подрядчиков Пентагона достигло почти 20 тысяч корпораций, а с учетом субподрядчиков — около 45—60 тысяч. Целые отрасли промышленности ориентировались исключительно на обслуживание вооруженных сил США. На военные нужды шло 80 процентов продукции авиапромышленности, 60 процентов судостроения, 35 процентов электротехники. Ряд крупнейших фирм теснейшим образом был связан с военными заказами. Так, например, 97 процентов продукции фирмы "Тиокол" шло на производство ракетного топлива, 57 процентов — "Юнайтед Эркрафт" и т. д.[67].

В результате объединенных усилий американского военно-промышленного комплекса и Пентагона был создан огромный арсенал стратегических средств нападения. США в 1967 году

завершили создание стратегической триады. В нее входили 1054 пусковые установки МБР "Минитмен-1", "Минитмен-2", "Титан-2", 656 ракет "Поларис А-2" и "Поларис А-3" на 41 атомной подводной лодке, а также 615 тяжелых бомбардировщиков В-52, вооруженных сверхзвуковой крылатой ракетой "Хаунд Дог", и средних бомбардировщиков В-58. Общее число стратегических носителей составляло 2325. А в СССР тогда всех носителей ядерного оружия было немногим более 600, в том числе только 2 атомные подводные лодки (32 пусковые установки)[68].

Все это позволило новому министру обороны США Клиффорду в 1968 году заявить: "Мы имеем сегодня значительное военное превосходство над Советским Союзом, и я сделаю все, что в моих силах, для поддержания такого превосходства в дальнейшем"[69]. Главное место в новом витке гонки вооружений занимали программы дальнейшего совершенствования ракетных комплексов.

В это время, в середине 60-х годов, внимание руководства США привлекли новые военные программы — баллистические ракеты с разделяющимися головными частями, оснащенные головками индивидуального наведения на цели, и система противоракетной обороны.

463

Потрясенное в конце 50-х годов появлением в СССР ракетно-ядерного оружия, лишившего США неуязвимости, военное ведомство США жаждало нового супероружия, такого, которого не имел Советский Союз. Эту задачу намеревались решить за счет технологического рывка вперед, с тем чтобы сохранить и увеличить перевес в стратегических вооружениях и оторваться на возможно большую дистанцию от соперника. Разработкой многозарядных головных частей ракет, которые СССР тогда не имел, американские стратеги надеялись значительно повысить возможности США по поражению объектов на территории СССР, число которых в планах Пентагона все время увеличивалось. Еще в августе 1968 года были впервые испытаны межконтинентальные баллистические ракеты "Ми-нитмен-3" и морские — "Посейдон". Последние предназначались на смену "поларисам". Эти типы ракет были оснащены боеголовками МИРВ (многозарядные разделяющиеся головные части индивидуального наведения) — каждая ракета могла поражать от 3 ("Минитмен-3) до 10—14 ("Посейдон") различных целей.

Одновременно, чтобы повысить недосягаемость территории США для ответного ракетного удара, разрабатывался и второй компонент "чудо-оружия" — система противоракетной обороны (ПРО).

С 50-х годов научно-исследовательские организации армии США вели работы над системой ПРО "Найк— Зевс" (1959—1963). Однако в ходе разработки выявились крупные недостатки этой системы. Главный ее недостаток состоял в том, что ракета-перехватчик "Зевс" обладала недостаточной скоростью (в четыре раза меньшей, чем МБР). Она должна была запускаться заблаговременно, и перехват совершался высоко над атмосферой. Поэтому американская ПРО могла быть преодолена

с помощью сравнительно простых средств прорыва. Вторым недостатком ее являлось то, что радиолокаторы обнаружения, слежения и распознавания у системы имели механически вращающиеся антенны. Они не позволяли следить одновременно за многими целями и могли быть "перегружены" массированной ракетной атакой.
464

Поэтому в 1963—1965 годы была создана усовершенствованная ракетная система "Найк — Икс". В отличие от "Найк — Зевс" новый вариант противоракетной обороны включал в проекте иной тип радиолокаторов — с фазированной решеткой. В них направление луча задавалось не механическим вращением антенны, а изменением электромагнитного поля, что позволяло следить одновременно за большим количеством целей. Для перехвата головных частей в плотных слоях атмосферы разрабатывалась меньшая по размеру противоракета с повышенным начальным ускорением — "Спринт". Взрыв ее ядерной боеголовки мощностью около 10 килотонн должен был поражать МБР на высоте 40 километров ударной волной и нейтронной радиацией. Для дальнего, надатмосферного перехвата предназначалась противоракета "Спартан" — модификация "Зевса" — с мощностью боеголовки до 10 мегатонн, которая могла вывести из строя наступательную ракету противника рентгеновским и тепловым излучением на расстоянии до 10 километров от эпицентра. Однако ахиллесовой пятой создаваемой системы ПРО оставались радиолокаторы, которые могли быть выведены из строя или "ослеплены" надатмосферными ядерными взрывами[70].

Интерес к ПРО и ракетным системам с разделяющимися головными частями (РГЧ) возрос еще и потому, что непосредственно касался многомиллиардных заказов таких крупнейших военных монополий, как "Интернейшнл телефон энд телеграф", "Уэстерн электрик", "Локхид", "Мартин Мариэтта", "Дженерал электрик" и "Боинг". Конгресс в своем большинстве поддерживал программы вооруженных сил, и в первую очередь "Найк — Икс", поскольку о разработке многозарядных головных частей был осведомлен еще очень узкий круг людей. Многие деятели Капитолия вели активную кампанию за выделение ассигнований на закупку ПРО. Они считали "Найк — Икс" необходимой для поддержания "ядерного превосходства" США, а также потому, что Пентагон уверял в ее способности прикрыть города в случае ядерной войны и значительно снизить ущерб для Соединенных Штатов.
465

Вопрос этот в середине 60-х годов был поставлен на практическую основу. Военному ведомству были предоставлены проекты различных вариантов систем противоракетной обороны страны. В их число входили и:

"тонкая" защита населенных центров ("защита района или территории") от случайного или малочисленного ракетного удара, состоящая из 2 тысяч противоракет общей проектной стоимостью до 10 миллиардов долларов;

"плотная" защита территории от массированного ракетного удара из 4 тысяч противоракет общей стоимостью 20 миллиардов долларов;

"защита объекта" ("точечная защита"), то есть прикрытие стартовых комплексов МБР, значительно менее сложная и дорогостоящая[71].

В конце 60-х годов, когда развернулись работы по созданию ракет с разделяющимися головными частями "Минитмен-3" и "Посейдон", началось и строительство системы противоракетной обороны "Сентинел" (так с ноября 1967 года стала называться "Найк — Икс"). Новая система ПРО в составе 12 комплексов должна была иметь 600—1000 противоракет[72]. Это были попытки начать создание противоракетной обороны территории США. Однако в начале 1969 года развертывание системы "Сентинел" было приостановлено. Название системы было изменено на "Сейфгард", а вместо развертывания ПРО для прикрытия территории было намечено в первой фазе программы построить противоракетную оборону для защиты части ракетных сил США от советского ядерного удара по американским стартовым комплексам МБР.

"Сейфгард" предназначался уже не для защиты населенных пунктов от ответного удара потенциального противника, а для уменьшения уязвимости ракет "Минитмен", то есть для повышения возможностей американского потенциала ракетно-ядерного "удара возмездия". Для этого комплексы ПРО предполагалось переместить с позиций вокруг американских городов к стартовым позициям межконтинентальных ракет "Минитмен". На первой фазе планировалось развернуть 2 комплекса ПРО (из 12,

намеченных к строительству) для прикрытия баз МБР (Монтана) и Гранд-Форкс (Северная Дакота). Вторая фаза программы предусматривала расширение противоракетной обороны на другие базы МБР, а в дальнейшем — и на города США. Таким образом, упор делался не на защиту гражданского населения, как декларировалось раньше, а на повышение неуязвимости ракетных баз — наступательного оружия. Но парадокс заключался в том, что основные технические компоненты системы "Сейфгард" остались такими же, как и у системы "Сентинел", хотя требования к ПРО защищаемых малоразмерных объектов, какими являлись шахты МБР, были совершенно иными[73].

Так, несмотря на суровые уроки начала десятилетия (карибский кризис), несмотря на то, что многие в США сознавали, что гонку вооружений подстегивает не СССР, а США, несмотря на выявившиеся возможности к смягчению международной напряженности (Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, Космосе и под водой 1963 года, Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 года и т. п.), США предпочли продлить безумную гонку вооружений, уповая новыми видами супероружия удержать военное превосходство.

В этих условиях, поставленный перед фактом бурного наращивания военной мощи США, Советский Союз был вынужден укреплять свою обороноспособность, чтобы ликвидировать американское стратегическое преимущество. Это была необходимая ответная мера на растущую угрозу из-за океана. Закономерность и справедливость такого ответа признавали многие авторитетные американские ученые и политические деятели. "Никто не ожидал, — писал профессор Принстонского университета Стивен Коэн, — что Советский Союз навсегда смирится со своим отставанием в военной области, которое наблюдалось в 60-е годы; неизбежная ликвидация этого отставания всегда была основной предпосылкой и необходимой потребностью разрядки". Сайрус Вэнс, бывший государственный секретарь США, отмечал: "Было неизбежно, что Советский Союз создаст потенциал, пример-

467

но равный нашему потенциалу". Весьма замечательным откровением являются воспоминания Роберта Макнамары о военно-стратегической ситуации 60-х годов: "Если бы я был советским министром обороны, я был бы чертовски озабочен неравенством сил. И меня бы тревожило то, что Соединенные Штаты стараются создать потенциал первого удара". При этом он ссылается на доклад командования ВВС США 1962 года. В документе говорилось: "Военно-воздушные силы поддерживают такое наращивание сил, которое обеспечит Соединенным Штатам возможность нанести первый удар". "Если военно-воздушные силы думали так, — подчеркивал Макнамара, — представьте себе, что же думали Советы? Какую же их реакцию вы ожидали бы? Они прореагировали так: существенно расширили свою программу стратегических ядерных вооружений... Итак, вы получили феномен: действие — противодействие"[74].

Действительно, вся история послевоенной гонки вооружений свидетельствует о том, что в ней в первые послевоенные годы лидировали США. Об этом наглядно свидетельствует высказывание ветерана американской дипломатии Дж. Кеннана:

«Давайте не будем наводить тень на ясный день, сваливая всю ответственность на наших противников. Мы должны помнить, что именно мы, американцы, на каждом повороте пути были инициаторами дальнейшей разработки подобного (ядерного. — *А. О.) оружия. Мы первые создали и провели испытания такого устройства, мы повысили степень его разрушительности, создав водородную бомбу, мы первые создали многозарядную боеголовку, мы отклоняли всякие предложения отказаться в принципе от применения ядерного оружия первыми, и мы одни — да простит нам Бог — употребили это оружие против других людей, против десятков тысяч беззащитных мирных граждан»*[75].

СССР до 70-х годов вел все время "гонку за лидером". В течение всего послевоенного периода советская страна выступала с конкретными предложениями по сокращению вооружений, но, вынуждаемая к ответным мерам,

как правило, находила адекватные решения американскому вызову. Это было нелегко, но диктовалось суровой необходимостью. В результате в начале 70-х годов в соотношении стратегических вооружений США и СССР был достигнут паритет. Это признали и на Западе. В сентябре 1970 года лондонский Международный институт стратегических исследований оповестил: СССР приближается к ядерному паритету с США. 25 февраля 1971 года американцы услышали по радио обращение президента Р. Никсона: "Сегодня ни Соединенные Штаты, ни Советский Союз не имеют четкого ядерного преимущества"[76].

В октябре того же года, готовясь к советско-американской встрече на высшем уровне, он заявил на пресс-конференции:

«Если будет новая мировая война, если будет война между сверхмощными державами, то никто не выиграет. Я думаю, что мы можем признать также, что ни одна крупная держава не может получить решающего преимущества над другой... Именно по этой причине сейчас настал момент урегулировать наши разногласия, урегулировать их с учетом наших расхождений во мнениях, признавая, что они все еще очень глубоки, признавая, однако, что в настоящий момент никакой альтернативы переговорам не существует»[71].

Уже будучи в Москве в мае 1972-го, Никсон подчеркивал, что "в ядерный век... не существует такого понятия, как безопасность, обеспеченная преобладанием силы"[78]

Примечания

[1] *Gaddis J.* We now know. N.Y., 1997. P. 244.
[2] *См.:Орлов А. С.* В поисках "абсолютного" оружия. М., 1989. С. 182.
[3] *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. М., 1980. G. 21.
469
[4] Inquary Magazine. 1981. April 13. P. 15.
[5] См.: *Орлов А. С.* Эскалация вооружений— путь в тупик // Советская внешняя политика в годы "холодной войны" (1945— 1985): Новое прочтение. М., 1995. С. 484, 487.
[6] *Kissinger H.* The Necessity For Choice. London, 1961. P. 27.
[7] *УоскоуА.* Пределы обороны. М., 1964. С. 48—49.
[8] Nuclear Armament. An Interview with Daniel Ellsberg. N.Y., 1980. P. 1.
[9] Цит по: Комсомольская правда. 1989. Павг.
[10] Российский центр хранения современной документации (РЦХСД). Ф. 89, оп. 2, д. 2, л. 2.
[11] Там же. Л. 3.
[12] Там же.
[13] Там же. Ф. 5, оп. 49, ед. хр. 82, л. 585.
[14] Там же. Л. 586.
[15] Там же. Ф. 5, оп. 49, ед. хр. 184.
[16] Там же.
[17] См.: Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1995). М., 1995. С. 422.
[18] Цит. по: *Хрущев С. Н.* Никита Хрущев: кризисы и ракеты. Т. 2. М., 1994. С. 134.
[19] Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 27.
[20] *Громыко А. А.* О гласности теперь и скрытности тогда // Известия. 1989. 15 апр.
[21] См.: *Хрущев С.* Я. Указ. соч. Т. 2. С. 177, 181.
[22] *Добрынин А.* Сугубо доверительно. М., 1997. С. 59.
[23] Там же. С. 60.

[24] Там же.
[25] См.: *Хрущев* С *Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 187.
[26] См. там же. С. 236.
[27] См.: Хроника основных событий истории Ракетных войск стратегического назначения. М., 1994. С. 269.
[28] См. там же. С. 270.
[29] См.: Военные конфликты: предотвращение и урегулирование в политике СССР (1945—1991 гг.). М., 1996. С. 152; Хроника основных событий истории ракетных войск стратегического назначения. С. 271.
[30] The Cuban Crisis of 1962: Selected documents and chronology. Boston, 1963. P. 43, 45.
470
[31] The Cuban Crisis of 1962: Selected documents and chronology. Boston, 1963. P. 19.
[32] CINCLANT Historical Account of Cuban Crisis. Norfolk, 1963. P. 2, 39-40.
[33] Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Референтура по Кубе. Оп. 17, д. 6г, л. 35.
[34] Цит. по: Известия. 1987. 22 окт.
[35] См.: Правда. 1962. 11 сент.
[36] *Хрущев С. Н.* Указ. соч. С. 254.
[37] Известия. 1989.15 апр.
[38] Там же.
[39] См. там же.
[40] См.: Хроника основных событий истории Ракетных войск стратегического назначения. С. 276.
[41] См.: Военные конфликты: предотвращение и урегулирование в политике СССР (1945-1991 гг.). М., 1996. С. 154.
[42] См.: Красная звезда. 1986. 28 сент.
[43] Цит. по: *Добрынин А.* Указ. соч. С. 65.
[44] См. там же. С. 69.
[45] *Хрущев С. К* Указ. соч. С. 289, 292.
[46] См.: *Добрынин А.* Указ. соч. С. 71.
[47] См.: Коммерсант 1999. 10 апр.
[48] См.: *Добрынин А* Указ. соч. С. 72.
[49] Там же. С. 74.
[50] *ХрущевС. Н.* Указ. соч. С. 331.
[51] Цит. ПО: Красная звезда. 1993. 13 мая.
[52] Геополитика и безопасность. 1994. № 2. С. 27.
[53] Там же.
[54] См.: Советская внешняя политика С. 298. [ss] См.: *Добрынин А* Указ. соч. С. 76.
[56] См.: Советская внешняя политика С. 298. [эт] Цит. по: Правда. 1989. И февраля.
[58] *RasselB.* Unarmed Victory. Hardmondsworth, 1963. P. 47.
[59] Центр хранения современной документации (ЦХСД). Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 178-179.
[60] См.: *Арбатов А. Г.* Безопасность в ядерный век и политика Вашингтона. М., 1980. С. 36.
[61] См.: *Трофименко Г. А* Стратегия глобальной войны. М., 1968. С. 145.
471
[62] Цит. по: *Арбатов А. Г.* Указ. соч. С. 34. [в] Цит. по: Правда. 1983. 26 окт.
[64] *York H.* Race to Oblition. A Participant View of the Arms Race. N.Y., 1971. P. 230.
[65] Цит. по: Правда. 1983. 2янв.
[66] См.: *Трофименко Г. А.* Указ. соч. С. 272.
[67] См.: *Мильштейн В.* ВПК и внешняя политика США. М., 1975. С. 11,54.
[68] См.: Откуда исходит угроза миру. М., 1982. С. 8, 34.
[69] *Newhouse J.* The Cold Dawn, N. Y., 1973. P. 134.
[70] См. *Арбатов А. Г.* Указ соч. С. 49.
[71] См. *Арбатов А. Г.* Указ соч. С. 50.
[72] См.тамже. С. 119.
[73] Там же. С. 119-120; СВЭ. Т. 7. 1979. С. 313.

[74] Цит. по: Правда 1983. 30 мая.

[п] Цит по: Откуда исходит угроза миру. М., 1987. С. 12.

[76] Правда. 1983. 30 мая.

[77] The New York Times. 1971. 13 October.

[78] Правда. 1983. 30 мая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Признание реальных опасностей в ядерный век привело лидеров сверхдержав в начале 70-х годов к пересмотру своей политики, к повороту от "холодной войны" к разрядке, к сотрудничеству государств с различным социальным строем. Успехи миролюбивой политики были завоеваны в острой борьбе, которую вели все прогрессивные силы человечества с момента окончания 2-й мировой войны.

Военно-стратегический паритет между США и СССР стал достаточно надежной гарантией мира.

Стратегическое равновесие в условиях высокого уровня ядерных потенциалов обеих сторон создавало гарантированную возможность для любой из них, если бы она стала жертвой ядерной агрессии, сохранить достаточно средств для того, чтобы нанести ответный удар, способный уничтожить агрессора. Такое положение означало, что при развязывании агрессором ядерной войны в ней не может быть победителя и ядерная агрессия равносильна самоубийству. В то же время стратегическое равенство создавало определенные объективные стимулы для прекращения гонки вооружений, сокращения и ликвидации ядерного оружия. Оно открывало возможность при наличии доброй воли с обеих сторон постепенно понижать уровень

ядерного противостояния при постоянном сохранении равенства — при строгом соблюдении принципа равенства и одинаковой безопасности. Наконец, стратегическое равенство являлось важной предпосылкой стабильности международной обстановки, ослабления политической конфронтации.

Таким образом, равенство стратегических сил сторон становилось, как казалось, залогом мира. Внешне все выглядело так, что как будто бы СССР и США уравняли свои силы в области средств воздушно-космического нападения и противоракетной обороны. Но количественное равенство еще не означало равновесия. Отсутствовало равенство возможностей. США и их союзники обладали односторонними преимуществами в военно-экономическом и технологическом потенциале перед СССР и странами ОВД.

Дело в том, что Советский Союз все больше утрачивал динамизм в экономике. "На протяжении практически четырех пятилеток,— отмечалось на февральском (1988 года) пленуме ЦК КПСС, — мы не имели увеличения абсолютного прироста национального дохода"[1]. Возможность закупок передовых технологий в странах Запада для производства продукции, отвечающей по качеству мировым стандартам (кроме ВПК), не была реализована. Но все это сказалось потом, в 80-е годы, а тогда, в Начале 70-х, достигнутый военно-стратегический

паритет был великим завоеванием Советского Союза. Это незамедлительно сказалось и на военно-политической обстановке в мире.

Именно в эти годы окрепли и получили дальнейшее развитие отношения стран социалистического содружества с крупнейшими государствами Западной Европы: Англией, Францией, ФРГ, Италией и другими капиталистическими государствами. В августе 1970 года был заключен советско-западногерманский договор, по которому стороны приняли на себя обязательства соблюдать территориальную целостность всех государств в Европе, разрешать свои споры мирными средствами, воз-

474

держиваться от угрозы силой и ее применения. Была принята в ООН ГДР. Ее договор с ФРГ (1971) подтвердил нерушимость западных границ ГДР. Польша и Чехословакия подписали договоры с ФРГ (Польша— в 1970 году, ЧССР — в 1973 году). В сентябре 1971 года было подписано четырехстороннее (СССР, США, Англия и Франция) соглашение по Западному Берлину. Начались переговоры об ограничении стратегических вооружений, об ограничении ядерных вооружений в Европе, о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

В результате переговоров между СССР и США об ограничении стратегических вооружений (ОСВ), начавшихся в ноябре 1969 года, в Москве в мае 1972-го были подписаны два важных соглашения между СССР и США: Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (в мировой прессе это соглашение получило сокращенное наименование — ОСВ-1).

По Договору об ограничении систем ПРО, который носит бессрочный характер, Советский Союз и Соединенные Штаты приняли ряд обязательств исходя из объективной взаимосвязи между оборонительными и наступательными стратегическими вооружениями.

Подписывая Договор, обе стороны отмечали, что "эффективные меры по ограничению систем противоракетной обороны явились бы существенным фактором в деле сдерживания гонки стратегических наступательных вооружений и привели бы к уменьшению опасности возникновения войны с применением ядерного оружия".

Системой ПРО, как это определяется Договором, является система для борьбы со стратегическими баллистическими ракетами или их элементами на траекториях полета, состоящая в настоящее время из противоракет, пусковых установок противоракет и радиолокационных станций ПРО (РЛС ПРО).

475

К перечисленным компонентам системы ПРО относятся находящиеся в боевом состоянии, в стадии строительства, испытаний, капитального или текущего ремонта либо

переоборудования, в консервации.

Статья I фиксирует обязательство сторон "не развертывать системы ПРО территории своей страны и не создавать основу для такой обороны".

Каждой из сторон разрешалось (статья III) размещать системы ПРО лишь в двух районах:

а) в пределах одного района радиусом 150 километров с центром, находящимся в столице данной стороны;

б) в пределах одного района радиусом 150 километров, в котором расположены шахтные пусковые установки межконтинентальных баллистических ракет (МБР).

В каждом районе предусматривается ограниченное число компонентов систем ПРО (противоракет, пусковых установок противоракет и радиолокационных станций ПРО). В одном районе разрешается каждой из сторон иметь не более 100 противоракет. В 1974 году СССР и США подписали протокол к Договору, согласно которому количество районов размещения систем ПРО каждой стороны сокращалось до одного.

Согласно статье V, стороны обязуются "не создавать, не испытывать и не развертывать системы или компоненты ПРО морского, воздушного, космического или мобильно-наземного базирования".

СССР и США обязались не передавать другим государствам и не размещать вне своей национальной территории системы ПРО или их компоненты, ограниченные Договором (статья IX). Выполнение договорных обязательств должно контролироваться национальными техническими средствами, с соблюдением общепризнанных норм международного права.

Важно отметить и то, что в статье XI содержится обязательство СССР и США "продолжить активные переговоры об ограничении стратегических вооружений, а статья XIII предусматривает, что стороны должны "рассматривать по мере необходимости возможные предложения

по дальнейшему повышению жизнеспособности настоящего Договора..." Бессрочный советско-американский Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО), подписанный 26 мая 1972 года, вступил в силу 3 октября того же года.

Другое соглашение (ОСВ-1), заключенное сроком на 5 лет, накладывало определенные количественные и качественные ограничения на стационарные пусковые установки межконтинентальных баллистических ракет (МБР), пусковые установки баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ) и сами подводные лодки с баллистическими ракетами.

Однако широкое признание в международном масштабе принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем вызывало все большее противодействие со стороны определенных сил в США. Стратегический паритет с Советским Союзом не устраивал некоторые политические и военные круги США. "Американцы, — писал известный журналист Дж. Чейс, — всегда вели поиски неуязвимости.

Американские лидеры — либо с помощью доктрин... либо с помощью военных систем, либо просто полагаясь на географию, — без устали прилагали усилия с целью достичь такого уровня безопасности, который был бы абсолютным"[2].

Когда военно-стратегический паритет стал фактом, он был расценен в Вашингтоне безусловно как примерное равенство по количественным параметрам. Но какое складывалось примерное равенство по количеству средств доставки ядерных боеприпасов к объектам удара, а также по сухопутным силам в Европе? Если страны ОВД имели превосходство в танках, то страны НАТО имели перевес в противотанковых средствах и в авиации. Обе стороны могли нанести друг другу "неприемлемый ущерб" в случае ядерной войны. Наступило "равенство страха" на основе взаимного гарантированного уничтожения. Но такое равенство еще не означало равенства возможностей. И это еще скажется в будущем. Однако тогда, в начале 70-х, это было весомым достижением Советского Союза. Он стал

полноценной сверхдержавой, а ракетно-ядерное оружие из "оружия победы" в войне ядерных держав превратилось в политическое оружие особого рода — оружие сдерживания глобальной ядерной катастрофы.

Это была всемирно-историческая победа советского оружия, советской военно-технической мысли, советской политики в XX веке. Если Советский Союз сыграл решающую роль в разгроме фашизма во 2-й мировой войне, то, достигнув военно-стратегического паритета с США, он внес решающий вклад в создание обстановки равной безопасности сторон в сложившемся биполярном мире. Начался процесс диалога между сверхдержавами и их союзниками по контролю над вооружениями, их ограничению, а в дальнейшем — и сокращению.

Примечания

[1] Постановление Пленума ЦК КПСС. М., 1988. С. 26.

[2] Цит. по: *Орлов А. С.* Ракетное оружие в политике и стратегии стран Запада (1943-1991). М., 1992. С. 38.

Содержание

От автора... 5
Глава I
АЛАМОГОРДО - МОЛДАРЫ:
ВЕХИ ЯДЕРНОЙ ЭРЫ..8
1. Задание № 13...9
2. Лаборатория № 2..27
3. Учебный полигон № 2..43
4. Наука или разведка?..64
Глава II
США- СССР: ВОЗДУШНЫЙ БЛИЦКРИГ

И ТАНКОВЫЙ МАРШ..97
1. "Блицкриг" воздушно-атомный............................102
2. "Танковый марш Советов"...................................136
Глава III
КОРЕЯ: ПРОБА СИЛ..174
1. Север и Юг: кто первый?......................................176
2. Советские летчики в небе Северной Кореи..........190
3. "Аллея мигов"..206
Глава IV
СССР: АСИММЕТРИЧНЫЙ ОТВЕТ..........................250
1. Стратегия "массированного возмездия"................250
2. Ракеты выходят на авансцену................................269
3. 1956-й — год кризисов...275
4. СССР: прорыв в Космос.......................................309
Глава V
США: ПРОНИКНУТЬ
ЗА "ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС".................................339
1. Пентагон: секреты электронной войны................340
2. ЦРУ: что там, за Уралом?......................................368
Глава VI
БЕГ К АРМАГЕДДОНУ..408
1. Испытание на прочность: Берлин и Куба............409
2. У порога ядерной войны..432
3. От устрашения — к сдерживанию.........................455
Заключение...473

Орлов А. С.
О 66 Тайная битва сверхдержав. — М.: Вече, 2000. —
480 с, илл. (16 с.)
(Военные тайны XX века)
ISBN 5-7838-0695-1

"Холодная война" между СССР и США до сих пор скрывает множество тайн и загадок. Известный историк А. С. Орлов в своей новой книге приоткрывает эту таинственную завесу, обращаясь к самым интригующим сторонам противоборства великих сверхдержав: ядерная гонка вооружений, шпионаж, участие в локальных конфликтах, Карибский" кризис и т. д. Книга адресована массовому читателю.

Александр Семенович ОРЛОВ
ТАЙНАЯ БИТВА СВЕРХДЕРЖАВ

Генеральный директор *Л. Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В. П. Еленский*
Главный редактор *С. Н. Дмитриев*
Редактор *С. В. Аракелов*
Корректор *С. И. Смирнова*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — «Вече-графика»
О. Г. Фирсов Компьютерная верстка *Г. Н. Фадеев*
ЛР № 064614 от 03.06.96
Издательство «Вече», 129348 Москва, ул. Красной сосны, 24. Наши электронные адреса:
WWW.VECHE.RU
E-mail: veche@mail.sitek.net
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры Гигиенический сертификат №
77.ЦС.01.952.П.01757.Т.98 от 07.09.98

Подписано в печать 14.06.2000. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 15.
Тираж 10 000 экз. Заказ 1962.
Отпечатано в Тульской типографии. 300600, г. Тула, пр. Ленина 109.

ВОЕННЫЕ ТАЙНЫ XX
ВЕКА

Почему появление в СССР атомной бомбы оказалось совершенно неожиданным для правящих кругов США? Как создавалось атомное оружие в СССР? Что сыграло главную роль в этом процессе: наука или разведка? Почему Соединенные Штаты, имевшие атомные бомбы и стратегические бомбардировщики, не рискнули нанести удар по СССР, хотя были разработаны планы "воздушно-атомного блицкрига"? Как советские летчики зенитчики попали на войну в Корее? Разгадала ли разведка США ракетные секреты Хрущева? Что породило карибский кризис, поставивший мир на грань ядерной катастрофы? Ответы на эти и другие вопросы являются содержанием предлагаемой читателю книги.